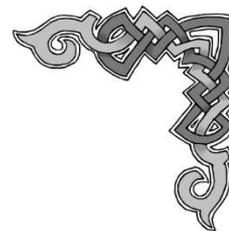

ООО «Наука и образование»

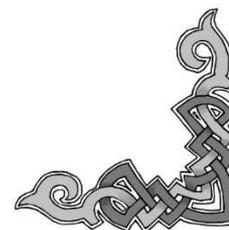
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

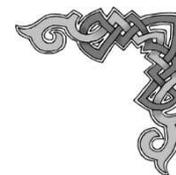

**№ 2
2021**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2021, № 2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28
тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

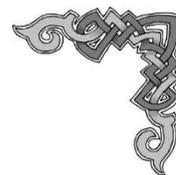
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

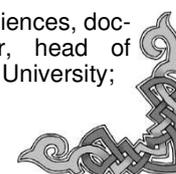
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovlov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риза.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Осипов О.Г. Структура занятых и безработных на российском рынке труда	15
Боднарук И.И. Социальная память: проблематика определения понятия в контексте подходов Я. Ассмана и А. Ассман	21
Воронцов С.А., Понеделков А.В., Попов М.Ю. К дискуссии об актуальных проблемах противодействия коррупции в современной России (по материалам Круглого стола 9 декабря 2020 г.)	27
Жаде З.А. Власть и общество перед вызовом пандемии COVID-19	32
Касьянов В.В., Беликова Н.Ю., Гафиатулина Н.Х. Язык катастрофы: влияние пандемии COVID-19 на социально-культурную коммуникацию	38
Кумпилов Т.М. Особенности внутреннего и внешнего имиджа Республики Адыгея в социальных медиа (по результатам прикладного исследования)	43
Лежебоков А.А., Паслер О.В., Баштовая А.В. Удовлетворенность населения Ставропольского края качеством и доступностью услуг в сфере здравоохранения	48
Накенова А.А., Аль-шавабке Л.Д., Кочербаева А.А. Социально-экономические и правовые основы стоматологической помощи в Кыргызской республике	54
Передерий В.А., Литвинова А.В. Образовательные практики системы высшего образования в контексте реализации устойчивого развития в период пандемии	59
Тужба Э.Н., Чунихина Т.Н. Античная сексуальность в концепции М. Фуко	63
Чунихина Т.Н., Тужба Э.Н. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации	67
Урумов А.В., Афаунов А.З., Чхвимиани Э.Ж. Социальное восприятие судебной и правоохранительной систем как фактор правопорядка в обществе	71

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абдулвалиев А.Ф., Каземов В.В. Социальные факторы как признаки состава преступления, предусмотренного статьёй 106 Уголовного кодекса Российской Федерации	77
Афаунов А.З., Чхвимиани Э.Ж., Татлок А.К. Деятельность органов правопорядка как фактор формирования правосознания в гражданской среде	81
Ашин А.А., Михайлов А.Е., Рябчиков В.В. Международно-правовой механизм профилактики незаконного оборота наркотиков: на примере ООН	85
Барашева Е.В., Пьянкова А.А., Степаненко А.С. Правовое регулирование механизма регистрации и применения электронно-цифровой подписи при совершении сделок	89
Бордакова А.Г. Пределы интерпретации норм-изъятий	92

Васильева М.А. Типовая криминалистическая характеристика лиц, совершающих экологические преступления	96
Веренич И.В., Кустов А.М. Первоначальный этап расследования массовых беспорядков. Преодоление противодействия расследованию преступлений	99
Вишневецкий К.В. Общественные самоуправления как инструмент девиктимизации общества (зарубежный опыт)	105
Гайдарева И.Н. Проблемы профилактики административных правонарушений в области дорожного движения в Российской Федерации	110
Груздев В.С. Является ли философия прагматизма основой американского правового реализма?	114
Жаде З.А., Мамишева З.А., Беликов А.В. Либертарно-юридическая концепция права в системе современных подходов к пониманию права	118
Жукова Ю.В. Практика применения наказания за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию	123
Звонов А.В., Савин А.А., Мешков Д.Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в российском уголовном праве: их понятие и значение	129
Игнатов А.Н. Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Часть 1: доиндустриальный период	132
Изохов Е.Е., Рахимов Р.И., Сизова А.С. Изменение правового статуса Конституционного суда РФ в рамках реализации поправки в Конституцию Российской Федерации: актуальные проблемы и перспективы развития	137
Леонтьев М.И., Левушкин А.Н. Особенности заключения договора аренды недвижимости, относящейся к публичной собственности	142
Михайлов А.Е., Семенов С.А., Тараканов И.А. Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков в учреждениях УИС: состояние и тенденции	144
Мотин А.В. Соотношение преступлений и проступков против личности как проблема межотраслевой дифференциации ответственности	147
Пермяков М.В., Банных С.Г., Сарапульцева А.В. Качество правовых актов, возникающих в деятельности Следственного комитета РФ	156
Прошин В.М. Возможные направления развития криминалистики	159
Радченко К.Н., Зыков Д.А. Исторические аспекты, связанные с борьбой с хулиганством в России	163
Симонова Т.А. Проблемы борьбы с коррупционными правонарушениями в органах внутренних дел Российской Федерации	167
Смирнов А.М. Вопросы предоставления осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи и пути их решения	171
Смирнов А.М. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности за присвоение полномочий лица, осуществляющего правосудие	173
Смирнов А.М. К вопросу о юридическом диссонансе при определении возраста привлечения к уголовной ответственности	175

Сумачев А.В. О научном труде И.Я. Козаченко «Уголовное право России. Общая часть. Визуально-аналитический рецепт»	177
Тужба Э.Н. Динамика сексуальной морали: от СССР к современной России	179
Фоменко Д.Д. К вопросу о понятии «незаконная миграция»	184
Чернышов А.Г. К вопросу об обжаловании следователем решений прокурора о возвращении уголовного дела	188
Шадже А.М., Шадже М.Г. Отношение россиян к судебной системе: факторы формирования	191
Шаназарова Е.В., Савельева О.Е., Лапшина Н.А. Специальный субъект преступления в современном уголовном законодательстве: проблемы теории и правоприменительной практики	195
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Омельченко И.В. Финансовое обеспечение социальных обязательств государства	201
Дороненко М.В. Исследование механизма функционирования компетенций экономически активного населения в условиях цифровой экономики	206
Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Меркулова Е.С. Совершенствование методов оптимизации транспортно-логистических издержек в торгово-транспортно-логистических системах	213
Кочербаяева А.А., Чоюбекова Г.А., Аль-шавабке Л.Д. Современные тенденции экономической интеграции как условие социально-экономического развития Кыргызской Республики	216
Оболенская М.Ф. Основные положения конкурентоспособности на мировом рынке нефти	221
Сердечный Д.В., Корчагин С.А., Корчажников Д.В. Устойчивость финансовых систем как необходимый критерий развития экономических институтов	224
Тойменцева И.А., Федоренко Р.В., Цегледи Тамаш Проблемы развития транспортно-логистической инфраструктуры Самарской области и пути их решения	228

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Sergey A. Stelmakh, Oleg G. Osipov The structure of the employed and unemployed in the Russian labour market	15
Ivan I. Bodnaruk Social memory: the problem of defining a concept in the context of the approaches of J. Assmann and A. Assmann	21
Sergey A. Vorontsov, Aleksandr V. Ponedelkov, Mikhail Yu. Popov To the discussion on the current problems of anti-corruption in modern Russia (according to the materials of the Round Table on December 09, 2020)	27
Zuriet A. Zhade Government and Society facing the challenge of a pandemic COVID-19	32
Valery V. Kasyanov, Natalia Yu. Belikova, Natalya Kh. Gafiatulina Disaster language: impact of the COVID-19 pandemic on social and cultural communication	38
Tagir M. Kumpilov Features of the internal and external image of the Republic of Adygea in social media (based on the results of applied research)	43
Andrey A. Lezhebokov, Olga V. Pasler, Anna V. Bashtova Satisfaction of the population of the stavropol territory with the quality and availability of health services	48
Aizhan A. Nakenova, Light Juma Ode. Al-shawabkeh, Ainura A. Kocherbaeva Social, economic and legal foundations of dental care in the Kyrgyz Republic	54
Veronika A. Perederiy, Anastasia V. Litvinova Educational practices in the higher education system in the context of the implementation of sustainable development during a pandemic	59
Emir N. Tuzhba, Tatiana N. Chunikhina Antique sexuality in the concept of M. Foucault	63
Tatiana N. Chunikhina, Emir N. Tuzhba Intercultural communication in the context of globalization	67
Asker V. Urumov, Anzor Z. Afaunov, Eduard J. Chkhvimiani Social perception of the judicial and law enforcement systems as a factor of law and order in society	71
JURISPRUDENCE	
Almaz F. Abdulvaliev, Victor V. Kazemov The social factors as elements of crime, provided in the article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation	77
Anzor Z. Afaunov, Eduard J. Chkhvimiani, Adam K. Tatlok Activities of law enforcement agencies as a factor in the formation of legal consciousness in the civilian environment	81
Andrey A. Ashin, Alexey E. Mikhailov, Vadim V. Ryabchikov International legal mechanism for the prevention of drug trafficking: the case of the United Nations	85
Eleva V. Barasheva, Anna A. Pyankova, Alexey S. Stepanenko Legal regulation of the mechanism for registration and use of digital signatures when making transactions	89
Anna G. Bordakova Limits of interpretation of rules-exceptions	92
Maria A. Vasilyeva Standard forensic characteristics of persons of environmental crimes	96

Igor V. Verenich, Anatoly M. Kustov Initial phase of the riot investigation. Overcoming the opposition to the investigation of crimes	99
Kirill V. Vishnevetskiy Public self-government as a tool for devictimization of society (foreign experience)	105
Inna N. Gaidareva Problems of prevention of administrative offenses in the field of road traffic in the Russian Federation	110
Vladimir S. Gruzdev Is the philosophy of pragmatism the basis of American legal realism?	114
Zuriet A. Zhade, Zara A. Mamisheva, Alexander V. Belikov Libertarian-legal concept of law in the system of modern approaches to the understanding of law	118
Jylia V. Gukova The practice of applying punishment for violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment	123
Andrei V. Zvonov, Andrei A. Savin, Denis N. Meshkov Circumstances precluding the criminality of the act in Russian criminal law: their concept and meaning	129
Aleksandr N. Ignatov Violence as a fundamental trend in the civilizational development of humankind. Part 1: pre-industrial period	132
Egor E. Izohov, Rafael I. Rakhimov, Alla S. Sizova Changes the legal status of the Constitutional Court of the Russian Federation within the framework of the amendment to the Constitution of the Russian Federation: current problems and development prospects	137
Maxim I. Leontiev, Anatoly N. Levushkin Features of Real Estate Lease Agreement Related to Public Property	142
Alexey E. Mikhailov, Sergey A. Semenov, Ilya A. Tarakanov Crimes in the field of drug trafficking in penal institutions: state and trends	144
Anatoly V. Motin The ratio of crimes and misdemeanors against the individual as a problem of intersectoral differentiation of responsibility	147
Maxim V. Permyakov, Stanislav G. Bannykh, Anastasia V. Sarapultseva The quality of legal acts arising in the activities of the investigative committee of the Russian Federation	156
Vladimir M. Proshin Possible directions for the development of criminalistics science	159
Ksenia N. Radchenko, Daniil A. Zykov Historical aspects related to the struggle with hooliganism in Russia	163
Tatyana A. Simonova Problems of combating corruption offenses in the internal affairs bodies of the Russian Federation	167
Alexander M. Smirnov Issues of providing to consumed with deprivation of freedom of free legal aid and ways of their solution	171
Alexander M. Smirnov To the question of obligation to criminal responsibility for assigning the authority of the person executing justice	173
Alexander M. Smirnov To the question about the legal discussion when determining the age of obligation to criminal liability	175
Alexey V. Sumachev On the scientific work of I.Y. Kozachenko «Criminal law of Russia. The total part. Visual-analytical recipe»	177
Emir N. Tuzhba The dynamics of sexual morality: from the USSR to modern Russia	179
Darya D. Fomenko On the concept of irregular migration	184

Alexander G. Chernyshov The issue of appeal by the investigator of the prosecutor's decisions on the return of the criminal case	188
Azamat M. Shadzhe, Marina G. Shadzhe The attitude of Russians to the judicial system: factors of formation	191
Elena V. Shanazarova, Olga E. Savelyeva, Nadezhda A. Lapshina Special subject of crime in modern criminal legislation: problems of theory and law enforcement practice	195
ECONOMIC SCIENCES	
Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Sergey A. Stelmakh, Igor V. Omelchenko Financial security of the social obligations of the state	201
Maria V. Doronenko The research of the mechanism of functioning of the competencies of the economically active population in the digital economy	206
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryan, Ekaterina S. Merkulova Improving methods for optimizing transport and logistics costs in trade, transport and logistics systems	213
Ainura A. Kocherbaeva, Gulzhamal A. Choyubekova, Light Juma Ode. Al-shawabkeh Modern trends of economic integration as a condition of socio-economic development of the Kyrgyz Republic	216
Marika F. Obolenskaya The main provisions of competitiveness in the world oil market	221
Denis V. Serdechii, Sergey A. Korchagin, Dmitry A. Korchazhnikov Sustainability of financial systems as a necessary criterion for the development of economic institutions	224
Irina A. Taimentseva, Roman V. Fedorenko, Tsegladi Tamash Samara region transport and logistics infrastructure: problems of development and the ways to solve them	228

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аверин Александр Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
Институт права и национальной
безопасности Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич
доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Стельмах Сергей Анатольевич
кандидат технических наук,
доцент,
магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Осипов Олег Георгиевич
аспирант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

СТРУКТУРА ЗАНЯТЫХ И БЕЗРАБОТНЫХ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация. На основе статических данных авторами рассматривается структура занятых и безработных по таким показателям, как распределение по полу, образовательный уровень, семейное положение, место основной работы, статус, работа по найму по видам договора, виды экономической деятельности, группы занятий, наличие дополнительной работы, производство продукции в домашнем хозяйстве, занятые в неформальном секторе.

Ключевые слова: безработный, занятый, неформальный сектор, пандемия, потенциальная рабочая сила.

Alexander N. Averin
Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law and National Security
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Alexander V. Ponedelkov
Doctor of Political Science,
Professor,
Head of the Laboratory,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Sergey A. Stelmakh
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Master's Student of the Faculty
of Political Science,
South Russian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Oleg G. Osipov
Postgraduate student of the Faculty
of Political Science,
South Russian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

THE STRUCTURE OF THE EMPLOYED AND UNEMPLOYED IN THE RUSSIAN LABOUR MARKET

Annotation. On the basis of static data, the structure of the employed and unemployed is considered by indicators such as gender distribution, educational level, marital status, place of basic work, status, contract employment, economic activities, occupation groups, additional work, production of household products in the informal sector.

Keywords: unemployed, employed, informal sector, pandemic, potential labor force.

На российском рынке труда в 2019 году было занято 71 млн 933 тыс. человек [1]. Уровень занятости, выражающий отношение численности занятого населения к общей численности населения, был равен 59,4 %, мужчин – 67,3 %, женщин – 52,9 %, городского населения – 61,5 %, сельского – 53,1 %. В трудоспособном возрасте уровень занятости равен 78,3 %, у городского населения,

сравнительно с сельским, он был выше (соответственно, 80,4 % и 71,6 %), старше трудоспособного возраста – 21,3 %. Среди занятых насчитывалось 51,3 % мужчин и 48,7 % женщин. Образовательный уровень занятых – высокий. Структура занятых по уровню образования отражена в таблице 1 [1].

Таблица 1

Структура занятых по уровню образования, %

	Высшее	Среднее профессиональное		Среднее общее	Основное общее	Не имеют общего
		по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих			
Всего	34,2	25,6	19,4	16,9	3,7	0,2
Наемные работники	34,9	25,9	19,4	16,2	3,4	0,2
Работающие не по найму	25,7	21	18,7	26,1	7,4	1,1

Таблица 1 свидетельствует о том, что у наемных работников уровень высшего и среднего специального образования выше, чем у работающих не по найму, у которых более высокий уровень среднего и основного общего образования, не имеющих общего образования. Следует отметить, что занятые женщины по сравнению с мужчинами преобладают по уровню высшего (соответственно, 39 % и 29,7 %) и среднего профессионального образования по программе подготовки специалистов среднего звена (29,6 % и 21,8 %). По другим уровням образования преобладают занятые мужчины: среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих (24,3 % и 14,2 %), среднее общее (19,3 % и 14,3 %), основное общее (4,6 % и 2,7 %), не имеют общего образования (0,3 % и 0,2 %).

Структура семейного положения занятых следующая: 70,1 % состоят в браке, 15 % – холосты, не замужем, 3,1 % – вдовцы, вдовы, 11,8 % – разведены, разошлись. Основная работа на предприятии, в организации со статусом юридического лица была у 80,7 % занятых; в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица – 5 %; по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей; в фермерском хозяйстве – 12,8 %; в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена – 1,4 %. Доля наемных работников составляет 93,3 %, работающих не по найму – 6,7%, в том числе, 1,4 % – работодатели; 4,9 % – самостоятельно занятые; 0,4 % – помогающие на семейном предприятии. Средний возраст занятых равен 41,3 года: у мужчин – 40,8 лет; у женщин – 41,8 лет; у наемных работников – 41,1 года; у работающих не по найму – 43,7 лет.

Имеют работу по трудовому договору на неопределенный срок 92 % занятых; на определенный срок – 2,8 %; по договору гражданско-правового характера – 1,2 %; на основе устной договоренности без оформления документов – 4 %.

По видам экономической деятельности преобладают занятые в оптовой и розничной торговле, в

ремонте автотранспортных средств и мотоциклов (15,6 %), в обрабатывающих производствах (14,3 %), в образовании (9,5 %), транспортировке и хранении (8,8 %), в здравоохранении и социальных услугах (7,9 %), в государственном управлении и обеспечении военной безопасности, в социальном обеспечении (7 %), в строительстве (6,9 %). Небольшая доля занятых была в водоснабжении, водоотведении, в организации сбора и утилизации отходов, в деятельности по ликвидации загрязнений (0,7 %), в деятельности по операциям с недвижимым имуществом (1,7 %), в области информации и связи (1,8 %), культуры, спорта, организации досуга и развлечений (2 %).

По группам занятий распределение занятых следующее. Доля руководителей составляет 6,1 %; специалистов высшего уровня квалификации – 25 %; специалистов среднего уровня квалификации – 13,9 %; служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием – 2,9 %; работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности – 15,7 %; квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства – 2,4 %; квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий – 13,4 %; операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей – 12,9 %; неквалифицированных рабочих – 7,8 %. Имеют одну работу 97,6 % занятых, две и более работы – 2,4 %; 7,9 % хотят работать дополнительно, из них 7,4 % имеют одну работу, 0,5 % – две и более работы.

1 млн 571 тыс. человек заняты в домашнем хозяйстве производством продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства, предназначенной для продажи или обмена; из них, 1 млн 023 тыс. чел. заняты только этой деятельностью, а 547 тыс. чел. имеют другое доходное занятие. 17 млн 661 тыс. чел. заняты в домашнем хозяйстве производством продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства, предназначенной для собственного конечного потребления; в том числе, 8 млн 174 тыс. чел. заняты только этой деятельностью; из них 627 тыс. чел. –

безработные и 7 млн 548 тыс. чел – лица, не входящие в состав рабочей силы, 9 млн 487 тыс. чел. имеют другое доходное занятие.

Занятые работают в неформальном секторе. К ним относятся:

- индивидуальные предприниматели;
- лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц;
- лица, помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников;

– лица, работающие на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя;

– люди, занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена.

В неформальном секторе насчитывается 14,8 млн занятых, т.е., 20,6 % от общей численности занятого населения; их средний возраст составляет 40,4 года. Образовательный уровень занятых в неформальном секторе высокий. Структура занятых в неформальном секторе по образованию отражена в таблице 2 [1].

Таблица 2

Структура занятых в неформальном секторе по образованию, %

	Высшее	Среднее профессиональное		Среднее общее	Основное общее	Не имеют общего
		по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих			
Всего	18,5	22,2	24,2	26,8	7,5	0,7
Наемные работники	14,8	22,3	27	27,7	7,7	0,5
Работающие не по найму:	25	22,2	19,4	25,4	7,1	1

Таблица 2 показывает, что наемные работники по сравнению с работающими не по найму имеют более высокий уровень среднего профессионального образования по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих, среднего общего и основного общего образования. Уровень среднего профессионального образования по программе подготовки специалистов среднего звена у них одинаковый. У работающих не по найму более высокий уровень высшего образования и не имеющих общего образования.

Занято только в неформальном секторе 13 млн 836 тыс. человек; в неформальном и формальном секторах – 964 тыс. чел. Из них с основной работой в неформальном секторе – 20 тыс.чел.; с дополнительной работой в неформальном секторе – 944 тыс.чел.

По видам экономической деятельности в неформальном секторе преобладает сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (37,8 %), оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (23,2 %). Меньше одного процента в структуре занятых в экономической деятельности занимают:

- обеспечение электрической энергией, газом и паром;
- кондиционирование воздуха (0,1 %), добыча полезных ископаемых (0,3 %),
- водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (0,3 %);
- в области информации и связи (0,3 %);

- финансовая и страховая деятельность (0,3%);
- деятельность по операциям с недвижимым имуществом (0,3 %);
- в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений (0,4 %);
- образование (0,7 %).

9 млн 395 тыс. человек (63,5 %) были наемными работниками, 5 млн 405 тыс. чел. (36,5 %) работали не по найму, из них 915 тыс. чел. – работодатели, 4 млн 242 тыс. чел. – самостоятельно занятые, 248 тыс. чел. – помогающие на семейном предприятии.

К безработным, согласно Международной Организации Труда, относятся люди, которые:

- не имели работы, доходного занятия;
- занимались поиском работы в течение последних четырех недель, используя любые способы;
- были готовы приступить к работе.

В Российской Федерации в 2020 г. насчитывалось 3 млн 465 тыс. безработных; их средний возраст – 36,3 лет. Общий уровень безработицы в нашей стране составляет 4,6 %, городского населения – 3,9 %, сельского – 6,9 %, в трудоспособном возрасте – 4,9 %, в том числе, городского населения – 4,1 %, сельского – 7,3 %, старше трудоспособного возраста – 2,4 %, выпускников, окончивших образовательные организации в 2018 году, – 14 %. Структура безработных по образованию отражена в таблице 3 [1].

Структура безработных по образованию, %

	Высшее	Среднее профессиональное		Среднее общее	Основное общее	Не имеют общего
		по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих			
Всего	21,4	19,8	19,8	28,8	9,3	0,9
Население в трудоспособном возрасте	21,5	19,2	19,8	29,2	9,4	0,8

Из данных таблицы 3 видно, что среди безработных значительная доля людей с высшим и средним профессиональным образованием. Это – тревожный показатель, так как утрата источника средств существования значительным числом подобным индивидов будет способствовать росту тенденции дальнейшего распространения радикализма, обострению различных внутренних экстремистских угроз, активизации протестной активности [2].

Следует также отметить, что насчитывается больше безработных среди женщин по сравнению с мужчинами по уровню высшего образования (соответственно, 24,8 % и 18,4 %) и среднего специального образования по программе подготовки специалистов среднего звена (23,1 % и 16,9 %). По другим уровням образования больше доля безработных мужчин.

В структуре безработных по семейному положению 50,5 % состоят в браке; 35,3 % – холосты, не замужем; 2,6 % – вдовцы, вдовы; 11,6 % – разведены, разошлись.

Безработные использовали разные способы поиска работы: обращение в органы службы занятости населения (25,3 %); в коммерческую службу занятости (4,7 %); в СМИ и Интернет (53,6 %); к друзьям, родственникам, знакомым (71,3 %); непосредственно к администрации, работодателю (37,5 %); другие способы (10,8 %).

24,4 % безработных ранее не имели опыта работы; 75,6 % имели опыт работы, из них, 15,3 % оставили прежнее место работы в связи с высвобождением, сокращением штатов, ликвидацией предприятия, собственного дела; 29,3 % – в связи с увольнением по собственному желанию.

Среди других причин ухода с прежнего места работы следует назвать: окончание срока действия срочного трудового договора, действия договора гражданско-правового характера; выход на пенсию; перемену места жительства, состояние здоровья, личные, семейные причины, увольнение из Вооруженных сил, поступление на учебу.

Среди безработных 2,4 % составляют руководители; 10 % – специалисты высшего уровня квалификации; 6,9 % – специалисты среднего уровня квалификации; 2,2 % – служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием; 16,6 % – работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности; 2 % – квалифицированные

работники сельского и лесного хозяйства, рыболовства и рыболовства; 12,2 % – квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий; 10,3 % – операторы производственных установок и машин, сборщики и водители; 13,1 % – неквалифицированные рабочие.

В статистике используется совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы, выражающий отношение численности безработных и потенциальной рабочей силы к расширенной концепции рабочей силы, которая включает в себя занятых, безработных и потенциальную рабочую силу. Потенциальная рабочая сила – это незанятые люди, которые выражают заинтересованность в получении работы за оплату или прибыль, однако, сложившиеся условия ограничивают их активные поиски работы или их готовность приступить к работе. Потенциальная рабочая сила составляет 1 млн 573 тыс. человек, из них 58 тыс. чел. ищут работу, но не готовы приступить к ней; 1 млн 515 тыс. чел. не ищут работу, но готовы приступить к работе. Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы равен 6,5 %.

Пандемия коронавируса обострила проблему безработицы, сказалась на уровне преступности в Российской Федерации [3].

Во втором квартале 2020 года общая численность безработных по данным выборочных обследований рабочей силы была равна 4 млн 468,3 тыс. человек [4].

Уровень безработицы составляет 6 % рабочей силы в федеральных округах: в Центральном ФО – 3,9 %; в Северо-Западном ФО – 5 %; в Южном ФО – 6,6 %; в Северо-Кавказском ФО – 14,2 %; в Приволжском ФО – 5,5 %; в Уральском ФО – 5,9 %; в Сибирском ФО – 7,8 %; в Дальневосточном ФО – 6,8 %.

Существует значительная дифференциация по уровню безработицы в регионах. Наибольший уровень был в Ингушетии (30,1 %), Тыве (19,4 %), Северной Осетии-Алании (17,7 %), Дагестане (17,4 %), в Карачаево-Черкессии (16,2 %), Кабардино-Балкарии (16 %), Чечне (16 %). Меньше трех процентов уровень безработицы составляет в Москве (2 %), в Ямало-Ненецком автономном округе (2,4 %), в Санкт-Петербурге (2,7 %), в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (2,8 %).

Зарегистрированы в органах службы занятости населения 2 млн 787,3 тыс. безработных, в том числе, в федеральных округах: в Центральном ФО – 611,4 тыс. чел.; в Северо-Западном ФО – 260,7 тыс. чел.; в Южном ФО – 312,9 тыс. чел., в Северо-Кавказском ФО – 324,5 тыс. чел.; в Приволжском ФО – 547,2 тыс. чел.; в Уральском ФО – 238,9 тыс.чел.; в Сибирском ФО – 337,3 тыс. чел.; в Дальневосточном ФО – 154,3 тыс. чел.

Следует отметить, что потребность работодателей в работниках, заявленная в органы службы занятости, составила 2 млн 787,3 тыс. человек. Однако многие вакансии не устраивают безработных. Так, в Москве в августе 2020 года 248,8 тыс. человек обратились в городскую службу занятости населения за новой работой, из них 219,1 тыс. зарегистрированы безработными, уровень безработицы – 3 %. Предприятия и организации заявили в службу занятости населения о 107 тыс. вакансий, в том числе, 67,6 тыс. на рабочие вакансии. Спросом пользуются специалисты из IT-сферы и онлайн-продаж, продавцы-кассиры, менеджеры онлайн-продаж, промышленные альпинисты, электромонтажники, каменщики, слесари-сантехники, технологи, диспетчеры, водители пассажирского транспорта, менеджеры баз данных, информационных ресурсов, онлайн-продажи в рознице. Менеджеры среднего звена и офисные работники, которых уволили, не идут работать на должности низкоквалифицированного персонала [5]. Такая ситуация существует в других регионах.

Ситуация на российском рынке труда напряженная. Предстоит к концу 2021 года снизить уровень безработицы с 6,3 % до 4,7 %, т.е., до уровня 2019 года [6]. Для этого необходимо сохранять и

создать новые рабочие места, поддерживать безработных. Президент РФ определил в рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» развития Российской Федерации до 2030 года такой показатель, как увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 млн человек [7]. На поддержку безработных до сентября 2020 года из федерального бюджета выделено 109,4 млрд рублей, в сентябре – еще 35,3 млрд руб. на выплату пособий по безработице [8]. Для безработных, вставших на учет после 01 марта, выплачивается пособие по безработице в максимальном размере 12130 рублей. Безработные, имеющие несовершеннолетних детей и потерявшие работу, получают с 01 апреля по 3 тыс. руб. на каждого ребенка. 12130 рублей получают индивидуальные предприниматели, прекратившие свою деятельность [9]. На переобучение людей, потерявших работу из-за коронавируса, предусмотрено почти 3 млрд руб.; более 100 тыс. человек могут получить востребованную профессию и дополнительное образование [10].

В условиях пандемии коронавируса многие сотрудники работают в дистанционном и удаленном режиме. Предусмотрены программы по организации временной занятости, дистанционного обучения, помощь при открытии собственного дела. Министерство просвещения совместно с регионами, Рособrnадзором, Рострудом, Союзом «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс России)» реализует программу переобучения безработных на базе колледжей. В 2020 году планировалось обучить свыше 110 тыс. человек [11].

Литература:

1. Рабочая сила, занятость и безработица в России – 2020 г. Статистический сборник. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm.
2. *Воронцов С.А.* О совершенствовании стратегических подходов к противодействию экстремизму в Российской Федерации / С.А. Воронцов, А.Г. Штейнбух // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9(124). С. 105–107.
3. *Воронцов С.А.* О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии / С.А. Воронцов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5(120). С. 50–53.
4. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в I полугодии 2020 года // Российская газета. 2020. 10 сентября.
5. *Зеленькова А.* В рабочих сила / А.Зеленькова // Российская газета. 2020. 29 сентября.
6. *Мисливская Г.* Рынок не без труда / Г. Мисливская, К. Латухина // Российская газета. 2020. 16 сентября.

Literature:

1. Labor force, employment and unemployment in Russia – 2020. Statistical collection. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm
2. *Vorontsov S.A.* On Improving Strategic Approaches to Countering Extremism in the Russian Federation / S.A. Vorontsov, A.G. Steinbukh // Science and Education: Agriculture and Economics; entrepreneurship; law and management. 2020. № 9 (124). P. 105–107.
3. *Vorontsov S.A.* On the correlation of human rights and freedoms with the level of security of the individual, society, and the state during the pandemic / S.A. Vorontsov // Science and Education: economy and Economy; entrepreneurship; law and Management. 2020. № 5(120). P. 50–53.
4. The main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in the first half of 2020 // Rossiyskaya Gazeta. 2020. September 10.
5. *Zelenkova A.* In the work force / A. Zelenkova // Rossiyskaya gazeta. 2020. 29 September.
6. *Mislivskaya G.* The market is not easy / G. Mislivskaya, K. Latukhina // Rossiyskaya Gazeta. 2020. September16.

7. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития на период Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.

8. *Кузьмин В.* Полное пособие / В. Кузьмин // Российская газета. 2020. 15 сентября.

9. Меры социальной поддержки граждан, действующие в 2020 году // Российская газета. 2020. 15 сентября.

10. *Герейханова А.* Карьера в новом формате / А. Герейханова // Российская газета. 2020. 20 августа.

11. *Набиркина М.* Прогноз работы / М. Набиркина // Российская газета. 2020. 06 октября.

7. Decree of the President of the Russian Federation № 474 of July 21, 2020 «On national development goals for the period of the Russian Federation until 2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 30. Art. 4884.

8. *Kuzmin V.* Complete manual / V. Kuzmin // Rossiyskaya gazeta. 2020. September 15.

9. Measures of social support of citizens acting in 2020 // Rossiyskaya gazeta. 2020. September 15.

10. *Garakhanova A.* Career in a new format / A. Garakhanova // Rossiyskaya gazeta. 2020. August 20.

11. *Nurkina M.* Prediction of work / M. Nurkina // Rossiyskaya gazeta. 2020. October 06.

Боднарук Иван Иванович
аспирант социологического факультета,
Государственный академический
университет гуманитарных наук
bodnarukivan11@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМАТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОДХОДОВ Я. АССМАНА И А. АССМАН

Аннотация. В статье обсуждается проблема определения понятия «социальная память» и разграничения данного понятия с понятиями «коллективная и культурная память». Автор рассматривает подход М. Хальбвакса как одного из основоположников исследований коллективного аспекта памяти и акцентирует внимание на выделенных М. Хальбваксом различиях между индивидуальной и коллективной памятью. Далее автор обращается к работам Я. Ассмана и рассматривает предложенные им критерии различия между двумя выделенными типами коллективной памяти – коммуникативной и культурной. После этого, автор рассматривает системный подход к памяти А. Ассман, выделяющей признаки для разграничения понятий «нейронная, социальная и культурная память». В завершении на основе выделенных М. Хальбваксом, Я. и А. Ассман критериев автор статьи предлагает свое определение социальной памяти, отделяющее её от понятий «культурная и индивидуальная память».

Ключевые слова: коллективная память, социальная память, коммуникативная память, культурная память, групповая идентичность, memory studies.

Значительно возросший в последние годы спрос на исследования памяти в области социально-гуманитарного знания, формирование и масштабная институционализация исследовательского поля memory studies породили множество подходов к интерпретации понятий «коллективная память» и «социальная память». Исследование феномена коллективной памяти связано с использованием множества различных понятий и их определений, часто определяемых дисциплинарной принадлежностью самого исследователя. Так, например, историки, в том числе в рамках направления исследований «oral history», определяют понятия «приватная память», «локальная память», «историческая память», и соотносят его с понятиями «историческое сознание», «история» и др. [1; 2]. Исследователи в области культурологии, в свою очередь, обращаются к исследованию функций и процессов конструирования культуры и используют понятие «культурной памяти» [3]. Кроме этого, расхождения часто связаны с различными подходами к формированию памяти (как

Ivan I. Bodnaruk
Graduate Student
of the Faculty of Sociology,
State Academic University of Humanities
bodnarukivan11@gmail.com

SOCIAL MEMORY: THE PROBLEM OF DEFINING A CONCEPT IN THE CONTEXT OF THE APPROACHES OF J. ASSMANN AND A. ASSMANN

Annotation. The article deals with the problem of defining the concept of social memory and differentiating this concept with the concepts of collective and cultural memory. The author examines the approach of M. Halbwachs as one of the founders of research into the collective aspects of memory and focuses on the differences between individual and collective memory highlighted by M. Halbwachs. Further, the author turns to the works of J. Assmann and examines the criteria proposed by him for the distinction between the two distinguished types of collective memory – communicative and cultural. After that, the author examines a systematic approach to the memory of A. Assmann, highlighting the features for distinguishing the concepts of neural, social and cultural memory. At the end based on the selected M. Halbwachs, J. and A. Assmann criteria, the author of the article offers his own definition of social memory, separating it from the concepts of cultural and individual memory.

Keywords: collective memory, social memory, communicative memory, cultural memory, group identity, memory studies.

процессу в рамках политики памяти), образовательной системы, дифференциации национальной и коллективных памятей.

Социологическое исследование памяти, в первую очередь, связано с понятием «социальная память» и ориентировано на изучение социальных механизмов актуализации прошлого (в том числе, коммуникативных и комеморативных практик), на изучение процессов конструирования групповых идентичностей и групповых представлений о прошлом, а также особенностей «перехода» информации о прошлом из состояния коллективного нарратива в культурную память (например, с помощью мифологизации).

Однако, определяя в качестве объекта социологического исследования социальную память, исследователи сталкиваются с множеством теоретико-методологических подходов, развивающих основные идеи основоположника исследований коллективной памяти М. Хальбвакса.

Исследователи вынуждены решать проблему разграничения следующих типов памяти: индивидуальная, приватная, коллективная, коммуникативная, «живая», историческая, социальная, культурная, национальная, официальная, публичная.

В связи с этим, автор данной статьи предлагает рассмотреть основные подходы к исследованию коллективной памяти наиболее часто цитируемых и значимых исследователей памяти, начиная от впервые опубликованного концепта о коллективной природы памяти М. Хальбвакса до работ популярных современных обоснований Я. Ассмана и А. Ассман, развивающих и трансформирующих идеи М. Хальбвакса в рамках современного социально-гуманитарного дискурса.

Один из наиболее значимых подходов к определению понятия «социальная/коммуникативная память» представлен в исследованиях культурных антропологов Яна и Алейды Ассман. Обратимся к основным концептам этих подходов.

В первую очередь, для понимания подходов Я. Ассмана и А. Ассман необходимо обратиться к работам одного из основоположников направления «memory studies» М. Хальбвакса. Представитель социологической школы Э. Дюркгейма, французский социолог Морис Хальбвакс в своей работе «Социальные рамки памяти» [4] впервые обращается к темам коллективной памяти и социальной обусловленности индивидуальной памяти.

Хальбвакс рассматривает воспоминание как социальную практику, результатом которой является включение индивидуального опыта в «рамку» коллективной памяти своей группы. В его понимании формирование и поддержание памяти происходит с помощью внутригрупповой коммуникации между индивидами, только в процессе взаимодействия, интеракции. По его мнению, индивид не может иметь индивидуальных воспоминаний вне своей группы, которая ограничена в пространстве и времени.

Также, важен тезис Хальбвакса о реконструктивном характере памяти – память для него не точное отображение прошлого опыта, а его репрезентация на основе текущего опыта в настоящем. Воспоминания напрямую связаны с настоящим, являющимся «социальными рамками» памяти.

Развивая свои идеи в статье «Коллективная и историческая память» [5], французский социолог выделяет следующие формы памяти:

– индивидуальная (автобиографическая) память, которая рассматривается как исключительно личные воспоминания, принадлежащие только индивиду;

– коллективная память – основанная на личном опыте членов группы память сравнительно небольших групп, которая связана с процессами устной передачи информации и прошлым, «живой» историей.

– историческая память, под которой понимается память достаточно больших групп, для

которых индивидуальные воспоминания уже не являются релевантными. Основным инструментом такой памяти будут являться письменные источники. Актуализация данной формы памяти происходит после того, как живые носители информации о прошлом, сохраняющие и передающие эту информацию, перестают существовать.

В своей статье Хальбвакс акцентирует свое внимание на том факте, что «коллективная память не совпадает с историей [исторической памятью] ... История – это, несомненно, собрание тех фактов, которые заняли наиболее важное место в памяти людей. Но, будучи прочитанными в книгах, изучаемыми и заучиваемыми в школах, события прошлого отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них. Дело в том, что история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» [6].

Подводя итог, можно сформулировать следующие критерии различия коллективной памяти и исторической памяти по М. Хальбваксу:

1. Размер группы, который связан с содержанием воспоминания и с временными рамками воспоминания.
2. Характер воспоминания.
3. Вид передачи информации о прошлом.

Кроме того, М. Хальбвакс выделяет и четвертое значительное различие коллективной и исторической памяти: историческая память, которая присуща большим группам едина после того, как была отобрана из «мозаики» воспоминаний индивидов и «зацементирована» в письменных источниках, в отличие от памяти коллективной, которых может существовать несколько – по одной для каждой отдельной группы. В отличие от исторической памяти, которая ориентирована на поиск общих черт и сходств памяти индивидуальной, коллективные памяти могут демонстрировать собственные различия между собой – коллективная память каждой группы построена собственным особенным образом.

Используя идеи, предложенные М. Хальбваксом, качестве базиса для собственной теории культурной памяти немецкий египтолог и историк культуры Ян Ассман четко отделяет индивидуальную память от коллективной, а коллективную предлагает выделять два различных её формы: коммуникативная и культурная. Переходя с уровня коммуникации, на котором делал акцент М. Хальбвакс, Я. Ассман вводит понятие «социальные институты памяти», которые выступают основными акторами коммеморативных процессов. В таком случае коммуникация существует не посредством личного общения индивидов в группе, а опосредованно с помощью долговременных институтов памяти. Второй тезис М. Хальбвакса, используемый для развития собственной концепции Ассмана, посвящен «фигуре воспоминания». По мнению Я. Ассмана,

Хальбвакс под этим понятием понимает не только информацию о каком-то конкретном событии, но и форму его сохранения и адаптацию в социальном контексте, что позволяет его характеризовать как феномен социального мира.

Развивая идеи М. Хальбвакса, Ян Ассман в своей работе «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [7] использует понятие «дрейфующая лакуна» («the floating gap»), предложенное Я. Вансиной. Согласно этому подходу, «...историческое сознание работает только на двух уровнях: время истока и недавнее прошлое...Граница между ними продвигается вперед со сменой поколений...» [8]. Пустота между обоими уровнями и была названа Я. Вансиной «дрейфующей лакуной». Однако, по мнению Я. Ассмана, подобные «лакуны» имеют место быть в исследовании истории, при рассмотрении коллективной памяти оба уровня прошлого соединяются между собой без всякого шва. Оба этих уровня, по мнению исследователя, соотносятся с соответствующими контекстами памяти – культурной и коммуникативной памятью, и имеют существенные различия.

Под коммуникативной памятью подразумевается совокупность воспоминаний, связанных с ближайшим прошлым. Показательный пример – память поколения. Такая память возникает во взаимодействии носителей в конкретном времени и сменяется новой памятью, когда её носители погибают. Подобные рамки воспоминания задаются индивидуальными воспоминаниями каждого члена группы и их совместным коммуникативным опытом и соответствуют примерно 3–4 поколениям.

Ян Ассман выделяет два модуса коллективной памяти:

– обосновывающее воспоминание – модус о происхождении группы, связанный с различными знаковыми системами, поддерживающими воспоминания и идентичность группы. То, что в последствие П. Нора назовет «местами памяти» [9];

– биографическое воспоминание – модус о непосредственном опыте и контексте, в котором он находится, который может опираться только на социальные интеракции.

По мнению Я. Ассмана, обосновывающее воспоминание чаще учреждается, «укрепляется» и дополняется в различных устойчивых формах, чего нельзя сказать про воспоминание биографическое, там ситуация прямо противоположна.

Формирование культурной памяти, в отличие от коммуникативной, происходит в социуме с помощью социальных институтов. Прошлое в культурной памяти с помощью таких институтов трансформируется в символические фигуры – посредством воспоминания история трансформируется в миф. При этом она не становится менее реальной, наоборот, она становится реальностью, нормирующей и формирующей социум.

Различие между коммуникативной и культурной памятью заключается также в том, что Я. Ассман называет «структурой причастности». Причастность группы к коммуникативной памяти распределена, пусть и неоднородно, но между всеми её членами. Возможность влиять на коммуникативную память появляется у каждого индивида в процессе повседневной коммуникации. А вот доступ к формированию, поддержанию и дополнению культурной памяти значительно ограничен. Культурной памяти присущи особые носители – так называемые уполномоченные знания: жрецы, ученые, высокопоставленные должностные лица, которые могут влиять на формирование и дополнение культурной памяти. Граница группы таких «избранных носителей» обычно фиксируется с помощью неких квалификационных требований, например, знания ритуала, владения соответствующими формами коммуникации.

Кроме этого, причастность к культурной памяти нельзя считать общедоступной, так как культурная память, в отличие от коммуникативной, не распространяется самостоятельно и требует определенной деятельности для своего формирования и распространения, что влечет за собой контроль, а значит и принуждение к участию с одной стороны, и исключение из участия с другой.

Таким образом, Ян Ассман выделяет следующие критерии различий коммуникативной и культурной памяти:

1. Содержание: коммуникативная память содержит в себе индивидуальный исторический опыт, тогда как культурная основана на мифической предыстории.
2. Форма: коммуникативная память более неформальна и естественна, слабо оформлена и возникает в процессе коммуникации, культурная более оформлена, учреждена.
3. Средства: коммуникативная память использует устные рассказы и непосредственный опыт, а культурная основана на устойчивых формах объективации, символических структурах.
4. Временная структура: коммуникативная память – сдвигающийся временной горизонт в 3–4 поколения (80–100 лет), культурная память – абсолютное прошлое мифической древности.
5. Носители: носители коммуникативной памяти – все современные члены социума, а у культурной – специалисты-носители традиции.

Продолжая развивать идеи М. Хальбвакса и Я. Ассмана, значительный вклад в определение и разграничение необходимых нам понятий внесла Алейда Ассман. В своей работе «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» [10] исследовательница предлагает понимать различные виды памяти через её измерения: индивидуальное, социальное, культурное.

По её мнению, несмотря на значимые различия, ни одно из этих измерений не может существовать без других. Таким образом, только изучив

особенности взаимодействия между измерениями и переходы между уровнями, мы можем понять каждый уровень.

Первое измерение памяти – биологическое. Основой для появления памяти и воспоминаний – это центральная нервная система организма индивида и его мозг. Но необходимо понимать, что нейронная система не автономна и не может существовать и развиваться без двух «полей интерактивности»:

– социальной сети, поддерживаемой посредством коммуникации;

– культурного поля, реализуемого посредством материальных объектов (текстов, визуальных образов) и символических практик (ритуалов, праздников).

В социальном измерении у памяти отсутствует устойчивая форма, она представляет собой постоянный процесс, направленный на согласование и сопоставление индивидуальных воспоминаний, в то время как для культурного измерения памяти характерна устойчивость формы, закрепленная с помощью социальных институтов.

В процессе припоминания на каждом из трех уровней памяти используются сразу все три компонента: нейронная система, социальная интерактивность, символические посредники.

Различие состоит в том, какие роли в процессе припоминания эти компоненты занимают.

Первый уровень, уровень нейронной (индивидуальной) памяти, существует с помощью сети нейронов, соединенных синапсами, передающими некоторые нервные импульсы. Но она стимулируется как процессами межличностной коммуникации между индивидами, так и материальными текстами или визуальными образами.

Социальная память, память второго уровня, формируется и поддерживается процессами речевого общения и социальной коммуникации. Но она также невозможна без нейронных систем индивидов и опоры на визуальные и вербальные носители информации.

Уровень культурной памяти основывается на символических медиаторах, но поддерживается с помощью межличностной коммуникации и усваивается нейронными системами индивидов.

По мнению А. Ассман, процесс формирования памяти происходит под воздействием следующих факторов:

– носителя;

– среды;

– опоры.

Нейронная память в качестве носителя использует человеческий мозг, в качестве среды – рамки памяти социального окружения индивида, а в качестве опоры – медиальные тексты и образы и

комеморативные стратегии (например, повторение или анекдотизация).

Носителем социальной памяти является социальная группа, которая имеет общий ресурс воспоминаний. Средой для функционирования социальной памяти выступают индивиды, регулярно обменивающиеся вариантами информации о прошлом. Опорой же будут являться используемые такими индивидами символические медиаторы.

В качестве носителя культурной памяти А. Ассман рассматривает культурные артефакты, символы, а также, медиаторы, их практики и формируемые ими социальные институты, которые обеспечивают транспоколенческий характер передачи и сохранения значимости воспоминаний. Средой этой памяти является социальная группа, определяющая и поддерживающая собственную идентичность с помощью данных материальных объектов и символических практик. А конкретные индивиды, осваивающие и использующие данные символические объекты, являются её основой.

Также, для более детального понимания границ понятий необходимо рассмотреть особенности переходов между уровнями памяти. По мнению А. Ассман, переход от нейронной памяти к социальной достаточно расплывчат. Индивидуальная память всегда смешивается с воспоминаниями других, выходит за свои границы, поглощая и присваивая чужие воспоминания в качестве своих. Важным индикатором перехода от одного уровня к другому, в таком случае, является увеличение собственного опыта с помощью опыта других индивидов и его «перспективизация» через призму воспоминаний социального окружения.

Однако переход между социальной и культурной памятью совсем не диффузен, тут происходят значительные изменения: производится разрыв между памятью и опытом, создается их новый набор. Расширение горизонта культурной памяти происходит посредством символических объектов, предоставляющих долговременное основание памяти. Во-первых, носители культурной памяти репрезентируют «развоплощенный» опыт, который заимствуется и усваивается индивидами, которые такого опыта не получили. Во-вторых, временной период жизни культурной памяти может стремиться к бесконечности, т.к. зависит не от продолжительности жизни индивида, а от продолжительности существования символов, укрепленных материально и институционально. В-третьих, такие долговременные знаки и символы культурной памяти обязательно согласуются и усваиваются с живой памятью. Таким образом, принимая данные символические конструкции и идентифицируя себя с ними, каждый индивид производит культурную самоидентификацию.

При переходе от социальной к культурной памяти увеличивается набор её носителей, временной диапазон и, в целом, её долгосрочность. Так, социальная память – это согласованная друг с

другом память отдельных индивидов, которая поддерживается территориальной близостью, процессами коммуникации и формирующимися процессами. В то время как коллективная и культурная память – это память, основанная на ресурсе знаний и опыта, который в процессе перехода отделяется от её живых носителей и переносится на материальные носители, и, в отличие от социальной памяти, не изменяется со сменой живых её носителей и имеет долгосрочный характер.

Формулируя данные различия между уровнями памяти А. Ассман также обращается к вопросу об оправданности применения популярного в «memory studies» понятия «коллективная память», введенного М. Хальбваксом. По её мнению, недопустимо рассматривать коллективную память как аналог индивидуальной памяти. Метафоричное использование термина «память», в основе которого лежит исключительно личный опыт, для понимания коллективной памяти невозможно. Группы или коллективы в независимости от их размера и охвата не имеют собственной памяти, так как она конструируется ими посредством символов и знаков и формирует, таким образом, их собственные идентичности, считает А. Ассман.

Благодаря определению измерений и компонентов памяти, мы можем достаточно точно определять и разграничивать уровни памяти: индивидуальную, социальную, культурную. Но, определив их, становится понятно, что дефиниция «коллективная память» расплывчата и не позволяет разграничить один уровень памяти от другого, так как коллективная приобщенность присуща и социальной памяти (так как, выступая в качестве памяти определенной группы, она выходит за границы индивидуальной памяти) и культурной памяти, создающей общность в неограниченном временном горизонте. Таким образом, коллективной памятью можно назвать любой уровень памяти, связанный с процессами формирования групповой идентичности, по большей части, с политической или национальной памятью.

Рассмотрение описательных и содержательных характеристик коллективной памяти в данных концептах позволяет нам наиболее точно определить феномен социальной памяти в рамках социально-гуманитарного исследовательского поля и сформулировать модель, описывающую основные характеристики данного феномена.

Подводя итог, можно говорить о том, что М. Хальбвакс в своих работах впервые развивает тезис о реконструктивном характере процесса воспоминания. Его труды послужили основой для появления и развития теории коллективной памяти в социально-гуманитарном дискурсе, а также, для

Литература:

1. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и

выделения разных её уровней – коллективной и исторической памяти (история).

Развивая тезис М. Хальбвакса о коллективном характере памяти, Ян Ассман впервые предлагает рассмотреть коллективную память в рамках двух модусов – биографического и обосновывающего воспоминания, которые представлены в виде коммуникативной и культурной памяти. Проводя границу между данными типами памяти, Я. Ассман вводит такие критерии их различия, как содержание, форма, средства, временная структура, носители, а также, детально обосновывает различия по каждому из признаков.

А. Ассман продолжает развивать подходы М. Хальбвакса и Я. Ассмана и представляет память в виде единой системы с тремя уровнями (нейронная, социальная, культурная), каждый из которых состоит из трех компонентов (носитель, среда, опора) и содержит в себе три измерения (органическое, социальной, культурное).

Таким образом, существенные признаки в виде критериев (содержание, форма, средства, временная структура, носители), компонентов (носитель, среда, опора) и измерений (органическое, социальное, культурное), выделенные М. Хальбваксом, Я. Ассманом и А. Ассман, позволяют нам четко сформулировать описательную модель понятия «социальная память» и провести четкие границы с другими схожими понятиями.

С точки зрения нашей описательной модели, социальную память можно определить, как память, согласованную всеми членами социальной группы, и функционирующую посредством внутригрупповой социальной коммуникации и поддерживаемую устойчивыми формами объективации и символическими структурами. Существование социальной памяти ограничено плавающим временным горизонтом продолжительностью 3–4 поколения или 80–100 лет.

Социальная память доступна всем членам сообщества, однако, она не имеет постоянной формы и постоянно изменяется в границах более долговременных символических структур, с одной стороны, и индивидуального опыта каждого индивида, с другой.

В свою очередь, данная модель определения понятия «социальная память» позволяет зафиксировать не только теоретико-методологические границы индивидуальной, социальной и культурной уровней памяти, но и позволяет гораздо точнее определить существенные признаки, особенности и основных акторов социальных процессов, связанных с переходами от индивидуальной к социальной памяти, от социальной к коллективной.

Literature:

1. *Ryusen J.* Losing the sequence of history» (some aspects of historical science at the crossroads of modernism, postmodernism and discussion about

дискусии о памяти) // «Диалог со временем». Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М. : Едиториал УРСС, 2001.

2. *Ле Гофф Ж.* История и память / Ж. Ле Гофф; Пер. с франц. К.З. Акопяна. М. : РОССПЭН, 2013.

3. *Лотман Ю.М.* Память культуры / Ю.М. Лотман // Семиосфера. Статьи, исследования, заметки. СПб. : Искусство-СПб., 2010.

4. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. М. : Новое издательство, 2007.

5. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41). С. 8–27.

6. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41). С. 14.

7. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; Пер. с нем. М.М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studiahistorica).

8. *Vansina Jan M.* Oral Tradition as History / M. Vansina Jan. Madison : University of Wisconsin Press, 1985.

9. *Нора П.* Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. СПб., 1999. С. 26.

10. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; Пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

memory) / J. Ryusen // «Dialogue with time.» Almanac of intellectual history. Iss. 7. M. : Individual URSS, 2001.

2. *Le Goff J.* History and Memory / J. Le Goff; Transl. from French K.3. Akopyana. M. : ROSSPEN, 2013.

3. *Lotman Y.M.* Memory of culture / Y.M. Lotman // Semiosphere. Articles, studies, notes. SPb. : Art-St. Petersburg, 2010.

4. *Halbwachs M.* Social memory framework / M. Halbwachs. M. : New publishing house, 2007.

5. *Halbwachs M.* Collective and historical memory / M. Halbwachs // Inviolable reserve. 2005. № 2–3 (40–41). P. 8–27.

6. *Halbwachs M.* Collective and historical memory / M. Halbwachs // Inviolable reserve. 2005. № 2–3 (40–41). P. 14.

7. *Assmann J.* Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / J. Assmann; Transl. from German M.M. Sokolskaya M. : Languages of Slavic culture, 2004. 368 p. (Studia historica).

8. *Vansina Jan M.* Oral Tradition as History / M. Vansina Jan. Madison : University of Wisconsin Press, 1985.

9. *Nora P.* Problems of places of memory / P. Nora // France-memory. SPb., 1999. P. 26.

10. *Assmann A.* Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics / A. Assmann; Translation from German B. Khlebnikova M. : New Literary Review, 2014. 328 p.

Воронцов Сергей Алексеевич

доктор юридических наук,
профессор,
и.о. директора
научно-учебного центра
противодействия коррупции,
Институт права и национальной
безопасности РАНХиГС
при Президенте России,
профессор кафедры
процессуального права,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.panera.ru

Понеделков Александр Васильевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
политологии и этнополитики,
заведующий Лабораторией проблем
повышения эффективности
государственного и муниципального
управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.panera.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

**К ДИСКУССИИ ОБ АКТУАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
КРУГЛОГО СТОЛА 09 ДЕКАБРЯ 2020 г.)**

■ ■ ■

Аннотация. В представленной вниманию читателей публикации авторами дается информация об основном содержании и итогах, проведенного в режиме он-лайн в г. Ростове-на-Дону и в г. Москве Круглого стола с международным участием, посвященного актуальным проблемам борьбы с коррупцией в современной России. По мнению авторов, знаковым является тот факт, что это мероприятие проводится в Международный день борьбы с коррупцией, что является свидетельством актуальности данной проблемы не только для нашей страны, но и для всего мирового сообщества.

Sergey A. Vorontsov

Doctor of Legal Sciences,
Professor,
Acting Director
Research and Training Center
Countering Corruption,
Institute of Law and National Law
RANEPA Security
under the President of Russia,
Professor of the Department
Procedural Law,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.panera.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Honored Worker of Science
of the Russian Federation,
Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of Department
Political Science and Ethnopolitics,
Head of the Laboratory of Problems
Increase Efficiency
State and Municipal Management,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.panera.ru

Popov Mikhail Yuryevich

Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

**TO THE DISCUSSION ON THE CURRENT
PROBLEMS OF ANTI-CORRUPTION
IN MODERN RUSSIA (ACCORDING
TO THE MATERIALS OF THE ROUND
TABLE ON DECEMBER 09, 2020)**

■ ■ ■

Annotation. In the publication presented to readers, the authors give information about the main content and results, conducted online in Rostov-on-Don and in Moscow Round Table with international participation, dedicated to the current problems of fighting corruption in modern Russia. According to the authors, it is significant that this event is held on the International Day against Corruption, which is a testament to the urgency of the problem not only for our country, but for the entire world community.

Ключевые слова: коррупция, Всероссийский круглый стол, противодействие коррупции, коррупционные риски, Международный день борьбы с коррупцией.

Keywords: corruption, all-Russian roundtable, anti-corruption, corruption risks, International Anti-Corruption Day.

09 декабря 2020 года в Международный день борьбы с коррупцией состоялся Всероссийский Круглый стол с международным участием на тему «Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России», который был проведен в режиме онлайн, объединившем две дискуссионные площадки в городах Москве на базе Дома общественных организаций (Москва, ул. Покровка д. 5) и в Ростове-на-Дону на базе коворкинга «Рубин» (Ростов-на-Дону, пр. Театральный, д. 85).

Организаторами дискуссии выступили Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, Южно-Российский институт управления-филиал РАНХиГС, Общероссийское движение «Сильная Россия», юридический факультет Южного Федерального университета, Академия права и национальной безопасности Южного университета (ИУБиП), Управление противодействия коррупции при Губернаторе Ростовской области.

В работе Круглого стола приняли участие руководители Ставропольского филиала РАНХиГС, Курганского филиала РАНХиГС, Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), КЧГУ им. У.Д. Алиева, главные редакторы научных журналов «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» и «Социум и власть», а также, научные работники МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского государственного лингвистического университета, ПИУ им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Ростовского государственного экономического университета, Пятигорского государственного университета, Ставропольского государственного педагогического института, Астраханского государственного университета, Уральского федерального университета и других учебных заведений.

С приветственным словом к участникам Круглого стола обратился председатель Президиума ООО «Офицеры России», Герой России, генерал-майор Сергей Липовой, который охарактеризовал масштабы угроз и вызовов, порождаемых коррупцией, а также, наметил основные темы для обсуждения в рамках Круглого стола.

Заместитель директора ЮРИУ – филиала РАНХиГС Алексей Баранов отметил, что в современной России проблема противодействия коррупции находится в центре внимания государства и общества, что объясняет регулярное обращение к данному вопросу со стороны компетентных представителей науки, руководителей органов власти и сотрудников правоохранительных структур. Качественная борьба с коррупцией – это основа эффективной системы государственного и муниципального управления и здорового общества в целом. Важность эффективной работы по организации противодействия ей сложно переоценить, поэтому Президентская академия как

системообразующий вуз в своем сегменте ведет регулярную масштабную работу по содействию в этой деятельности.

Южно-Российский институт управления проводит обучение по основам противодействия коррупции представителей органов власти и местного самоуправления, ведет информационно-просветительскую работу со студентами, преподаватели вуза выступают экспертами на заседаниях комиссии по конфликту интересов и соблюдению принципов служебного поведения, входят в состав Комиссии по противодействию коррупции при Губернаторе Ростовской области.

Круглый стол проходит параллельно на двух площадках: это уже становится своего рода традицией и в очередной раз показывает преимущества дистанционных технологий в организации работы, в том числе с научным сообществом. А. Баранов выразил уверенность в том, что очередная научная дискуссия станет значимым этапом в осмыслении подходов к противодействию коррупции и позволит сформулировать эффективные пути профилактики этого негативного феномена.

Владимир Колесников, генерал-полковник милиции в отставке, государственный советник юстиции 1-го класса, доктор юридических наук в своем докладе проанализировал общие закономерности развития коррупционных процессов в условиях современной цивилизации и высказал ряд предложений, направленных на повышение эффективности противодействия коррупции.

Член Высшего совета движения «Сильная Россия», председатель исполкома Общероссийской общественной организации «Офицеры России», генерал-майор в отставке Александр Михайлов в своем выступлении оценил уровень коррупции среди представителей исполнительной власти и народных избранников. В частности, он отметил, что последнее время в уголовной ответственности привлекают большое количество чиновников, но, по странным обстоятельствам, большинство из них, несмотря на многомиллионные хищения, взятки, сегодня не отправляются в следственные изоляторы, а находятся под домашним арестом. «А это, как раз и показывает, как у нас относятся к коррупции», – заявил А. Михайлов.

Спикер Круглого стола отметил, что очень часто завышается роль пойманных на коррупции представителей власти, а некоторые до сих пор, находясь при должности, и формируют политику государства. «Ранее арест конкретного лица за нарушение, преступление рассматривался не только как мера пресечения, но и как мера профилактики», сегодня же арест чиновника уже не воспринимается обществом как какое-то значимое событие. Граждане полагают, что наказание для

служащих если будет, то самым минимальным и сразу после срока бывший чиновник получит новую должность.

А. Михайлов в своем выступлении указал еще на одну актуальную проблему, которая может спровоцировать протестные настроения в обществе: инициативу депутатов Государственной Думы по «закрытию» информации и недопустимости средств массовой информации и общественности «проникать в жизнь депутатов и государственных служащих». При этом А. Михайлов отметил, что данная инициатива «прикрывается законом о конфиденциальности деятельности сотрудников правоохранительных органов, военных и других структур» при том, что публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления является ключевым принципом противодействия коррупции [1].

Игорь Андронников, заведующий сектором профилактики коррупции Управления противодействия коррупции при Губернаторе Ростовской области отметил, что коррупция стоит в одном ряду с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, и не случайно при ее характеристике часто употребляют термин «угроза». Она наносит серьезный ущерб не только развитию государства и общества, в целом, но и каждого отдельного гражданина. Коррупция – одна из наиболее острых тем, существующих в российском обществе. Люди теряют веру в законность и справедливость, в обществе начинает формироваться мнение о том, что все можно решить через коррупционные схемы, а обычному человеку ничего не удастся добиться честным трудом, что, в конечном счете, ведет к росту протестных настроений, поэтому ключевое значение приобретает профилактика коррупции, к которой следует активно привлекать молодежь.

Заведующий Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС, Заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор Александр Понеделков оценил результаты проведенного в 2020 году сотрудниками Лаборатории социологического исследования в форме опроса экспертов 13 субъектов РФ:

– в областях: Ростовской, Волгоградской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Смоленской;

– в краях: Краснодарском, Алтайском, Приморском;

– в республиках: Татарстан, Карачаево-Черкесия, Карелия, Коми.

А. Понеделков отметил: «Несмотря на то, что последние годы в антикоррупционную практику внедрены стандарты, позволяющие своевременно выявлять и предупреждать коррупционные риски, эксперты, характеризуя причины коррупции, на первую ранговую позицию поставили ответ «недостаточно строгий контроль за действиями чиновников, их доходами и расходами». Эксперты обратили внимание на то, что наряду с принципом обеспечения «неотвратимости

наказания» в противодействии коррупции в обществе сформирован запрос на обеспечение адекватности наказания, которое во многих случаях, не соответствует тяжести деяния. В качестве значимой причины коррупции эксперты указали на низкий уровень правовой культуры у населения, что говорит о необходимости активизации антикоррупционного и правового просвещения, внедрения прогрессивных форм данной деятельности».

Основной упор сегодня должен быть сделан не на расширении репрессивных мер по отношению к выявленным коррупционерам, а на работе по противодействию коррупции в молодежной среде, на комплексном воспитании у представителей зарождающейся политико-административной элиты и управленцев устойчивого негативного отношения к коррупции на уровне подсознания, используя для этого весь комплекс средств убеждения и взаимодействия, в том числе, и религиозных, устанавливающих моральные запреты и ограничения.

А. Понеделков также отметил, что сегодня как никогда актуально звучат слова выдающегося русского и публициста И.А. Ильина: « В современном мире есть множество таких несчастных, безродных, людей, которые не могут любить свою родину, потому что инстинкт их лежит лично-эгоистическим или эгоистически-классовым интересом, а духовного органа они лишены...то, чего они хотят, есть распределение материальных благ, а все духовное им безразлично или враждебно. Духовно мертвый человек не будет любить свою Родину и будет готов предать ее, потому что ему нечем воспринять ее...» [2, с. 240–241]. Поэтому в высших учебных заведениях молодежь должна принимать участие в работе по профилактике и предупреждению коррупционных нарушений. Реализовывать свои права представители студенчества могут через имеющиеся институты, такие как студенческий совет, аппарат общественных уполномоченных представителей по правам студентов в конкретных вузах. По мнению А. Понеделкова, только совместные усилия общества и государства в идеологическом и морально-нравственном воспитании у представителей российской молодежи нетерпимости к природе коррупционной составляющей могут привести к устранению данной угрозы.

Бизнес-омбудсмен в Ростовской области, Олег Дереза, обратил внимание участников дискуссии на рост коррупционного давления на бизнес. Остановившись на анализе наиболее значимых нарушений коррупционного характера в экономической сфере О.Дереза высказал конкретные предложения:

– о необходимости внесения изменений в Федеральный закон № 44 Ф3 (О закупках) в части критериев определения победителей в конкурсах и аукционах;

– об изменении определения стоимости товаров и услуг на момент заключения договора, а не по ценам прошедших периодов, умноженным на

коэффициенты, неподкрепленные рыночными реалиями;

– об изменении норм контрольно-надзорных органов, в части исключения из них положений, которые прямо не влияют на жизнь и здоровья граждан и являются зачастую устаревшими и избыточными.

Руководитель Научно-учебного центра ИПНБ РАНХиГС при Президенте России, доктор юридических наук, профессор ЮРИУ РАНХиГС Сергей Воронцов сообщил, что в Ростовской области в 2020 году проведено 11 научно-практических конференций и 9 научно-обучающих мероприятий для государственных и муниципальных служащих. В данных мероприятиях приняли участие более 3000 муниципальных служащих, около 2500 студентов и преподавателей шести высших учебных заведений нашего региона. Как следует из приведенных выше цифр, основной упор в предупредительно-профилактической работе сделан:

– во-первых, в сфере государственной и муниципальной службы, где в настоящее время фиксируется основное число правонарушений коррупционного характера, так как служащие, в силу своего должностного статуса, наиболее уязвимы со стороны искушений коррупционного характера;

– во-вторых, в среде студентов высших учебных заведений, которые в ближайшее время войдут в ряды государственных и муниципальных служащих. Соответственно, у молодых специалистов должно быть воспитано отторжение к использованию коррупционных механизмов и схем в будущей практической деятельности, что, в конечном счете, будет способствовать минимизации уровня коррупции в нашей стране. Следует также учитывать, что обсуждение в студенческой среде с привлечением квалифицированных экспертов проблем противодействия коррупции, вызывает живой интерес у молодежи к данной дискуссии и, в конечном счете, усиливает профилактический эффект антикоррупционной работы;

– в-третьих, среди населения области, отдельные представители которого при взаимодействии с органами власти могут выступать как в качестве лиц, у которых вымогают взятки чиновники, так и в качестве лиц, провоцирующих чиновников на получение взятки за решение вопросов коррупционными методами.

При этом С. Воронцов обратил внимание на недостаточную эффективность реализуемого комплекса мер по антикоррупционному просвещению населения. Так, по данным прокуратуры Ростовской области в 2019 году свыше полутора тысяч чиновников понесли дисциплинарную и административную ответственность, в суды были направлены 270 дел и осуждены 243 коррупционера. Однако при наличии в Ростовской области

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии

15 тысяч государственных и муниципальных служащих, только в 4-х случаях госслужащие сообщили о том, что их склоняют к совершению преступления [3]. Цифры явно несопоставимы.

Исходя из вышеизложенного, С. Воронцов отметил, что будут внесены коррективы в работу Научно-информационного центра в 2021 году. Основное внимание планируется сосредоточить на молодежной аудитории, направлении с «младых ногтей» формирования в сознании молодых служащих и студентов систему правовых и нравственных запретов и ограничений в целях воспитания внутренней установки личности на исполнение норм антикоррупционного законодательства не под угрозой возможных репрессий за нарушение установленных норм, а в силу личного убеждения.

Феликс Шарков, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики, заместитель декана факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС в своем выступлении сообщил об информационной составляющей коррупционных моделей коммуникации.

Директор Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) Андрей Голобородько поделился опытом моделирования ландшафта антикоррупционного просвещения молодежи на муниципальном уровне.

Директор Курганского филиала РАНХиГС, кандидат технических наук, доцент Валерий Яхонтов остановился на анализе уровня коррупции как индекса развития социума.

Тему коррупционного давления на бизнес в области уголовной юстиции продолжил Константин Степанов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета.

Доктор политических наук, главный редактор научного журнала «Социум и власть» Сергей Зырянов выступил с докладом «Проблемы противодействия коррупции в современной России: региональная проекция».

Михаил Попов, доктор социологических наук, профессор, главный редактор всероссийского научного журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» посвятил свое выступление рискованному потенциалу коррупции в постсоветском трансформирующемся социуме.

По результатам дискуссии Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС планируется издание второго Сборника научных статей по проблемам противодействия коррупции [4].

Literature:

1. Federal Law № 273-FZ of 25.12.2008 (as amended on 31.07.2020) «On Combating

коррупции». Ст. 3. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/9c25ae5432dd35c13bb140322c13ccc304cc10cf

2. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. М. : Православное изд-во Апостол веры : Алта принт, 2006.

3. Коррупционерами оказались более 1,5 тысяч чиновников Ростовской области. URL : https://www.donnews.ru/Korrupsionerami-okazalis-bolee-15-tysyach-chinovnikov-Rostovskoy-oblasti_102137

4. См.: Противодействие коррупции на государственном и муниципальном уровне в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2020.

Corruption». Art. 3. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/9c25ae5432dd35c13bb140322c13ccc304cc10cf/

2. *Ilyin I. A. The path of spiritual renewal / I. Ilyin. – M. : Orthodox Publishing House of the Apostle of Faith : Alta Print, 2006.*

3. More than 1.5 thousand officials of the Rostov region turned out to be corrupt officials. URL : https://www.donnews.ru/Korrupsionerami-okazalis-bolee-15-tysyach-chinovnikov-Rostovskoy-oblasti_102137

4. See: Countering corruption at the state and municipal level in modern Russia. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. 2020.

Жаде Зуриет Анзауровна

доктор политических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
теории и истории государства
и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
zhadezura@yandex.ru

Zuriet A. Zhade

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of Department of Theory and History
of State and Law and Politology,
Adyghea State University
zhadezura@yandex.ru

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ПАНДЕМИИ COVID-19

GOVERNMENT AND SOCIETY FACING THE CHALLENGE OF A PANDEMIC COVID-19

Аннотация. В статье проведен анализ результатов проведенного в 2020 году эмпирического исследования в Республике Адыгея и Краснодарском крае. Подчеркивается, что пандемия COVID-19 послужила возможностью для дальнейшей систематизации стратегии кризисной коммуникации государства и общества. Борьба с пандемией наглядно продемонстрировала важность коммуникации и охарактеризовала ее как один из важнейших элементов управления в кризисный период.

Annotation. The article analyzes the results of an empirical study conducted in 2020 in the Republic of Adyghea and the Krasnodar Territory. It is emphasized that the COVID-19 pandemic has become an opportunity for further systematization of the crisis communication strategy of the state and society. The fight against the pandemic has clearly demonstrated the importance of communication and described it as one of the most important elements of crisis management.

Ключевые слова: глобальный риск, пандемия коронавируса COVID-19, интеграция, дезинтеграция, региональная власть, доверие к власти.

Keywords: global risk, COVID-19 coronavirus pandemic, integration, disintegration, regional power, trust in power.

В настоящее время человечество столкнулось с новым глобальным риском, в качестве которого выступает пандемия коронавируса COVID-19. Политика, проводимая органами власти в условиях COVID-кризиса, оказала влияние на состояние гражданского общества и определила вектор развития государства. Оценка этой политики отражается в отношении граждан к политической системе общества. Особенности и характер изменения динамических характеристик мнения граждан по поводу обеспечения государством основных норм жизни общества в условиях COVID-кризиса позволили выявить ряд актуальных проблем развития гражданского общества [1, с. 26, 29].

выявить интеграционный потенциал социокультурного пространства, для которого актуализируются проблемы обеспечения безопасности [2, с. 15].

В условиях данного глобального риска, явившегося причиной глубокого социально-экономического кризиса, основная ответственность лежит на органах государственной власти, призванных как противодействовать распространению пандемии, так и минимизировать последствия кризиса. Здесь большое значение имеет выстраивание эффективного взаимодействия государственной власти и общества, формирование действенной системы защиты интересов различных социальных групп и слоев.

В статье приводятся результаты социологического опроса, проведенного в сентябре-октябре 2020 года в Республике Адыгея и Краснодарском крае методом анкетирования (N = 1171). Полученные данные обработаны и проанализированы с помощью пакета SPSS.

Согласимся с коллегами в том, что сегодня назрела объективная необходимость не только понять риски и вызовы безопасности, но и

Объект исследования – общества двух российских регионов – Республики Адыгея и Краснодарского края. Их рассмотрение объектами эмпирического исследования можно считать вполне обоснованным в силу единых историко-культурных и территориально-географических обстоятельств. Оба субъекта Российской Федерации одинаково подвержены влиянию непосредственного глобального риска.

Во-первых, в этих регионах наблюдается сравнительно высокий риск распространения вируса, о чем свидетельствуют статистические данные (по состоянию на момент написания статьи (11 февраля 2021 года) число заболевших COVID-19 в Адыгее – 13445 человек, скончавшихся – 132 человека; число заболевших в Краснодарском крае – 35671 человек, скончавшихся – 1660 человек).

Во-вторых, это регионы, одинаковые по многим параметрам, которые влияют на ситуацию вокруг пандемии: средняя продолжительность жизни и возрастная структура населения, качество здравоохранения и санитарно-эпидемиологическая обстановка.

В-третьих, при всех сходствах эти регионы заметно различаются по ряду таких параметров как размер территории, численность населения, экономический потенциал. Тем не менее, принадлежат одному уровню государственного районирования, поскольку имеют одинаковый политико-административный статус субъекта федерации и относятся к Южному Федеральному округу. Между соседствующими субъектами происходит обмен достижениями экономического прогресса (научно-техническое сотрудничество, кадровое и образовательное взаимодействие, торговые и туристические связи). Особо актуально сегодня развивать данные тенденции, тем самым увеличивая прогресс развития регионов в рамках единого целого.

В-четвертых, руководители двух субъектов РФ – глава Республики Адыгея и губернатор Краснодарского края – продемонстрировали способность политических лидеров обеспечить в кризисной ситуации и обозримой перспективе солидарные отношения в обществе, сотрудничество его различных слоев, реализовать на практике принцип социальной справедливости в региональных социумах.

В качестве эмпирических объектов выступили муниципальные образования двух уровней: столицы регионов и муниципальные районы. Отбор объектов исследования проходил двухступенчатым способом. На первом этапе отбирались муниципальные образования по двум критериям: на основе анализа статистических показателей подержанности населения реальному риску заболевания COVID-19 (количество заболевших, количество жертв, длительность ограничительного режима);на основе анализа жесткости мер, принимаемых местными и региональными властями.

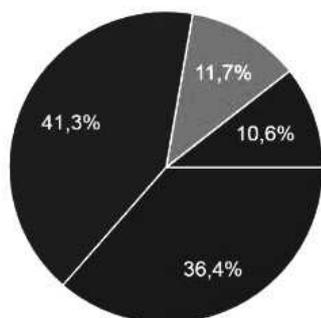

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, работу органов власти вашего региона, проводимую во время пандемии»

В рамках исследования также была предпринята попытка выяснить, достаточные ли меры принимают органы власти для предотвращения распространения коронавируса. Обратим внимание, что 37,4 % считают, что принимаются все необ-

В эмпирическом исследовании первая ступень отбора в выборке включала четыре муниципальных образования Республики Адыгея (город Майкоп, Красногвардейский, Тахтамукайский и Теучежский районы) и четыре муниципальных образования Краснодарского края (город Краснодар, Белореченский, Курганинский и Лабинский районы).

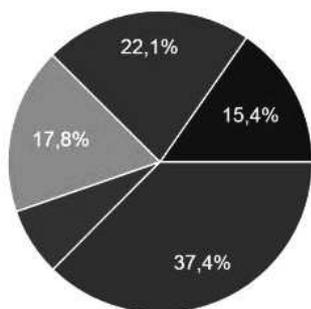
На второй ступени отбирались населенные пункты на основе расчета статистических квот по типу поселения – городское и сельское. На третьей ступени, т.е. при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса, выборка осуществлялась по квотам: основным социально-профессиональным признакам и возрастным когортам.

Органы власти Республики Адыгея и Краснодарского края при столкновении с пандемией ввели меры, сходные с остальными регионами и итоги оказались одинаковые. Ранее неизвестная человечеству глобальная угроза стала проверкой на способность властных структур адекватно реагировать на вызовы времени. Обращает на себя внимание тот факт, что пандемия изменила повседневные отношения населения и органов власти, а также внесла коррективы в работу органов власти российских регионов.

За отправную точку анализа были приняты результаты исследования, позволяющие выяснить, каким образом население оценивает деятельность властных структур, в основе которых лежат ответы респондентов на вопрос «Оцените, пожалуйста, работу органов власти вашего региона, проводимую во время пандемии». По мнению 41,3 % респондентов, что-то делалось, что-то плохо; 36,4 % – в целом хорошо; 11,7 % – в целом плохо; 10,6 % – затруднились ответить на поставленный вопрос (рис. 1). Как нам представляется, это свидетельствует о недостаточной информированности населения о мерах, предпринимаемых властными структурами.

- в целом, хорошо
- что-то делалось хорошо, что-то плохо
- в целом, плохо
- затрудняюсь ответить

ходимые меры; по мнению 22,1 %, принимаемые меры не принесли ожидаемого результата, т.к. не следят за их соблюдением; 17,8 % полагают, что принимаемых мер недостаточно (рис. 2).

- принимаются все необходимые меры
- принимаемые меры чересчур жесткие
- принимаемых мер недостаточно
- принимаемые меры не принесли ожидаемого результата, так как не следят за их соблюдением
- затрудняюсь ответить

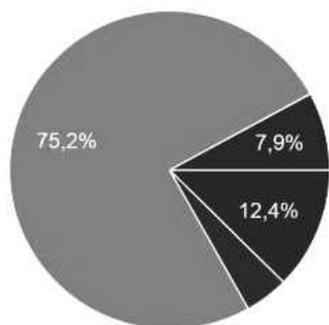
Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, региональные власти принимают достаточные меры для предотвращения распространения коронавируса в вашем регионе»

Исходя из этого, можно утверждать: с одной стороны, мы видим, что власть предпринимает большие усилия для стабилизации ситуации, выделяя средства и трансформируя собственный функционал; с другой стороны, принимаемых мер, по мнению опрошенных, недостаточно. Есть основания полагать, что низкий уровень социального доверия будет снижать общественную поддержку мер, принимаемых государством для преодоления последствий пандемии.

Пандемия COVID-19 стала возможностью для дальнейшей систематизации стратегии кризисной коммуникации государства и общества. Борьба с пандемией наглядно продемонстрировала важность коммуникации и охарактеризовала ее как один из важнейших элементов управления в кризисный период.

Кроме мер, вводимых для ограничения распространения вируса, особое значение имеет достаточный уровень информированности населения, как о самой эпидемии, так и о мерах по ее нейтрализации.

В проведенном исследовании неожиданные ответы получены на вопрос анкеты «Обращались ли Вы лично или коллективно в муниципальные или региональные органы власти во время пандемии в связи с какими-то проблемами?» Из опрошенных респондентов 4,5 % обращались и не получили ответ; 12,4 % обращались и получили ответ, 75,2 % не обращались. Мы также выяснили, что 37 % обращались по телефону, по 26,9 % лично и в электронной форме, 9,1 % в письменной форме. Результаты показывают, что удовлетворены ответом – 51,2 %, не удовлетворены – 25,1 %, частично удовлетворены – 23,5 % (рис. 3).

- обращался и получил ответ
- обращался, но ответ не получил
- не обращался (если не обращался, то перейдите к вопросу 10)
- не обращался (если не обращался, то перейдите к вопросу 9)

Рисунок 3 – Распределение ответов респондентов об обращении к органам власти в условиях пандемии

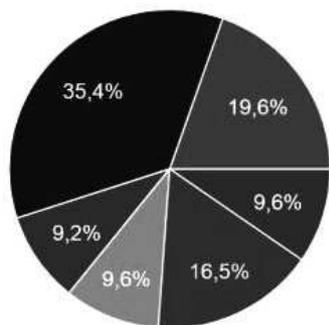
Немалую роль при принятии решений в кризисных ситуациях играет реакция граждан на деятельность властей. Как меняется общественный консенсус и доверие к власти, как органы власти на это реагируют, как изменившаяся повестка сказывается на настроениях в обществе – все эти факторы влияют не только на человеческие и иные потери от пандемии, но и на развитие регионов на многие годы вперед. В условиях распространения эпидемии требование к эффективной работе государственных институтов выступило на первое место.

Как показал опрос, 35,4 % респондентов считают, что деятельность власти не изменилась; по мнению 19,6 %, действия власти стали однозначно более открытыми; а 16,5 % убеждены, что стали скорее более открытыми (рис. 4).

О степени открытости власти перед обществом можно судить по тому, что одной из характеристик современности стало более тесное общение представителей власти с гражданами. Так, в процессе коммуникации глава Адыгеи М.К. Кумпилов активно использует интернет-среду. Инстаграм-аккаунт которого признан одним из самых продвинутых среди аккаунтов руководителей субъектов ЮФО. Об этом сообщили авторы исследования «Рейтинг SMM-стратегий губернаторов Российской Федерации», подготовленного совместно телеграм-каналами «Незыгарь» и «Иполитика». В исследовании были проанализированы инстаграм-аккаунты губернаторов, глав регионов на предмет эффективности использования современных средств коммуникации с гражданами. По итогам исследования инстаграм-аккаунт главы Адыгеи вошел в тройку лучших на юге России и

занял семнадцатое место среди 73 глав российских регионов. В период пандемии коронавируса на его странице появляется вся актуальная информация о ситуации в регионе. Он регулярно

обращается к гражданам в формате видео, сообщая о развитии в республике событий, связанных с распространением COVID-19.

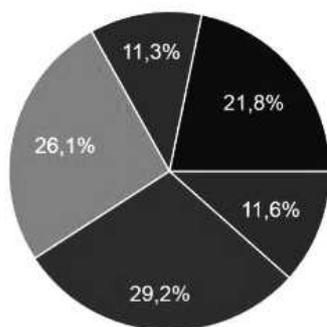
- однозначно более открытыми
- скорее более открытыми
- скорее менее открытыми
- однозначно менее открытыми
- ничего не изменилось
- затрудняюсь ответить

Рисунок 4 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в условиях пандемии органы власти вашего региона стали более открытыми, менее открытыми или ничего не изменилось?»

Для прогнозирования влияния пандемии на общество в целом необходимо принять во внимание тот факт, что подавляющее большинство органов власти вошло в эпоху COVID-19 с низким уровнем институционального доверия. Проблема доверия оказалась сегодня злободневной в связи с нарастающими угрозами и «непосредственно связана с развитием стабилизационных и интеграционных процессов,

крайне необходимых российскому обществу» [3, с. 44].

Наше исследование показало, что при ответе на вопрос «Скажите, действия властей региона способствовали Вашей уверенности в безопасности?», мнения респондентов разошлись: 29,2 % опрошенных считают, что скорее да; 26,1 % – скорее нет (рис. 5).

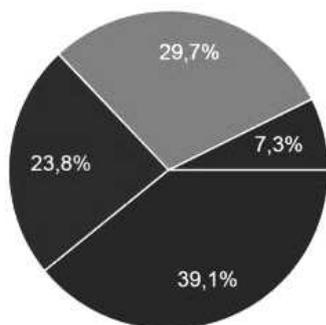

- безусловно да
- скорее да
- скорее нет
- безусловно нет
- затрудняюсь ответить

Рисунок 5 – Распределение ответов на вопрос: «Скажите, действия властей региона способствовали Вашей уверенности в безопасности?»

В рамках проведенного исследования нас интересовала точка зрения респондентов относительно факторов взаимодействия власти и населения, влияющих на улучшение жизни. К таким факторам 39,1 % опрошенных отнесли необходимость

учета общественного мнения при принятии решений; 29,7 % считают, что принимаемые решения должны быть справедливыми; 23,8 % полагают, что власть должна быть более открытой, доступной (рис. 6).

- учитывать общественное мнение при принятии решений
- власть должна быть более открытой, доступной
- принимаемые решения должны быть справедливыми
- власть делает все необходимое, ничего другого не нужно

Рисунок 6 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, что необходимо для того, чтобы взаимодействие власти региона с населением влияло на улучшение жизни?»

Республика Адыгея и Краснодарский край продемонстрировали четкую картину поведения при непредвиденных глобальных кризисах. В результате последовательно введенных мер, власть, как свидетельствуют исследования, укрепила свой имидж. Причин тому несколько. Во-первых, власти с самого начала показали максимальную ответственность. Во-вторых, ситуация с коронавирусом предоставила власти возможность повысить свой имидж в глазах избирателей. В-третьих, одним из обстоятельств в борьбе с пандемией стала состоятельность институтов государст-

венного управления, позволившая быстро реагировать на угрозу, консолидируя ресурсы и учитывая общественное мнение.

Из этого следует, что одним из механизмов, повышающих доверие к представителям власти в условиях пандемии, является учет общественного мнения. Но, как показало исследование, 36 % респондентов считают, что власть при принятии решений скорее не учитывает общественное мнение (рис. 7).

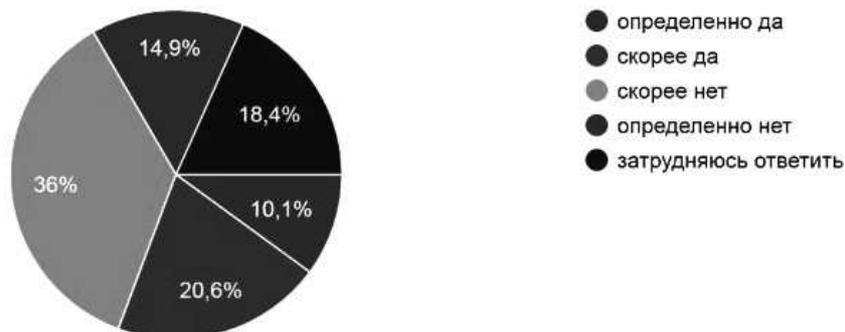

Рисунок 7 – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, при принятии решений органы власти вашего региона учитывают общественное мнение?»

Есть основания ожидать, что под влиянием пандемии произойдут изменения в политических установках россиян: кардинальные решения, принимаемые российскими политическими лидерами, повышают уровень доверия к государству.

Для сохранения целостности, безопасности российского общества, обеспечения его интегрированности и успешного социально-экономического развития важно определить возможные пути и факторы, способствующие наращиванию внутренних интеграционных процессов, увеличению его интеграционного потенциала [4, с. 23].

С целью горизонтального измерения направленности тенденций интеграции и дезинтеграции между различными социальными группами в анкете ставился вопрос: «Считаете ли Вы, что пандемия стала проверкой на человечность, отзывчивость, солидарность?» Результаты показывают: 48,7 % респондентов считают, что люди готовы и могут помочь друг другу в трудные минуты, по мнению 25,8 %, люди только разобщились. Также важно отметить, что 25,5 % опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос (рис. 8).

Рисунок 8 – Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что пандемия стала проверкой на человечность, отзывчивость, солидарность?»

Как нам представляется, это свидетельствует о том, что негативные переживания, связанные с последствиями пандемии, запускают разнонаправленные процессы. С одной стороны, они повышают сплоченность людей перед лицом общей опасности, с другой – способствуют их разобщенности.

Пандемия является серьезным испытанием для всех уровней власти, поскольку она демонстрирует, насколько те или иные политические

решения являются правомерными или неправомерными, насколько политические элиты справляются с вызовами и отвечают тем запросам, которые существуют у населения. В конечном итоге, это приведет к изменениям во властных структурах. Успехи или неудачи органов государственной власти в преодолении пандемии и ее последствий, так или иначе, повлияют на вопросы обеспечения национальной безопасности и на поляризацию внутри общества [5, с. 189].

В перспективе, интеграционные процессы на региональном уровне будут усложняться, приобретая новые формы. Их результатом станет система отношений, в которой решения будут приниматься на основе диалога. В этих условиях процветание страны будет во многом зависеть от того, насколько эффективно используются интеграционные возможности с учетом региональных преимуществ. Инструменты реализации интеграционного потенциала общеизвестны. В то же время, ключевым вопросом остается выбор

конкретных интеграционных мер в текущей критической ситуации.

Будем надеяться, что в дальнейшем, благодаря согласованным действиям граждан, общества и государства, человечество сможет преодолеть пандемию COVID-19.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31523.

Литература:

1. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Отв. ред. В.К. Левашов. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. 532 с.
2. *Авксентьев В.А.* Интеграционный потенциал полиэтничного региона в контексте укрепления социокультурной безопасности / В.А. Авксентьев и [др.] // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 10. С. 14–21.
3. *Козырева П.М.* Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала / П.М. Козырева // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.
4. *Константинова Л.В.* Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации / Л.В. Константинова // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 19–29.
5. *Жаде З.А.* Векторы (дез)интеграции в полиэтничном обществе в условиях непосредственного глобального риска / З.А. Жаде // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение». 2020. Вып. 3. С. 185–190.

Literature:

1. Russian society and the state in the context of a pandemic: the socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020 / editor-in-chief V.K. Levashov. M. : ITD «PERSPEKTIVA», 2020. 532 p.
2. *Avksentiev V.A.* Integration potential of a multiethnic region in the context of strengthening sociocultural security / V.A. Avksentiev [et. al.] // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2019. № 10. P. 14–21.
3. *Kozyreva P.M.* Interpersonal trust in the context of the formation of social capital / P.M. Kozyreva // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. № 1. P. 43–54.
4. *Konstantinova L.V.* Integration potential of society: experience of conceptualization / L.V. Konstantinova // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 8. P. 19–29.
5. *Zhade Z.A.* Vectors (dez)integration in a multiethnic Society in direct global risk / Z.A. Zhade // Bulletin of the Adygeya State University. A Series of «Regional Studies». 2020. Vol. 3. P. 185–190.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Беликова Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии,
Кубанский государственный
технологический университет
belikova 2003@ mail.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Язык КАТАСТРОФЫ:

**ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19
НА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНУЮ
КОММУНИКАЦИЮ**

Аннотация. В данной статье предпринята попытка определить влияние пандемии COVID-19 на социально-культурную коммуникацию. В числе новых пандемийных паттернов авторами выделены: возникновение эффектноцебо; трансформация потребностно-мотивационной и ценностно-нормативной системы, незамедлительно изменившей характер социокультурной коммуникации; изменение локуса контроля с внешнего на внутренний – крен в сторону интровертированности личности; социальное отчуждение и сужение круга общения; снижение качества коммуникации в результате внедрения онлайн-общения посредством ИКТ; распространение буллингов, формирование социофобии; социальная стигматизация как негативный социальный конструкт коммуникации.

Ключевые слова: язык катастрофы, пандемия COVID-19, коронавирус, социально-культурная коммуникация, пандемийные паттерны.

Пандемия COVID-19 оказала огромное влияние буквально на все сферы социокультурной жизнедеятельности. Как подчеркивает О.Ю. Яценко, информатизация, усиленная таким серьезным глобальным вызовом, как пандемия

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of Chair of History of Russia,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Natalia Yu. Belikova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Philosophy,
Kuban State Technological University
belikova 2003@mail.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student of the Department
Regional Sociology
and Modeling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

**DISASTER LANGUAGE: IMPACT
OF THE COVID-19 PANDEMIC ON SOCIAL
AND CULTURAL COMMUNICATION**

Annotation. This article attempts to determine the impact of the COVID-19 pandemic on social and cultural communication. Among the new pandemic patterns, the authors have identified: the emergence of the nocebo effect; transformation of the need-motivational and value-normative system, which immediately changed the nature of sociocultural communication; change in the locus of control from external to internal – a bias towards the introverted personality; social alienation and narrowing of the circle of contacts; decrease in the quality of communication as a result of the introduction of online communication through ICT; the spread of bullying, the formation of social phobia; social stigmatization as a negative social construct of communication.

Keywords: catastrophe language, COVID-19 pandemic, coronavirus, socio-cultural communication, pandemic patterns.

коронавируса, показала «возможность амбивалентного использования ресурсов информационного пространства: как для извлечения экономической выгоды», так и для изменения «социальных коммуникаций» [1, с. 503]. «Специфика

коммуникации посредством информационных каналов создает заинтересованным социальным группам возможность для смыслового искажения информации и манипулятивного воздействия на аудиторию. Так, наиболее распространенными в СМИ в период пандемии стали «теории заговоров», коронавирусной пандемии, «чипизации через вакцинацию» и др. [2].

«Язык катастрофы» – так можно назвать язык, на котором сейчас все мировое сообщество обсуждает, пишет, говорит о пандемии, с использованием каких слов и образов думает о ней, как «представляет» себе это бедственное событие, а также изменяет привычную социальную и культурную коммуникацию в обществе [3].

Сегодня категория «коронавирус» становится глубоко лингвистическим, социальным и психологическим явлением, которое влияет на повседневное общение в социуме, сообщения СМИ, творческую и трудовую деятельность. Пандемия COVID-19 с ее деструктивно катастрофическим пониманием стремительно вошло в сознание российского населения и, видимо, еще надолго останется темой, регулярно возникающей в научной и популярной литературе, отчетах, прогнозах, статистике.

В чем же проявляется катастрофическое влияние пандемии COVID-19 на социально-культурную коммуникацию? Какие новые пандемийные паттерны, отражающиеся на коммуникации, можно выделить?

Прежде всего, стоит отметить, что к числу отрицательных последствий пандемии коронавируса для социально-культурной коммуникации можно отнести т.н. эффект ноцебо (от лат. «посебо» – «я поврежу») – эффект, связанный с превалированием деструктивного информативного контекста в социально-культурной коммуникации, вызывающий отрицательную реакцию у населения. Этот термин появился как антитеза известному медико-социальному термину «плацебо» в силу захлестнувшей население волны информации и увеличившейся в разы коммуникации по проблемам, связанным с пандемией COVID-19 (о количестве заболевших, ее стремительном течении, ее последствиях и пр.).

Этот «язык катастрофы» незамедлительно отразился на состоянии здоровья той части населения, которое болеет, ибо этой части стало тяжелее переносить болезнь [4]. Это связано с тем, что сознание заболевшего человека, по меткому выражению И.А. Кульковой, «рисует страшные картины, а тело эти картины воспроизводит в реальности». При этом, как указывает исследователь, «ряд авторов, теле- и радио-ведущих пытаются запугать население, чтобы они не нарушали режим самоизоляции» и значительно снизили социальные контакты. Т.е. современная пандемия COVID-19 характеризуется высокой степенью информативности и нарушением привычной социально-культурной коммуникации [5].

Проведя анализ социальных сетей и научной литературы, мы готовы обозначить ряд

катастрофических последствий влияния пандемии COVID-19 на социально-культурную коммуникацию и возникновение новых пандемийных паттернов:

Во-первых, произошла резкая трансформация потребностно-мотивационной и ценностно-нормативной системы, незамедлительно изменившей характер социокультурной коммуникации. Как подчеркивает А. Шаронов, в 2020 году «мы дружно скатились вниз по пирамиде Маслоу на базовый уровень – выживание, безопасность и здоровье», «резко упала ценность одежды, дорогих аксессуаров». В этой связи А. Шароновым выделены три пандемийных паттерна [6]:

– резко сократилась дистанция, причем не только социальная, но и статусная (иерархическая). «Это уже не ты приходишь в кабинет к начальнику, а он буквально сидит у тебя дома, Вы фактически равны», т.к. все трудовые функции (от управленцев до исполнителей) объединены рамками определенной общей рабочей платформы (Zoom, Teams) «только фоны могут различаться» (но можно включить любой виртуальный фон);

– произошла метаморфоза с ролью лидера (руководителя) в моменты стресса и социальной неопределенности. «Когда ты не понимаешь, что происходит, сколько это будет длиться, какие у этого будут последствия, то тут уже не помогут старые инструменты – общие слова на собраниях, грамоты или листовки с миссией компании. Нам всем хочется, чтобы с нами поговорили по-человечески и не только о работе, а не воспринимали нас лишь как набор качеств, знаний и компетенций» [6];

– произошло изменение локуса контроля с внешнего («работаю, потому что за мной следят») на внутренний («работаю, потому что интересно, нравится, хочу честно зарабатывать свои деньги»). «Мы стали больше смотреть внутрь себя, чем наружу», «каждый понял что-то свое – про себя, свои приоритеты и окружение». Многие стали меньше общаться с другими людьми, с которыми больше не осталось поводов, объективных оснований для встреч и общих деловых проектов. «Подобные перемены всегда вызывают удивление: оказывается, тот факт, что мы когда-то сидели в соседних кабинетах или занимались чем-то схожим, не всегда дает душевную близость и общие темы» для коммуникации [6].

Третий пандемийный паттерн, так или иначе, наводит нас на мысль о том, что произошел крен в сторону интровертированности личности. Как известно из теории К.Г. Юнга, экстраверсия и интроверсия – это принципиально различные способы психической и социальной адаптации. Так, экстраверт направлен на растративание собственной энергии по отношению к окружающей среде и черпает силы из социальных взаимодействий, при этом чувствуя себя «наедине с самим собой» дискомфортно и опустошенно. Что касается интровертов, то их энергетический запас пополняется в уединении, общение для них является утомительным и в процессе социализации они чувствуют прессинг, окружающая среда их

тяготит [7]. Отсюда следует, что и ценностно-нормативная система этих двух типов разительно отличается: «интроверты не стремятся к неизменно позитивному настрою, а скорее наоборот – сильные эмоции им мешают слышать себя. Экстраверты же наоборот, нуждаются в громком успехе и сальных переживаниях, в общественную жизнь они вовлечены гораздо активнее» [8, с. 42]. А поскольку, по наблюдениям психологов, экстравертов в нашем обществе большинство (порядка 75 %) и их поведение принято считать нормой [8, с. 42], для их социально-психологического благополучия катастрофичны условия, продиктованные пандемией, в которых основным требованием является уход на самоизоляцию, переход на удаленный режим работы и ограничение социальных контактов. Мир, ранее приспособленный для экстравертов, теперь трансформировался в пользу 25 % процентов интровертов, которым «нужно ограничиваться в разговоре одной-двумя темами» [8, с. 42].

Во-вторых, отчуждение и отдаление людей друг от друга, причиной которых стало введение карантинных мероприятий, в результате последних существенно сузился круг общения, сократились личные встречи, значительно уменьшилось число конференций в очном формате, где люди вступали в непосредственную социальную коммуникацию, культурно общались и заводили новые контакты и социальные связи [9].

В-третьих, стало все более заметным снижение качества коммуникации: онлайн-общение посредством смартфонов, компьютеров, ноутбуков является эрзацем, оно никак не заменяет полноценной личной коммуникации, включающей в себя перцептивный, аффективный, тактильный уровни межличностного взаимодействия, а также обмен специфически человеческой энергетикой при физическом контакте. Более того, эксперты прогнозируют тот факт, что люди, извлекая определенные уроки пандемии, будут реже физически контактировать друг с другом по причине влияния таких стрессоров, как: продолжительность карантина, боязнь заболевания, разочарования и скуки, неадекватной информации, дефицита оптимальной социальной коммуникации [10, 11].

В-четвертых, наметилась тенденция распространения травли (буллингов) как следствие тревоги, формирование социофобии, что, в свою очередь, закономерно ведет к снижению доверия между людьми и увеличению агрессии в обществе, разрушению понимания окружающего мира. Социальное дистанцирование стало проверкой способности человека к сотрудничеству и социально-культурной коммуникации [12].

В-пятых, исследователи указывают на стигматизацию как стрессор в посткарантинный период, приводящий к разрушительному влиянию на социальную коммуникацию [10]. Как известно, людям и без того свойственно вешать ярлыки, что позволяет оптимизировать когнитивные усилия и делать выводы шаблонно, «по накатанному пути», но именно этот факт существенно ограничивает в социально-культурной коммуникации в периоды кризисов и неопределенности.

Под стигматизацией в традиционном понимании, идущем от И. Гофмана, подразумевается процесс выделения индивидов на основании отклонений от нормы с целью применения общественных санкций. Посредством термина «стигма» И. Гофман обозначал разрыв между тем, каким человек должен быть, и тем, что он, с точки зрения общественности, представляет собой на деле. Тот, у кого имеется разрыв между двумя данными идентичностями, «заклеймен» и отвергаем в рамках социально-культурной коммуникации [13].

Исследователи, исходя из анализа официальных новостных источников, публикаций в социальных сетях, данных социологических опросов, пришли к выводу о формировании нового типа социальной стигматизации, связанной с пандемией COVID-19. Так, С.Е. Туркулец с соавторами указывают, что в эпидемиологические глобальные кризисы «процесс стигматизации приобретает особый размах и новые формы. Стигма становится клеймом для всех, кто имеет хоть какое-то отношение к заболеванию: заболевшие, их родные и близкие, врачи и средний медицинский персонал» [14, с. 14]. Зарубежные ученые обращают внимание на то, что пандемия вызывает у простых людей желание стигматизировать и отвергнуть человека/группу [15]. В этой связи стигматизация как негативный социальный конструкт для коммуникации «дает определенные бонусы «здоровой» части общества: возможность самооценки, формирование позитивной социальной идентичности, повышение социального статуса», т.е. появление новой социокультурной модели коммуникации [14, с. 14].

В-шестых, страх заражения, санитарные требования и другие административные ограничения привели к большей самоизоляции людей и к их финансово-экономическим потерям. Как справедливо замечает Е.В. Федосенко, финансово-экономические потеристали проблемой для той части населения, которая, в силу спецификипрофессиональной деятельности, не может работать удаленно, и вынуждена прерывать свою профессиональную деятельность и экстренно ее сменять, что связано с «невозможностью больше заниматься любой работой, которая также была и гарантом относительного финансового благополучия. Например, это очень серьезно коснулось сферы туризма» [10, с. 39]. Многие стали довольствоваться собственным ореолом обитания. По словам З. Пополикашвили, «пандемия изменила менталитет туристов» [16], люди стали меньше путешествовать, особенно упал спрос на путешествия в рамках дальнего зарубежья (даже уже при частично открытых границах), что сокращает возможности межкультурного обмена, интеграции и обмена социокультурным опытом.

Исходя из всего, сказанного выше, пандемия является не только эпидемиологическим, но в первую очередь, социально-психологическим кризисом, коллективным горем, языком катастрофы, оказавшим свое губительное влияние на социально-культурную коммуникацию населения.

Таким образом, такого рода глобальные события, как пандемия коронавируса, влияют не только на здоровье населения, экономическую ситуацию, но также на качество социально-культурной коммуникации, порождая новые пандемийные паттерны. Современная реальность позволяет констатировать, что предстоит большая работа по

Литература:

1. Яценко О.Ю. Пандемия как глобальный вызов: социально-экономический и правовой тезаурус / О.Ю. Яценко // Образование и право. 2020. № 4. С. 504–507.
2. Гафиатулина Н.Х. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 : монография / Н.Х. Гафиатулина [и др.]. М., 2020.
3. URL : <https://theoryandpractice.ru/posts/17952-yazyk-katastrofy-kak-pandemiya-vliyaet-na-kommunikatsiyu>
4. Howick J. Coronavirus: could reading about the pandemic cause harm? / J. Howick, G. Ongaro. URL : <https://theconversation.com/coronavirus-could-reading-about-the-pandemic-cause-harm-135585>
5. Кулькова И.А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России / И.А. Кулькова // HumanProgress. 2020. Т. 6. Вып. 1 URL : http://progress-human.com/images/2020/Tom6_1/Kulkova
6. URL : <https://www.forbes.ru/obshchestvo/42035-1-era-chelovechnosti-kak-pandemiya-i-udalennaya-menayut-otnosheniya-mezhdu>
7. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. М., 2001. 736 с.
8. Мартынюк О.Б. Жизнь в ритме интроверта / О.Б. Мартынюк, К.А. Шевченко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 10(67). С. 40–46.
9. Касьянов В.В. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения / В.В. Касьянов, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2020. № 2. С. 51–63.
10. Федосенко Е.В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 / Е.В. Федосенко // Материалы XXV Международного симпозиума «Психологические проблемы смысла жизни и акме». 2020. С. 34–47.
11. Belikova N. Yu. Professional and social self-determination of youth under conditions of the modernization of higher education / N.Yu. Belikova [et al.]. Revista Gênero e Direito. 2020. Vol. 9. № 4. P. 846–859.
12. Голованова Н.А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение / Н.А. Голованова // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 113–123.

повышению качества социально-культурной коммуникации, минимизированию стигматизации, преодолению пандемийных паттернов, сформировавшихся в условиях развития и распространения пандемии COVID-19, а также в посткарантинный период.

Literature:

1. Yatsenko O. Yu. Pandemic as a global challenge: socio-economic and legal thesaurus / O. Yu. Yatsenko // Education and Law. 2020. № 4. P. 504–507.
2. Gafiatulina N. Kh. Russian society in conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic : monograph / N. Kh. Gafiatulina, V. V. Kasyanov, P. S. Samygin, S. I. Samygin. M., 2020.
3. URL : <https://theoryandpractice.ru/posts/17952-yazyk-katastrofy-kak-pandemiya-vliyaet-na-kommunikatsiyu>
4. Howick J. Coronavirus: could reading about the pandemic cause harm? / J. Howick, G. Ongaro. URL : <https://theconversation.com/coronavirus-could-reading-about-the-pandemic-cause-harm-135585>
5. Kulkova I. A. The impact of the coronavirus pandemic on demographic processes in Russia / I. A. Kulkova // Human Progress. 2020. Vol. 6. Iss. 1. URL : http://progress-human.com/images/2020/Tom6_1/Kulkova
6. URL : <https://www.forbes.ru/obshchestvo/42035-1-era-chelovechnosti-kak-pandemiya-i-udalennaya-menayut-otnosheniya-mezhdu>
7. Jung K. G. Psychological types. M., 2001. 736 p.
8. Martynyuk O. B. Life in the rhythm of an introvert / O. B. Martynyuk, K. A. Shevchenko // Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology. 2016. № 10(67). P. 40–46.
9. Kasyanov V. V. Features and problems of social behavior in the conditions of self-isolation of the Russian population / V. V. Kasyanov, N. Kh. Gafiatulina, S. I. Samygin // Humanitarian of the South of Russia. 2020. № 2. P. 51–63.
10. Fedosenko E. V. Life after quarantine: the psychology of meanings and the coronavirus COVID-19 / E. V. Fedosenko // Materials of the XXV International Symposium «Psychological Problems of the Meaning of Life and Acme». 2020. P. 34–47.
11. Belikova N. Yu. Professional and social self-determination of youth under conditions of the modernization of higher education / N. Yu. Belikova [et al.]. Revista Gênero e Direito. 2020. Vol. 9. № 4. P. 846–859.
12. Golovanova N. A. Problems of Combating Bullying: Legislative Decision / N. A. Golovanova // Journal of Russian Law. 2018. № 8. P. 113–123.

13. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. NY. : Simon & Schuster, Inc, 1963.

14. *Туркулец С.Е.* Социальная стигматизация в период пандемии / С.Е. Туркулец [и др.] // Социодинамика. 2020. № 5. С. 11–25.

15. *Kayama M.* Balancing the stigmatization risks of disability labels against the benefits of special education: Japanese parents perceptions. Children and Youth Services Review / M. Kayama, W. Haight. 2018. Vol. 89. P. 43–53.

16. URL : <https://iz.ru/1027256/ekaterina-postnikova/pandemiia-izmenila-mentalitet-turistov>

13. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. NY. : Simon & Schuster, Inc, 1963.

14. *Turkulets S.E.* Social stigmatization during a pandemic / S.E. Turkulets [et al.] // Sociodynamics. 2020. № 5. P. 11–25.

15. *Kayama M.* Balancing the stigmatization risks of disability labels against the benefits of special education: Japanese parents perceptions. Children and Youth Services Review / M. Kayama, W. Haight. 2018. Vol. 89. P. 43–53.

16. URL : <https://iz.ru/1027256/ekaterina-postnikova/pandemiia-izmenila-mentalitet-turistov>

Кумпилов Тагир Маратович
аспирант кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
tagir-kumpilov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. В статье анализируются особенности имиджа Республики Адыгея в пространстве социальных медиа. Эмпирической базой анализа выступают результаты онлайн-опрос среди пользователей социальных сетей из числа республиканских жителей (опрошено 638 человека в 2020 г.) и материалы контент-анализа сообщений на российских «сайтах-отзовиках» (574 сообщения за период с 2016 по 2020 гг.). Показано, что внутренний и внешний имидж Адыгеи концентрируется, преимущественно, вокруг туристских ресурсов. Причем, если природно-географическая и социокультурная специфика региона воспринимается по большей части положительно, то социально-экономическая и туристская инфраструктура (качество материального фонда и уровень сервиса) многими местными жителями и приезжими оценивается достаточно критично. В условиях стихийного формирования имиджеобразующего контента в социальных медиа, посвященных Республике Адыгея, повышается роль направленного конструирования позитивного имиджа региона.

Ключевые слова: имидж региона, Республика Адыгея, социальные медиа, интернет-дискурс, внешний и внутренний имидж.

Введение. Имидж Республики Адыгея является одним из приоритетных направлений коммуникативной деятельности региональной власти. Сегодня задача формирования имиджа республики приобретает новое звучание. Одной из предпосылок этого процесса стал резкий скачок в информационных технологиях. Массовая коммуникация не ограничивается традиционными СМИ, в медиа-ландшафт встраиваются социальные сети, мессенджеры, видеохостинги. Новые медиа-технологии изменили характер коммуникации с линейной на многомерную [1; 2; 3]. Жители региона непрерывно находятся в состоянии

Tagir M. Kumpilov
Postgraduate Student of the Department
Philosophy and Sociology,
Adygea State University
tagir-kumpilov@mail.ru

FEATURES OF THE INTERNAL AND EXTERNAL IMAGE OF THE REPUBLIC OF ADYGEA IN SOCIAL MEDIA (BASED ON THE RESULTS OF APPLIED RESEARCH)

Annotation. The article analyzes the features of the image of the Republic of Adygea in the social media space. The empirical basis of the analysis is the results of an online survey among social network users from among Republican residents (638 people were interviewed in 2020) and content analysis of messages on Russian «response sites» (574 messages for the period from 2016 to 2020). It is shown that the internal and external image of Adygea is mainly concentrated around tourist resources. Moreover, if the natural-geographical and socio-cultural specifics of the region are perceived mostly positively, then the socio-economic and tourist infrastructure (the quality of the material Fund and the level of service) is evaluated quite critically by many local residents and visitors. In the conditions of spontaneous formation of image-forming content in social media dedicated to the Republic of Adygea, the role of directed construction of a positive image of the region is increasing.

Keywords: regional image, Republic of Adygea, social media, Internet discourse, external and internal image.

потребления и генерирования нового медиа-контента [4]. В этих условиях в процессе дискурсивного конструирования имиджа Адыгеи полюс смещается в сторону самоорганизующихся интернет-сообществ. В этой связи, необходимо исследовать содержательные характеристики конструирования имиджа Республики Адыгея в социальных медиа¹.

В пространстве новых медиа находят отражение актуальные социальные дискурсы, поскольку они создает свободную коммуникативную площадку для производства и транслирования социальных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90021.

представлений [5; 6]. Имидж современных регионов во многом зависит от характера медиадискурса, который может формироваться целенаправленно (органами власти, бизнесом) и конструироваться стихийно через коммуникации в социальных медиа (посты и комментарии в социальных сетях, отзывы на различных веб-сервисах). В настоящее время приоритеты дискурсивного формирования имиджа регионов России концентрируются в пространстве самоорганизующихся интернет-сообществ. В этих условиях изучение специфики регионального имиджа предполагает анализ коммуникативно-технологических аспектов производства имиджевого контента.

Эмпирическая база исследования. В статье приводятся результаты социологического онлайн-опроса, проводившегося в начале 2020 г. среди пользователей социальных сетей. Опрашивались подписчики наиболее многочисленных групп в Инстаграм, вКонтакте и Однокласники, посвященных Республике Адыгея. В опросе приняли участие 638 человек (39 % мужчин и 61 % женщин). 90 % респондентов проживает в республике и две трети из них адыги. В силу демографической специфики пользователей социальных сетей в опросе преобладает относительно молодое

поколение: 32 % опрошенных в возрасте 18–24 года, 42 % – 25–34 года, 18 % – 35-44 года, 8 % – 45–64 года.

Для изучения интернет-дискурса имиджевых характеристик Республики Адыгея были выбраны сообщения, представленные на самых известных российских сайтах отзывов. Методом контент-анализа на Интернет-ресурсе IRecommend были проанализированы 574 сообщения (отзывы и комментарии) за период с 2016 по 2020 г., на сайте Otzovik – 70 сообщений за период с 2014 до 2020 г. Всего было проанализировано 644 сообщений интернет-пользователей.

Результаты исследования. Опрошенная аудитория социальных медиа состоит, преимущественно, из коренных жителей, поэтому социологический опрос отражает, преимущественно, автохарактеристики имиджа республики. Население региона положительно характеризует существующий имидж Адыгеи (81 %), тогда как оценки жителей других регионов, с точки зрения опрошенных, разделяются между позитивными (35 %) и нейтральными (34 %). Они считают, что у российского населения отрицательное восприятие республики у 11 % опрошенных (рис. 1).

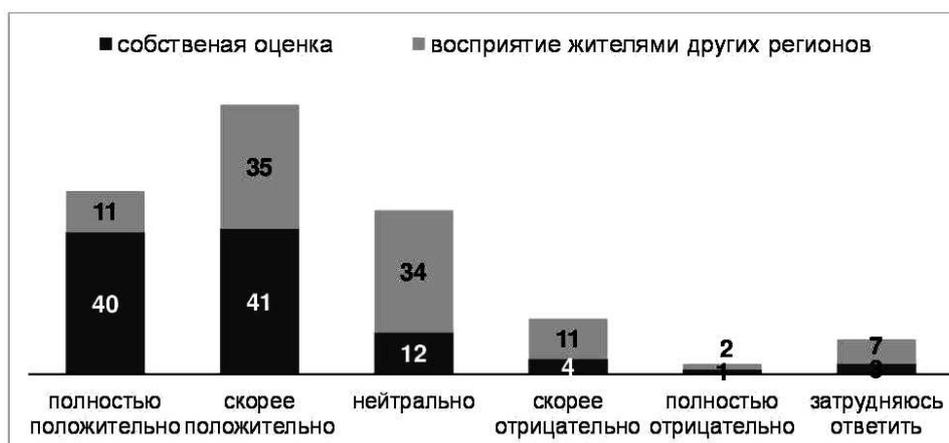

Рисунок 1 – Как Вы оцениваете существующий имидж (образ) Республики Адыгея? А как, по-вашему, воспринимают имидж (образ) Республики Адыгея жители других регионов РФ? (один ответ, в %)

Большая часть опрошенных пользователей социальных сетей из числа республиканских жителей отмечают, что Адыгея является привлекательной для туристов своей природой и климатом (9,2 средних балла по 10-ти балльной шкале), уникальными историко-культурными характеристиками (9,2 средних баллов), гостеприимством и доброжелательностью местного населения (8,1 средних баллов). В тоже время, достаточно критичны респонденты в оценке досуговой (6,4 средних баллов по 10-ти балльной шкале), образовательной (5,6 средних баллов) и социально-экономической инфраструктуры (5,6 средних баллов) региона, условия для предпринимательской деятельности здесь также не совсем благоприятны (4,7 средних баллов).

По мнению жителей республики, негативное влияние на имидж Адыгеи оказывают безработица,

невысокий уровень жизни населения, коррупция, неразвитость досуговой, жилой и социальной инфраструктуры в регионе (рис. 2).

Исследование внешнего имиджа Республики Адыгея осуществлялся через анализ интернет-дискурса на, так называемых, «сайтах-отзовиков». Результаты проведенного контент-анализа показывают, что, чаще всего, интернет-пользователи пишут отзывы и оставляют комментарии относительно:

– туристкой инфраструктуры (гостиницы, базы отдыха, рестораны, транспорт, вокзалы, уровень сервиса и пр.) – 27 %;

– природно-географических особенностей республики (леса, горы, реки, озера, климат, экология и пр.) – 25 %;

– историко-культурной специфики (этнические традиции, поведенческие особенности, язык, национальная кухня, ремесла и пр.) – (18 %);

– качества жизни ее населения (уровень жизни, труд и безработица, образование, жилье, здравоохранение, социальные услуги) – 8 %. (рис. 3).

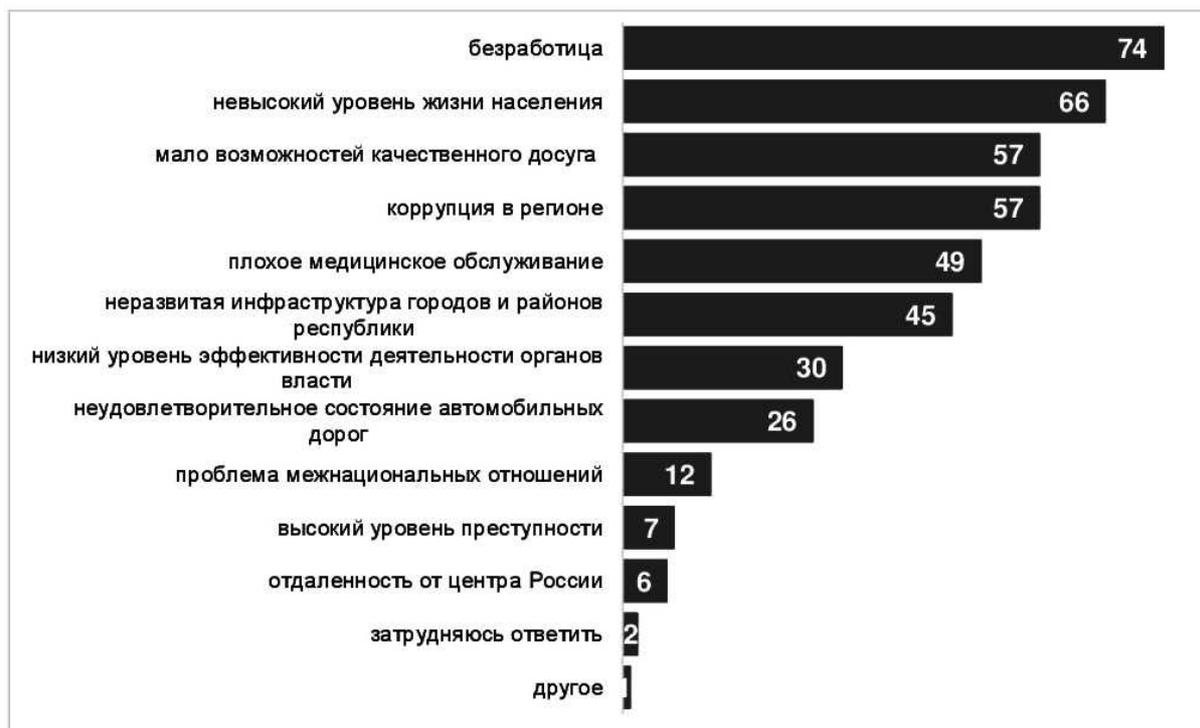

Рисунок 2 – «Какие факторы, на Ваш взгляд, негативно влияют на имидж Республик Адыгея?» (несколько вариантов ответов, в %)

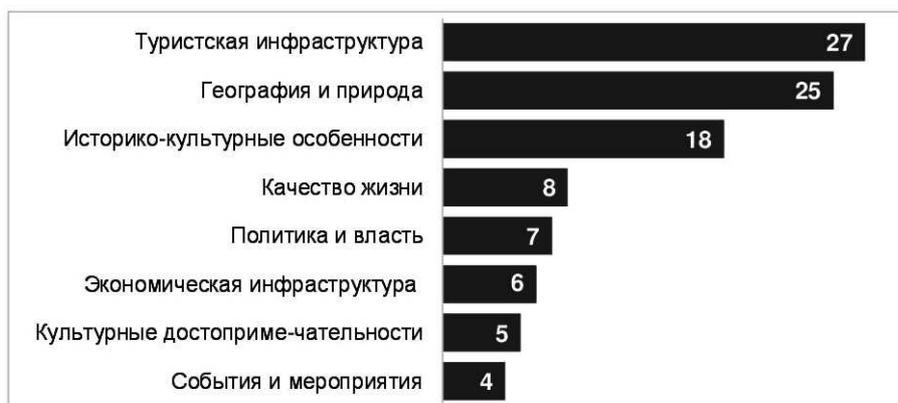

Рисунок 3 – Показатели упоминаемости характеристик Республики Адыгея на «сайтах-отзовиках» (в %)

В анализируемом интернет-дискурсе складываются, в целом, позитивные характеристики природно-географического, исторического, социокультурного и туристского компонентов имиджа Республики Адыгея. Всего они собирают 43 % анализируемых сообщений на «сайтах-отзовиках» (рис. 4). «Куда бы мы не ездили в Адыгее, везде вот такая красота – горы, леса, травы по пояс» [4]. «В Адыгее природа удалась на славу: хочешь горы, на тебе горы, хочешь водопады, на тебе водопады, хочешь пещеры, на тебе пещеры» [5].

Однако социально-экономический имидж региона имеет, скорее, негативную направленность. Особенно большое число отрицательных высказываний отмечается по категории «туристская инфраструктура». «Приезжал в Адыгею посмотреть на горы и всё прочее, был только расстроен, бабла просадил немерено, а в результате никаких впечатлений, нет нормально развитой инфраструктуры, даже связи нет» [6]. «Администрация в больших гостиницах и турбазах просто выводит из себя своим отношением к людям!» [7]. «С сервисом в Адыгее ужасно. Нормальных кафе в туристических местах просто нет» [8].

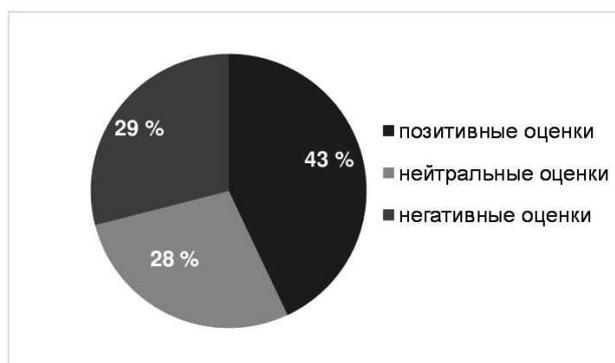

Рисунок 4 – Оценка содержательных компонентов имиджа Республики Адыгея на «сайтах-отзовиках»

Заключение. Таким образом, проведенный анализ показывает амбивалентность имиджа Адыгеи в пространстве социальных медиа. С одной стороны, образ региона по большей части воспринимается положительно как жителями самой республики, так и гостями, приезжающими из других российских территорий. Однако внутренний и внешний имидж Адыгеи концентрируется преимущественно вокруг туристских ресурсов. Причем, если природно-географическая и социокультурная специфика региона оценивается по большей части положительно, то социально-

экономическая и туристская инфраструктура (качество материального фонда и уровень сервиса в отелях и базах отдыха) в значимом количестве наблюдений оценивается местными жителями и гостями отрицательно. Большинство пабликов и веток в социальных медиа, посвященных Республике Адыгея, создаются и модерятся самими пользователями на стихийной основе. В этой связи, актуализируется необходимость направленного формирования позитивного имиджа региона в сознании населения.

Литература:

1. *Kaplan A.M.* Users of the world, unite challenges and opportunities of social media / A.M. Kaplan, M. Haenlein // *Business Horizons*. 2010. Vol. 53. Lss. 1. P. 59–68.
2. *Гуреева А.Н.* Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды / А.Н. Гуреева // *Вестник Московского университета*. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.
3. *Дукин Р.А.* Феномен социальных медиа: проблема социологического осмысления // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Серия: Социальные науки. 2015. № 4(40). С. 122–126.
4. *Гавра Д.П.* Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве / Д.П. Гавра, Ю.В. Таранова. СПб.: СПбГУ, 2013. 155 с.
5. *Mitra A.* Theorizing cyberspace: the idea of voice applied to the internet discourse / A. Mitra, E. Watts // *New Media & Society*. 2002. Vol. 4. P. 479–498.
6. *Tanner E.* Chilean conversations: internet forum participants debate Augusto Pinochet's detention / E. Tanner // *Journal of Communication*. 2006. Vol. 51. P. 383–403.
7. Отзыв о Республике Адыгея. URL : https://otzovik.com/review_310193.html (дата обращения 10.12.2020).
8. Отзыв о Республике Адыгея. URL : https://otzovik.com/review_310193.html (дата обращения 10.12.2020).

Literature:

1. *Kaplan A.M.* Users of the world, unite challenges and opportunities of social media / A.M. Kaplan, M. Haenlein // *Business Horizons*. 2010. Vol. 53. Lss. 1. P. 59–68.
2. *Gureeva A.N.* Theoretical understanding of mediatisation in the digital environment / A.N. Gureeva // *Bulletin of the Moscow University*. Episode 10. Journalism. 2016. № 6. P. 192–208.
3. *Dukin R.A.* The Phenomenon of social media: the problem of sociological understanding / R.A. Dukin // *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. Series: Social Sciences. 2015. № 4(40). P. 122–126.
4. *Gavra D.P.* Image of territorial subjects in the modern information space / D.P. Gavra, Yu.V. Taranova. SPb.: SPBU, 2013. 155 p.
5. *Mitra A.* Theorizing cyberspace: the idea of voice applied to the internet discourse / A. Mitra, E. Watts // *New Media & Society*. 2002. Vol. 4. P. 479–498.
6. *Tanner E.* Chilean conversations: internet forum participants debate Augusto Pinochet's detention / E. Tanner // *Journal of Communication*. 2006. Vol. 51. P. 383–403.
7. Review of the Republic of Adygea. URL : https://otzovik.com/review_310193.html (date of application 20.12.2020).
8. Review of the Republic of Adygea. URL : https://otzovik.com/review_310193.html (date of application 20.12.2020).

9. Отзыв о Республике Адыгея. URL : https://otzovik.com/review_3509170.html (дата обращения 10.12.2020).

10. Отзыв о Республике Адыгея. URL : https://otzovik.com/review_4533570.html (дата обращения 10.12.2020).

11. Отзыв о Республике Адыгея. URL : https://otzovik.com/review_7925796.html (дата обращения 10.12.2020).

9. Review of the Republic of Adygea. URL : https://otzovik.com/review_3509170.html (date of application 20.12.2020).

10. Review of the Republic of Adygea. URL : https://otzovik.com/review_4533570.html (date of application 20.12.2020).

11. Review of the Republic of Adygea. URL : https://otzovik.com/review_7925796.html (date of application 20.12.2020).

Лежебоков Андрей Александрович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
leghebokov@yandex.ru

Паслер Ольга Владимировна
кандидат политических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
olga_pasler@yandex.ru

Баштовая Анна Владимировна
студентка факультета среднего
профессионального образования,
Ставропольский государственный
аграрный университет
annabashtovaya3@gmail.ru

Удовлетворенность населения Ставропольского края качеством и доступностью услуг в сфере здравоохранения

Аннотация. Статья содержит результаты социологического опроса населения Ставропольского края о доступности и качестве медицинской помощи в регионе, проведенного в начале 2020 года. Анализ показал, что большинство жителей края в той или иной степени не удовлетворены работой поликлиник и больниц в месте своего проживания. При этом в общественном сознании сложился и воспроизводится дефицит доверия населения к медикам, а основные запросы, которые сегодня предъявляют жители к системе управления здравоохранением региона – модернизация системы оплаты труда медицинских работников и ее привязка к качеству их работы, ликвидация очередей в медицинских учреждениях, а также расширение спектра бесплатной медицинской помощи.

Ключевые слова: качество и доступность медицинской помощи; управление здравоохранением Ставропольского края; экономическая и территориальная доступность медицинских услуг; дефицит доверия населения к медикам.

3абота о здоровье населения является важнейшим условием устойчивого экономического роста. Следует считать, что здоровье нации – это показатель, отражающий качество жизни и успешность проводимых государством политических и социально-экономических реформ.

Andrey A. Lezhebokov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
North Caucasus
Federal University
leghebokov@yandex.ru

Olga V. Pasler
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Sociology,
North Caucasus
Federal University
olga_pasler@yandex.ru

Anna V. Bashtova
Student of the Secondary Faculty
Vocational Education,
Stavropol State
Agrarian University
annabashtovaya3@gmail.ru

SATISFACTION OF THE POPULATION OF THE STAVROPOL TERRITORY WITH THE QUALITY AND AVAILABILITY OF HEALTH SERVICES

Annotation. The article contains the results of a sociological survey of the population of the Stavropol Territory on the availability and quality of medical care in the region, conducted in early 2020. The analysis showed that the majority of residents of the region are more or less dissatisfied with the work of polyclinics and hospitals in their place of residence. At the same time, the public consciousness has developed and reproduces the lack of public confidence in doctors, and the main requests that residents today make to the health care management system in the region are the modernization of the system of remuneration for medical workers and its binding to the quality of their work, the elimination of queues in medical institutions, as well as the expansion of the range of free medical care.

Keywords: quality and accessibility of medical care; management of health care in the Stavropol Territory; economic and territorial accessibility of medical services; lack of public confidence in doctors.

Изучение проблемы качества медицинских услуг в системе здравоохранения имеет междисциплинарный характер. Социологический срез изучения проблемы способен дополнить картину о положении дел в сфере здравоохранения. Тем более, что приоритетное право оценивать качество

и доступность медицинской помощи принадлежит получателям медицинских услуг, поскольку именно удовлетворенность пациентов является одной из важных составляющих результативности медицинской помощи.

С целью выяснения мнения населения Ставропольского края о доступности и качестве медицинской помощи в регионе в начале 2020 года было проведено социологическое исследование методом анкетирования в форме уличного опроса физических лиц старше 18 лет, постоянно проживающих на территории Ставропольского края. Объем выборочной совокупности 819 человек, из них 460 женщин и 359 мужчин.

Формирование выборочной совокупности происходило по принципу стратифицированной пропорциональной выборки с использованием метода случайно-бесповторного отбора респондентов и процедуры квотирования по гендерному и возрастному признакам в соответствии с половозрастной структурой населения Ставропольского края.

Для начала проанализируем, как оценивают жители Ставропольского края состояние своего здоровья (табл. 1).

Таблица 1

Как Вы оцениваете состояние своего здоровья? (%)

Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?	Всего	Мужчины	Женщины
Нормальное здоровье, пока не жалуясь	40,3	20,4	20,2
Временами болею	30,5	13,1	17,1
Часто болею	10,4	4,4	6,1
Имею хроническое заболевание	13,4	5,4	8,1
Инвалид	3,5	1,3	2,3
Затрудняюсь ответить	1,3	0,7	0,6
Отказ от ответа	0,6	0,3	0,2

В целом, лишь 40,3 % опрошенных не жалуется на своё здоровье, 57,8 % жителей Ставропольского края имеют те или иные заболевания. Как видим, женщины на вербальном уровне оценивают своё здоровье чуть ниже, чем мужчины, что несколько отличается от официальной статистики смертности в крае.

За 2019 год статистика смертности населения трудоспособного возраста свидетельствует о том, что около 80 % всех умерших в трудоспособном возрасте приходится на мужское население, что негативно воздействует на рынок труда и увеличивает нагрузку на социальные фонды. В

структуре причин смерти населения преобладают болезни системы кровообращения (54,8 %) и новообразования (14,9 %). [1, с. 18]

Существенная разница вербальных оценок мужчин своего здоровья и официальной статистики заболеваемости и смертности в крае, скорее всего, объясняется тем, что мужчины не так внимательно относятся к своему здоровью, склонны не замечать мелкие недомогания и обращаются в медицинские учреждения значительно реже, чем женщины. Это подтверждают и данные опроса (табл. 2).

Таблица 2

Как часто Вам приходится посещать медицинские организации? (%)

Как часто Вам приходится посещать медицинские организации?	Всего	Мужчины	Женщины
Еженедельно	3,0	1,8	4,2
Ежемесячно	13,2	10,5	15,9
Несколько раз в год	54,9	46,8	63,0
Один раз в несколько лет	23,1	32,6	13,6
Вообще не посещаю медицинские организации много лет	5,8	8,3	3,3

Значимым показателем, требующем оценки, является удаленность и транспортная доступность до ближайших медицинских учреждений (рис. 1).

В целом, для более 85 % опрошенных жителей Ставропольского края время, необходимое для того, чтобы добраться до ближайшего медицинского учреждения, составляет не более одного часа.

Важнейший фактор доступности медицинской помощи – уровень развития инфраструктуры системы здравоохранения и соответствующие возможности получения услуг в своем населенном пункте. По данным Министерства здравоохранения Ставропольского края, за последние 5 лет в

регионе увеличилось число больничных и поликлинических организаций, а вместе с этим, и число соответствующих медицинских коек [1, с. 31]. Что, безусловно, сглаживает неудачи реформы здравоохранения в России предыдущих лет, когда планировалось оптимизировать расходы на здравоохранение за счет закрытия неэффективных больниц.

Однако данные опроса показали, что проблема территориальной доступности далека от разрешения, особенно в отношении сельских жителей края. В начале 2020 года были недоступны государственные и муниципальные медицинские услуги в своем населенном пункте для 17,7 % горожан и 32,5 % сельчан.

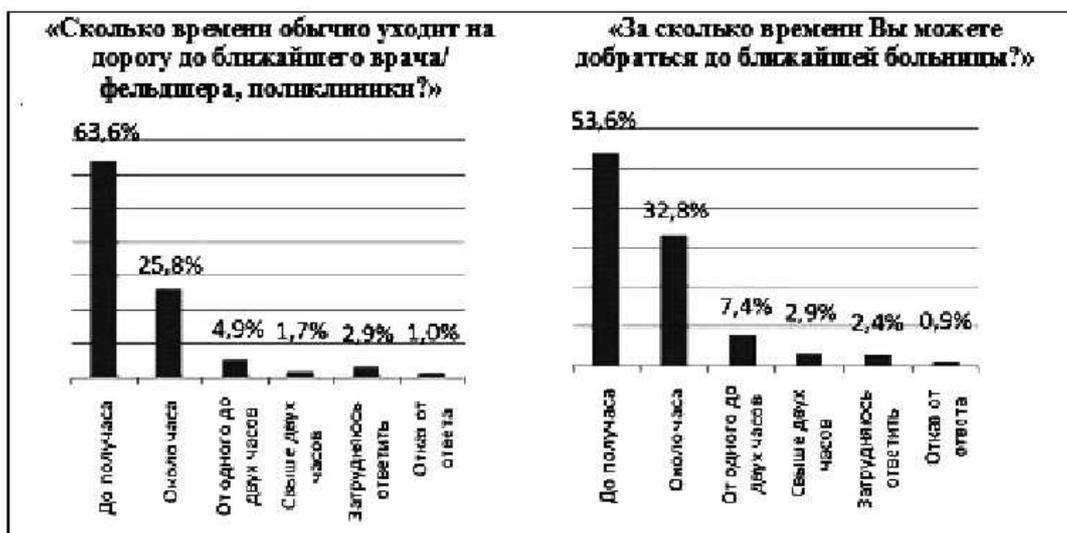

Рисунок 1 – Удаленность и транспортная доступность ближайших медицинских учреждений в оценках жителей Ставропольского края

По данным исследования, как минимум каждому третьему жителю края, обратившемуся в медицинское учреждение, приходилось платить за те или иные услуги. Больше всего платных услуг оказывают на приеме у частного врача (66,2 %), в больнице или в специализированном медицинском учреждении (60,1 %), меньше всего – в поликлинике, медпункте по месту жительства (33,1 %). Это достаточно тревожная информация, которую должны учитывать в работе органы здравоохранения на всех уровнях. Бесплатная медицина сегодня становится скорее исключением, чем гарантией для каждого. Невозможность получить

бесплатно необходимую медицинскую помощь сужает границы доступности медицины для малообеспеченных категорий граждан.

Медицинское учреждение – важный социально-значимый объект, который должен быть доступен для всех, включая людей с ограничениями. В этой связи респондентам был задан вопрос: «Какие условия доступности для лиц с ограниченными возможностями имелись в медицинской организации, которую Вы посещали в последний раз?». Были получены следующие результаты (рис. 2).

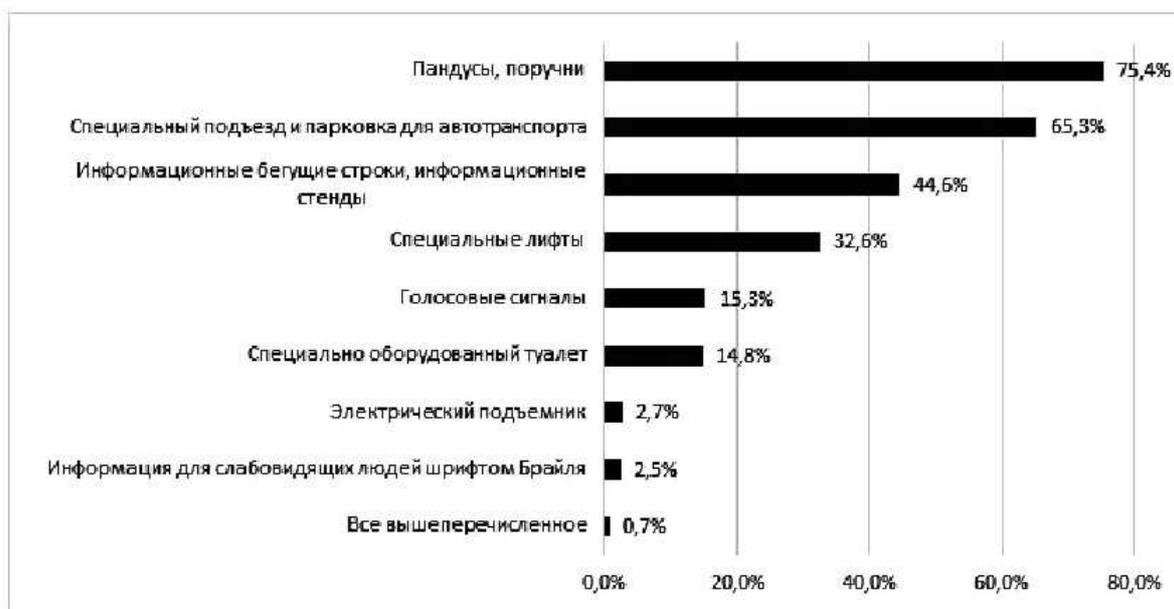

Рисунок 2 – «Какие условия доступности для лиц с ограниченными возможностями имелись в медицинской организации, которую Вы посещали в последний раз?»

Таким образом, доступность медицинских учреждений для лиц с ограниченными возможностями обеспечена в Ставропольском крае не полностью. Большинство респондентов отметили наличие специальных условий для инвалидов лишь у

входной группы (пандусы, поручни и парковки), внутри помещений уровень соответствующей оснащённости значительно ниже и практически незаметен для посетителей. Положительным моментом является то, что новые медицинские

учреждения в крае строятся с учетом требований доступности для лиц с ограниченными возможностями.

Высокая смертность не может не предъявлять повышенные требования к работе всей системы здравоохранения края. Как же оценивают деятельность медицинских учреждений жители Ставропольского края?

Большинство адресных респондентов в той или иной степени не удовлетворены работой поликлиник и больниц в месте своего проживания (рис. 3).

При этом, оценивая изменения, происшедшие в отрасли медицины за последний год, относительно большинство опрошенных выбрали нейтральную позицию – «в чем-то улучшилось, в чем-то ухудшилось» (рис. 4).

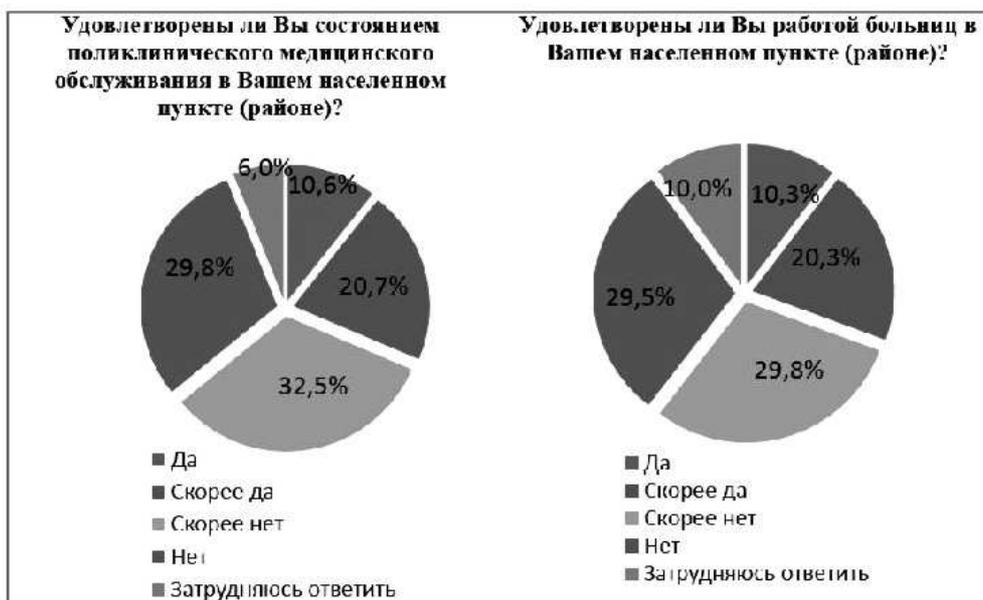

Рисунок 3 – Удовлетворенность респондентов работой медицинских учреждений (%)

Рисунок 4 – Оценка респондентами характера изменений в сфере медицины (%)

Более половины взрослого населения края уверены в том, что профессиональный уровень большинства врачей Ставрополья ниже, чем требуется (57,8 %), а 65,7 % жителей региона считают, что врачи больше заботятся о своих доходах, чем о пациентах. Полученные результаты позволяют оценить уровень доверия граждан к медикам в целом как крайне низкий. В Ставропольском крае, как и в стране, в целом, сложился и воспроизводится дефицит доверия населения к медикам. Это отличает Россию от других стран и является, возможно, наиболее серьезным современным вызовом системе здравоохранения.

Медицинская помощь в идеальных обстоятельствах должна сочетать в себе высокое качество предоставляемых услуг и территориальную доступность для пациентов. К сожалению, в

сегодняшних реалиях осуществить наилучшее сочетание обеих этих характеристик не всегда удастся. Возникает дилемма: мероприятия, обеспечивающие повышение качества медицинской помощи, в целом ряде случаев могут приводить к некоторому ухудшению ее территориальной доступности. В связи с этим важно выяснить отношение жителей Ставропольского края к этой дилемме. Чему – улучшению качества или сохранению территориальной доступности медицинской помощи население региона отдает предпочтение?

Следуя этой логике, в ходе исследования респондентам было предложено определить свое предпочтение по отношению к следующим альтернативам:

1) получить любую медицинскую помощь, пусть не самую качественную, но в обычном медицинском учреждении, расположенном близко к дому («доступность»);

2) получить самую хорошую медицинскую помощь в крупном медицинском центре, расположенном в другом районе города или другом населенном пункте («качество») [2, с. 12–13].

56 % опрошенных жителей Ставропольского края высказались в пользу качества медицинской помощи, даже в случае, если ради нее придется ехать в другой район или населенный пункт. Для 40% респондентов оказалась важнее

территориальная доступность, и 4% участников опроса затруднились с ответом. По данному вопросу наблюдаются существенные различия между социально-демографическими группами (рис. 5).

Так, для людей пенсионного возраста фактор территориальной близости медицинского учреждения от места их проживания оказался важнее качества (49 % против 44 %). В свою очередь, для молодежи в возрасте 18–24 лет повышенную важность обретает именно качество медицинских услуг (65 %). Такие предпочтения вполне объяснимы и связаны с факторами мобильности данных категорий населения.

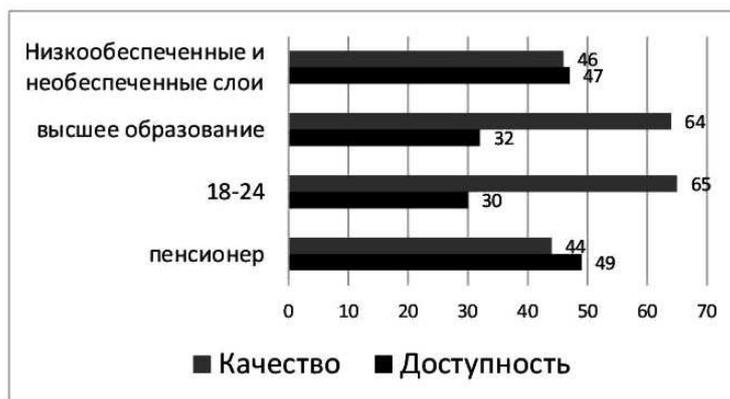

Рисунок 5 – Наибольшие расхождения в предпочтениях качество vs доступность у респондентов разных социально-демографических групп (%)

Зафиксирована также корреляция предпочтений в зависимости от уровня образования опрошенных и их материального положения. Люди с высшим образованием из двух альтернатив в основном предпочитают качество (64 %), в то время как респонденты с уровнем образования ниже среднего высказываются за доступность (49 %).

Высокообеспеченные и среднеобеспеченные респонденты предпочитают качество территориальной доступности (67 %), в то время, как среди низко обеспеченного и необеспеченного населения предпочтительнее доступность (47 %). Возможными причинами таких расхождений является прямая связь, существующая между фактором территориальной доступности с экономической доступностью, т.к. перемещение на большие расстояния с целью получения медицинской помощи связано с материальными затратами. Кроме того, укоренившаяся в российском сознании практика, что качественная медицина не может быть бесплатной, влияет на выбор бедных категорий респондентов.

Наиболее острыми проблемами в сфере здравоохранения, по мнению респондентов, являются: квалификация врачей (34,1 %); очереди в поликлиниках (31,9 %); отношение к пациентам (29,7 %).

Относительное большинство опрошенных считают, что повлиять на решение этих проблем могут, прежде всего, федеральные власти (36,9 %), меньшее количество респондентов (26,3 %) видят акторами такого влияния краевые власти и еще меньшее (16,2 %) – местные власти.

На заключительный вопрос анкеты: «Какие меры, на Ваш взгляд, могут улучшить качество медицинских услуг в Ставропольском крае?» были получены следующие результаты (рис. 6). Респонденты могли выбрать до трех ответов из перечня, либо предложить свои меры.

Данные опроса показывают, что население Ставропольского края озабочено низкими зарплатами медиков, которые не соответствуют социальной значимости их работы, что порождает, в свою очередь, проблему коррупции в сфере здравоохранения, поэтому запрос на модернизацию системы оплаты труда медицинских работников и ее привязку к качеству их работы формулируют 42,9 % жителей Ставропольского края. Чуть меньше участников опроса (39,0 %) уверены, что улучшение качества медицинской помощи возможно путем преодоления дефицита кадров по основным медицинским специальностям за счет увеличения бюджетных мест в вузах и перехода на целевое обучение. 37,4 % опрошенных настаивают на улучшении оснащённости медучреждений и бригад скорой помощи. Около трети респондентов среди действенных мер по повышению качества мед.услуг считают усиление контроля за компетентностью врачей (35,2 %) и введение персональной ответственности руководителей медучреждений и врача за качество лечения (33,4 %), еще 26,5 % выступают за усиление контроля государственных органов за работой медучреждений, 15,1 % опрошенных переключивают эту функцию на плечи страховых организаций.

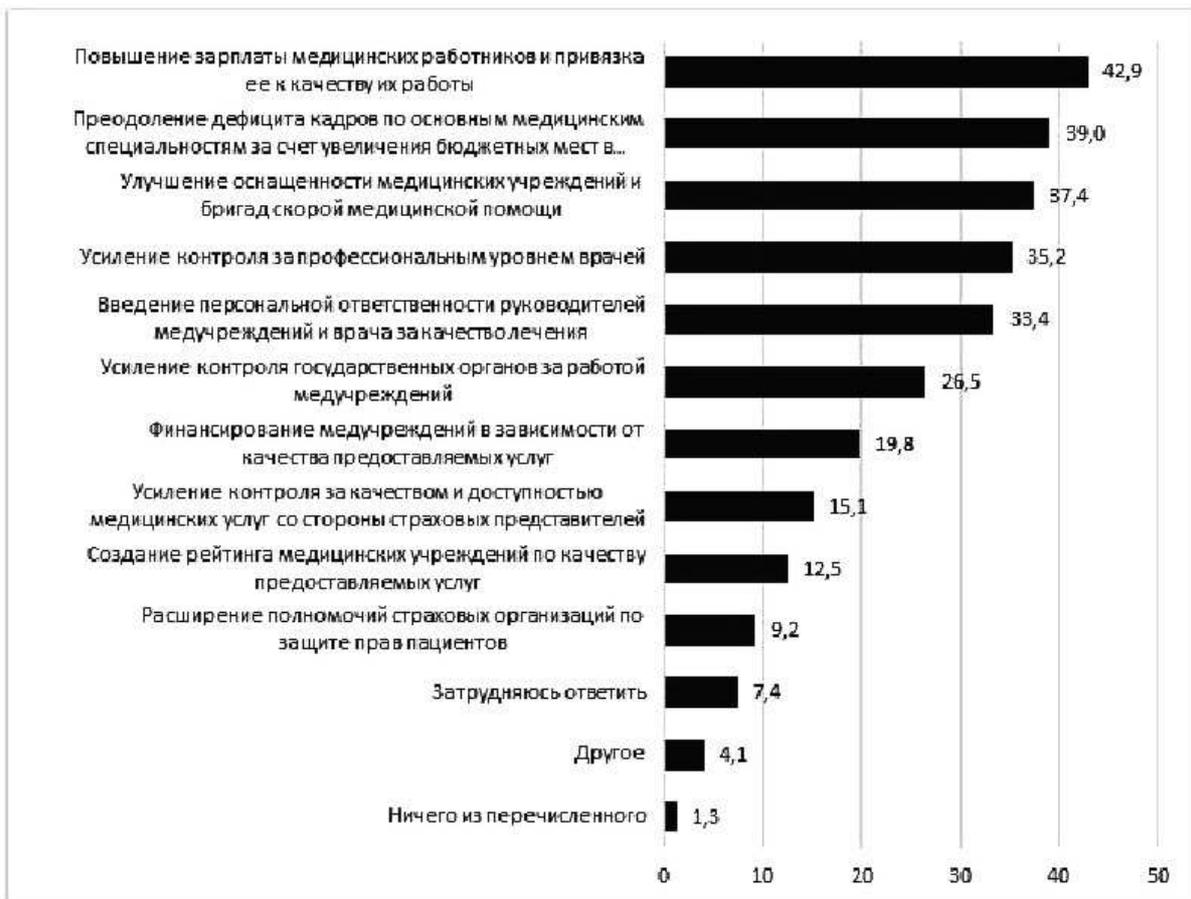

Рисунок 6 – «Какие меры, на Ваш взгляд, могут улучшить качество медицинских услуг в Ставропольском крае?» (%)

Рассмотрев результаты исследования, можно сделать вывод о том, что система здравоохранения Ставропольского края на современном этапе сталкивается с влиянием множества факторов: возросшими ожиданиями и потребностями населения, недостаточностью бюджетного финансирования, территориальными различиями в обеспеченности медицинскими кадрами и специали-

зированной инфраструктурой, что обуславливает возникновение проблем с доступностью и качеством медицинской помощи в регионе. Эти и многие другие проблемы определяют необходимость поиска новых механизмов управления качеством и доступностью медицинской помощи на всех уровнях власти.

Литература:

1. Ставропольский край в цифрах. 2020: крат. стат. сб. Северо-Кавказстат. Ставрополь, 2020. 88 с.

2. Кочкина Н.Н. Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения: препринт WP8/2015/03 / Н.Н. Кочкина, М.Д. Красильникова, С.В. Шишкин. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 56 с.

Literature:

1. Stavropol Territory in numbers. 2020: krat. stat. sb. North-Caucasian. Stavropol, 2020. 88 p.

2. Kochkina N.N. Accessibility and quality of medical care in population assessments: preprint WP8 / 2015/03 / N.N. Kochkina, M.D. Krasilnikova, S.V. Shishkin. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. 56 p.

Накенова Айжан Алмазовна
аспирантка кафедры менеджмента,
Кыргызско-Российский
Славянский университет
nakenova_96@mail.ru

Аль-шавабке Лайт Джума Оде
аспирант кафедры менеджмента,
Кыргызско-Российский
Славянский университет
dr.laitshawabke@yahoo.com

Кочербаева Айнура Анатольевна
доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры менеджмента,
Кыргызско-Российский
Славянский университет
ainura_koch@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. Охрана здоровья граждан – это совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, экологического, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, которые направлены на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, предоставление медицинской помощи при потере здоровья. В данной статье показаны социально-экономические и правовые основы стоматологической помощи, оказываемой населению Кыргызской Республики. Авторами отмечены существующие проблемы и основные мероприятия по её улучшению.

Ключевые слова: законодательство, медицинская документация, медицинская помощь, охрана здоровья населения, правовые основы, стоматологическое здоровье, стоматологическая помощь.

Актуальность. На современном этапе развития общества особую актуальность приобретают вопросы социально-экономической и правовой помощи, главных ценностей человека - его жизни и здоровья. Законы и иные нормативные акты представляют собой весьма важные инструменты, посредством которых может быть реализовано право гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленные в Конституции Кыргызстана. Улучшение в деле охраны здоровья людей невозможно без соответствующей социально-экономической и правовой основы.

Aizhan A. Nakenova
Postgraduate Student
of the Department of Management,
Kyrgyz-Russian Slavic University
nakenova_96@mail.ru

Al-Shawabke Light Juma Ode
Postgraduate Student
of the Department of Management,
Kyrgyz-Russian Slavic University
dr.laitshawabke@yahoo.com

Ainura A. Kocherbaeva
Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Management,
Kyrgyz-Russian Slavic University
ainura_koch@mail.ru

SOCIAL, ECONOMIC AND LEGAL FOUNDATIONS OF DENTAL CARE IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Annotation. The protection of citizens' health is a set of measures of political, economic, legal, social, cultural, scientific, environmental, medical, sanitary and anti-epidemic nature, which are aimed at preserving and strengthening the physical and mental health of each person, providing medical care in case of loss of health. This article shows the socio-economic and legal foundations of dental care provided to the population of the Kyrgyz Republic. The authors noted the existing problems and the main measures for its improvement.

Keywords: legislation, medical documentation, medical care, public health protection, legal framework, dental health, dental care.

Международное правовое понимание охраны здоровья не является единым, не всегда коррелирует с правом на медицинскую помощь, но при этом близко к санитарно-эпидемиологическому законодательству, а также, законодательству об охране здоровья граждан.

Результаты и обсуждение. Охрана здоровья граждан – это совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, экологического, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, которые направлены на

сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, предоставление медицинской помощи при потере здоровья [1; 2].

Обеспечение конституционного права человека и гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь в условиях, происходящих социально-экономических реформ и потрясений последних лет, является чрезвычайно сложной проблемой [3; 4]. Реализация права на охрану здоровья связана с системой различного рода мероприятий, целью которых является обеспечение индивидуального и общественного здоровья [5].

Право на охрану здоровья включает правовые нормы, которые закрепляют правила подготовки медицинских кадров, организационные, санитарно-эпидемиологические, социально-экономические, научно-медицинские и профилактические мероприятия в интересах населения. Право на охрану здоровья представляет собой «право на наивысший достижимый уровень здоровья». Мероприятия по его обеспечению со стороны государственных и иных органов являются обязанностью государства, позволяющей осуществить это субъективное право [5].

Международное и правовое понимание охраны здоровья, не является единым, не всегда коррелирует с правом на медицинскую помощь, но при этом близко к санитарно-эпидемиологическому законодательству, а также законодательству об охране здоровья граждан. Несомненно, поэтому необходимо продолжать совершенствование системы здравоохранения, соответственно правового ее обеспечения [5].

Охрана стоматологического здоровья, одного из самого массового вида медицинского обслуживания, характеризуется высокими, но при этом не имеющими тенденции снижения показателями. Данное обстоятельство свидетельствует о недооценке проблем практической стоматологии органами управления здравоохранением. Каждый специалист с высшим медицинским образованием должен знать роль и значение состояния органов и тканей полости рта для человеческого организма, в целом [3].

Важно обратить внимание на то, что работники медицинских учреждений уязвимы перед инфекциями, особенно COVID-19. Неадекватное соблюдение стандартов гигиены труда и техники безопасности в системе здравоохранения при инфекциях являются причиной заболеваемости и смертности среди медицинских работников, а также, широкого распространения заболеваний среди населения [6].

По данным Нацстаткома, на 01 декабря 2020 года численность населения КР составила 6,6 млн человек по сравнению с 4850,7 тыс. в 1999 году [7; 8].

Значительную часть населения Кыргызской Республики составляет молодежь. Так, 32 % населения относится к возрастной группе 0–15 лет, 61 % – трудоспособного возраста (16–59 лет), 7 % – лица

пожилого возраста. В структуре населения наблюдается гендерный дисбаланс: число женщин начинает превосходить число мужчин в группах старше 33 лет, а в группах старше 80 лет женщин вдвое больше, чем мужчин [7; 8].

Значение индекса человеческого развития (ИЧР) в Кыргызстане за 2017 год составило 0,672, вследствие чего, страна оказалась в средней категории человеческого развития, заняв 122 место среди 189 стран и территорий. В период с 1990 по 2017 годы значение ИЧР в стране выросло с 0,618 до 0,672, увеличившись на 8,8 %. В период с 1990 по 2017 годы ожидаемая продолжительность жизни при рождении в стране увеличилась на 4,8 года; средняя продолжительность обучения увеличилась на 2,3 года, а ожидаемая продолжительность обучения увеличилась на 1,4 года. В период с 1990 по 2017 годы ВНД на душу населения в Кыргызстане снизился, примерно, на 4,8 %.

Хотелось бы обратить внимание, на то, что сельские жители высокогорных и отдаленных районов Кыргызской Республики не имеют равных возможностей для получения образования и *медицинских услуг*, а также, для участия в рыночной экономике. В этой связи, такие населенные пункты обладают особым статусом. Жители этих районов получают прибавки к заработной плате (коэффициент для оплаты) и другие социальные льготы. Для придания населенному пункту особого статуса Правительство Кыргызской Республики учитывает следующие факторы: высоту над уровнем моря (не менее 1800 метров), доступность транспорта, плохое качество дорожного покрытия, наличие и сложность горных перевалов. В Кыргызской Республике насчитывается 732 населенных пункта подобного типа. Почти 65 % из них расположены в трех южных областях (Ошской – 213, Баткенской – 142 и Джалал-Абадской – 120); (табл. 1). В северной части Кыргызстана большая часть высокогорных и отдаленных районов находится в Нарынской области – 167 населенных пунктов (22,8 %).

При решении задач организации стоматологической помощи и повышения качества стоматологической помощи важен анализ данных отчетной и учетной медицинской документации с расчетом качественных и количественных показателей, характеризующих клинические аспекты работы, как отдельных врачей, так стоматологических медицинских учреждений. Проведение анализа медицинской документации необходимо в целях:

- текущего и перспективного планирования деятельности стоматологических клиник, ее ресурсного обеспечения;
- совершенствования организации работы врачей, новых форм организации труда медицинского персонала;
- определения эффективности различных методов лечения, диагностики и новых медицинских технологий;
- оценки компонентов качества оказания стоматологической помощи населению [9].

В государственных стоматологических учреждениях здравоохранения статистический учет выполняют врачи статисты кабинетов медицинской статистики. В частных стоматологических клиниках этим занимаются, как правило, сами руководители.

Вместе с тем, не секрет, что некоторые частные клиники вообще игнорируют необходимость ведения медицинских карт, что в условиях пандемии Covid-19, опасно и влияет как на жизнь клиентов, так и на персонал клиники. В связи с этим, следует отметить, что отсутствие медицинских карт, само по себе, может серьезно ослабить позицию стоматологической клиники при рассмотрении в суде иска пациента.

Таблица 1

Бюджетные программы в разрезе источников финансирования

Название программы	Бюджетные средства				Бюджетные инвестиции			Средства, аккумулируемые на специальных счетах			Всего	
	всего	в том числе			всего	в том числе		всего	в том числе			
		фонд оплаты труда	использование товаров и услуг	операции с нефинансовыми активами		гос. инвестиции (внешнее фин-е)	гос. инвестиции (внутр. фин-е)		фонд оплаты труда	использование товаров и услуг		операции с нефинансовыми активами
Планирование, управление и администрирование	88760,4	53736,3	35024,1		962451,5	941776,5	20675,0	9100,0	3354,1	5601,9	144,0	97860,3
Общественное здравоохранение	693741,6	410110,6	279402,7	4228,3				272121,9	88085,6	181175,8	2860,5	965863,4
Организация предоставления услуг здравоохранения	1337252,3	345234,2	99218,1					373486,6	159305,7	165953,5	48227,4	1710738,8
Медицинское образование и управление человеческими ресурсами в здравоохранении	314551,8	256717,6	57834,2					897541,5	444442,4	443784,3	9314,8	1212093,2
Всего (контрольные цифры)	2434306,1	1065798,7	1364279,1	4228,3	962451,5	941776,5	20675,0	1552250,0	695187,8	796515,5	60546,7	398655,7

Сведения, которые содержатся в медицинской карте пациентов, имеют юридическое значение, как для выяснения обстоятельств оказания стоматологических услуг, так и для оценки качества медицинской помощи. Данные медицинской карты представляют собой ценную информацию, которая служит одним из основных доказательств по делам, связанным с оказанием медицинской помощи.

Несмотря на очевидное юридическое значение первичных медицинских документов, многие врачи небрежно относятся к ведению амбулаторных карт, что впоследствии нередко приводит к

различным организационным и клиническим проблемам.

При ведении амбулаторных медицинских карт в стоматологической практике допускаются следующие ошибки:

- недобросовестное заполнение паспортной части амбулаторной карты, вследствие чего невозможно изучить у пациентов отдаленные результаты лечения;
- несвоевременная запись о выполненных медицинских вмешательствах, осложнениях

затрудняет понимание объема, характера оказанной стоматологической помощи;

– не заполнение зубной формулы в медицинской карте не позволяет оценить стоматологический статус пациента [10].

Таким образом, в условиях пандемии коронавируса следует уделить внимание соблюдению

Литература:

1. Конституция Кыргызской Республики. Статья 47 // Принята референдумом 27 июня 2010 года (В редакции Закона КР от 28 декабря 2016 года № 218). URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913>

2. Закон об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике. Закон Кыргызской Республики от 09 января 2005 года № 6 (В редакции Законов Кыргызской Республики от 22.08.2020 г. №142) // Принят Законодательным собранием Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 11 ноября 2004 года. URL : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7620

3. *Симонян Р.З.* Легализация стоматологической деятельности в России // Евразийское Научное Объединение. 2017. Т. 3. № 11(33). С. 225–227.

4. *Богданова Е.Н.* Сбережение населения в Российской Федерации: социально-правовой аспект / Е.Н. Богданова, Н.П. Залывский // Перспективы науки и образования. 2015. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sberezhenie-naseleniya-v-rossiyskoy-federatsii-sotsialno-pravovoy-aspekt>

5. *Попова А.В.* Особенности правового регулирования права на охрану здоровья в международных и национальных юридических документах / А.В. Попова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-prava-na-ohranu-zdorovya-v-mezhdunarodnyh-i-natsionalnyh-yuridicheskikh-dokumentah>

6. Рамочный документ по охране окружающей и социальной среды // Проект «Экстренное реагирование на COVID-19 в Республике Беларусь». 2020. 234 с. URL : <http://archive.minzdrav.gov.by/upload/-dadvfiles/leter/Рамочный%20документ.pdf>

7. Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года / Национальный статистический комитет. Бишкек, 1999. 17 с. URL : <http://stat.kg/stat.files/census.pdf>

8. Население // Национальный статистический комитет. Бишкек, 2020. URL : <http://stat.kg/ru/statistics/naselenie>

9. *Аветисян А.Я.* Организационно-методические аспекты контроля качества стоматологической помощи в современных условиях / А.Я. Аветисян // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2007. № 2. С. 116–120.

гигиены труда и техники безопасности, предупреждению инфекции во избежании болезней и смертности среди работников здравоохранения, способствующих более широкому распространению заболевания среди населения. Необходимо создание механизма обратной связи с ответственностью при предоставлении медицинских услуг.

Literature:

1. The Constitution of the Kyrgyz Republic. Art. 47 // Was adopted by a referendum on June 27, 2010 (as amended by the Law of the Kyrgyz Republic № 218 of December 28, 2016). URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913>

2. The Law on the Protection of Citizens' Health in the Kyrgyz Republic. Law of the Kyrgyz Republic of January 09, 2005 № 6 (As amended by the Laws of the Kyrgyz Republic of 22.08.2020 № 142) // Adopted by the Legislative Assembly of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic on November 11, 2004. URL : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7620

3. *Simonyan R.Z.* Legalization of dental activity in Russia // Eurasian Scientific Association. 2017. Vol. 3. № 11(33). P. 225–227.

4. *Bogdanova E.N.* Saving the population in the Russian Federation: socio-legal aspect / E.N. Bogdanova, N.P. Zalyvsky // Prospects of science and education. 2015. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sberezhenie-naseleniya-v-rossiyskoy-federatsii-sotsialno-pravovoy-aspekt>

5. *Popova A.V.* Features of legal regulation of the right to health protection in international and national legal documents / A.V. Popova // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2017. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-prava-na-ohranu-zdorovya-v-mezhdunarodnyh-i-natsionalnyh-yuridicheskikh-dokumentah>

6. Framework document on environmental and Social Protection // Project «Emergency response to COVID-19 in the Republic of Belarus». 2020. 234 p. URL : <http://archive.minzdrav.gov.by/upload/-dadvfiles/leter/Framework%20document.pdf>

7. Results of the First National population census of the Kyrgyz Republic in 1999 / National Statistical Committee. Bishkek, 1999. 17 p. URL : <http://stat.kg/stat.files/census.pdf>

8. Population // National Statistical Committee. - Bishkek, 2020. URL : <http://stat.kg/ru/statistics/naselenie/>

9. *Avetisyan A.Ya.* Organizational and methodological aspects of quality control of dental care in modern conditions / A.Ya. Avetisyan // Bulletin of the Smolensk State Medical Academy. 2007. № 2. P. 116–120.

10. *Калинина Т.В.* Основные требования к оформлению и ведению медицинской карты амбулаторного больного / Т.В. Калинина [и др.] // Медицина. 2010. № 3(70). С. 18–21.

10. *Kalinina T.V.* Basic requirements for the registration and maintenance of the medical record of an out-patient patient / T.V. Kalinina [et. al.] // Medicine. 2010. № 3(70). P. 18–21.

Передерий Вероника Анатольевна

кандидат социологических наук,
доцент,
профессор,
кафедра социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
veronika1971@inbox.ru

Литвинова Анастасия Владимировна

аспирантка,
кафедра социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
lav810@mail.ru

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ**

Аннотация. В условиях непрерывного притока абитуриентов и постоянно усложняющейся системы требований к знаниям и навыкам обучающихся, повышаются и требования, предъявляемые к институту высшего образования со стороны контролирующих органов. В связи с этим, вузы серьезно вынуждены заниматься решением вопроса о повышении качества оказываемых ими образовательных услуг. Авторам статьи показалось интересным изучить деятельность государственных образовательных учреждений высшего образования Краснодарского края за предыдущий 2020 год. С помощью метода контент-анализа были выявлены основные направления деятельности вузов в контексте реализации устойчивого развития, изучены образовательные практики, определяющие учебный процесс в период пандемии.

Ключевые слова: высшее образование, образовательные практики, устойчивое развитие, качество образования.

В последнее время растет интерес российского государства и общественности к проблеме повышения качества в системе высшего образования. Усиление конкуренции между вузами, их иерархия, коммерциализация и инновационные изменения учебного процесса, внедрение информационно-коммуникационных технологий, действительно, влияют на качество образования образовательных учреждений [1, с. 174]. Исследования ученого сообщества в данной области подчеркивают сложность и многоаспек-

Veronika A. Perederiy

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor,
Department of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
veronika1971@inbox.ru

Anastasia V. Litvinova

Graduate Student,
Department of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
lav810@mail.ru

**EDUCATIONAL PRACTICES
IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM
IN THE CONTEXT
OF THE IMPLEMENTATION
OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT DURING A PANDEMIC**

Annotation. In the context of a continuous influx of applicants and an ever-increasing system of requirements for the knowledge and skills of students, the requirements for the institution of higher education from the side of regulatory bodies are also increasing. In this connection, universities are seriously engaged in solving the issue of improving the quality of their educational services. The authors of the article found it interesting to study the activities of state Kuban universities over the past year (2020). Using the method of content analysis were identified educational practices that determine the educational process during a pandemic were studied.

Keywords: higher education, educational practices, sustainable development, quality of education.

ность определения «качества». Так, в своих трудах Д.Р. Садлер указывал на тот факт, что в методологическом аспекте качество образовательного процесса нельзя рассматривать в разрезе оценивания [2, с. 202]. Дж. Уильямс, разводит понятия «повышение» качества и «обеспечение» качеством, указывая на различные целенаправленность и смысловые нагрузки [3, с. 97–98]. Не трудно предположить, что для каждого конкретного вуза есть собственное понятие качества, не противоречащее установленным канонам его

обозначения. Здесь важно понимать, что профессорско-преподавательский состав вуза стремится к общей цели в освоении новых компетенций, но при этом предоставляет образовательные услуги в собственном разрезе. При этом нельзя забывать и о необходимости вовлечения самих студентов в процесс по обеспечению качества образования. Так, посредством включенности молодых людей в образовательные практики происходит «субъект-субъектное» взаимодействие, интеграция, расширение связей студенчества, их общение к социальным реалиям в практическом смысле[4, с. 22]¹.

Российские вузы активно применяют различные модели и подходы в области эффективности: процедуру государственной аккредитации, разработку и внедрение системы менеджмента качества, оценивающие качество предоставляемых образовательных услуг [5, с. 382]. Подбор методов – довольно сложный и энергозатратный процесс. Так, при выборе наиболее действенных методов необходимо учитывать особенности региона, его финансовое обеспечение, количественный приток абитуриентов, а так же возможность каждого учебного заведения предоставлять тот уровень знаний, который будет соответствовать запросам будущих студентов и их окружения.

Одним из возможных способов повышения качества образовательных услуг является путь расширения спектра способов по предоставлению образования. Как нам кажется, изменение критериев для поступающих в вуз тоже может повысить качество образовательных услуг. Сейчас главным нормативом для поступления в высшее учебное заведение являются результаты ЕГЭ. Несомненно, этот показатель вот уже много лет является определяющим для успешного обучения в вузе, но и одновременно с этим, порождает коррупцию и минимизирует знания абитуриентов. Возможно, перенеся систему западных учебных заведений, где помимо основных экзаменов, вузы ежегодно проводят дополнительные внутренние экзамены, мы получим лучших студентов, которые и после окончания учебного заведения смогут демонстрировать высокий уровень полученных знаний.

2020 год, год появления и распространения новой коронавирусной инфекции COVID -19 стал переломным для субъектов множества российских вузов (как для преподавательского состава, так и обучающихся). Руководству потребовалось подстраиваться под неблагоприятные внешние факторы и активно внедрять новый формат обучения, помогающий «развязать руки» в предоставлении образовательных услуг, а так же повышающий конкурентную способность вуза. Используя метод контент-анализа, мы изучили особенности работы кубанских вузов в период пандемии, подвергнув обработке и анализу официальные сайты трех крупнейших фундаментальных университетов Кубани. Речь идет о старейших вузах Краснодарского края с высоким рейтингом: о Кубанском

государственном университете, Кубанском государственном аграрном университете имени И.Т. Трубилина и Кубанском государственном технологическом университете. Данные кубанские вузы ввели в учебный процесс дистанционные образовательные технологии, организовав обратную связь со студентами в информационной системе СДО с помощью загрузки необходимых материалов для успешной организации образовательного процесса.

Ведение сайта – это творческий процесс, тем не менее, в нем достаточно четко отражены общие позиции государственной власти к ново выявленной проблеме, угрожающей здоровью нации, а, вместе с тем, определены принципы и специфические особенности отдельных образовательных учреждений к организации учебного процесса. Так, Кубанский государственный университет на официальном сайте расположил информацию о деятельности специально созданного им Университетского штаба, Горячей линии учебно-методического управления, Психологической службы для дополнительной формы взаимодействия и поддержки, онлайн-курсы для самостоятельного освоения дисциплин, инструкции доступа к ЭИОСи цифровым библиотечным ресурсам для студентов/преподавателей. Сайт Кубанского государственного аграрного университета содержит вкладку «Особенности учебного процесса в условиях С-19», в которую вошли приказы, памятки, методические рекомендации, вебинары, видеолекции, видео-конференции, видео-консультации, видео-инструкции, размещенные для обучающихся всех уровней и ППС университета. На сайте Кубанского государственного технологического университета имеются две вкладки, посвященные организации обучения в период пандемии: в первой из них расположены нормативные документы и приказы вуза, а во второй содержатся рабочие ссылки на дистанционные курсы, учебные видеоматериалы, банк лекций, электронные библиотечные ресурсы.

Опираясь на результаты контент-анализа, отметим, что в условиях пандемии кубанские вузы предоставляют широкий спектр возможностей своим обучающимся в получении качественного образования. В свою очередь, образовательные практики с использованием цифровых технологий расширяют социокультурное образовательное пространство, способствуя самоорганизации студентов и развитию исследовательского интереса к научному знанию [6, с. 113]. Одновременно с этим, вскрываются и ряд проблем, связанных с техническими неполадками образовательных платформ, отсутствием необходимого оборудования и доступа к широкополосному интернету у студентов из сельской местности, оказавшихся на удаленном обучении не по своей воле. В контексте устойчивого развития, ставившего своей целью обеспечение равных возможностей и равного доступа к качественному образованию, Президент РФ В.В. Путин пообещал к 2030 году 100 % подключение к скоростному интернету всех россиян, обеспечив, тем самым,

¹ Работа выполнена в рамках гранта по проекту № 19-011-00241 А «Устойчивое развитие сельских территорий. Программа социологического исследования».

достойные условия для обучения всех без исключения групп и слоев населения. Как оказалось, именно в период сложных внешних обстоятельств вскрылась подлинная картина подготовки кадров в системе высших заведений, появилась возможность оценить реалии и взглянуть на образовательный процесс, его технологии под другим углом зрения.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» объединяет человечество в решении ряда глобальных целей (17) и задач (169), повышающих жизнестойкость и поддерживающих равновесие на планете. Согласно этому документу, устойчивое развитие современной цивилизации основано на мире без насилия и дискриминации, всеобщей грамотности [7, с. 3–4]. На сайтах выделенных нами кубанских вузов, подвергшихся контент-анализу, расположена исчерпывающая информация:

– о миссии и главной цели учебного заведения, об основных принципах деятельности, целях в области качества, выполнении показателей мониторинга эффективности по направлениям деятельности «Образовательная», «Научно-исследовательская», «Международная», «Финансово-экономическая», основных направлениях инклюзивного образования, особенностях работы с иностранными студентами, работе лингвистического Центра, волонтерского Центра, юридической поддержки студентов и преподавателей (КубГАУ; URL : <https://kubsau.ru>);

– об особенностях информационной безопасности, развитии безбарьерной среды для студентов-инвалидов и лиц с ОВЗ, о работе пяти сертификационных Центров по проведению языковых международных экзаменов, о программах многостороннего обмена обучающимися и дополнительного образования специалистов для зарубежных стран, сведения антиэкстремистского и антитеррористического содержания, Центра довузовской подготовки (КубГУ; URL : <https://www.kubsu.ru>);

– об инновационной деятельности, международном сотрудничестве, о вопросах коррупционного характера, вопросам защиты прав студентов трудоустройстве выпускников и содействию занятости студенческой молодежи, база данных выпускников вуза для поддержки обратной связи, сведения об образовательном проекте «Школа бизнеса», о Центре студенческого досуга и творчества (КубГТУ; URL : <https://kubstu.ru>).

Литература:

1. *Лаптева Н.В.* Анализ современного состояния государственного управления системой высшего образования в российской Федерации / Н.В. Лаптева, А.С. Мартышкин // Вестник Самарского государственного университета. Серия: экономика и управление. 2015. № 5(127). С. 173–178.

Проведенный анализ позволяет судить о том, что подразделения кубанских университетов создают единое информационное пространство для формирования целостного представления о деятельности образовательных учреждений, предоставляя полную информацию о реализации политики вузов в различных областях (учебной, научной, воспитательной, финансовой, международной, инновационной и др.), формах взаимодействия со студенческой аудиторией, требования к поступлению обучению в вузе, формируют и накапливают знания. В этом разрезе официальные сайты всецело отвечают фундаментальному назначению высшего образования – создавать и распространять знание, пропагандировать ценности, соответствующие потребностям общества [8, с. 240]. Отсюда, образовательные практики в период пандемии коррелируют с основными принципами устойчивого развития, предусматривая реализацию равных прав студентов и расширению их способностей и возможностей.

Изученные нами официальные сайты кубанских университетов обеспечивают объективной и достоверной информацией своих обучающихся, содействуют продвижению на рынке труда и популяризации имиджа различных профессий среди молодежи. Высшее образование, рассматриваемое как экономическое благо, положительно влияет на развитие социальной сферы общества, способствует высоким показателям в экономике [9, с. 89]. Несмотря на определенные заслуги и достижения, богатейшую историю развития, сегодня вузам приходится ощущать на себе жесткую конкуренцию на рынке образовательных услуг и выстраивать свою деятельность с соблюдением серьезных требований к системе высшего образования. Подстраиваясь к переменам, происходящим в мировом сообществе, вузы осуществляют сильное институциональное и государственное руководство, разрабатывают новые современные модели успеха высшего учебного заведения [10, с. 24]. Определенно, система высшего образования работает на опережение, углубляя и обновляя систему знаний обучающихся, учитывая мировой и национальный опыт, ориентированный на подготовку высококвалифицированных специалистов, кадров, обладающих компетенциями и навыками, отвечающим вызовам современного технологичного общества. Чтобы соответствовать требованиям ограничительных мер, своевременно и правильно реагировать на нестабильность и перемены глобализирующегося мира, системе российского высшего образования необходимо продолжать искать и находить творческие решения по мере их поступления, с чем они в настоящий момент успешно справляются.

Literature:

1. *Lapteva N.V.* Analysis of the current state of governance in higher education in the Russian Federation / N.V. Lapteva, A.S. Monkey // Vestnik of Samara state University. Series: Economics and Management. 2015. № 5(127). P. 173–178.

2. *Sadler D.R.* Assessment, Evaluation and Quality Assurance: Implications for Integrity in Reporting Academic Achievement in Higher Education / D.R. Sadler // *Education Inquiry*. 2012. Vol. 3. Iss. 2. P. 201–216. URL : https://espace.library.uq.edu.au/view/UQ:298031/UQ298031_OA.pdf (date of application 22.01.2021).
3. *Williams J.* Quality Assurance and Quality Enhancement: Is there a Relationship? / J. Williams // *Quality in Higher Education*. 2016. Vol. 22. Iss. 2. P. 97–102. URL : <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13538322.2016.1227207> (date of application 04.12.2020).
4. *Передерий В.А.* Конструирование идентичности студенческой молодежи в поле различных социальных практик : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Краснодар, 2009. 29 с.
5. *Измайлова М.А.* Механизмы и процедуры обеспечения качества в высшем образовании в контексте реализации европейских подходов / М.А. Измайлова [и др.] // *Интеграция образования*. 2020. Т. 24. № 3 (100). С. 377–395.
6. *Пинчук А.Н.* Образовательные практики в механизмах адаптации к цифровым трансформациям: концептуальные идеи и методологические подходы / А.Н. Пинчук // *Горизонты гуманитарного знания*. 2020. № 1. С. 95–114.
7. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL : https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения 10.02.2021).
8. *Молчанов И.Н.* Новые форматы российской системы высшего образования: возможные пути развития / И.Н. Молчанов // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2020. № 80. С. 239–255.
9. *Мушкетова Н.С.* Маркетинговое взаимодействие рынка труда и рынка образовательных услуг // *Философия социальных коммуникаций*. 2013. № 3(24). С. 88–99.
10. *Дмитриева Е.И.* Современные модели успеха высших учебных заведений // *Наука и образование сегодня*. 2020. № 10(57). С. 22–24.
2. *Sadler D.R.* Assessment, Evaluation and Quality Assurance: Implications for Integrity in Reporting Academic Achievement in Higher Education / D.R. Sadler // *Education Inquiry*. 2012. Vol. 3. Iss. 2. P. 201–216. URL : https://espace.library.uq.edu.au/view/UQ:298031/UQ298031_OA.pdf (date of application 22.01.2021).
3. *Williams J.* Quality Assurance and Quality Enhancement: Is there a Relationship? / J. Williams // *Quality in Higher Education*. 2016. Vol. 22. Iss. 2. P. 97–102. URL : <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13538322.2016.1227207> (date of application 04.12.2020).
4. *Perederiy V.A.* Constructing the identity of student youth in the field of various social practices : autoref. dis. ... cand. the sociol. science: 22.00.04. Krasnodar, 2009. 29 p.
5. *Izmailova M.A.* Mechanisms and procedures for quality assurance in higher education in the context of the implementation of European approaches / M.A. Izmailova [et. al.] // *Integration of education*. 2020. Vol. 24. № 3(100). P. 377–395.
6. *Pinchuk A.N.* Educational practices in the mechanisms of adaptation to digital transformations: conceptual ideas and methodological approaches / A.N. Pinchuk // *Horizons of humanitarian knowledge*. 2020. № 1. P. 95–114.
7. Resolution adopted by the UN General Assembly in September 2015 «Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development». URL : https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (date of application 10.02.2021).
8. *Molchanov I.N.* New formats of the Russian higher education system: possible ways of development / I.N. Molchanov // *Administration of the state. Electronic Bulletin*. 2020. № 80. P. 239–255.
9. *Mushketova N.S.* Marketing interaction of the labor market and the market of educational services / N.S. Mushketova // *Philosophy of Social Communications*. 2013. № 3(24). P. 88–99.
10. *Dmitrieva E.I.* Modern models of success of higher educational institutions / E.I. Dmitrieva // *Nauka i obrazovanie segodnya*. 2020. № 10(57). P. 22–24.

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Чунихина Татьяна Николаевна

кандидат политических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
tanirhbook77@mail.ru

АНТИЧНАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО

Аннотация. Показано, что отношение к сексуальности имеет свои особенности во все периоды человеческой истории. Представлены интимные отношения в период античности на основе концепции М. Фуко, в которой прослежена связь сексуальности с властью, или дискурс о ней. Рассмотрены основные сферы опыта, в рамках которых протекает анализ сексуальности в античный период. Доказывается, что мораль древних греков о сексе – это мораль, созданная мужчинами для мужчин, а двумя главными формами неморального поведения признаются излишество и пассивность; значительную роль в сексуальной морали древних греков играет возраст, пол и статус индивида.

Ключевые слова: мораль, сексуальность, супружеские отношения, добродетель, однополые отношения, душа, власть.

Сексуальность, обладает определенными специфическими чертами характерными для любой эпохи. Во многих работах, посвященных сексуальности, присутствуют ссылки на М. Фуко, который исследовал идею ее связи с властью. Рассмотрев отношение к сексу в эпоху Средневековья и Нового времени, автор обнаруживает, что анализ не может быть полным без анализа античного периода, или отношения к сексу в древнегреческой культуре. Методологические основы подхода М. Фуко состоят в том, чтобы показать не то, какие элементы морального кодекса заимствованы христианством у античности, а какие созданы на собственной почве запрещенного/дозволенного в сексуальных отношениях.

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
Law and Work with Personnel,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

Tatiana N. Chunikhina

Candidate of Political Science,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology, Law and Work with Personnel,
Kuban State Technological University
tanirhbook77@mail.ru

ANTIQUÉ SEXUALITY IN THE CONCEPT OF M. FOUCAULT

Annotation. It is shown that the attitude to sexuality has its own characteristics in all periods of human history. Presented to intimate relationships in the period of antiquity based on the concept of M. Foucault, which traces the connection between sexuality and power, or a discourse about it. The main spheres of experience in the framework of which the analysis of sexuality in the antique period takes place. It is proved that the morality of the ancient Greeks about sex is a morality created by men for men, and excess and passivity are recognized as the two main forms of immoral behavior; a significant role in the sexual morality of the ancient Greeks is played by the age, sex and status of the individual.

Keywords: morality, sexuality, marital relations, virtue, same-sex relations, soul, power.

Основными сферами опыта, в рамках которых развивалась эта тема, являются собственное тело, тело супруги, мальчики и истина.

Древние греки, в отличие от христианских авторов, не регламентировали дозволенное и недозволенное в супружеских отношениях. Их сексуальная картина была организована другим образом. Определенный вид наслаждений и желаний им был не чужд, но в эту сферу не попадало ничего неосознанного, тайного и требующего пояснения.

Главным отличием греческого подхода было различие между умеренностью и распущенностью, а не определенной формой сексуального

наслаждения. Отклонения в сексе связаны с избыточностью и чрезмерностью или с противопоставлением «активной» и «пассивной» роли. Отведенная самой природой «пассивная» роль женщине иногда принимается мужским полом.

Мораль древних греков о сексе – это мораль, созданная мужчинами для мужчин, а двумя главными формами неморального поведения признаются излишество и пассивность. Оценки морального характера, и ограничения связанные с сексом, который считался естественным и необходимым, состояли в том, что бы мужчина всегда оставался верным своей природе.

Однако, признавая важность и необходимость сексуальных удовольствий и не считая их дурными, они, тем не менее, считались наслаждениями низшей природы, так как рождали человека с животными.

Проблема для греков состояла в том, что у некоторых людей их желания преодолевают природные пределы, и они начинают игнорировать иерархию высших и низших наслаждений, а низшие наслаждения получают власть над их душой.

М. Фуко отмечает, что правильное обращение с наслаждением для древних греков не означает следование какому-то определенному правилу. Главным является то, чтобы в поведении были учтены различные факторы: статус индивида, естественные потребности, временные обстоятельства. И главное (Сократ), любовные утех хороши, когда есть физическая потребность в них, а лишь умеренность позволяет испытывать устойчивое наслаждение, достойное того, чтобы сохранить память о нем. Разврат там, где ищется удовлетворение, когда природная потребность еще не созрела. Греки признают, что сексуальные сношения между родителями и детьми запрещены и наказываются богами, не смотря на достоинство и статус лиц, вступивших в эту связь, так как она принесит большое потомство. Однако в подобной связи мерилом выступает не мораль, а то, что одна сторона значительно старше, следовательно, для нее время подходящего деторождения миновало.

Значительную роль в сексуальной морали древних греков играет возраст, пол и статус индивида. Это важно и для христианского общества, однако, в христианской культуре все обрاملено в принципы оценки сексуального акта и плоти. Греки же мыслят иначе: у них сексуальная мораль зависит от статуса индивида и целей, которые он ставит перед собой, а не от оценки его сексуальной активности. Греческий принцип состоит в том, что чем более человек на виду и чем больше у него власти, тем более он хочет превратить собственную жизнь в замечательное художественное произведение и, тем более, строгими принципами он должен руководствоваться в своем сексуальном поведении. Грубо говоря, если бы нам пришлось выбирать себе лидера, мы не стали бы искать его среди тех, кто сам находится в рабстве у своей похоти или желудка, но искали бы его среди тех, кто умеет властвовать над собой.

Низшая душа дурна не сама по себе, она есть природная данность, просто она должна занимать свое место. Гражданин достойный, заслуживающий уважения граждан, способный выполнять общественные функции и властвовать, должен быть в состоянии властвовать над собой (Платон). В этом – основной смысл сексуальной морали классической Греции, предназначенной для свободных граждан мужчин, полезных для полиса и достойных занимать почетное положение. Властвование над собой, самообладание, выступают в качестве основных условий способности к власти над другими. Подобно тому, как тело без упражнений теряет силу для выполнения своих необходимых функций, так и душа без упражнения не способна выполнять свою функцию – воздерживаясь от недолжного. Правда, в текстах античных авторов классической эпохи нет детализации моральных упражнений. Фуко полагает, что они не считали, что рассудительность и умеренность в вопросе сексуальных наслаждений требуют каких-то особых упражнений, так как не было и цели сексуальной умеренности, а была цель стать достойным и полезным гражданином полиса. Рассудительность и воздержанность, понимаемые как владение своими желаниями и собой, считалась подлинной свободой.

С одной стороны, человек, предназначенный управлять, должен полностью управлять самим собой, так как его положение предоставляет ему возможность удовлетворять любые желания. Во-первых, существует опасность того, что он полностью отдастся им; во-вторых, беспорядок в его душе влияет на жизнь полиса. С другой стороны, положительный образ лидера, который владеет собой, и это господство над своими страстями умеряет его господство над членами полиса (Диоген). Как можно требовать повиновения от других, если тебе не повинуются твои собственные желания?!

Еще один важный момент, на чем хотелось бы остановиться, Фуко отмечает идеал сексуальной добродетели у греков - наделенный властью и авторитетом активный мужчина. В христианской же культуре эта роль отведена женщине, защищающей свою честь от посягательств лица, облеченного властью. Античная сексуальная добродетель носит ярко выраженный «мужественный», христианская же – «женственный» характер.

В представлениях древних греков женственный мужчина – это не мужчина, предпочитающий мужчин, а распущенный и неумеренный в своих сексуальных утех. В то же время, в любовных отношениях с мальчиками древние греки не видели никакой извращенной сексуальности. Противостояние в сексе для греков состояло не между женским и мужским, а между пассивным и активным. Активный мужчина, предпочитающий мужчин, владеющий своими страстями не может быть заподозрен в женственности.

Основной вывод Фуко состоит в том, что этическая проблема сексуальных удовольствий в классической греческой культуре существенно отличается от христианской. Для последней этическая

субстанция – это душа, а не любовные действия. Следовательно, для христианской морали важны две связанные между собой практики: одна состоит в детализации и кодификации сексуальных действий, а другая – в расшифровке себя. Опасности, которые несет половой акт, не являются для древнегреческой культуры важными.

Фуко обращается к китайским трактатам и находит существенные отличия. В китайской традиции сексуальные отношения с партнером противоположного пола трактуется, как способ вступить в соприкосновение с жизненным пространством противоположного пола и путем его поглощения получить пользу для себя. Таким образом, верно построенная сексуальная жизнь исключает опасность, приводит к омоложению и укрепляет.

Сама техника полового акта имеет выраженную этическую основу. Максимальная интенсификация положительных последствий полового акта, основанная на максимальном продлении конца акта, повторяя и умножая сношение, можно победить время и достичь бессмертия.

Далее Фуко обращается к проблеме супружеских отношений в классической греческой традиции, утверждая, что в Древней Греции для женатых мужчин не существовало никаких ограничений и запретов. Женатый мужчина грек искал наслаждений в основном на стороне, так как брак предназначался только для продолжения рода. Подобный подход, по мысли Фуко, не совсем оправдан, так как существовали моральные обязательства, предполагающие самоограничения для женатых мужчин, то есть разговор ведется относительно взаимной верности супругов. Философ поясняет, что ограничения для женатого мужчины были основаны не на идее дурного проявления сексуальной активности, а на представлениях мудрости о верном ведении дома. Сексуальность замужней женщины несимметрична мужской и должна ограничиваться пространством супруга, а мужчина должен уважать замужнюю женщину или девушку, живущую под властью родителей. Здесь следует уточнить, что приставание к замужней женщине или девушке, находящейся в родительском доме – это нарушение прав мужчины кому они принадлежат; мужчина главное действующее лицо во всей этой схеме, так как жена принадлежит мужу, а мужчина не принадлежит никому, кроме себя.

Отношения мужа и жены рассматриваются с точки зрения полезности полису. Наслаждения прерогатива куртизанок, а функции жены – деторождение. Хотя, управление домом предполагает, чтобы человек был способен управлять собой. Это самообладание не является чертой, присущей только мужчине, но оказывается общей добродетелью супругов. Таким образом, мудрость мужа состоит в том, чтобы признавать привилегии законной супруги, а мудрость супруги в том, чтобы наилучшим образом исполнять обязанности хозяйки дома, чтобы надежнее сохранить «верность» мужа. Ни о какой симметрии или равенстве сексуальной активности и обязательств супругов не может быть и речи.

Анализ греческих текстов позволил Фуко сделать следующий вывод. Разговор об эроте, томлении и любовном стремлении – это разговор о связи лиц одного пола. В супружеских отношениях также присутствовал эрот, но он размывался в числе другого, что составляло специфику семейных отношений.

В греческом обществе того времени отсутствовало противопоставление однополых и разнополых любви, естественным являлось влечение к любому прекрасному вне зависимости от пола. Греки не признавали двух родов влечений и желаний, свободно выбирали между объектом одного и другого пола. С их точки зрения, естественным является влечение к любому прекрасному существу независимо от его пола. Явное предпочтение представителей одного пола могло служить поводом для шуток, но не основой классификации.

Особого внимания заслуживает в греческом обществе любовь к мальчикам, которая позволялась общественным мнением и законами. Однако оценка этой практики любовных отношений была сложной, например, презрение к корыстным или очень доступным молодым людям, осмеяние женоподобных мужчин. Основной проблемой подобных отношений было то, что это связь между взрослым мужчиной, достигшим определенного статуса, и еще формирующимся и не имеющим конкретного статуса мальчиком. Подобные отношения были обрамлены системой правил, придававших им форму, ценность и конечно интерес, что выражалось даже в практике ухаживания – значимой области культуры и морали. Соблюдение всех правил делало отношения «прекрасными» с моральной и эстетической точки зрения древних греков. Тем не менее, сексуальные отношения между взрослым мужчиной и мальчиком не было чем-то само собой разумеющимся, и сопровождалось большим перечнем манер, условностей и правил поведения.

Греки классической эпохи, постулировали сохранение самообладания, властвования над собой, а так как индивид все более воспринимал себя слабым существом, нуждавшимся в защите, это привело к нарастанию индивидуализма, а вместе с ним и пессимизма в римской культуре. В огромной Римской империи, индивид чувствовал себя существом ничего не решающим, и уклонялся от всякого рода деятельности, уходя в себя. Фуко не согласен с подобной трактовкой, полагая, что Римская империя не ломала существовавшую систему управления на подконтрольных территориях, а напротив опиралась на них, а политическая активность местной элиты, выполнявшей долг перед согражданами не становилась меньше. Тем не менее, отношение к проблеме собственного статуса и супружеских отношений изменилось, а в эллино-римском мире женщины стали более независимы, чем в Греции классического периода. Политический статус мужчины-гражданина утратил часть своего значения. Женщины приобрели право распоряжаться собственным приданным в период замужества, в случае разрыва которого, оно возвращалось согласно брачным контрактам.

Отношение к браку стало рассматриваться не просто, как полезное полису и как способ организации домашнего хозяйства. На передний план вышло само состояние женатого человека, статус и положение супругов.

Анализируя тексты Галена, относящиеся к половому акту, Фуко приходит к выводу о том, что всякие излишества приводят к истощению жизненных сил, потере слуха, зрения, памяти. Соответственно, половой акт, рассматривающийся как что-то дурное, тем не менее, вызывал озабоченность и тревогу медицинской мысли в 1 веке нашей эры. То есть, связь с античностью продолжается, но степень тревоги и озабоченности усиливается, так как излишества в половой жизни ведут к губительным последствиям, а воздержания представляются предпочтительными, для мужчин однозначно, особенно в ранней юности и старости, когда организм не окреп и когда он ослабевает. Отсюда, необходимость работы над собственными страстями и управления ими вытекает сама собой. Рекомендации режима сексуальной жизни в медицинской литературе того периода занимают меньше места, чем соображения режима приема пищи, то есть они для греков и римлян более важны.

Фуко заключает, что между вторыми веками до нашей и нашей эры этика супружеских отношений и практика брака претерпевают значительные изменения, а брак и супружеские отношения стали более значимыми в жизни мужчины. Искусство супружеской жизни определяется относительно новым способом состоящем в следующем:

– большее значение приобретают отношения между супругами личностного характера;

– требования умеренности в поведении женатого мужчины связываются с взаимностью супружеских обязанностей.

Римские стоики, развивая тему естественности брака (кинники в оппозиции к ним), вносят новые мотивы, состоящие в следующем: признавая ранее двойственность брака, для пользы полиса и продолжения рода они переносят акцент с продолжения рода на союз, считая, что всей важности продолжения рода оно не может считаться целью брака. Если бы люди расходились сразу после соития и продолжения потомства, то вопросов не возникало, а так как это не происходит, значит их целью, являются совместная жизнь и забота друг о друге. Отсюда, Фуко заключает, что в человеческом существе присутствует первичное и фундаментальное желание не только физической близости, но и совместного сосуществования. Отсюда вытекает естественность брака, а секс вне брака противен человеческой природе. Природа и разум определили необходимость брака, парной жизни для создания потомства и партнера в жизни – это долг человека перед

Литература:

1. Сокулер З.А. История сексуальности М. Фуко / З.А. Сокулер. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/m-fuko-istoriya-seksualnosti/viewer> (дата обращения 21.01.2021).

обществом, универсальный закон природы (стоики). Правда признается одно исключение: философу лучше не вступать в брак, так как его семья и дети – все человечество (Эпиктет). Для Мусония Руфа парная природа человека не должна иметь исключений, философ также должен жениться, показывая пример другим, как это должно быть.

Такое понимание супружеских отношений не сводится только к отношению подчинения-доминирования и разделения домашнего труда. Брак в глазах многих римских авторов означал некое новое единство двоих, хотя следует признать, что это некая «идеальная модель» супружеских отношений, а не реальная брачная практика начала нашей эры. Подобное понимание супружеских отношений – это новый взгляд в вопросе сексуальной монополии в браке, попытка утверждения симметрии супружеского долга и монополии супругов друг на друга. Хотя, против такого понимания супружеских отношений было и масса противников, допуская вольности для женатого мужчины в отношениях с другими, женам же это запрещалось. Можно сказать, что отношение к внебрачным связям женатого мужчины стало меняться в сравнении с принятым в Греции и воспринимаются не как право мужчины, а как проявление слабости, к которой мудрая жена должна относиться с пониманием.

Происходит переосмысление в отношении и к любовным утехам, что проявляется в отсутствии советов по способам и технике осуществления любовных утех. В отношениях супругов, конечно же, должен присутствовать секс, только он должен быть сдержанным и уважительным, не таким как с любовницей, иначе как можно потом требовать добродетели от собственной жены?

Повышение ценности супружеских связей в римской культуре, приводит к уменьшению интереса к любви с мальчиками. Римлянам также были не чужды такие отношения, просто исчез живой философский интерес, окружавший эти отношения в классической Греции. По мнению Фуко, в Риме объектами таких отношений были рабы, а не свободные мальчики, и такие отношения не могли вызывать тех проблем и дискуссий, как в Греции. Исчезает литература, воспевающая глубокое философское значение любви к мальчикам, появляется то, что Фуко называет «новой эротикой», – римский любовный роман о приключениях разлученных влюбленных. Фуко пишет: «Подобно тому, как в греческой эротической литературе значение любви к мальчикам связывалось с воздержанием от непосредственного физического акта и превращением этой любви в нечто высшее – истинную дружбу, так и в римском любовном романе огромное значение имели целомудрие влюбленных и то, с какой силой и цельностью характера они оба во всех перипетиях сохраняли это целомудрие, предназначая себя только для одного-единственного избранного объекта любви.

Literature:

1. Sokuler Z.A. The history of sexuality M. Foucault / Z.A. Sokuler. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/m-fuko-istoriya-seksualnosti/viewer> (date of application 01/21/2021).

Чунихина Татьяна Николаевна

кандидат политических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
tanirhbook77@mail.ru

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье показано, что, в силу объективных причин, глобальные проблемы охватили все сферы общественной жизни всех стран и народов, а их культурное и цивилизационное развитие оказалось втянутым в орбиту ускоряющейся многоаспектной глобализации. Доказывается, что глобализация современного мира носит объективный характер, – он неизбежен. Ставить вопрос о противодействии глобализации – значит выступать против объективных интеграционных тенденций мирового развития. России, включенной в глобальный мир через все всевозможные способы коммуникации и взаимодействия, необходимо избегать крайностей и входить в современный мир с учетом своих культурно-исторических особенностей.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, глокализация, культурные универсалии, модернизация, межкультурная коммуникация.

Человечество вступило в новую эпоху своего развития, наиболее характерные ее черты – процессы глобализации, охватившие весь мир. Современную глобализацию можно определить в качестве комплекса взаимосвязанных процессов, протекающих во всем мире в различных сферах человеческого взаимодействия (экономики, политике, культуре и т.д.). Основой этого взаимодействия выступают современные компьютерные технологии (Интернет, телевидение).

О важности исследования глобализации свидетельствуют объемы публикаций представителей разных направлений социально-гуманитарного знания. Разница состоит в том, что каждое из этих направлений смотрит на объект под собственным

Tatiana N. Chunikhina

Candidate of Political Science,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology, Law and Work with Personnel,
Kuban State Technological University
tanirhbook77@mail.ru

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
Law and Work with Personnel,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Annotation. The article shows that, due to objective reasons, global problems have embraced all spheres of social life of all countries and peoples, and their cultural and civilizational development has been drawn into the orbit of accelerating multidimensional globalization. It is proved that the globalization of the modern world is objective – it is inevitable. To raise the question of counteracting globalization means to oppose the objective integration trends of world development. Russia, included in the global world through all possible ways of communication and interaction, must avoid extremes and enter the modern world, taking into account its cultural and historical characteristics.

Keywords: globalization, integration, glocalization, cultural universals, modernization, intercultural communication.

углом зрения. Экономисты акцентируют внимание на перемещении рабочей силы и финансов, мировом рынке, транснациональных структурах и институтах. Социологи интересуются ростом взаимозависимостью всех стран и народов, причем, во всех сферах взаимодействия – политической, культурной, экономической в контексте социальной составляющей. Взгляд политологов обращен на складывающуюся специфику мировой политики, международных отношений в условиях глобализации, характер деятельности интергосударственных образований. Одни ученые отмечают позитивные моменты феномена глобализации и связывают их с развитием интеграционных связей, в результате чего, несмотря на все существующие отличия, мир пришел к состоянию, которое

можно определить понятиями «планетарная цивилизация, «глобальная общность» или «глобальная деревня» [1]. Для других глобализации – это попытка гегемонии одной сверхдержавы (США), распространений ценностей собственной культуры на весь мир, результатом чего культура во всем мире станет однородной.

При первом приближении, политические и экономические последствия современной глобализации представляются доминирующими, хотя в действительности, все больше просматривается важность культурных процессов общемирового уровня. Именно поэтому, взаимодействие локального с глобальным, воздействие глобализации на культуру, стало предметом внимания многих ученых.

Следует признать, что коммуникативно-культурная сфера является системообразующим фактором глобализации. Между культурами и народами должны быть налажены каналы коммуникации, необходим минимум культурной общности (языка, сходства картин мира, ценностей и символов), основные значения которых разделялись бы участниками коммуникации для того, чтобы технологические, политические, экономический и другие контакты стали возможны. Исходя из этой логики, культурно-коммуникационная составляющая делает возможной глобализацию во всех остальных сферах.

Социокультурная и информационная глобализация в сфере образования, этики, идеологии, культуры – более противоречивый и сложный фактор глобализации, даже в сравнении с экономическими и политическими процессами, которые предварительно представляются главенствующими.

Развитие СМК со второй половины XX века привело к возникновению глобальной массовой культуры и не существовавшего раньше семиотического круговорота смыслов, ценностей, значений, знаков.

Основной особенностью современности, фактором глобализации или тем, что М. Маклюэн назвал «глобальной деревней», стало распространение прямой (непосредственной) коммуникации (телевидение, Интернет) на весь земной шар, что нашло непосредственное отражение в новых формах поведения социальных субъектов.

Экраном жизненного мира современного человека становится информационное пространство, общение с которым, имеет ряд проблем.

Широкое применение микропроцессоров с конца XX века привело к беспрецедентному увеличению объемов информации. Если в Средневековый период общий объем информации удваивался за столетие, то в начале XX в. – за десятилетие, то сегодня – каждый год.

Следствием современной информационной революции является возникновение противоречий между нарастающей важностью упорядочивания информации и принципиальной, технологической ограниченностью возможностей осуществления этого.

Человечество получило возможность прямого, осознанного использования качественно нового – информационного – измерения, потенциал которого не реализован, а лишь оценен частично. Традиционные способы осмысления окружающего пространства, главным образом, логическое мышление начинает давать систематические сбои. Человек создал слишком сложный в информационном отношении мир и утратил способность видеть закономерности его развития. Он теряет способность перерабатывать возрастающий поток информации, остался как бы наедине с собой, а выбор того или иного материала, зависит от уровня воспитания и образования каждого отдельного индивида.

Э. Тоффлер, говоря о нарастании скорости и новизны, сопутствующих возрастающему информационному взрыву, отмечает ограниченность человеческой психики в восприятии всего массива поступающей информации. Поэтому люди начинают тяготеть к включению в специфические субкультурные группы. Информационное общество с его интенсификацией информационно-культурных сообществ создает условия для ухода людей в различные сообщества, которые охраняют поле своих простых, но законченных и целостных мировидений от нарастающего давления окружающей информации [2].

Сеть Интернет англоязычна, по сути, порядка 80 % сайтов, находящихся в данной системе, представлены на этом языке, хотя владеют им чуть больше 10 % населения мира. Как явление, процесс англоязычной экспансии неоднозначен, в определенной степени, крайне негативен, так как англоязычные заимствования и, стоящие за ними понятия, укореняются в сознании людей. Американизация языка наблюдается и в нашем обществе: кругом вывески на английском языке, магазины и рестораны – с иностранными названиями, очень нравящийся, особенно молодежи, «Макдоналдс». Но использование иностранного языка не проходит для людей бесследно. Язык является важным показателем культурных изменений, подразумевающих сознательное или бессознательное приобщение к культуре носителя языка, ее ценностно-нормативным и смысловым категориям.

Необходимо отметить, глобализация всегда связана с локализацией, что привело к возникновению понятия «глокализация» (Робертсон). Экономика, массовая культура, информация все глобализируется, в то же время, национальные культуры отстаивают собственную идентичность.

П. Бергер, выделяет ряд последствий при взаимодействии глобальной и местной культур: глобальная культура замещает местную; сосуществует без заметного слияния; синтез рассматриваемых культур; местная культура отрицает глобальную [3].

Процесс глокализации очень сложен – совмещение, отрицание, локального с глобальным актуализирует проблемы отношений новаций и традиций, что способствует возникновению новых форм взаимодействия стран и культур.

Происходит переосмысление господствовавших долгое время представлений о национализме, этнической идентичности.

Ряд авторов, ссылаясь на социальные процессы и тенденции, наблюдаемые в мировых отношениях, склонны считать, что в перспективе человечество откажется от границ, культурных различий; какая-то из международных организаций возьмет на себя роль мирового правительства, а человечество станет проживать в универсальных городах, сотрутся расовые и межэтнические различия в результате межрасовых и межэтнических браков. Английский язык выступит в качестве универсального, а национальные языки и диалекты станут элементом общемирового фольклора. Другие авторы полагают, что подобный сценарий не осуществим в связи с тем, что все культуры имеют разные ценности и прямой трансформации к западной цивилизации не будет.

Даже в Европе, отстранившейся от всего этнического, сконцентрировавшейся на идее политической нации, едином государственном, правовом, социально-экономическом пространстве, вдруг, стала активно проявляться этническая идентичность, поставившая вопрос об их лояльности в качестве элементов единой нации. В Испании (баски), в Великобритании (шотландцы), в Бельгии (валлонцы), в Канаде (франко-канадцы) стали определять себя не гражданами своих государств, а особым этносом со своими менталитетом, традициями, историей. Если раньше разговор шел о государственной принадлежности, то сегодня возникает расхождение между ощущением своего гражданства и этнической принадлежности.

Одним из показателей культурных изменений является язык, а общение на нем предполагает связь с культурой этого языка, его смысловыми ценностными категориями. Подавляющее большинство сайтов в системе Интернет англоязычные, хотя, английским языком владеют лишь 10–15 % населения земли. Англоязычная экспансия, этот феномен современного глобализирующегося мира осмысливается неоднозначно, очень часто в негативном ключе. Однако процесс продолжается, англоязычные заимствования и понятия утверждаются в сознании больших масс людей. Это влияние английского языка на другие вызывает обеспокоенность немецкой, польской и др. общественности, предпринимаются защитные меры, в виде ограничительных мер и законов. В России также заметна американизация языка, однако, серьезной озабоченности подобным положением дел не наблюдается.

Большая часть информации, транслируемой СМИ, носит поверхностный характер в том смысле, что не оказывает серьезного влияния на систему ценностей, взгляды и поведение населения. Идентичность представителей старшего возраста уже сформирована. Иначе влияние пропаганды проявляется в молодежной среде. Чуждые национальной психологии российского общества, распространяющиеся поведенческие штампы, стали олицетворением счастливой жизни, под

влиянием которых происходит формирование идеалов молодежи. Традиционные механизмы формирования уклада и морали (от родителей к детям) не перестали существовать. Во многом личность и идентичность молодого человека по-прежнему формируется в детстве под влиянием семьи, школы и других социальных институтов. Но если раньше, усвоив стандартный набор «истин» и правил, человек мог прожить, руководствуясь ими всю свою жизнь в силу малой изменчивости мира, то сегодня подобное невозможно. Слишком быстрые изменения, происходящие в мире, ставят вопросы постоянной адаптации к новым условиям среды. На смену старым алгоритмам передачи знаний, дающим «сбой», приходят новые, главным образом сетевые, эмоциональный фон большинства которых опирается либо на первичные биологические инстинкты – секс и агрессию, или на ценности гедонизма. Учитывая то, что все глобальные СМИ принадлежат определенным группам влияния – частным или государственным структурам, информация, преподносимая ими, носит заведомо пристрастный характер.

Итак, в технологическом, экономическом, политическом пространстве наблюдается интенсификация взаимосвязей, прогрессирующее единство человечества, несмотря на существующие ограничения и границы. В культурной сфере наблюдаются совершенно противоположные процессы. В теоретическом и юридическом плане к концу XX века, народам была предоставлена возможность определять свои национальные интересы и, следовательно, стратегические векторы национального развития, выбирать союзников, деловых и экономических партнеров, являясь равноправными акторами. С другой стороны, в эпоху урбанизации и индустриализации, глобализации и интернационализации важнейших сфер общественной жизни, возникновение космополитизма; широко распространенная миграция и массовые перемещение подрывают одну из основ – культурно и этнически однородное население. В итоге, немногочисленные этносы оказались перед угрозой потери собственной культурно-цивилизационной идентичности. В этих условиях, многие маленькие народы активно демонстрируют свою самобытность, обращаются к своей истории, как правило, к успешным ее периодам, отказываются от глобальных культурных тенденций, а в ценностных приоритетах преобладает религиозная и этническая составляющие. Учитывая, что религиозно-конфессиональная составляющая шире этнической, ее при первом приближении, следовало бы признать основой социально-групповой идентичности. Однако по степени влияния на поведение индивида или группы, этническая национальная доминанта культуры сильнее, в сравнении с религиозной.

Итак, глобализация современного мира носит объективный характер, – она неизбежна. Поэтому ставить вопрос о противодействии глобализации – значит выступать против объективных интеграционных тенденций мирового развития. В настоящее время Россия включена в глобальный мир

через все всевозможные способы коммуникации и взаимодействия, ей необходимо избегать крайностей и входить в современный мир с учетом своей культурно-исторической особенности. В

Литература:

1. *Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего* / М. Маклюэн; Пер. И.О. Тюриной. М. : Академический проект: Фонд «Мир». 2005. 496 с.
2. *Тофлер Э. Шок будущего* / Э. Тофлер. М. : Изд. АСТ. 2002. 557 с.
3. *Многоликая глобализация* // Под ред. П. Бергера и С. Хан-М; Пер. с англ. В.В. Сапова; Под ред. М.М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс. 2004. 379 с.

сложившейся ситуации важно избегать как жесткого традиционалистского, так и жестко модернистского пути развития, а двигаться по пути синтеза традиций и новаций.

Literature:

1. *McLuhan M. Gutenberg's Galaxy: The Formation of the printing man* / M. McLuhan; Transl. I.O. Tyurina. M. : Academic project: Mir Foundation. 2005. 496 p.
2. *Tofler E. Shock of the future* / E. Tofler. M. : Ed. AST. 2002. 557 p.
3. *Multi-faceted globalization* // Edited by P. Berger and S. Khan-M; Transl. from English by V.V. Sapov, edited by M.M. Lebedeva. M. : Aspect Press. 2004. 379 p.

Урумов Аскер Валерьевич

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
специально-технической подготовки,
Северо-Кавказский институт повышения
квалификации сотрудников
МВД России (филиал)
Краснодарского университета
Министерства внутренних
дел Российской Федерации,
подполковник полиции
urumov07@mail.ru

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
майор полиции
anzor.afaunov@list.ru

Чхвимиани Эдуард Жюльенович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
полковник полиции
eduard-1981@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ
СУДЕБНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМ КАК ФАКТОР
ПРАВООРЯДКА В ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. Правосознание в рамках правовой теории рассматривается как важный фактор поддержания правового порядка в обществе, который обладает самостоятельным значением и, следовательно, и рассматривается преимущественно самостоятельно, в отрыве от аналитики состояния основных правовых институтов. Между тем, от того, в каком состоянии находятся основные правовые институты общества, во многом зависит характер их социального восприятия, что уже напрямую влияет на стратегии социальной активности членов общества. Статья посвящена анализу взаимосвязи, существующей между состоянием судебной и правоохранительной систем, с одной стороны, и характера отношения к праву в гражданской среде, с другой. Авторами обосновывается, что дисфункция правоохранительной и судебной систем, в значительной мере, способствует подрыву правосознания, в то время, как эффективность основных правовых институтов, напротив, способствует его укреплению и подъему.

Asker V. Urumov

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of the Department
Special Technical Training,
North Caucasus Institute of Promotion
Qualifications of Employees
Ministry of Internal Affairs of Russia (branch)
Krasnodar University
Ministries of the Interior
of the Russian Federation,
Police Lieutenant Colonel
urumov07@mail.ru

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Social Sciences,
Deputy Head of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Major
anzor.afaunov@list.ru

Eduard J. Chkhvimiani

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Police Colonel
eduard-1981@yandex.ru

**SOCIAL PERCEPTION OF THE JUDICIAL
AND LAW ENFORCEMENT SYSTEMS
AS A FACTOR OF LAW
AND ORDER IN SOCIETY**

Annotation. Legal consciousness in the framework of legal theory is considered as an important factor in maintaining the legal order in society, which has an independent meaning and, therefore, is considered mainly independently, in isolation from the analysis of the state of the main legal institutions. Meanwhile, the nature of their social perception largely depends on the state of the main legal institutions of society, which already directly affects the strategies of social activity of members of society. The article is devoted to the analysis of the relationship between the state of the judicial and law enforcement systems, on the one hand, and the nature of the attitude towards law in the civilian environment, on the other. It is proved that the dysfunction of the law enforcement and judicial systems greatly contributes to the undermining of legal consciousness, while the effectiveness of the main legal institutions, on the contrary, contributes to its strengthening and rise.

Ключевые слова: правосознание, судебная система, правоохранительные органы, общество, правопорядок, право, механизмы правовой регуляции.

Keywords: sense of justice, judicial system, law enforcement agencies, society, rule of law, law, mechanisms of legal regulation.

Природа общества – вопрос, который ставился многократно и, соответственно, многократно различным образом разрешался на уровне гуманитарного знания. Исследователи выделяют общественные институты, страты, системы социального взаимодействия и прослеживают закономерности отношений между различными областями общественной жизни. Между тем, существует идея, которая уже длительное время не ставится под вопрос – вариативность и конвенциональность общества, что определяет в качестве одного из конституирующих аспектов общественной жизни систему условностей, принятых и активно репрезентируемых членами общества. Эти условности, будучи внешне закрепленными, приобретают нормативный характер и выступают для многих членов общества объективным фактором, определяющим их жизнь, перспективы, допустимые модели поведения, наборы средств достижения целей и т.д.

Важным в данном случае является то, что они имеют, с одной стороны, вполне реальное структурно-функциональное значение в обществе, с другой же – поскольку являются условностями, действуют лишь в силу того, что этим условностям, или коллективно выбранным правилам, люди следуют. Но, для того, чтобы следовать какому-либо правилу, необходимо, чтобы, во-первых, оно было достоянием сознания действующего субъекта, и, во-вторых – чтобы на уровне этого мировоззрения присутствовало суждение о необходимости данного правила исполнять. Таким образом, мы приходим к пониманию, что для того, чтобы закону следовали, необходимо, чтобы этот закон (а также все то, что стоит за ним на институциональном уровне) члены общества знали и принимали. При такой постановке вопроса становится понятно, что мировоззренческий аспект реализации права является одним из ключевых в установлении правового порядка в обществе. Данный срез правовой реальности выражается в термине «правосознание», и практически в любых социально-исторических условиях правосознание выступает в качестве одного из определяющих факторов в жизни общества, будучи тем основанием, которое определяет упорядоченность общественных отношений, их подверженность регулятивным механизмам общества.

Безусловно, правосознание не является единственным фактором обеспечения правопорядка. Это – наиболее явственно прослеживается в тех случаях, когда имеет место нарушение членами общества правового порядка взаимодействия, либо в ситуациях, когда правовой статус конкретного социального явления носит дискуссионный характер. Первая ситуация относится к области функциональной активности правоохранительных органов, вторая – к сфере деятельности судебной системы. Речь идет о внешних для активно действующего социального субъекта институтах, контролирующих его деятельность и, в

тех ситуациях, когда имеет место нарушение закона – пресекающих противоправную активность, а также налагающих за это различные санкции.

Если предположить, что правоохранительная и судебная системы функционируют максимально эффективно, может возникнуть суждение о том, что в таких условиях правосознание утрачивает свою значимость, поскольку внешние правовые институты обеспечивают соблюдение правопорядка, но такое суждение будет ошибочным, поскольку, во-первых, правоохранительная система действует лишь по факту уже совершенного или совершаемого правонарушения и, во-вторых, принцип неотвратимости наказания как ключевого фактора обеспечения правового характера поведения членов общества, в настоящее время имеет неоднозначный статус, будучи объектом критики со стороны ряда исследователей [4].

Реальная практика показывает, что имеют место множество ситуаций, когда поведение членов общества выходит из-под надзора государственных служб, и потому нельзя говорить о тотальности влияния внешних правовых институтов, ориентированных на обеспечение правопорядка. Простейший пример – переход дороги на красный свет в ситуации, когда поблизости нет камер и сотрудников ГИБДД. В такой ситуации человек может руководствоваться либо собственными целями (например, в ситуации, когда он серьезно опаздывает), либо нормативными установлениями, регулирующими дорожное движение. Нередко, в таких ситуациях, когда представители закона «не видят», члены общества решаются на правонарушение, поскольку внутренние мотивы соблюдения закона развиты у них недостаточно, а внешние мотивирующие факторы в конкретной ситуации неактуальны. Примеров подобного рода явления великое множество – это может быть совершение преступления с последующим его сокрытием; домашнее насилие; преступная деятельность, в ходе которой злоумышленник стремится сохранить в тайне свое участие и т.д. Объединяет все эти случаи одно – в условиях, когда социальный субъект допускает недостаточную эффективность деятельности правоохранительных органов, именно недостаток правосознания становится той причиной, которая допускает возможность совершения правонарушения. И, напротив, когда в таких ситуациях субъект выбора имеет развитое правосознание, он отказывается от совершения преступного действия в силу собственных позитивных убеждений.

Отдельно следует отметить, что ни о принципе неотвратимости наказания за правонарушение, ни о какой-либо тотальной эффективности правоохранительной деятельности говорить не приходится. Более того, имеет место ситуация, когда существенная доля преступлений не просто является нераскрытыми – сам факт их осуществления остается сокрытым от правоохранительных

органов. В этих условиях понимание потенциальной безнаказанности преступников может формироваться как у самих нарушителей, так и у жертв их преступной деятельности. В этих условиях значение правосознания как социального регулятора, крайне высоко. И это определяет значимость исследований, посвященных выявлению факторов поддержания и развития правосознания, а также работ, ориентированных на выявление социальных оснований нарушения правосознания в гражданской среде.

В исследовательской практике правосознание и правовые институты, ориентированные на поддержание правопорядка, редко рассматриваются совместно, будучи позиционируемыми в качестве социально-правовых механизмов, действующих, по сути, независимо друг от друга. Это формирует ошибочное представление о том, что нет необходимости рассматривать связь между существующим правосознанием и деятельностью таких институтов, как правоохранительные органы и судебная система.

Между тем, между обозначенными аспектами правовой реальности существует значительная взаимосвязь, которая влияет в равной мере и на уровень правосознания в обществе, и на характер функционирования основных правовых институтов. В рамках настоящей статьи мы намерены осветить влияние социального опыта взаимодействия с основными правовыми институтами как фактора формирования правосознания, что, в свою очередь, имеет несомненное значение для конечного формирования правопорядка в обществе (либо его нарушения, если речь идет о деструктивных процессах и тенденциях).

Для начала, следует определиться с вопросом о том, что из себя представляет правосознание и каковы его ключевые аспекты? Правосознание – это составляющая социального мировоззрения, направленная на отражения правового аспекта социальной реальности. При этом правосознание включает в себя не только знание законов, регулирующих различные формы социальной активности, но также и представления об основных правовых институтах. Отдельно следует отметить, что правосознание как сложный элемент мировоззрения включает в себя, в том числе, элементы ценностного восприятия правовой сферы, а также, моменты социально-правовой идентификации и самоидентификации, которые определяют оценку субъектом приемлемости или, напротив, неприемлемости определенных способов действия, исходя из их правового статуса. В данном случае одним из ключевых аспектов становится отношение к правовой сфере, которое состоит из следующих элементов:

– отношения к принятым в локальном обществе правовым нормам (рассмотрение их адекватности или, напротив, несоответствия актуальным запросам современного общества и, в частности, интересам социального субъекта);

– отношения к праву, как таковому (что включает в себя, в частности, ценностное восприятие права, осознание его социального значения,

ориентацию на конформное поведение, основанную на осознании значимости правового аспекта общественных отношений);

– отношения к ключевым правовым институтам (что включает в себя, во-первых, общее представление о структуре правовых институтов и их функциональном аспекте, во-вторых – совокупность представлений о действующих правовых институтах, их эффективности, корректности, функциональности, и, в-третьих – степень доверия или недоверия по отношению к действующим правовым институтам).

Важность отношения к праву состоит в том, что именно оно, по сути, определяет деятельный аспект социальной и, в том числе, социально-правовой активности субъекта. Поясняя данный момент, отметим, что речь идет не только о готовности или неготовности социального субъекта следовать установленным в обществе правовым нормам, но также и о том, насколько он готов обращаться самостоятельно в правоохранительную или судебную сферу в ситуациях, когда сталкивается со случаями нарушения собственных законных интересов, правонарушений, осуществляемых другими людьми и т.д. Иными словами, речь идет о том функциональном аспекте правовых отношений, который неразрывно связан с моментом взаимодействия населения и правовых институтов. В частности, здесь следует подчеркнуть, что колоссальное значение для формирования благоприятных условий установления правового порядка социального взаимодействия является развитие в гражданской среде доверия к основным социально-правовым институтам.

Еще одним важным моментом в данном случае является то, что, несмотря на сложность и, по сути, структура правосознания, отдельные его элементы могут влиять друг на друга, что, собственно, является одним из важных оснований подрыва правосознания в условиях кризиса отдельных социально-правовых институтов. Поясняя данный аспект, отметим, что отношение к отдельным правовым институтам может способствовать трансформации представлений о правовой системе, в целом, что может иметь как позитивное значение в случае, если речь идет об улучшении отношения к данным институтам в гражданской среде, так и негативное значение в условиях, когда отдельные правовые институты не отмечаются высоким доверием населения.

В данном случае мы ориентированы на то, чтобы рассмотреть влияние социального восприятия правоохранительной и судебной систем на восприятие права в целом и, соответственно – на характер правосознания в обществе. По сути, речь идет о том, что опыт восприятия правовой сферы у членов общества может иметь либо прямой, либо опосредованный характер. Под прямым познанием в данном случае подразумевается самостоятельное столкновение членов общества с судебной или правоохранительной практикой (равно как и с ее результатами; в последнем случае одним из косвенных способов оценки правоохранительных структур может стать оценка их эффективности через рассмотрение актуального уровня преступности).

Опосредованное познание – это формирование представлений через восприятие стороннего опыта (что в наше время включает в себя, в том числе, результаты цифровой коммуникации, восприятие СМИ и т.д.). В настоящее время все активнее становится тенденция смещения в сторону опосредованного средствами информационной коммуникации социального познания [2], и эта тенденция охватывает, в том числе, и механизмы восприятия правовой сферы. Однако это не меняет общего механизма формирования отношения к праву через опыт взаимодействия с правоохранительной и судебной сферами.

Ключевым здесь является то, что основная доля, именно опыта взаимодействия с правовыми институтами, сосредоточена в опыте взаимодействия населения с правоохранительными органами и представителями судебной сферы и, соответственно, последние выступают в качестве своеобразного «лица» правовой системы, повернутого к населению. Формирование образа власти и ее представителей – это сложный процесс, включающий в себя ряд компонентов. Так, по мнению А.В. Тищенко: «Основные факторы социального восприятия сотрудников полиции в культурно-информационном пространстве включают в себя:

– устойчивые стереотипы восприятия правоохранителей;

– исторически сложившийся опыт взаимодействия членов общества с правоохранительными органами (в случае с российским обществом речь идет об опыте восприятия дисфункционального института полиции);

– отражение правоохранительной сферы в информационном пространстве (межличностная

Литература:

1. *Ануфриева Д.А.* Восприятие сотрудника органов внутренних дел как фактор, влияющий на формирование имиджа полиции / Д.А. Ануфриева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4(88). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-sotrudnika-organov-vnutrennih-del-kak-faktor-vliyayuschiy-na-formirovanie-imidzha-politsii> (дата обращения 05.01.2021).

2. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. М., 2003.

3. *Тищенко А.В.* Восприятие сотрудников полиции в современном социуме / А.В. Тищенко // Социально-гуманитарные знания. 2019. №12. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-sotrudnikov-politsii-v-sovremennom-sotsiume> (дата обращения 09.01.2021).

4. *Цуриков В.И.* Оптимален ли принцип неотвратимости наказания за преступление? (экономический подход к преступлениям и наказаниям) / В.И. Цуриков // ЭНСР. 2007. № 2. С. 73–81.

коммуникация, СМИ, основные продукты художественной культуры)» [3].

При этом восприятие эффективности деятельности института нередко детерминировано единичным опытом восприятия его представителей. По мнению Д.А. Ануфриевой: «Такой стереотип формируется не только на основе непосредственного негативного опыта: гражданин может иметь ограниченные знания о правоохранительных органах и при этом полагаться на обобщенное мнение и образ, сформированный до него» [1].

Соответственно, чем более эффективной и корректной является правоохранительная а также – судебная деятельность, тем более серьезные предпосылки нормализации социального отношения к праву будут иметь место в гражданской среде. И, напротив, чем серьезнее функциональные проблемы в данных правовых институтах, тем серьезнее, соответственно, предпосылки для подрыва правосознания в обществе. В данном случае, следует отметить, что имеет значение не только строго функциональный аспект конечной эффективности, но и уровень корректности взаимодействия данных институтов с гражданским населением, что имеет целый спектр определяющих критериев, от уровня воспитанности, доброжелательности и корректности сотрудников данных сфер, вплоть до удобства механизмов обращения в данные институты членов общества.

Подводя итоги, следует отметить, что эффективность и корректность таких правовых институтов, как правоохранительные органы и судебная система, является одним из важнейших аспектов сохранения и развития конструктивных форм правосознания в гражданской среде.

Literature:

1. *Anufrieva D.A.* Perception of an employee of the internal affairs bodies as a factor influencing the formation of the image of the police / D.A. Anufrieva // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4(88). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-sotrudnika-organov-vnutrennih-del-kak-faktor-vliyayuschiy-na-formirovanie-imidzha-politsii> (date of application 05.01.2021).

2. *McLuhan M.* Understanding media: external human extensions / M. McLuhan. M., 2003.

3. *Tishchenko A.V.* Perception of police officers in modern society / A.V. Tishchenko // Social and humanitarian knowledge. 2019. № 12. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-sotrudnikov-politsii-v-sovremennom-sotsiume> (date of application 09/01/2021).

4. *Tsurikov V.I.* Is the principle of inevitability of punishment for a crime optimal? (economic approach to crimes and punishments) / V.I. Tsurikov // ENSR. 2007. № 2. P. 73–81.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Абдулвалиев Алмаз Фирзязрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Институт государства и права,
Тюменский государственный университет
a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Каземов Виктор Владимирович

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Институт государства и права,
Тюменский государственный университет
v.v.kazemov@utmn.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КАК
ПРИЗНАКИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 106
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются социальные факторы, влияющие на совершение убийства матерью своего новорождённого ребёнка. Даётся подробный анализ этих факторов с уголовно-правовой и криминологической точек зрения. На основе изучения текстов судебных решений по уголовным делам приводятся примеры отдельных социальных факторов, которые прямо или косвенно повлияли на убийство матерью своего новорождённого ребёнка: нежелание иметь ребёнка, тяжёлое материальное положение, сохранение тайны рождения ребёнка, негативное отношение родственников к рождению ребёнка и отсутствие поддержки со стороны родственников во время беременности, наличие на иждивении у родильницы других малолетних детей, неурядицы и неустроенность в семье, праздный образ жизни и т.д.

Ключевые слова: социальные факторы, неонатическая мать, новорождённый, преступление, убийство, детоубийство, Российская Федерация, суд.

Убийство матерью новорождённого ребёнка, предусмотренное ст. 106 УК РФ, является одним из привилегированных видов убийства в Российской Федерации. Ежегодно в нашей стране рассматривается несколько десятков уголовных дел в связи с убийством появившихся на свет младенцев.

Число выявленных фактов убийства матерью новорождённого ребёнка установить не представляется возможным ввиду высокой латентности

Almaz F. Abdulvaliev

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor of the Department
of Criminal Law and Process,
Tyumen State University
a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Victor V. Kazemov

Candidate of Medical Sciences,
Assistant Professor of the Department
of Criminal Law and Process,
Tyumen State University
v.v.kazemov@utmn.ru

**THE SOCIAL FACTORS AS ELEMENTS
OF CRIME, PROVIDED IN
THE ARTICLE 106 OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The authors of the article consider the social factors, which influence on committing the infanticide by mother. The detailed analysis of all these factors from criminal law and criminological viewpoints is given. On the base of studying the court decisions in criminal cases, the examples of separate social factors, which influenced, directly or indirectly, on committing the infanticide by mother are given: unwillingness to have a child, difficult financial situation, keeping the birth of a child in secret, negative attitude of relatives to baby's birth and lack of support by relatives during the pregnancy, having other dependent children by woman in labor, family troubles, an idle lifestyle, etc.

Keywords: social factors, mother, neonaticide, newborn, crime, murder, infanticide, the Russian Federation, court.

данного преступления. Анализ судебной практики и дальнейшее научное исследование осуществлялось авторами на основе тех материалов, которые были получены в ходе рассмотрения уголовных дел, предусмотренных ст. 106 УК РФ.

Социальные факторы, влияющие на преступное поведение будущей матери, бывают различными. В большей степени, такие факторы могут зависеть от того, каков её уровень благосостояния и финансового благополучия, уровень образован-

ности и уровень воспитания, наличие или отсутствие семьи и т.п.

При исследовании текстов судебных приговоров по преступлениям, связанным с убийством новорожденного ребёнка, авторам удалось выявить, что матери убивают своих только родившихся малышей из-за банального нежелания иметь ребёнка (33,47 %), из-за тяжёлого материального положения роженицы (21,6 %), по причине сохранения тайны рождения ребёнка (17,14 %) и негативного отношения родственников к произошедшему (9,85 %). Наличие на иждивении малолетних детей (6,93 %), неурядицы и неустроенность в семье (4,48 %), равно как и праздный образ жизни (4,08 %), также способствуют совершению неонатцида.

Нежелание иметь ребёнка является самым часто встречающимся социальным фактором. Так, зимой 2016 года ранее судимая за убийство К., находясь в комнате, в антисанитарных условиях родила живого незрелого жизнеспособного недоношенного ребёнка женского пола. После чего, она, не оказав ему никакой помощи, завернула его в кусок хлопчатобумажной ткани и оставила его на холодном полу в этой комнате, а сама легла спать. Младенец скончался в результате дыхательной недостаточности, возникшей при поступлении околоплодных вод в дыхательные пути в процессе родов [1]. Сама подсудимая К. не имела постоянной регистрации на территории Российской Федерации, проживала с родителями, с которыми не поддерживала доверительных отношений, официально не была трудоустроена, не имела семьи и детей, злоупотребляла спиртными напитками. Очевидно, что такая характеристика роженицы наглядно подтверждает тот факт, что она не хотела иметь этого ребёнка.

Судебная практика знает и другие примеры. Так, в 2014 году, находясь одна в коммунальной квартире, А. родила самостоятельно живого жизнеспособного доношенного здорового ребёнка мужского пола. Однако, с целью уклонения от своих родительских обязанностей по воспитанию и содержанию новорожденного ребёнка, она положила его в полиэтиленовый пакет; ручки пакета завязала в узел, перекрыв, таким образом, доступ кислорода к органам дыхания новорожденного. Вследствие этого, ребёнок и скончался [2]. Уже во время судебного заседания она сообщила суду о том, что скоро снова станет матерью, намерена вступить в зарегистрированный брак и воспитывать своего будущего ребёнка совместно с мужем.

Тяжёлое материальное положение является частым спутником детоубийства. Многие матери идут на преступление, ложно считая, что не смогут прокормить своего малыша. Так, в 2017 г. Устюженским районным судом Вологодской области было рассмотрено уголовное дело в отношении К., обвинявшейся в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. В суде было установлено, что виновная, ранее не судимая и не трудоустроенная, не желая иметь ребёнка ввиду тяжёлого материального положения, сразу после родов положила новорожденную

девочку в полиэтиленовый пакет; его свободные концы которого завязала узлом, тем самым ограничив доступ воздуха к органам дыхания ребёнка, вследствие чего, ребенок скончался [3]. На иждивении у виновной уже были двое малолетних детей, что также повлияло на совершение преступления, но и поспособствовало смягчению наказания за данное деяние.

В сентябре 2016 года в Ивановской области была осуждена женщина, убившая в бане своего новорожденного, жизнеспособного, доношенного и зрелого ребёнка мужского пола сразу после родов путём нанесения руками тяжких телесных повреждений по голове ребёнка [4]. Этот пример примечателен тем, что этот родившийся ребёнок, мог быть пятым по счёту у нее. По словам подсудимой, наличие на иждивении детей послужило поводом для появления умысла на убийство младенца.

Сохранение тайны рождения ребёнка характерно для женщин, у которых ребёнок был нежеланным. В 2015 году в Хабаровске Ч., не состоящая в браке и работающая кладовщиком, в тайне от всех в ванной комнате самостоятельно и без участия медицинских работников родила жизнеспособного ребёнка женского пола, после чего, она положила его в ванную, частично наполненную водой, и таким образом утопила младенца [5]. На суде свой поступок подсудимая объяснила необходимостью, полагала, что никому не нужна, даже ребёнку. Не прервала беременность и не стала рожать ребёнка в роддоме с целью оформления последующего отказа от него, а также скрывала свою беременность на протяжении девяти месяцев, поскольку боялась осуждения со стороны общества.

В 2013 году в Ивановском профессиональном училище-интернате. Ф., являющаяся учащейся данного образовательного учреждения, самостоятельно родила живорожденного, жизнеспособного недоношенного ребёнка мужского пола с внутриутробным развитием в 8 месяцев. В связи с намерением скрыть нежелательное для неё рождение ребёнка она взяла швабру и предприняла попытку смыть ребёнка водой в канализацию, пытаясь при этом протолкнуть тело малыша вышеуказанным предметом. Подобные действия привели к тому, что ребёнок получил различные телесные повреждения в виде травмы головы и туловища: кровоизлияние в тканях поясничной области слева, переломы левых поперечных отростков поясничных позвонков, разрыв левой почки [6].

Один из социальных факторов – это страх негативного отношения родственников и близких лиц, который довлеет над женщинами во время беременности, родов и после родов. В 2013 году в Туле незамужняя К., выписавшись с новорожденным ребёнком из родильного отделения, находясь в состоянии эмоционального напряжения, обусловленного непризнанием отцовства, страхом осуждения со стороны родственников, не имея достаточных средств для содержания ребёнка, поехала не домой, а в один из торговых центров, где в коридоре торгового павильона в

отсутствие посторонних лиц задушила младенца [7]. Свою роль в совершении преступления сыграла не только боязнь негативного отношения родственников к незаконнорождённому ребёнку, но и юный возраст виновной, а также, отсутствие поддержки со стороны близких, тем более, что она не была замужем.

Неурядицы и неустроенность в семье также могут приводить к трагическим последствиям, в том числе, и к убийству новорождённого. В 2011 году в городе Череповце, Р., находясь в состоянии беременности на позднем сроке, на почве личных неприязненных отношений после ссоры со своим сожителем и, испытывая обиду за высказанные в её адрес оскорбления, решила с целью отмщения сразу же после родов убить своего новорождённого ребёнка. Сразу же после родов она взяла заранее приготовленные спортивные брюки, намотала их вокруг шеи ребёнка и силой затянула их. Смерть новорождённого наступила в результате механической асфиксии [8].

В 2013 году в Оренбургской области по ст. 106 УК РФ была осуждена К., которая умышленно пошла на причинение смерти своему новорождённому ребёнку женского пола, сбросив его в сливную яму уличного туалета, наполненную жидкими отходами. Мотивом такого преступления стал семейный конфликт по поводу необоснованных предположений о «супружеской неверности» и связанной с тяжёлым материальным положением в семье [9].

Праздник образ жизни, как социальный фактор, также имеет место быть. В ходе исследования были выявлены случаи убийства своих новорождённых детей матерями, находившимся в состоянии алкогольного опьянения, вели антисоциальный разгульный образ жизни. Например, Д., будучи беременной, в гостях распивала спиртные напитки, когда, почувствовав начало родов, удалилась в туалет в квартиры, где родила живую недоношенную девочку. После этого, она положила новорождённого в пакет, вынесла из квартиры и оставила на улице за домом. Смерть ребёнка наступила из-за того, что он задохнулся в пакете [10].

В 2014 году городе Березники Пермского края за покушение на убийство новорождённого ребёнка была осуждена Г. С юных лет она вела

разгульный образ жизни, злоупотребляла спиртными напитками, после окончания профессионального училища нигде не работала, жила с разными мужчинами [11]. Подобное антисоциальное поведение и предопределило дальнейшие действия Г., когда в очередной раз, забеременев, и после этого, родив ребёнка, положила его в полиэтиленовый пакет и вынесла из квартиры на улицу, а после этого скрылась с места преступления. К счастью, ребёнок был спасён соседом.

К иным психотравмирующим ситуациям можно отнести различные факторы, которые реже других встречаются в судебной практике, но также способны повлиять на совершение неонатцида. В 2013 году в Воронежской области, когда А. самостоятельно родила живого доношенного ребёнка мужского пола, а после этого убила его найденным рядом с душем кирпичом. Совершению данного преступления предшествовало наличие комплекса различных неблагоприятных факторов: материальные затруднения, отсутствие поддержки отца ребёнка, боязнь позора нежелательной беременности, соматическое неблагополучие, которые в отношении роженицы сопровождалась нарастанием эмоциональной напряжённости, субъективным переживанием безвыходности и беспомощности [12].

Проведённое исследование показало, что социальные факторы неонатцида, чаще всего, обусловлены внешними причинами. Их можно условно поделить на две группы:

– первая группа – ситуации объективного характера (тяжёлое материальное положение, неурядицы и неустроенность в семье, действительное негативное отношение родственников, наличие на иждивении малолетних детей);

– вторая группа – ситуации субъективного характера (нежелание иметь ребёнка, наличие психического расстройства или праздник образ жизни).

Свою роль в появлении социальных факторов сыграло и наличие непростых социально-экономических отношений в семье, обществе и в государстве. Хотя ещё в древних Писаниях было закреплено: «Не убивайте своих детей, опасаясь нищеты, ведь Мы обеспечиваем пропитанием их вместе с вами. Воистину, убивать детей — тяжкий грех».

Литература:

1. Приговор Калининского районного суда Тверской области от 05.06.2017 г. по уголовному делу № 1-85/2017// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 21.03.2020).
2. Приговор Муромского городского суда Владимирской области от 01.12.2014 г. по уголовному делу № 1-332/2014// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 21.12.2020).
3. Приговор Устюженского районного суда Вологодской области от 22.09.2017 г. по уголовному

Literature:

1. The verdict of Kalininsky district court of Tver region from 05.06.2017 in a criminal case №1-85/2017 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 21.12.2020).
2. The verdict of Murom city court of Vladimir region from 01.12.2014 in a criminal case №1-332/2014 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 21.12.2020).
3. The verdict of Ustuzhensky district court of Volgda region from 22.09.2017 in a criminal case

делу №1-48/2017 // Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 15.12.2020).

4. Приговор Приволжского районного суда Ивановской области от 29.09.2016 г. по уголовному делу № 1-64/2016 // Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 21.12.2020).

5. Приговор Центрального районного суда города Хабаровска от 26.02.2016 г. по уголовному делу № 1-163/2016// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 22.12.2020).

6. Приговор Фрунзенского районного суда города Иваново от 02.04.2014 г. по уголовному делу № 1-123/2014 // Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 23.12.2020).

7. Приговор Пролетарского районного суда города Тулы Тульской области от 17.12.2013 г. по уголовному делу № 1-292/2013// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 22.12.2020).

8. Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 01.02.2012 г. по уголовному делу № 1-140/2012// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 23.12.2020).

9. Приговор Бузулукского районного суда Оренбургской области от 17.06.2013 г. по уголовному делу № 1-210/2013// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 15.12.2020).

10. Приговор Волжского городского суда Республики Марий-Эл от 24.10.2014 г. по уголовному делу № 1-228/2014// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 15.12.2020).

11. Приговор Березниковского городского суда Пермского края от 08.12.2014 г. по уголовному делу № 1-627/2014// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 15.12.2020).

12. Приговор Коминтерновского районного суда города Воронеж от 11.06.2013 г. по уголовному делу № 1-258/2013// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения 15.12.2020).

№ 1-48/2017 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 15.12.2020).

4. The verdict of Privolzhsky district court of Ivanovo region from 29.09.2016 in a criminal case № 1-64/2016 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 21.12.2020).

5. The verdict of Central district court of Khabarovsk region from 26.02.2016 in a criminal case № 1-163/2016 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 22.12.2020).

6. The verdict of Frunzensky district court of Ivanovo city from 02.04.2014 in a criminal case № 1-123/2014 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 23.12.2020).

7. The verdict of Proletarsky district court of Tula city of Tula region from 17.12.2013 in a criminal case № 1-292/2013 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 22.12.2020).

8. The verdict of Cherepovetsky city court of Volgda region from 01.02.2012 in a criminal case № 1-140/2012 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 23.12.2020).

9. The verdict of Buzuluksky district court of Orenburg region from 17.06.2013 in a criminal case № 1-210/2013 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 15.12.2020).

10. The verdict of Volzhsky city court of Mary El republic from 24.10.2014 in a criminal case № 1-228/2014 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 15.12.2020).

11. The verdict of Bereznikovsky city court of Perm region from 08.12.2014 in a criminal case № 1-627/2014 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 15.12.2020).

12. The verdict of Kominternovsky district court of Voronezh city from 11.06.2013 in a criminal case № 1-258/2013 // The website of judicial and normative acts Sudact.ru. URL : <https://sudact.ru/regular/doc> (date of application 15.12.2020).

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
майор полиции
anzor.afaunov@list.ru

Чхвимиани Эдуард Жюльенович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
полковник полиции
eduard-1981@yandex.ru

Татлок Адам Казбекович

преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
adamtatlok75@gmail.com

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ
ПРАВОПОРЯДКА КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ
В ГРАЖДАНСКОЙ СРЕДЕ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи между состоянием и характером деятельности правоохранительных органов с одной стороны, и уровнем правосознания в обществе с другой. Авторами анализируются основные аспекты позитивного влияния правоохранительных органов на уровень правосознания, а также отмечаются ключевые риски, связанные с негативным влиянием дисфункций в правоохранительной сфере, а также ее негативной стереотипизации, на уровень правосознания в обществе.

Ключевые слова: общество, правоохранительные органы, право, правосознание.

Право представляет собой важнейший регулятор общественных отношений, который, по сути, определяет то, какова структура социального взаимодействия, характеристики основных общественных институтов, нормы и правила социальной активности. При этом степень эффективности правовой регуляции зависит от двух ключевых факторов – степени соответствия

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Social Sciences,
Deputy Head of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Major
anzor.afaunov@list.ru

Eduard J. Chkhvimiani

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
eduard-1981@yandex.ru

Adam K. Tatlok

Teacher of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel
adamtatlok75@gmail.com

**ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT
AGENCIES AS A FACTOR
IN THE FORMATION
OF LEGAL CONSCIOUSNESS
IN THE CIVILIAN ENVIRONMENT**

Annotation. The article is devoted to the study of the relationship between the state and nature of the activities of law enforcement agencies, on the one hand, and the level of legal awareness in society, on the other. The main aspects of the positive influence of law enforcement agencies on the level of legal consciousness are analyzed, and the key risks associated with the negative impact of dysfunctions in the law enforcement sphere, as well as its negative stereotyping, on the level of legal consciousness in society are noted.

Keywords: society, law enforcement agencies, law, sense of justice.

системы правовых норм ключевым запросам общества и уровня реализации данных норм на практике. И здесь мы приходим к пониманию того, что, какой бы сбалансированной и отлаженной ни была система правовых норм, нельзя говорить о стабильном, эффективно функционирующем обществе в условиях, когда имеет место широкое отхождение членов общества от нормативно-

правовых регуляторов. Таким образом, следование населения установившимся на уровне конкретного локального государства правовым нормам выступает в качестве одного из важнейших факторов его стабильности. Именно это определяет то, что тематика условий формирования правопорядка в обществе не утрачивает свою актуальность в исследовательской среде, равно как и не утрачивают своей значимости исследования, посвященные проблемам факторов и оснований возникновения различных форм преступного поведения в обществе.

Традиционно, рассматривая ключевые факторы обеспечения правопорядка в обществе, исследователи обозначают два ключевых типа факторов обеспечения нормативно определенного поведения:

– внешние регуляторы и механизмы контроля, ориентированные на установление и поддержание правопорядка (правоохранительные органы, судебная система, система исправительных учреждений и т.д.);

– внутренние регуляторы законопослушного поведения граждан (мораль в тех ее аспектах, которые созвучны существующим нормам права, а также правосознание как специфическая форма мировоззрения, ориентированная на поддержание и соблюдение правового порядка).

Данные факторы следования правовым нормам, чаще всего, рассматриваются как совершенно различные по своей природе явления, которые связывает лишь общность объекта конечного влияния, в роли которого выступает правовой аспект поведения членов общества. Между тем, связь между внешними и внутренними социальными механизмами обеспечения правопорядка имеет место, и от ее понимания, во многом, зависит возможность создания благоприятных условий для установления правопорядка в обществе.

Для начала следует дать общую характеристику внешних и внутренних регуляторов правового характера поведения членов общества. Действие внешних регуляторов правового порядка взаимодействия в социальной среде основывается на осуществлении, с одной стороны, контроля соответствия поведения членов общества правовым нормам, с другой – на пресечении противоправной деятельности, а также обеспечении предусмотренных законом санкций применительно к тем членам общества, которые закон нарушают. При этом значение данных санкций носит двоякий характер: с одной стороны, они выступают в качестве того фактора принятия решения, который способствует восприятию противоправной деятельности в качестве негативной по последствиям для социального субъекта (что связано с административной или уголовной ответственностью за совершение правонарушения) [4], с другой – они могут обеспечивать длительную изоляцию от общества наиболее предрасположенных к криминальной активности людей.

Также, отмечается и воспитательное значение социально-правовых санкций, налагаемых на

преступников, но данный момент носит дискуссионный характер, поскольку, нередко, пребывание в местах лишения свободы становится основанием для восприятия криминальной субкультуры, которая является одним из серьезных оснований криминализации общественных отношений [3]. В качестве основного механизма обеспечения правопорядка в обществе выступают правоохранительные органы, в функцию которых входят предупреждение преступности, осуществление разъяснительной деятельности в отношении населения, а также пресечение актуально совершаемой преступной деятельности и поиск лиц, ответственных за уже совершенные преступления. Одним из ключевых аспектов правоохранительной деятельности является реакция на уже известные факты правонарушений, в рамках которой реализуется привлечение к ответственности совершивших их преступников.

Очевидно, что деятельность правоохранительных органов предполагает их тесный контакт с представителями гражданской сферы, причем речь идет как о взаимодействии с лицами, совершившими о факте преступления, так и об опросе свидетелей, а также, о взаимодействии непосредственно с преступниками. Все это определяет сложный, разносторонний характер взаимодействия сотрудников правоохранительных органов, который предполагает как защиту законных прав граждан, так и применение в их отношении, в строго оговоренных законом ситуациях, насилия. Правоохранительные органы не исчерпывают список институтов, участвующих во внешней регуляции правового аспекта отношений между членами общества. Также, на уровне социальной практики большое значение имеет деятельность судебной системы, обеспечивающей реализацию конечного решения как применительно к субъектам правонарушений, так и в ситуациях, когда имеет место правовой спор.

Внутренние регуляторы правового поведения в обществе – это совокупность элементов социального мировоззрения, отражающих область социально-правовых отношений, основные правовые институты, действующие нормы права и отношение социального субъекта к ним. В совокупности данные аспекты социального мировоззрения определяются как правосознание.

Значение правосознания сложно переоценить. По сути, правосознание выступает в качестве мировоззренческого основания следования нормам права. И здесь обнаруживается очень важный момент: если следование нормам права базируется исключительно на страхе получения предусмотренных уголовным или административным правом санкций, то в ситуациях, когда социальный субъект уверен в неподконтрольности своего поведения правоохранительным органам (иными словами, в том, что о конкретном его поступке не узнает никто, либо, как минимум, сведения о нем не дойдут до представителей правоохранительной сферы), он имеет высокие шансы включения в противоправную деятельность, особенно, если это способствует реализации определенных его интересов.

Иными словами, внешние правовые регуляторы в ряде случаев обнаруживают недостаточность своего влияния на социальное поведение граждан, что губительно сказывается на общем уровне правопорядка в обществе. И в данном случае ключевое значение имеет то, что недостаток внешнего контроля, если он не компенсируется высоким уровнем правосознания граждан, в конечном счете, влечет за собой переход членов общества к преступной модели социальной активности, ориентированной на тайное (зачастую, систематически осуществляемое) нарушение норм права. Существует множество примеров подобного рода правонарушений, которые осуществляются «когда никто не видит» – это могут быть как мелкие административные нарушения (например, нарушение правил дорожного движения), так и серьезные преступления, вплоть до тяжких, осуществляемые в условиях, благоприятных для сокрытия от правоохранительных органов.

Мы подчеркиваем важность того факта, что все выше перечисленное становится возможным лишь при условии, если имеет место недостаточно высокий уровень правосознания в гражданской среде. И именно это актуализирует необходимость поиска скрытых факторов формирования (либо нарушения) правосознания, связанных с деятельностью внешних механизмов правовой регуляции, поскольку в условиях высокой криминализации российского общества обнаруживается настоятельная необходимость в поиске всех возможных направлений преодоления сложившейся ситуации, и повышение уровня правосознания в обществе (равно как и преодоление факторов нарушения правосознания в гражданской среде) выступает в качестве одного из приоритетов социального регулирования.

Не менее важным аспектом развития правосознания в обществе является доверие к правовым институтам и их эффективности. В этой связи, важнейшим критерием, обуславливающим доверие к современной полиции, видится выполнение социального заказа. По мнению современных исследователей, суть заказа – реакция на актуальные противоречия. «Социальный заказ касается вопросов достижения общенационального согласия в борьбе с проявлениями коррупции, мошенничества, воровства, угрозы жизни и здоровью граждан, различных форм девиантного поведения и т.д. Современные вызовы общественного развития обуславливают значение социального заказа в усилении взаимодействия полиции, граждан и институтов гражданского общества. Одним из таких вызовов является увеличивающиеся масштабы потребления алкоголя. Алкоголизация населения стала массовым явлением и приобрела форму социальной девиации, отчуждения личности от норм общественных отношений. Следующая проблема, которая не решается без участия в ее разрешении граждан и институтов гражданского общества – проблема проституции» [2]. На сегодня, к перечисленным проблемам добавляется наркотизация населения. Для населения, собирательным фактором формирования доверия, является эффективное выполнение составляющих социального заказа. Еще одним

фактором формирования доверия к правоохранительным органам и к закону, вообще, является причастность представителей государства к правовой культуре [1]. В некотором смысле, принятие социальным сознанием реальности закона и его функционального обеспечения становится основанием принятия моделей правового поведения.

Итак, какова взаимосвязь между характером деятельности правоохранительных органов и уровнем правосознания в обществе? Мы можем выделить следующие ключевые факторы правосознания, связанные с правоохранительными органами и их функциональной активностью:

– влияние разъяснительной деятельности, осуществляемой сотрудниками правоохранительных органов в отношении гражданского населения;

– изменение отношения к правовой системе, в целом, на основании сформировавшегося отношения к одному из правовых институтов (в данном случае – к полиции);

– оценка права и его эффективности на основании получения личного опыта взаимодействия с сотрудниками правоохранительной системы.

Рассмотрим каждый из аспектов по порядку. Прежде всего, следует отметить, что осуществление разъяснительной (и, в том числе – воспитательной) деятельности сотрудниками правоохранительных органов представляет собой одно из важных оснований повышения правовой грамотности населения. Несмотря на то, что разъяснительная деятельность не входит в основной спектр функций правоохранителей, по факту, они регулярно осуществляют данную деятельность как в рамках пресечения актуально осуществляемой преступной деятельности, так и с целью ее предупреждения. Одним из примеров подобного рода деятельности становится взаимодействие сотрудников полиции с трудными подростками, целью которого становится предотвращение их вовлечения в криминальную деятельность, привитие правовой грамотности, а также привнесение в их социальное мировоззрение конструктивных социальных ценностей.

Что касается такого аспекта формирования правосознания, как перенос отношения к праву, в целом, на основании сформировавшегося мнения об одном из правовых институтов, следует отметить, что подобного рода символический перенос является распространенной практикой, и имеет широкую распространенность в гражданской среде. Причем, нередко, вопрос звучит еще более остро, поскольку имеет место перенос отношения к правоохранительным органам как государственному институту, на государство, в целом. В данном случае, важным моментом является то, что отношение к правоохранительным органам может опираться на основания, не имеющие никакого отношения к их реальному состоянию – например, в условиях обширной стереотипизации представлений о правоохранительных органах и дальнейшей репрезентации негативных стереотипов восприятия полиции в социально-коммуникативной среде. Здесь следует

отметить, что имеет место весьма тревожная тенденция, связанная с укоренившимися в культурно-информационной среде российского общества негативными стереотипами восприятия правоохранительных органов, берущими начало еще в 90-х годах XX-го века, когда имел место глубокий кризис правоохранительной системы.

Таким образом, в современном обществе присутствуют негативные представления о сотрудниках правоохранительной сферы, которые подрывают доверие к правовой системе, в целом, и, соответственно, способствуют серьезному подрыву правосознания в гражданской среде. К их числу относятся следующие стереотипы:

– склонность сотрудников правоохранительной сферы к коррупции;

– склонность работников полиции к злоупотреблению служебными полномочиями;

– «неприкасаемость» сотрудников правоохранительной сферы, их выпадение из общего правового поля;

– халатность в отношении выполнения служебных обязанностей, порождающая бесперспективность обращения в полицию ради защиты своих законных прав.

Будучи активно репрезентируемыми в гражданской среде, данные стереотипы в существенной степени осложняют процессы формирования конструктивных форм правосознания. Вместе с тем, будучи основанными на опосредованном, заимствованном во внешней коммуникационной среде

Литература:

1. *Мантуров О.С.* Правовая культура сотрудника полиции как ответ на провоцирующее поведение граждан / О.С. Мантуров, Р.В. Нелюбин // *Полицейская деятельность*. 2019. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-sotrudnika-politsii-kak-otvet-na-provotsiruyushee-povedenie-grazhdan> (дата обращения 06.01.2021).

2. *Половинкин В.А.* Перспективы социального механизма взаимодействия полиции и институтов гражданского общества / В.А. Половинкин // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2012. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sotsialnogo-mehanizma-vzaimodeystviya-politsii-i-institutov-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения 04.02.2021).

3. *Хисамутдинов Ф.Р.* Криминальная субкультура и ее предупреждение / Ф.Р. Хисамутдинов, А.Е. Шалагин // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2015. № 2(20). С. 46–52.

4. *Цуриков В.И.* Оптимален ли принцип неотвратимости наказания за преступление? (экономический подход к преступлениям и наказаниям) / В.И. Цуриков // *ЭНСР*. 2007. № 2. С. 73–81.

опыте, они могут быть фальсифицированы и поэтому опровергнуты в ходе конструктивного непосредственного взаимодействия представителями гражданской сферы с сотрудниками правоохранительных органов. И здесь мы переходим к третьему из рассматриваемых аспектов – а именно, к влиянию непосредственного опыта взаимодействия граждан с сотрудниками правоохранительных органов на уровень их правосознания.

Собственно говоря, здесь имеет место рассмотрение того же механизма переноса отношения с частного института на систему права, в целом, но, учитывающий уже то социальное восприятие полиции, которое основывается на непосредственном взаимодействии граждан с сотрудниками правоохранительных органов. И здесь мы должны заметить, что от того, насколько профессиональными, корректными, мотивированными на достижение позитивного результата являются сотрудники правоохранительной сферы, во многом зависит то, подтверждаются ли стереотипные негативные ожидания граждан, либо же, напротив, преодолеваются. Следует отдельно отметить, что эффективность деятельности правоохранительных органов способствует не только косвенному преодолению негативных форм отношения к праву, но и прямому противодействию механизмам криминализации населения, что связано с противодействием механизма организованного вовлечения членов общества в преступную деятельность. Все это, в совокупности, свидетельствует о том, что эффективная деятельность сотрудников правоохранительной сферы является одним из важнейших оснований развития конструктивных форм правосознания в обществе.

Literature:

1. *Manturov O.S.* Legal culture of a police officer as a response to provocative behavior of citizens / O.S. Manturov, R.V. Nelyubin // *Police activity*. 2019. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-sotrudnika-politsii-kak-otvet-na-provot-siruyushee-povedenie-grazhdan> (date of application 01/06/2021).

2. *Polovinkin V.A.* Prospects of the social mechanism of interaction between the police and civil society institutions / V.A. Polovinkin // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sotsialnogo-mehanizma-vzaimodeystviya-politsii-i-institutov-grazhdanskogo-obschestva> (date of application 04.02.2021).

3. *Khisamutdinov F.R.* Criminal subculture and its prevention / F.R. Khisamutdinov, A.E. Shalagin // *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. № 2(20). P. 46–52.

4. *Tsurikov V.I.* Was the principle of the inevitability of criminality optimal? (economic approach to crimes and punishments) / V.I. Tsurikov // *ENSR*. 2007. № 2. P. 73–81.

Ашин Андрей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
urgantfk@mail.ru

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ
МЕХАНИЗМ ПРОФИЛАКТИКИ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НАРКОТИКОВ: НА ПРИМЕРЕ ООН**

Аннотация. В рамках статьи авторский коллектив рассматривает вопросы правового регулирования предупреждения преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в соответствии с правовыми актами, принятыми под эгидой ООН. Как отмечают авторы, комплексный и последовательный подход ООН к противодействию незаконному обороту наркотиков формирует основу для развития в данной сфере национального законодательства. Проведенное исследование позволяет сопоставить международные правовые стандарты с правовыми основами российской государственной антинаркотической политики.

Andrey A. Ashin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of State
and Municipal Administration,
Vladimir branch
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
Administration urgantfk@mail.ru

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of Legal Support State
and Municipal Administration,
Vladimir branch of RANEPA,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
of Enforcement of Sentences
urgantfk@mail.ru

Vadim V. Ryabchikov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
of Execution of Punishments
urgantfk@mail.ru

**INTERNATIONAL LEGAL
MECHANISM FOR THE PREVENTION
OF DRUG TRAFFICKING:
THE CASE OF THE UNITED NATIONS**

Annotation. Within the framework of the article, the authors' team considers the issues of legal regulation of crime prevention in the field of drug trafficking in accordance with legal acts adopted under the auspices of the United Nations. The UN's comprehensive and consistent approach to countering illicit drug trafficking forms the basis for the development of national legislation in this area. The study allows us to compare international legal standards with the legal foundations of the Russian state anti-drug policy.

Ключевые слова: международное право, ООН, незаконный оборот наркотиков, профилактика наркопреступности.

Keywords: international law, UN, drug trafficking, drug crime prevention.

Глобализация международных отношений, повышение социальной и географической мобильности населения, развитие и укрепление транснациональных преступных связей, а также проблемы с обеспечением безопасности в ряде регионов мира, способствуют развитию незаконного оборота наркотиков. Распространение преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в России представляет серьезную проблему для национальной безопасности [1].

Вместе с тем, незаконное распространение наркотиков давно перешагнувшего через интересы национальных юрисдикций. Эта проблема подчеркивается на самом высоком международном уровне. В международных документах ООН, посвященных вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков, отмечается, что незаконный оборот наркотиков представляет серьезную угрозу для здоровья и благополучия населения и негативно сказывается на социально-экономических отношениях.

Одним из основополагающих международных договоров, формирующих в настоящее время правовые основы профилактики преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, является Единая конвенция о наркотических средствах (Нью-Йорк, 1961 г.). СССР являлся подписантом данной Конвенции. В силу для СССР она вступила в 1964 году и в настоящее время распространяет свое действие в соответствии с правом приемством договоров и на Российскую Федерацию.

В ст. 2 Конвенции 1961 г. устанавливается правовой режим веществ, подлежащих контролю. При этом в приложениях к данной Конвенции содержатся пронумерованные перечни наркотических средств или препаратов, объединенные в Список I, Список II, Список III и Список IV. Наркотики, включенные в Список I, подлежат всем мерам контроля, предусмотренным данной Конвенцией. Наркотики из Списка IV имеют схожий правовой режим, однако, в рамках национальных юрисдикций допускается возможность каждой Стороной определять характер специальных мер контроля, в том числе, возможность установления определенного количества наркотиков, допущенных в оборот для медицинских, научных и исследовательских целей (п. «б» ч. 5 ст. 2). В данный перечень входит, например, каннабис. Список II содержит перечень наркотиков, а Список III – препаратов, которые подлежат мерам контроля, предусмотренным для списка I, но с некоторыми исключениями.

В положениях Конвенции определяются механизмы сбора информации о допустимых потребностях в наркотиках для научных и медицинских целей и меры контроля за соблюдением в национальных юрисдикциях допустимых объемов производства, хранения и потребления наркотиков, а

также, культивирования наркотико-содержащих растений (ст. 19–22). Данные меры позволяют ограничить доступ на теневой рынок наркотиков, снизить уровень их немедицинского потребления.

Отдельно следует остановиться на ст. 35 Единой Конвенции о наркотических средствах, где прописаны меры, применяемые для борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В первую очередь, следует отметить, что в рамках данной Конвенции не проводится различия между профилактикой правонарушений и борьбой с ними. Термин «борьба» используется как родовый, охватывающий, как профилактические, так и репрессивные мероприятия. В целом, в указанной норме предусмотрены следующие средства профилактики незаконного оборота наркотиков:

– координация превентивных и репрессивных мероприятий;

– оказание межгосударственной помощи в противодействии незаконному обороту наркотиков; обеспечение тесного и быстрого сотрудничества в данной сфере;

– предоставление информации, установленной Конвенцией.

Важнейшие профилактические меры заложены в положениях ст. 38 и 38 бис. указанной Конвенции, где рекомендуется противодействовать немедицинскому употреблению наркотиков посредством медицинских и воспитательных мер, а также, мер по социальной адаптации и ресоциализации, в том числе, через специализированные центры, а также, при оказании содействию в подготовке кадров, вовлеченных в эту деятельность.

Изменения, происшедшие общественной жизни в середине 60-х годов XX века, привели к принятию нового международного договора – Конвенции о психотропных веществах (Вена, 1971 г.), которая дополняла положения Конвенции 1961 года. СССР не являлся подписантом конвенции, однако, в 1976 году ратифицировал ее, и в 1979 году она вступила в силу, а в настоящее время распространяет своё действие и на Российскую Федерацию.

Конвенция 1971 г. во многом схожа с Конвенцией 1961 г. Предмет ее правового регулирования охватывает вопросы контроля над психотропными веществами, перечни которых также распределены по Спискам – Списку I, Списку II, Списку III и Списку IV. При этом наибольшему контролю подвергаются психотропные вещества из Списка I, использование которых для медицинских и научных целей ограничивается. Психотропные вещества из других списков подлежат более либеральным формам контроля. Требования, предъявляемые к обороту этих веществ, охватывают наличие лицензий на изготовление, а

в случае с веществами из Списка II и III – еще и рецептов при их приобретении. В ст. 4, допускается возможность хранить путешествующим лицам «небольшое количество» веществ из Списков II, III и IV для личного потребления, а также, использовать их в производственных целях для изготовления непсихотропных веществ.

В ст. 7 Конвенции 1971 года содержится перечень профилактических средств, рекомендованных для профилактики незаконного оборота психотропных веществ, включенных в Список I, лицензирование, включающие:

- запрет на использование за исключением научным и медицинских целей;
- лицензирование деятельности по производству и распределению психотропных веществ и надзор за этой деятельностью;
- введение правил ограничение продажи психотропным веществ объемами, соответствующими целям приобретения;
- ведение подробной регистрации движения психотропных веществ, используемых для научных и медицинских целей;
- запрещение и ограничение экспорта и импорта психотропных веществ.

Большое значение в противодействии незаконного оборота наркотиков играет и Конвенция ООН по борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 1988 г.). СССР ратифицировал данную Конвенцию в 1990 г., в 1991 г. она вступила в силу и в настоящее время формирует правовые основы для государственной политики по противодействию незаконному обороту наркотиков в России.

Причины принятия Конвенции 1988 г. связаны со стремлением международного сообщества усилить противодействие теневому производству наркотиков, международному наркотрафику, развитию транснациональной наркопреступности и отмыванию денег, полученных в результате незаконного оборота наркотиков [2, с. 62]. Особенностью данной Конвенции является ее яркий репрессивный характер, выраженный в формировании перечня действий, которые должны быть криминализованы. Данные действия, в целом, формируют понятие «незаконный оборот наркотиков» (в контексте пределов противоправного поведения), но кроме непосредственного оборота, предполагающего производство, движение и потребление наркотиков, охватывают и сопутствующие деяния, например, легализацию денежных средств.

Литература:

1. Михайлов А.Е. Преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: состояние и тенденции / А.Е. Михайлов, С.А. Семенов, И.А. Тараканов

В ст. 4–9 Конвенции 1988 г. предусматриваются механизмы борьбы с незаконным оборотом наркотиков, выраженные в рекомендациях по конфискации наркотиков и имущества, применяемого для его изготовления, взаимодействия специализированных органов в рамках уголовного судопроизводства, а также розыскной деятельности. Профилактическое значение данных норм связано с реализацией общей превенции.

В 1998–1999 г. Россия на платформе ООН подписала ряд Протоколов и Соглашений, в рамках которых взяла на себя обязательство придерживаться положений рассмотренных Конвенций, а также, привести свое законодательство в соответствии с международными стандартами в области противодействия незаконному обороту наркотиков.

Последним документом, принятым в рамках формирования международной повестки в части противодействия незаконному обороту наркотиков, явилась Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН S-30/1 от 19.04.20016 г., в которой мировое сообщество подтвердило свою решимость противодействовать незаконному обороту наркотиков. Учитывая, что данный документ относится к так называемому «праву мягкой силы», он представляет интерес с точки зрения определения передовых технологий противодействия незаконному обороту наркотиков, к которым отнесены:

- меры профилактики немедицинского потребления наркотиков и развития социально-опасных болезней (вирусного гепатитов, СПИД и т.п.);
- меры лечения наркомании и сопутствующих социально-опасных болезней;
- меры по контролю за производством и распределением наркотиков;
- меры по борьбе с наркопреступностью;
- профилактические меры общесоциального характера (развитие медицины, недискриминационную социальную политику;
- развитие образования и т.п.).

Таким образом, международно-правовые стандарты ООН в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков создают комплексную основу для профилактики наркопреступности, предполагая ее реализацию совместно с иными способами воздействия на преступность – и в рамках борьбы с ней, и в рамках минимизации и ликвидации последствий наркопреступности.

Literature:

1. Mikhailov A.E. Criminality in the sphere of legal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors: state and trends / A.E. Mikhailov, S.A. Semenov, I.A. Tarakanov // Humanities,

нов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 154–157.

2. Михайлова Ю.В. Международные подходы к борьбе с распространением наркотических средств и психотропных веществ / Ю.В. Михайлова, А.Ю. Абрамов // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2013. Т. 8. № 3. С. 61–65.

socio-economic and social sciences. 2020. № 10. P. 154–157.

2. *Mikhailova Yu. V.* International approaches to the fight against the spread of narcotic drugs and psychotropic substances / Yu. V. Mikhailova, A. Yu. Abramov // Medical Bulletin of the North Caucasus. 2013. Vol. 8. № 3. P. 61–65.

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, г. Иркутск
barahevaev@bk.ru

Пьянкова Анна Алексеевна

студентка,
Российский государственный
университет правосудия
paa_22022001@mail.ru

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Russian State
University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Anna A. Pyankova

Student,
Russian State University of Justice
paa_22022001@mail.ru

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Department
of Humanitarian
and Socio-economic Disciplines,
Russian State University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
МЕХАНИЗМА РЕГИСТРАЦИИ
И ПРИМЕНЕНИЯ
ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ
ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛОК**

**LEGAL REGULATION
OF THE MECHANISM
FOR REGISTRATION AND USE
OF DIGITAL SIGNATURES WHEN
MAKING TRANSACTIONS**

Аннотация. В данной статье проанализировано законодательство в сфере регулирования отношений в области использования электронных подписей, в частности, рассмотрен Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», приведены виды электронных подписей (простая, неквалифицированная и усиленная квалифицированная), а также отдельно выделен вопрос получения электронно-цифровой подписи для юридических и физических лиц. Авторами изучена судебная практика мошенничества в сфере регулирования механизма регистрации и применения электронно-цифровой подписи при совершении сделок, и распределены две группы совершения мошенничества с применением электронно-цифровой подписи: технические и социальные. В заключение ими предложен способ решения проблемы мошенничества в сфере использования электронно-цифровой подписи и устранения недостатков данной системы.

Ключевые слова: электронный документооборот; электронно-цифровая подпись; получение электронно-цифровой подписи.

Annotation. This article analyzed the legislation in the field of regulation of relations in the field of the use of electronic signatures, in particular, the Federal Law of 06.04.2011 № 63-FZ «On Electronic Signature» was considered, the types of electronic signatures (simple, uncultivated and enhanced qualified) were given, and the issue of obtaining an enhanced qualified electronic digital signature for legal entities and individuals was separately highlighted. The judicial practice of fraud in the field of regulation of the mechanism of registration and application of electronic digital signature in transactions was studied, and two groups of fraud with the use of electronic digital signature were distributed: technical and social. In conclusion, a method of solving the problem of fraud in the field of using an electronic digital signature and eliminating the disadvantages of this system is provided.

Keywords: electronic document management; electronic digital signature; obtaining an electronic digital signature.

В настоящее время информационные технологии и носители информации являются неотъемлемой частью производительных сил общества, в том числе, в сфере правоприменения.

Здесь необходимо отметить такие направления, как электронный документооборот, гражданско-правовой институт цифровых прав, электронная подпись.

Остро встаёт вопрос о правовых гарантиях, о правовом регулировании электронного обмена информацией. Защита юридически значимой информации является важным условием развития электронной торговли. В этой сфере электронная документация требует дополнительного обеспечения безопасности как техническими, так и правовыми способами. Первый шаг, который сделали законодатели во всем мире – признание юридической силы электронных документов наравне с документами, зафиксированными на бумаге. В связи с этим, юристы вынуждены пересматривать и по-новому оценивать понятия, приемлемые для бумажных документов. К таким понятиям относится и «подпись».

Юридическое значение электронной подписи определяется п. 2 ст. 160 Гражданского кодекса РФ, из которого следует, что электронно-цифровая подпись (далее ЭЦП) является аналогом собственноручной [1].

Согласно Федеральному закону «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ, существуют простая и усиленная электронная подпись. Последняя, в свою очередь, делится на квалифицированную и неквалифицированную [2].

Простую ЭЦП создают средствами информационной системы, в которой ее используют. Это то, с чем сталкивался каждый человек - пароли, коды и прочие простые средства идентификации.

Документ с простой ЭЦП приобретает юридическую силу, если это регламентирует отдельный нормативный правовой акт или если между участниками электронного документооборота заключено на это соглашение. Так, например, происходит при подключении онлайн-банка к кредитной или дебетовой банковской карте. Сотрудник банка идентифицирует личность по паспорту, и подписывается договор на подключение онлайн-банка.

Усиленную ЭЦП создают с помощью специальных программных средств путем криптографического шифрования. Ее выдают в удостоверяющем центре. Документы, имеющие такую подпись, приравнены к документам, имеющим юридическую силу.

При помощи электронной цифровой подписи можно осуществлять следующие действия:

- регистрироваться в онлайн-системе ФНС;
- удаленно подавать документы, например, для поступления в учебное заведение;
- удаленно подавать заявки или жалобы в специальные органы власти через электронные сервисы;
- получать государственные услуги, не прибегая к личному обращению в муниципальные структуры (дистанционно);
- совершать покупки в электронных магазинах;
- участвовать в аукционах;

– подавать налоговые декларации [1].

Для получения электронной цифровой подписи первым делом нужно собрать пакет документов:

- для ИП это обычно паспорт, ИНН, СНИЛС и свидетельство о государственной регистрации в качестве ИП;
- юридические лица должны предоставить учредительные документы (Устав, решение о назначении директора), свидетельства о государственной регистрации (ОГРН) и о постановке на учет в налоговой (ИНН);
- для физических лиц достаточно предоставить паспорт, ИНН и СНИЛС.

Следующим делом следует обратиться в один из 510 аккредитованных удостоверяющих центров РФ. И здесь встречается первый недочёт – нет чёткой структуры органов в сфере использования ЭЦП. Данные удостоверяющие центры, подтверждающие и выдающие сертификат усиленной квалифицированной ЭЦП, могут быть как государственными органами, так и не государственными - юридическими лицами, ИП. Это – прекрасная возможность для мошенников, ведь негосударственные удостоверяющие центры готовы за крупную сумму изготовить для вас нужную ЭЦП. Такие случаи были подтверждены в судебной практике.

В ФЗ конкретно не прописан федеральный орган исполнительной власти, который имеет полномочия в сфере аккредитации удостоверяющих центров, организационных вопросов регистрации и выдачи ЭЦП – то есть, не указан конкретный головной орган в сфере использования ЭЦП. Согласно ФЗ «Об электронной подписи» – уполномоченный федеральный орган определяется Правительством РФ, которое в любой момент может передать данные полномочия новому неподготовленному для них федеральному исполнительному органу. Таким образом, не определена чёткая структура упомянутых органов, начиная с головного органа и заканчивая удостоверяющими центрами на территориях [2].

Также, отдельно хотелось бы рассмотреть вопрос оплаты выдачи квалифицированных сертификатов ЭЦП. В вышеупомянутом ФЗ говорится о том, что данная функция выполняется на безвозмездной основе или на платной, при этом не определён конкретный размер оплаты услуги. Отсюда, возникает разница в цене на данную услугу у различных удостоверяющих центров. Проанализировав информацию в Интернете, за данную услугу в городе Иркутске различные удостоверяющие центры запрашивают от 500 до 2500 рублей. Проблема возникла, опять, из-за нечеткой структуры органов, исполняющих полномочия в сфере ЭЦП.

Технологии электронной подписи открывают новые пути для совершения преступлений. Использование ЭЦП преступниками позволяет им:

- лишать собственника принадлежащего ему имущества;

– получать денежные средства от имени других лиц в кредитных и микрофинансовых организациях;

– незаконным путем производить смену собственника юридического лица;

Осуществляя анализ способов совершения мошенничества с использованием ЭЦП, стоит указать на две группы таких способов: технические (технологические) и социальные. Технические включают создание на физическом носителе из ненадежного источника электронной подписи программы-шпиона, внедрение в компьютер пользователя подписи вредоносных программ с последующим получением данных о ключе подписи и ключе проверки. Социальные включают в себя обман владельца ЭЦП и кражу подписи с последующим ее применением; коррумпированную деятельность негосударственных удостоверяющих центров и т.д.

Далее мы предлагаем рассмотреть предложение по внесению изменений в данную систему, что поспособствует не только сокращению преступлений в сфере использования ЭЦП, но и развитию механизма регистрации и применения электронно-цифровой подписи.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994. № 32. Ст. 3301
2. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
3. Постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 (ред. от 09.09.2020) «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021).

На данный момент, полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере использования ЭЦП имеет Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ согласно Постановлению Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации». Мы предлагаем изменить данную структуру и внести в список исключительных полномочий федерального органа исполнительной власти Министерству внутренних дел полномочия в сфере использования ЭЦП, закрепить данное в ФЗ (чтобы данный орган был конкретно закреплён в законе, а не определялся постановлением Правительства), а также, создать в территориальных органах МВД РФ управления по регистрации и выдаче ЭЦП. Это сократит число мошенничеств путём использования подложных документов и сделает регистрацию ЭЦП более доступной. Нововведения создадут единый орган, уполномоченный в сфере использования ЭЦП [3].

Подводя итог, отметим, что новые принципы шифрования, хотя и обладают высокой степенью надежности кодирования информации, не защищают пользователей от недобросовестных действий со стороны сотрудников удостоверяющего центра, а также со стороны мошенников.

Literature:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 № 51-FZ (amended by 03.08.2018) // Assembly of Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994. № 32. Art. 3301
2. Federal Law «On Electronic Signature» dated 06.04.2011 № 63-FZ (latest version) // SPS ConsultantPlus.
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02.06.2008 № 418 (ed. From 09.09.2020) «On the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation» (with amendments and addendum, statement. in force from the 01.01.2021).

Бордакова Анна Геннадьевна
старший преподаватель
кафедры теории и философии права,
Самарский государственный
экономический университет
petr.lang@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОРМ-ИЗЪЯТИЙ

Аннотация. В статье отмечается, что уяснение истинного смысла норм-изъятий является приоритетным в правоприменительной деятельности, поскольку ошибочное или искаженное толкование может привести к неблагоприятным последствиям. Автор обращает внимание на объективные и субъективные пределы интерпретации норм-изъятий. Установлено, что при определении пределов интерпретации норм-изъятий важное значение имеет объем толкования права, поскольку соблюдение пределов интерпретации влияет на соблюдение режима законности. Автор приходит к выводу о том, что на установление пределов интерпретации норм-изъятий оказывают влияние принципы права, содержащиеся в итоговых решениях органов судебной власти, правовые позиции, правосознание интерпретатора, его опыт, профессионализм, а также нравственные нормы.

Ключевые слова: нормы-изъятия, нормативные правовые акты, интерпретация, толкование права, пределы правового регулирования, принципы права, правовые позиция органов судебной власти, интерпретатор.

Существование норм-изъятий в законодательстве любого государства неизбежно и оправданно. Нормы-изъятия представляют собой некоторые отклонения, отступления от типизированных правил поведения, закрепленных в общем юридическом предписании. Несмотря на то, что нормы-изъятия отличаются формальной определенностью и некой категоричностью, зачастую, выявление истинного смысла изъятий, заложенного законодателем, вызывает определенные сложности. Это связано с тем, что некоторые юридические формулировки достаточно кратки и расплывчаты с точки зрения юридической техники, или же имеют отсылки к другим правовым положениям. Кроме того, сами по себе изъятия представляют собой сложный социальный феномен, предполагающий отступление от общепризнанного правила поведения, что, безусловно, требует определенной интерпретации, но в определенных пределах. Поэтому уяснение истинного смысла норм-изъятий является приоритетным в правоприменительной деятельности, поскольку

Anna G. Bordakova
Senior Lecturer of the Department
of Theory and Philosophy of Law,
Samara State Economic University
petr.lang@mail.ru

LIMITS OF INTERPRETATION OF RULES-EXCEPTIONS

Annotation. The article notes that the understanding of the true meaning of the rules-exceptions is a priority in law enforcement, since an erroneous or distorted interpretation can lead to adverse consequences. The author draws attention to the objective and subjective limits of the interpretation of norms-exceptions. It is established that when determining the limits of interpretation of rules-exceptions, the scope of interpretation of the law is important, since compliance with the limits of interpretation affects compliance with the rule of law. The author comes to the conclusion that the limits of interpretation of the rules of seizures is influenced by the principles of law contained in the final decisions of the judiciary, the legal position, the consciousness of the interpreter, his experience, professionalism, and ethical standards.

Keywords: norms-exceptions, normative legal acts, interpretation, interpretation of law, limits of legal regulation, principles of law, legal position of judicial authorities, interpreter.

ошибочное или искаженное толкование может привести к неблагоприятным последствиям.

На наш взгляд, не стоит противопоставлять термины «интерпретация» и «толкование», ибо надделение понятия «интерпретация» особыми качествами не отвечает семантическому смыслу русского термина «толкование».

Интерпретация норм-изъятий представляет собой разновидность толкования права. В теории права «толкование права» имеется множество определений, суть которых сводится к тому, что это интеллектуально-волевая деятельность по установлению истинного смысла правовых норм посредством уяснения и разъяснения. При этом интерпретационному воздействию будет подвергаться именно норма права, содержащая изъятие.

Пределы интерпретации норм-изъятий предопределены пределами правового регулирования в

целом. Под пределом в праве принято понимать закрепленное в нормативных положениях установление дозвоительно-ограничительных границ и (или) объема правового регулирования социальных связей посредством установления максимальных и минимальных рамок поведения [5, с. 33].

Несмотря на то, что пределы правового регулирования больше связаны с правотворческой деятельностью, это несколько не умаляет важность определения пределов в толковании права, в т.ч. в толковании норм-изъятий.

При этом пределы интерпретации норм-изъятий можно условно подразделить на объективные и субъективные. Вообще, пределы – это объективная данность, которая существует в любой сфере общественной жизни. Будучи неотъемлемой частью объективной реальности, предел в праве диалектически связан с нормами-изъятиями. Это объясняется тем, что отступление от общепринятого правила поведения делается из нормативного предписания, но в рамках того или иного предела. Объективные пределы интерпретации норм-изъятий ограничены рамками объективных пределов правового регулирования. Будучи независимы от воли законодателя и интерпретатора, объективные пределы интерпретации норм-изъятий предопределены экономическими, политическими, социально-культурными факторами общественной жизни, содержанием общественных отношений.

Что же касается субъективных пределов интерпретации норм-изъятий, то необходимо, прежде всего, сказать о субъективных пределах правового регулирования. Последние зависят от воли законодателя и существуют исключительно в рамках объективных пределов правового регулирования.

Анализируя субъективные пределы интерпретации норм-изъятий, важно подчеркнуть, что на передний план выдвигается уже интерпретатор, перед которым стоит задача правильного определения минимально или максимально установленных законодателем пределов. А, следовательно, при определении пределов интерпретации норм-изъятий важное значение имеет объем толкования права.

Использование пределов при толковании норм-изъятий играет важную роль, поскольку соблюдение пределов интерпретации влияет на соблюдение режима законности. В процессе интерпретации норм-изъятий должны строго и неуклонно исполняться все нормативные правовые акты, а объем толкования не должен выходить за установленные пределы. Превышение же установленных пределов при интерпретации норм-изъятий так или иначе нарушает режим законности.

Традиционно в теории права толкование права по объему подразделяется на буквальное, распространительное и ограничительное. На наш взгляд, наиболее универсальным является толкование норм-изъятий в буквальном смысле.

Именно такой вариант позволяет достичь совмещения истинного смысла изъятия с его текстуальным выражением в норме. Данный вариант достаточно часто используется в юридической практике. Подобное положение дел объясняется законодательным установлением пределов касательно толкования судебных решений (ст. 179 АПК, 202 ГПК, 185 КАС РФ).

Между тем, нормы-изъятия могут носить стимулирующей или ограничительный характер. По этой причине ряд изъятий можно толковать расширительно либо ограничительно. Если речь идет о толковании, например, льгот, то такие изъятия можно толковать распространительно, но при условии, что интерпретатор не выйдет за пределы правового регулирования, установленные законодателем.

При толковании изъятий-ограничений следует придерживаться прямо противоположного варианта: они не должны толковаться распространительно. Однако при этом не нужно искусственно допускать ограничения толкования норм-изъятий, на что постоянно указывают судебные органы.

Кроме того, на установление пределов интерпретации норм-изъятий оказывают влияние принципы права, содержащиеся в итоговых решениях органов судебной власти правовые позиции, правосознание интерпретатора, его опыт, профессионализм, а также – нравственные нормы.

Пределы интерпретации норм-изъятий ограничены общеправовыми принципами. О правильности сделанного вывода свидетельствует анализ законодательства некоторых субъектов Российской Федерации. Так, согласно ст. 81 Закона Калининградской области от 22.10.2000 г. № 247 «Об Уставном Суде Калининградской области» [1] установлено, что при толковании положений Устава (Основного Закона) Калининградской области Уставный Суд исходит из принципов, получивших закрепление в Уставе (Основном Законе) Калининградской области. При этом Уставный Суд при интерпретации правовых предписаний должен избегать противоречий с общепризнанными принципами и нормами международного права.

В этой связи, мы убеждены в том, что пределы интерпретации норм-изъятий ограничены такими принципами права, как приоритет права и свобод человека и гражданина, справедливость, гуманизм и др. В соответствии с принципом приоритета прав и свобод человека и гражданина, интерпретатор при толковании нормы-изъятия должен исходить из обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Поэтому в целях предотвращения нарушения прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц данный принцип должен лежать в основе интерпретационной деятельности. Так, согласно ст. 4 Закона Республики Башкортостан от 27.10.1992 г. № ВС-1317 «О Конституционном Суде

Республики Башкортостан» [2], официальному толкованию подлежат лишь конституционные нормы, содержащие права и обязанности органов публичной власти и их должностных лиц. Толкование иных конституционных понятий запрещено, за исключением случаев, когда установление их смысла влияет на объем прав и обязанностей субъектов конституционных правоотношений.

Наиболее полно при интерпретации норм-изъятий проявляются принципы справедливости и гуманизма. Выступая общезначимой ценностью, нравственно-обоснованным критерием, справедливость соизмеряет общественные явления и действия субъектов с позиции добра и зла, равенства и неравенства [3, с. 108]. Однако, зачастую, именно принципом справедливости при толковании норм-изъятий манкируют. В основном, это происходит при столкновении частных и публичных интересов.

Принцип гуманизма наиболее ярко выражается при толковании ограничительных норм-изъятий. Подобное положение дел обуславливается, прежде всего, тем, что в условиях обеспечения юридической безопасности необходима особая защита прав и свобод личности. Ведь, нередко, отступление от общих правил поведения влечет ограничение прав и свобод одного субъекта во имя обеспечения интересов других лиц, и это является вполне уместным и оправданным.

Немаловажное значение в определении пределов интерпретации норм-изъятий играют правовые позиции, содержащиеся в итоговых решениях органов конституционного (уставного) правосудия, Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, в 2013 году Конституционный суд РФ дал толкование норм, касающихся регулирования налоговых льгот. Предметом проверки конституционности стал пункт 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге», которым изменялись условия предоставления

льгот для пенсионеров и многодетных семей при уплате транспортного налога [4].

Помимо принципов права и правовых позиций органов судебной власти, пределы интерпретации норм-изъятий ограничиваются нормами морали, которыми руководствуется интерпретатор. Значение требований и правил нравственности в интерпретационной сфере трудно переоценить. Ни в одном нормативном правовом акте не прописаны приемы и способы толкования норм права, поведение интерпретатора, который осуществляет толкование нормы-изъятия. Вместе с тем, культура процесса толкования, которая выражается в соблюдении определенных нравственных правил поведения, имеет немаловажное значение.

Толкование изъятий должно быть грамотным, не допускающим произвола и беззакония. Поэтому на процесс интерпретации норм-изъятий особое влияние оказывают опыт, профессионализм и правосознание интерпретатора. Особенно последнее влияет на правильность и эффективность процесса интерпретации норм-изъятий. Чем выше уровень правосознания интерпретатора, тем эффективнее процесс интерпретации норм-изъятий.

Таким образом, нормы-изъятия, не обладая достаточно ясным содержанием и не имея исчерпывающего перечня признаков того или иного явления или условий конкретной ситуации, нередко требуют интерпретации со стороны правоприменителей с соблюдением объективных и субъективных пределов интерпретации норм-изъятий. На установление пределов интерпретации норм-изъятий оказывают влияние общеправовые принципы, содержащиеся в итоговых решениях органов судебной власти правовые позиции, правосознание интерпретатора, его опыт, профессионализм, а также – нравственные нормы.

Литература:

1. Закон Калининградской области от 22.10.2000 г. № 247 «Об Уставном Суде Калининградской области» // Дмитрия Донского, 1. 2000. № 83, 86, 89.
2. Закон Республики Башкортостан от 27.10.1992 г. № ВС-1317 «О Конституционном Суде Республики Башкортостан» (в ред. от 29.04.2014) // Законы Республики Башкортостан. Офиц. издание Президиума ВС РБ. 1993. Вып. IV.
3. Катомина В.А. Концепция справедливости в условиях развития российского общества / В.А. Катомина // Философия права. 2009. № 6. С. 108–111.
4. КС разрешил урезать льготы по транспортному налогу для автомобилистов-пенсионеров. URL : <https://pravo.ru/news/view/95269/> (дата обращения 27.01.2021).

Literature:

1. The law of the Kaliningrad region from 22.10.2000, № 247 «About the Charter Court of the Kaliningrad region» // Dmitry Donskoy, 1. 2000. № 83, 86, 89.
2. The law of the Republic of Bashkortostan from 27.10.1992, № all-1317 «On the constitutional Court of the Republic of Bashkortostan» (in red from 29.04.2014) // Laws of the Republic of Bashkortostan. Official publication of the Presidium of the Supreme Council of the Republic of Belarus. 1993. Iss. IV.
3. Katomina V.A. The concept of justice in the conditions of the development of Russian society / V.A Katomina // Legal philosophy. 2009. № 6. P. 108–111.
4. The Constitutional Court allowed to cut the benefits of the transport tax for retired motorists. URL : <https://pravo.ru/news/view/95269/> (date of application 27.01.2021).

5. *Суменков С.Ю.* Понятие и признаки пределов в праве / С.Ю. Суменков, А.Н. Ловцов // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3(27). С. 30–34.

5. *Sumenkov S.Y.* The concept and features of the limits of law / S.Y. Sumenkov, A.N. Catchers // legal Bulletin of the Altai. 2019. № 3(27). P. 30–34.

Васильева Мария Александровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики,
Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации
Mvd-ecology@mail.ru

Maria A. Vasilyeva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Forensic Science,
Moscow Academic
Committee Russian Federation
Mvd-ecology@mail.ru

ТИПОВАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

STANDARD FORENSIC CHARACTERISTICS OF PERSONS OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Аннотация. В статье подводятся итог десятилетнего изучения автором материалов уголовных дел об экологических преступлениях. Представлен полученный в результате такого исследования типовой криминалистический портрет лиц, совершающих экологические преступления, связанные с изъятием природных ресурсов. Кроме этого, автор отмечает наличие у виновных навыков добычи природных ресурсов, распространенность совершения таких преступлений в соучастии. Им указывается на роль и значение знаний следователя о содержании криминалистической характеристики личности совершившего экологическое преступление.

Annotation. The article summarizes the ten-year study by the author of materials of criminal cases on environmental crimes. A model forensic portrait of persons of environmental crimes related to the seizure of natural resources is presented. In addition, the author notes that the perpetrators have the skills to extract natural resources, the prevalence of such crimes in complicity. The role and significance of the investigator's knowledge about the content of the forensic characteristic of the person who committed the environmental crime is indicated.

Ключевые слова: экологическое преступление, криминалистическая характеристика преступления, криминалистическая характеристика личности экологического преступника, добыча природных ресурсов, браконьерство, методика расследования, частная методика расследования, раскрываемость.

Keywords: environmental crime, criminological characterization of a crime, forensic characterization of the identity of an environmental offender, extraction of natural resources, poaching, investigation methodology, private investigation methodology, detection.

Личность преступника является предметом изучения многих наук, в том числе, криминалистики. Несмотря на то, что до сих пор отсутствует единое представление о том, какие элементы должны входить в структуру криминалистической характеристики преступлений, вопрос о месте в ней криминалистической характеристики личности преступника решен однозначно: она признается всеми учеными-криминалистами одной из важнейших ее составляющих. Однако такая оценка значимости характеристик личности не всегда влечет проведение глубоких криминалистических исследований и дальнейшее внедрение в практическую деятельность доступных и эффективных рекомендаций по использованию в ходе расследования знаний о криминалистической характеристике преступников, совершающих противоправные деяния определенного вида.

например, по итогам 2020 года (как и в предыдущие годы) она составила менее 50 % [1, с. 7], более того продемонстрирован рост количества таких преступлений, при чем опережающий в сравнении с незначительно возросшим процентом раскрываемости [1, с. 7].

Вопрос установления личности преступника стоит особенно остро по экологическим преступлениям. Это наглядно проявляется в анализе статистических показателей. Так, раскрываемость экологических преступлений не высока,

Особенности характеристики личности преступников, совершающих экологические преступления или их определенные большие группы, до сих пор специально не изучались. Изучение характеристик личности приводились учеными лишь применительно к отдельным видам экологических преступлений в рамках разработки ими соответствующих частных методик расследования. К работам, содержащим такие сведения, можно отнести в частности диссертационные исследования ученых-криминалистов: В.В. Егошина «Расследование незаконной охоты» (диссертация на соискание ученой степени к.ю.н., г. Москва, 2002 г.), Е.А. Щурова «Выявление и первоначальный этап расследования незаконной добычи рыбы: по материалам Азово-Черноморского водного бассейна» (диссертация на соискание ученой

степени к.ю.н., г. Краснодар, 2008 г.), С.В. Унжаковой «Использование специальных знаний при расследовании незаконной рубки лесных насаждений» и др.

Позиция автора о сущности и содержании криминалистической характеристики личности экологических преступников подробно рассматривается в монографии «Методика расследования преступлений в сфере экологии» [2]. В ней отмечается, что и криминалистическая характеристика, и, построенная с ее учетом, методика расследования экологических преступлений, наиболее эффективны при разработке их не в универсальном виде для всех экологических преступлений, а применительно к двум отличающимся по способу преступления группам: связанные с изъятием природных ресурсов и не связанные с ним.

С учетом того, что в количественном отношении основную часть массива экологических преступлений (до 95 %) составляют преступления, которые связаны с незаконным изъятием (добычей) природных ресурсов: незаконные рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов и незаконная охота (ст. 253, 256, 258, 258.1 УК РФ) [3], то в тексте статьи далее приведены результаты исследования характеристик личности преступников применительно к этой группе экологических преступлений.

Криминалистическая характеристика личности частично нашла отражение в других статьях автора, затрагивающих отдельные вопросы криминалистической характеристики экологических преступлений [4, с. 31; 5, с. 19; 6, с. 8], однако, в консолидированном виде содержание ее еще не раскрывалось.

Анализ материалов 368 уголовных дел об экологических преступлениях рассматриваемой группы 2009–2020 годов позволил прийти к выводу о том,

что типовой криминалистический портрет лиц, совершающих экологические преступления рассматриваемой группы может быть представлен в следующем виде: трудоспособные мужчины в возрасте от 30 до 50 лет с образованием не ниже среднего, ранее не судимые, женатые, характеризующиеся нигилизмом по отношению к охране природы и соблюдению соответствующих норм административного и уголовно-правового законодательства.

Кроме этого, важно отметить, что все экологические преступники в изученных нами уголовных делах при совершении преступления для себя, обладали навыками добычи природных ресурсов; при этом если они совершали экологические преступления рассматриваемой группы в соучастии, то наиболее часто сообщники избирались из числа родственников и друзей, носили систематический характер. В случае совершения экологических преступлений организованной группой, наличии цели оптовой реализации на территории России или за ее пределы такие навыки у организаторов имелись не всегда, в некоторых случаях такие группы включали иностранных граждан.

Несмотря на то, что сама по себе криминалистическая характеристика является научной абстракцией, знание криминалистической характеристики личности подозреваемых (обвиняемых), совершивших экологическое преступление, необходимы следователям для успешного проведения отдельных следственных действий, в особенности осуществления допросов, очных ставок и обысков; способствуют использованию современных методов установления личности преступников [7, с. 9], раскрытию преступлений прошлых лет, совершенных обвиняемым, установлению соучастников и иных причастных к нему лиц; влияют на организацию и тактику предварительного расследования и позволяют произвести его более качественно.

Литература:

1. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. Общие сведения о состоянии преступности. URL : <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>
2. *Васильева М.А.* Методика расследования преступлений в сфере экологии : монография / М.А. Васильева. М. : Юрлитинформ, 2021. 184 с.
3. ГИАЦ МВД России. Сборник по Российской Федерации. Раздел 1. Сведения о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях за январь-декабрь 2020 г.
4. *Васильева М.А.* Личность преступника как элемент криминалистической характеристики экологических преступлений / М.А. Васильева // В сборнике: Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство и экологическая эффективность. Материалы V Международной научно-практической конференции препода-

Literature:

1. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The state of crime in Russia in January-December 2019. General information on the state of crime. URL : https://мвд.рф/reports/item/19412450
2. *Vasilieva M.A.* Methodology for investigating crimes in the field of ecology : monograph / M.A. Vasilieva. M. : Yurlitinform, 2021. 184 p.
3. GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia. Collection on the Russian Federation. Section 1. January-December 2020 reported, uncovered and unsolved crimes.
4. *Vasilyeva M.A.* The identity of the criminal as an element of the forensic characterization of environmental crimes / M.A. Vasilyeva // In the collection: Legal institutions and methods of environmental protection in Russia, the CIS countries and the European Union: legislation and environmental efficiency. Materials of the V International Scientific and Practical Conference of teachers, practitioners, students,

вателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов. Сборник научных статей. 2018. С. 31–33.

5. *Васильева М.А.* Криминалистические аспекты изучения личности преступника, совершившего экологическое преступление / М.А. Васильева // Академическая мысль. 2018. № 3(4). С. 19–21.

6. *Васильева М.А.* Некоторые аспекты преодоления противодействия расследованию экологических преступлений, подследственных следователям Следственного Комитета Российской Федерации / М.А. Васильева, А.А. Лебедева // Юридическая психология. 2019. № 4. С. 8–11.

7. *Колина Ю.А.* Использование современных методов исследования в практической деятельности / Ю.А. Колина, Н.В. Момот, И.Л. Камлия // В сборнике: Гуманитарные науки и естествознание: проблемы, идеи, инновации. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 6–9.

undergraduates, graduate students. Collection of scientific articles. 2018. P. 31–33.

5. *Vasilyeva M.A.* Forensic aspects of studying the identity of a criminal who committed an environmental crime / M.A. Vasilyeva // Academic thought. 2018. № 3(4). P. 19–21.

6. *Vasilyeva M.A.* Some aspects of overcoming the opposition to the investigation of environmental crimes under investigation by investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation / M.A. Vasilyeva, A.A. Lebedeva // Legal psychology. 2019. № 4. P. 8–11.

7. *Colina Yu.A.* Using modern research methods in practical activities / Yu.A. Colina, N.V. Momot, I.L. Camlia // In the collection: Humanities and Natural Science: problems, ideas, innovations. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. 2020. P. 6–9.

Веренич Игорь Васильевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правоведения,
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
i-verenich@mail.ru

Кустов Анатолий Михайлович
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации,
академик РАЕН,
главный научный сотрудник
Академии управления МВД России,
профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Московский государственный
областной университет
amkustov@bk.ru

Первоначальный этап расследования массовых беспорядков. Преодоление противодействия расследованию преступлений

Аннотация. Политические и социально-экономические изменения, происшедшие в нашей стране в конце восьмидесятых и начале девяностых годов XX в., резко увеличили количество совершаемых преступлений. Предметом настоящего исследования является описание и исследование первоначального этапа расследования массовых беспорядков, формирование и описание механизма преступлений. Авторами описаны структурные элементы и рассмотрены модели механизма преступлений и следственные ситуации, определены виды противодействия расследованию преступлений и классификация способов противодействия и методы преодоления.

Ключевые слова: криминалистика, механизм преступления, модель механизма преступлений, следственные ситуации, первоначальный этап расследования, криминалистическое обеспечение, массовые беспорядки, противодействие расследованию преступлений, виды противодействия, классификация способов, преодоление противодействия, методы преодоления.

Политические и социально-экономические изменения, происшедшие в нашей стране в конце восьмидесятых и начале девяностых годов XX в., резко увеличили количество совершаемых

Igor V. Verenich
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Law,
North-West Institute of Management
of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
i-verenich@mail.ru

Anatoly M. Kustov
Doctor of Legal Sciences,
Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation
academician of the Russian Academy
of Natural Sciences,
Chief Research Officer
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Professor of the Department
Criminal Procedure and Forensic Science,
Moscow State Regional University
amkustov@bk.ru

INITIAL PHASE OF THE RIOT INVESTIGATION. OVERCOMING THE OPPOSITION TO THE INVESTIGATION OF CRIMES

Annotation. The political and socio-economic changes that took place in our country in the late eighties and early 1990s dramatically increased the number of crimes committed. The subject of this study is the description and study of the initial stage of the investigation of mass riots, the formation and description of the mechanism of crimes, the structural elements and models of the mechanism of crimes and investigative situations are described, the types of counteraction to the investigation of crimes and the classification of methods of counteraction and methods of overcoming are identified.

Keywords: criminalistics, mechanism of crime, model of the mechanism of crimes, investigative situations, the initial stage of investigation, forensic support, mass riots, counteraction to the investigation of crimes, types of counteraction, classification of methods, overcoming the counteraction, methods of overcoming.

преступлений. Наряду с преступлениями против жизни и здоровья граждан серьезнейшую угрозу стали представлять преступления против общественного порядка и общественной безопасности.

С подобным явлением в нашей стране практически никогда не сталкивались, а если это и произошло, то это были единичные случаи, и они точно не носили повсеместного и массового характера. Начали также совершаться преступления на национальной и религиозной вражде.

Только в начале XXI в. за преступления на почве национальной и религиозной вражды, за организацию массовых беспорядков было возбуждено и рассмотрено судами более 3 тысяч уголовных дел, привлечено к уголовной и административной ответственности около 20 тысяч человек, что, безусловно, является актуальной проблемой для государства и общества и ставит перед научным сообществом задачи исследования данных фактов, исследования специфики используемых приемов подготовки, непосредственного совершения, сокрытия таких преступлений, изучения механизмов и форм противодействия расследования преступлений, и, соответственно, разработки и применения способов преодоления противодействия расследования преступлений.

Массовые беспорядки – это преступное деяние против общественной безопасности. Их стихийность, непредсказуемость, нанесение материального ущерба различным субъектам права и государства обращают на себя особое внимание. Преступления против общественной безопасности направлены против огромного количества людей, граждан, государственного устройства и имущества. Именно это и определяет важность для правоохранительной системы установления всех элементов составов преступления, этапов формирования механизма совершения массовых беспорядков, способов сокрытия преступлений, механизмов и форм противодействия расследованию преступлений и применения способов преодоления противодействия расследованию данных противоправных деяний.

В Российском уголовном законодательстве отсутствует термин «массовые беспорядки», но, тем не менее, можно обнаружить характеризующие их признаки. Это – нарушение общественной безопасности большой группой людей (толпой), применение насилия против граждан, порча государственного или иного имущества, оказание различного рода (в том числе вооруженного) сопротивления правоохранительным органам, органам государственной власти и управления.

Уголовный Кодекс РФ не определяет понятие или количественный состав толпы, просто даёт характеристику как большой группы людей, что само по себе вызывает вопросы. Что касается законодательства других стран, то следует обратить внимание на США, Великобританию, Францию, Италию.

Так, Федеральный кодекс США, в разделе 18, в параграфе 2101–2102 [13] определяет массовые беспорядки как нарушение общественного спокойствия с применением или угрозой применения насилия группой лиц не менее трех участников. Закон об общественном порядке Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии [14] фиксирует количество лиц – двенадцать

и более физических лиц, которые не только реализуют насилие, а даже угрожают применением такового. Статья 431-9 Уголовного кодекса Французской Республики [15] определяет уголовным преступлением организацию акции на любой общественной улице без заявки. Законодательство Итальянской республики [16] фиксирует «нежелательное скопление народа» как несогласованное собрание людей более чем 10 человек.

Применение или не применение уголовного преследования в различных странах и в нашем государстве согласно ст. 212 УК РФ не является предметом нашего исследования. Нас интересует анализ формирования механизма массовых беспорядков, рассмотрение следственных ситуаций, противодействие расследованию данных преступлений и его преодоление.

Несмотря на позицию Администрации Президента РФ, согласно которой зафиксированный рост протестов в РФ «является обычным фоном» и рассматривается как «определённая общественная реакция на те или иные события», следует заметить, что число протестов за последние годы достигли рекордного уровня. По текущим данным ежегодно в России проходит от 1,2 до 1,5 тысяч уличных протестов, за девять месяцев 2019 г. зафиксировано 1443 акции протеста [12].

Необходимо чётко понимать и различать мирные и в установленные законным порядком согласованные к проведению акции протестов и протесты, которые по тем или иным причинам перерастают в массовые беспорядки, несущие за собой тяжёлые последствия для граждан и для страны, в целом.

Количество проводимых на данный момент протестов, особенно перерастающих в массовые беспорядки, требует от ученых разработки данных вопросов, из детального исследования и изучения, разработки и применения частных криминалистических методик для расследования преступлений против общественной безопасности.

Криминалистическая методика расследования преступлений массовых беспорядков, её структура в большинстве случаев включает в себя:

- «обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по конкретному виду преступлений;
- типовые модели механизма преступления;
- криминалистическую характеристику массовых беспорядков;
- особенности первоначального этапа расследования преступлений и тактику неотложных следственных действий;
- типичные исходные следственные ситуации, типичные криминалистические версии и программы по их разрешению и проверке;
- особенности последующего этапа расследования преступлений и тактику иных следственных действий;

– типичные дальнейшие следственные ситуации, следственные версии и программы по их разрешению и проверке;

– особенности заключительного этапа расследования преступлений» [6].

Анализ следственной практики позволяет обобщить и описать структурные элементы криминалистической методики.

При производстве предварительного расследования массовых беспорядков подлежат установлению и доказыванию следующие обстоятельства:

– время, место и способ совершения преступления;

– характер и размер нанесенного материального ущерба;

– личность потерпевшего, личность виновного;

– обстоятельства, связанные с крайней необходимостью и обороной, а также, действия, связанные с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление;

– обстоятельства, характеризующие физическое или психическое принуждение, а также, стадию осуществления преступления;

– внутренние и внешние обстоятельства соучастия;

– формы вины, обстоятельства невиновного причинения вреда;

– мотивы преступления;

– вменяемость, невменяемость, психические расстройства, не исключающие уголовную ответственность;

– обстоятельства, индивидуализирующие виновность субъекта;

– обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность субъекта;

– обстоятельства, характеризующие личность субъекта;

– обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений;

– обстоятельства сокрытия преступления;

– приёмы и способы сокрытия преступления;

– приёмы и способы противодействия расследования преступлений;

– субъекты и объекты противодействия расследования преступлений и т.д.

С конца 80-х-начала 90-х годов прошлого века массовые беспорядки как общественно опасное явление, стали представлять интерес не только с точки зрения теоретического изучения, но и с

точки зрения практического применения разработанных криминалистических методик для правоохранительной и судебной системы в целом. С целью улучшения расследования совершенных преступлений в структуру методики расследования криминальных событий ученые-криминалисты включили криминалистическую характеристику преступлений.

«Криминалистическая характеристика преступлений – это научно разработанная на основе изучения и обобщения следственной и судебной практики система сведений об устойчивых (типичных) и взаимосвязанных криминалистически значимых свойствах (признаках), присущих преступлениям определенного вида» [11].

Криминалистическая характеристика преступлений и типовая модель механизма массовых беспорядков содержит в себе значительный объём сведений и информации о способах совершения преступлений, орудиях преступлений, средствах совершения, субъекта и объектах преступлений, их действия и взаимодействия с окружающей средой и обстановкой и т.д. Расследование преступлений имеет максимально результативный вариант, когда у следователя есть чёткое понимание механизма совершённого преступления.

Рассмотрение типовых моделей механизмов преступлений, уже на начальной стадии расследования, даёт возможность проработать и определить модель механизма совершенного преступления, особо необходимо акцентировать внимание на этапах формирования данного вида преступлений.

Модель механизма преступлений массовых беспорядков опишем следующим образом:

На начальном этапе определяются причины и условия, которые могли способствовать формированию массовых беспорядков. В недалеком прошлом для донесения определенной информации для своей целевой аудитории организаторы, как правило, использовали все возможные на тот момент средства массовых коммуникаций, такие как листовки, газеты, журналы, телевидение, особенно это касалось телевидения регионального или местного (кабельного) значения, в том числе активно использовалась телефонная и радиосвязь на определенных частотах. В настоящее же время, в связи с ускоренным развитием цифровых технологий, используются интернет-ресурсы, социальные сети (Facebook, Twitter, Instagram, Telegram, TikTok, ВКонтакте, «Одноклассники» и т.д.), а также, созданные для определенных целей и целевой аудитории закрытые аккаунты. Если раньше для донесения определенных мыслей, целей и задач, используя средства печатных изданий и всякого рода коммуникации (радиовещание, телевидение), приходилось прилагать немалые силы и средства в виде подкупов, шантажей, угроз, захватов и т.д., то в настоящее время нужную информацию организационного характера для своей аудитории возможно донести мгновенно посредством интернет-ресурсов и социальных сетей. Более того, далее, эта информация за очень короткое время распространяется

практически в неконтролируемом порядке: друзьям, подписчикам, группам, сообществам, регионам, странам.

С целью организации массовых беспорядков используется информация различного характера:

– с обвинениями в адрес местной, региональной или федеральной власти, информация относительно определенных действий или бездействия органов управления и власти, отсутствия реагирования на факты, унижения достоинств человека, нарушения равноправия граждан в различных вопросах;

– возникновение стихийных собраний, митингов, шествий и иных сборищ людей, не согласованных в установленном законном порядке;

– распространение провокационных листовок, статей и иной нелегальной литературы, направленные на призывы к изменению или даже свержению существующего порядка или власти;

– распространение призывов к национальной вражде, вражде к людям другого вероисповедания и т.д.

Все данные действия в любом случае формируют негативную обстановку и эмоциональное напряжение, способствуют подстрекательству, призыву к насильственным действиям, реализации, в том или ином виде, данных действий. Всё это способствует возбуждению ненависти друг к другу и вражды против законной власти, определенного территориального устройства или группы людей.

Примечательно, что на начальном этапе формирования механизма массовых беспорядков практически всегда организаторы выставляют всё под благовидным предлогом, всегда находят правильные и нужные для толпы моменты недовольства. Недовольство растёт и вбирает в массы толпы всё новых и недовольных даже другими вопросами людей, к ним присоединяются всякие общественные движения, некоммерческие автономные организации, различного рода мизерные партии, недовольная и негативно настроенная молодёжь, криминальные элементы, посторонние люди, прохожие и вообще зеваки. Каждый под общими лозунгами преследует исключительно свои цели. Характер поведения такого скопления людей непредсказуем.

Результаты проведенных исследований показывают, что субъектами данных массовых беспорядков могут быть лица, которые организуют провокацию противоправных действий и не согласованных в установленном законном порядке собраний, лица, которые готовы противоправным действиям, лица, так называемые наблюдающие и сочувствующие, лица участвующие, в той или иной степени и т.д.

Организаторы и, в последующем, участники массовых беспорядков на начальном этапе своих действий указывают на всякого рода конкретные ошибки или замечания, сделанные органами государственной власти или управленческой

деятельности для большего убеждения толпы; разжигают ненависть к власти, к какой-либо иной группе людей, лиц другой национальности, иного вероисповедания, ведут провокационные действия нарушения общественного порядка, призывают к массовым беспорядкам.

На основном этапе формирования данного вида преступлений действия всех участников переходят от призывов к непосредственным беспорядкам. Зачастую массовые беспорядки сопровождаются погромами, грабежами, нанесением тяжкого вреда здоровью гражданам, кровопролитием, другими жестокими преступлениями. Всё это сопровождается активным противодействием органам государственной власти и силам правопорядка. Провокаторы и особо активные участники массовых беспорядков «раскачивают» обстановку, разбрасывают предметы, камни, применяют против органов правопорядка заранее подготовленные бутылки с зажигательной смесью, различного рода «коктейли Молотова», в ход идёт огнестрельное оружие и даже взрывчатые вещества. Практически всегда осуществляется захват помещений, следственных изоляторов и тюрем, отделов, территориальных управлений и подразделений органов правопорядка. Большинство указанных преступлений для достижения поставленных целей совершаются публично, открыто и демонстративно.

Именно на основном этапе формирования механизма массовых беспорядков с применением различного рода противозаконных действий и правонарушений формируются механизмы других преступлений. На основном этапе одновременно и параллельно могут совершаться следующие преступления: «физическое насилие (нанесение телесных повреждений, побои и др.) в отношении представителей местной власти; самоуправство и т.д. [11].

На данном этапе формирования механизма преступления активно осуществляются меры по сокрытию субъектов криминальных действий: заказчиков, организаторов, посредников, исполнителей; при этом сокрытие орудий преступлений и результатов негативных последствий массовых беспорядков в большинстве случаев не имеет никакого значения, даже наоборот, в данном случае преследуются абсолютно другие цели.

В любом преступном замысле всегда есть определенная цель и задачи. На завершающем этапе механизма совершения массовых беспорядков осуществляется фактическое сопротивление установленному порядку, государственной власти и гражданам с использованием различных средств и способов нанесения вреда, ущерба, однако, самое главное заключается в том, что это – открытый и демонстративный вызов общественной безопасности страны.

Таким образом, отличительным признаком данных преступлений на третьем этапе является то, что сокрытие следов преступлений и его последствий не осуществляется, поскольку должен быть виден результат нанесения вреда и ущерба для физических лиц, юридических лиц, органов

государственной власти и общественности. С полной уверенностью можно констатировать факт организации и реализации противодействия последующему расследованию преступлений.

Ранее в своих работах мы указывали на то, что в данную систему действий в виде противодействия входят:

- угрозы возможной расправы над следователем, судьей или членами их семей;
- угрозы или подкуп свидетелей или потерпевшего;
- шантаж или распространение ложных, порочащих слухов;
- организация негативных публикаций в печати, создание отрицательного общественного мнения и т.д. [5, с. 47].

Некоторые авторы предлагают следующие классификации способов противодействия: «по направленности на воспрепятствование решению тех или иных задач предварительного расследования, по содержанию, по субъектам, по участию в процессе расследования, в зависимости от должного положения субъекта противодействия, по структуре, по времени реализации, по уголовно правовой наказуемости» [10, с. 21–31].

«Самыми распространенными методами преодоления противодействия расследованию преступлений следователем на наш взгляд, могут быть методы:

Литература:

1. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории / Р.С. Белкин. М., 1987, 1997.
2. *Белкин Р.С.* Криминалистика. История, общая и частные теории / Р.С. Белкин. Т. 1, М., 1978, 1995.
3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : учеб. пособие / Р.С. Белкин. М. : Закон и право, 2001.
4. *Веренич И.В.* Методы и средства преодоления и нейтрализации противодействия расследованию преступлений / И.В. Веренич // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Наука и новация: современные проблемы теории и практики права» в рамках IV Международного Фестиваля науки. Издательство: Московский государственный областной университет. М., 2019. С. 34–38.
5. *Веренич И.В.* Криминалистическая теория механизма преступления / И.В. Веренич, А.М. Кустов, В.М. Прошин. М. : Юрлитинформ, 2014.
6. *Веренич И.В.* Криминалистическая наука и теория механизма преступления / И.В. Веренич, А.М. Кустов, В.М. Прошин. М. : Юрлитинформ, 2016.

– убеждения с использованием положительных качеств личности;

– внушения через управление следователем поведением лица;

– изобличения через логическое воздействие следователем на лицо и др.» [5, с. 34–38].

Анализ следственно-судебной практики указывает на то, что преодоление противодействия расследованию преступлений необходимо классифицировать на уровне следователя (дознавателя), руководителей следственных подразделений и руководителей подразделений органов законодательных органов, научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений.

Особая важность имеют:

– недопущение преступлений против общественной безопасности, массовых беспорядков;

– детальное рассмотрение вопросов механизма данных преступлений, преодоления противодействия расследованию преступлений;

– разработка методики криминалистического обеспечения первоначального этапа расследования.

Это позволит быстро и эффективно планировать первоначальный этап расследования, организовывать и осуществлять досудебное производство уголовного дела, изобличить преступников и квалифицированно предъявить им обвинения.

Literature:

1. *Belkin R.S.* Forensics: problems, trends, prospects. General and private theories / R.S. Belkin. M., 1987, 1997.
2. *Belkin R.S.* Forensic science. History, general and private theories / R.S. Belkin. M., 1978, 1995. Vol. 1.
3. *Belkin R.S.* Forensic science course : manual / R.S. Belkin. M. : Law and Law, 2001.
4. *Verenich I.V.* Methods and means of overcoming and neutralizing counteraction to the investigation of crimes / I.V. Verenich // Collection of materials of the international scientific and practical conference «Science and Innovation: Modern Problems of the Theory and Practice of Law» within the framework of the IV International Festival of Science. Publishing house: Moscow State Regional University. M., 2019. P. 34–38.
5. *Verenich I.V.* Forensic theory of the crime mechanism / I.V. Verenich, A.M. Kustov, V.M. Proshin. M. : Yurlitinform, 2014.
6. *Verenich I.V.* Forensic science and the theory of the mechanism of crime / I.V. Verenich, A.M. Kustov, V.M. Proshin. M. : Yurlitinform, 2016.

7. *Винберг А.И.* Криминалистика. IV издание / А.И. Винберг, Б.М. Шавер. М., 1950.

8. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс; Пер. с нем. Грац., 1882. Смоленск, 1896; М., 2002.

9. *Енгибарян В.Г.* Расследование массовых беспорядков: теоретические, организационные и методико-криминалистические основы : дис. ... док. наук / В.Г. Енгибарян. М. : Академия управления МВД РФ, 2012.

10. *Кустов А.М.* История криминалистической практики и науки / А.М. Кустов. М. : Юрлитинформ, 2019.

11. *Кустов А.М.* Криминалистическое учение о механизме преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.М. Кустов. М., 1997.

12. Кремль назвал «обычным фоном» зафиксированный в России рост протестов. URL : <https://www.rbc.ru/society/25/11/2019/5ddba1e29a7947a64cfd76e1> (дата обращения 10.12.2020).

13. Title 18 of the United States Code. URL : <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-102> (дата обращения 10.12.2020).

14. The official home of revised enacted UK legislation. URL : <http://legislation.gov.uk/meyu.eu/> (дата обращения 10.12.2020).

15. République Française droit national. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения 10.12.2020).

16. Codice penale. URL : <https://www.polpenuil.it/> (дата обращения 10.12.2020).

7. *Winberg A.I.* Forensics. IV edition / A.I. Winberg, B.M. Shaver. M., 1950.

8. *Gross G.* Guide to Forensic Investigators as a Forensic System / G. Gross; Per with German Graz., 1882. Smolensk, 1896; M., 2002.

9. *Yengibaryan V.G.* Investigation of riots: theoretical, organizational and methodological-forensic foundations : dis. ... doc. sciences. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012.

10. *Kustov A.M.* History of forensic practice and science. M. : Yurlitinform, 2019.

11. *Kustov A.M.* Forensic doctrine on the mechanism of crime : dis. ... d-r of law sciences: 12.00.09 / A.M. Kustov. M., 1997.

12. The Kremlin called the «usual background» the growth of protests recorded in Russia. URL : <https://www.rbc.ru/society/25/11/2019/5ddba1e29a7947a64cfd76e1> (date of application 10.12.2020).

13. Title 18 of the United States Code. URL : <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-102> (date of application 10.12.2020).

14. The official home of revised enacted UK legislation. URL : <http://legislation.gov.uk/meyu.eu/> (date of application 10.12.2020).

15. République Française droit national. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/> (date of application 10.12.2020).

16. Codice penale. URL : <https://www.polpenuil.it/> (date of application 10.12.2020).

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishneveckiy@mail.ru

Kirill V. Vishnevetskiy
Doctor of Law Sciences,
Professor,
Head of Criminal law Department
and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishneveckiy@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕВИКТИМИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

PUBLIC SELF-GOVERNMENT AS A TOOL FOR DEVICTIMIZATION OF SOCIETY (FOREIGN EXPERIENCE)

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам профилактики преступлений, направленной на девикутимизацию общества с использованием потенциала общественных органов самоуправления. В ней проанализированы некоторые модели профилактики преступлений на основе действия городского сообщества. Кроме того, определены приоритетные направления виктимологической политики, которые сводятся к работе с общественными объединениями и усилению виктимологической составляющей в предупредительной деятельности органов внутренних дел.

Annotation. The article is devoted to the topical issue of crime prevention aimed at the devictimization of society using the potential of public self-government bodies. It analyzes some models of crime prevention based on the actions of the urban community. In addition, priority areas of victimological policy have been identified, which are reduced to working with public associations and strengthening the victimological component in the preventive activities of the internal affairs bodies.

Ключевые слова: криминология, виктимология, виктимность, виктимизация, девикутимизация, профилактика преступлений.

Keywords: criminology, victimology, victimization, devictimization, crime prevention.

Ориентация государств Запада на нейтрализацию факторов виктимизации населения, прямо или косвенно связанных с процессами его криминализации, привела после Второй мировой войны к созданию целой индустрии «ситуативного предотвращения преступления», направленной на то, чтобы минимизировать действие социальных детерминант криминогенной виктимизации. Приоритетным направлением стало комплексное управление урбанизированной окружающей средой, включающее возведение зданий со встроенной системой антикриминальной защиты; планировку кварталов, позволяющую постоянно вести наблюдение за положением дел на улицах; приватизацию открытых пространств, прилегающих к домам; фронтальное расположение жилых зданий.

лицом преступности [2]. Эта дезорганизованность проявляется в том, что люди становятся очень подозрительны друг к другу, теряют «чувство сообщества», имеют низкий уровень влияния на положение дел в своем районе [3]. Важным фактором криминализации и виктимизации населения становится выделение устойчивой группы лиц, ценности и социальные идеалы которых вступают в противоречие с представлениями большинства в обществе.

Вместе с тем, данная стратегия нередко подвергалась критике как грубый «архитектурный детерминизм», который не принимает во внимание сложность отношений между преступлением и всей совокупностью его социальных факторов [1]. Представители чикагской школы криминологов призвали сосредоточить деятельность виктимологической профилактики на факторах социальной дезорганизации в криминогенных регионах. По их мнению, недостаток и дезорганизованность социальных связей вносит наибольший вклад в развитие незащищенности населения перед

Разработка данного аспекта проблемы в 1980–1990-е гг. осуществлялась в рамках «теории люмпенизированного слоя» К. Марри [4]. Общий вывод состоял в том, что сообщество, локализованное в том или ином месте, не менее ответственно за состояние преступности, чем полиция. Задача при этом виделась не просто в том, чтобы грамотно организовать защиту своего жилья и имущества, но прежде, в том, чтобы, используя современные средства управления социальными процессами, оптимизировать параметры локального сообщества и свести к минимуму возможности его дальнейшей криминализации.

Под влиянием этих идей в Соединенных Штатах и в Великобритании получает распространение термин «безопасность сообщества». Соответственно, и Министерство внутренних дел Великобритании начинает проводить активную работу

по институционализации процессов девиктимизации городских сообществ, формируя различного рода агентства, организации граждан, контактные группы, координируя свою деятельность по вопросам безопасности с органами местного самоуправления, заинтересованными компаниями и фирмами [5].

С этой целью была сформирована Рабочая группа безопасности сообщества Ассоциации местных властей (Local Authority Association's Community Safety Working Party). В 1996 г. эта группа предложила расширенную рабочую трактовку понятия «безопасность сообщества»: «Понятие «безопасность сообщества» фундаментально основано на принципах социальности сообщества, чтобы пресекать и исправлять причины и последствия преступления, его угрозы и иного, связанного с этим антиобщественного поведения. Цель состоит в том, чтобы обеспечить реальное снижение преступности и опасения относительно возможных преступлений в местных общинах. Общий подход базируется на формировании товариществ и специальных агентств виктимологической помощи населению с тем, чтобы вырабатывать и осуществлять меры в пределах местных сообществ по профилактике преступлений» [6].

В рамках данной концепции выделяется несколько моделей профилактики преступления на основе действия городского сообщества. Первая модель основана на методах выявления характера дезорганизации общины и определения того ядра активных, ориентированных на право и законность, сообществ, которые могли бы помочь в деле предотвращения преступлений. Вторая модель предполагает работу с наиболее виктимными сообществами с тем, чтобы организовать их самооборону и систематическое наблюдение за положением дел в данном районе города. Третья модель строится на методах восстановления поврежденных социальных связей, с тем, чтобы сохранить социальный порядок и тем самым снизить степень уязвимости десоциализированных элементов. Если первые две модели наиболее популярны среди представителей официальных инстанций, в том числе – правоохранительных органов, то третья вписывается в социально-правовые модели местного самоуправления, разрабатываемые правоведами, социологами, криминологами коммунаристского направления. Последнее особенно близко сторонникам радикальной виктимологии.

Правоведы коммунаристской ориентации призывают к созданию и распространению локальных сообществ в самых различных формах: семья, рабочий коллектив, фирма, корпорация, клуб, церковный приход [7]. Эти сообщества, по их мнению, обеспечивают формирование основных человеческих добродетелей, а также, предполагают согласие между людьми по поводу основополагающих нравственных ценностей. «В них категория «мы» дана как переживаемая и открывающая себя реальность» [8]. Такого рода сообщества могут стать в современных условиях первичными «ячейками» декриминализации и девиктимизации урбанизированных населенных

пунктов. Коммунарная модель местного самоуправления обладает некоторой привлекательностью, поскольку подтверждает, что нравственно-правовые ценности не только возможны, но и необходимы в нынешнем разделенном обществе, так как могут стать реальной основой практически функционирующих институтов управления и самоуправления в обществе, которые могли бы решать его насущные проблемы, включая и проблему преступности.

По мысли западных социологов, криминологов, виктимологов, общественное самоуправление обладает мощным потенциалом социального регулирования, способным нейтрализовать виктимизирующее воздействие на общество со стороны современных процессов урбанизации. Именно общественное самоуправление может выступить выражением принципиальной культурной разнородности, существующей как в мировом масштабе, так и на региональном и локальном уровнях. Оно представляется наиболее демократичным ответом на вызовы глобализации, заявляющим о необходимости уважения к особенному, уникальному, неповторимому. Кроме того, общественное самоуправление способно смягчить негативные последствия радикализации стратификационных процессов, прежде всего, те, которые связаны с локальным сосредоточением и концентрацией в неблагополучных районах городов представителей низших страт (как местных, так и эмигрантов из стран «третьего мира»).

Соответствующие идеи нашли свое преломление и в практике деятельности по предупреждению преступности. В целом мы видим четко выраженную тенденцию развития системы виктимологической профилактики в странах Запада (прежде всего – в США). Здесь можно выделить три этапа:

- 1) вторая половина 1940-х – начало 1960-х гг. Виктимологическая проблематика поднимается преимущественно в научных кругах, разрабатываются как теоретические, так и прикладные аспекты виктимологии;
- 2) середина 1960-х – конец 1970-х гг. Активное формирование общественных организаций виктимологического характера, осуществляющих работу по реальной помощи жертвам, пропаганду виктимологической информации, а также, активную лоббистскую деятельность по законодательной защите прав жертв преступлений. В этот период времени особенно активно поднимаются вопросы защиты прав жертв в суде и в ходе следствия, что можно объяснить влиянием радикальной криминологии, именно в 1970-е гг. переживавшей свой подъем;
- 3) начало 1980-х гг. и до настоящего времени. Основным субъектом виктимологической профилактики становится государство, хотя его роль реализуется опосредствовано, через деятельность частных организаций, ассоциаций, агентств и фондов. В этот период времени резко активизируется и разработка нормативно-правовой базы виктимологической профилактики.

Общественные движения, объединяющие жертв преступлений или (и) лиц, заинтересованных в оказании помощи жертвам, появились более со-рока лет назад в Великобритании и США и послужили образцом для создания подобных объединений в других западных странах. Эти организации оказывали поддержку жертвам, по крайней мере, в трех формах:

- 1) помощь во взаимодействии с полицией в период расследования дела, психологическая поддержка жертвы в первые дни после преступления;
- 2) помощь на стадии суда;
- 3) помощь в форме финансовых или других форм компенсации, предоставление помещений для временного проживания.

В каждом случае представители организаций стремятся помочь в вопросах взаимодействия с адвокатом в случае возникновения разногласий или каких-либо проблемных моментах и, что более важно и оказывается чаще востребовано, во взаимодействии со страховыми агентствами.

Анализируя опыт работы различных организаций виктимологической направленности, ученые, обычно, выделяют четыре позиции: организационную структуру; отношение с другими организациями виктимологического профиля; характер объекта предоставляемой помощи; приоритетные направления преступлений, по которым ведется работа [9].

Рассматривая организационную структуру, различают добровольные неправительственные организации и организации, в работе которых в той или иной форме участвует государство. Последние существуют в Испании, Бельгии и Германии. Однако они представляют собой исключение: подавляющее большинство программ помощи жертвам в странах Запада обеспечено государственными организациями и агентствами, которые зачастую получают значительную финансовую помощь от государства. Так, в Нидерландах принята система прямого государственного финансирования общественных виктимологических фондов, в Германии определенные налоги или штрафы могут идти непосредственно на финансирование помощи и компенсационных выплат жертве. Однако правительственная финансовая поддержка редко учитывает затраты на организационную деятельность фондов, которые поэтому постоянно нуждаются в помощи добровольцев. И, зачастую, сама финансовая помощь ставится в зависимость от наличия достаточного числа энтузиастов. Например, в Канаде для получения правительственной помощи требуется привлечь к работе не менее 140 добровольцев [10].

Для координации деятельности виктимологических организаций в ряде стран Запада создаются общенациональные органы, комитеты, советы и т. п., которые обеспечивают соответствие работы фондов и организаций национальным стандартам благотворительной деятельности, разрабатывают методические рекомендации по совер-

шению виктимологической пропаганды, собирают и обобщают наиболее интересный опыт, обеспечивают связь общественных организаций с правительственными структурами и способствуют установлению контактов с аналогичными организациями за рубежом. В Англии – это Национальная ассоциация поддержки жертвы преступлений. Во Франции – Национальный институт помощи жертвам преступлений, созданный в 1986 г. для координации деятельности местных виктимологических ассоциаций. В Нидерландах действует Национальная организация поддержки жертвы. В Соединенных Штатах нет подобной официальной организации, но ее функции во многом выполняет Национальная организация помощи жертвам. В Италии также нет единой организации помощи жертвам преступлений, но существуют ассоциации для помощи жертвам террористов, организованной преступности, пострадавшим от краж и т.п., обычно, создаваемые оставшимися в живых и родственниками пострадавших.

Среди государственных органов, с которыми виктимологические организации осуществляют систематическое взаимодействие, центральное место занимает полиция. В некоторых случаях офисы организаций непосредственно расположены в полицейских отделениях. Ключевое преимущество этого – возможности координации действий и сотрудничества между полицией и общественностью по оказанию помощи жертве. Впрочем, существенен и недостаток, связанный с тем, что многие жертвы могут отказываться входить в контакт с агентством, которое воспринимается ими как часть полицейской структуры. Нередкими являются такие формы сотрудничества, когда полиция и общественная организация совместно создают выставочный центр и магазин, в котором предлагают населению средства индивидуальной защиты, систему дверных запоров, системы видеонаблюдений и т.п. Подобный комплекс работает также в режиме информационно-консультационного центра, где консультации нередко проводят офицеры полиции.

Специализация виктимологических организаций в ряде стран определяется согласно социальным характеристикам жертв. В США много виктимологических программ ориентировано исключительно на лиц пожилого возраста, женщин, детей. В Ирландии существует специальная организация для виктимологической профилактики преступлений против туристов. В Англии специализация преимущественно связана с характером преступления (тяжкие преступления против личности, изнасилование, финансовые мошенничества и т.п.). Различается и эффективность деятельности организаций, их привлекательность и значимость для виктимных групп населения.

Программы помощи жертвам преступления появились в странах Запада примерно в одно время (в США лет на десять раньше). Принципиальных различий в системе виктимологической профилактики и виктимологической политики в этих странах нет: в основе лежат общие теоретические принципы позитивистской, критической или

радикальной виктимологии; ориентиры практической работы основаны на серьезной социологической базе; основным субъектом виктимологической профилактики являются общественные организации при активной поддержке и регулятивной деятельности со стороны государства. Общие принципы виктимологической политики определяются понятиями справедливости и общественной солидарности, что зафиксировано в Конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений, принятой государствами – членами Европейского совета. Различия, таким образом, состоят в расстановке акцентов в профилактической деятельности.

Так, конструктивные отношения с полицией везде трактуются как ключевое условие оказания эффективной помощи жертве преступления. Однако в Нидерландах степень взаимодействия общественных организаций с полицией выше, чем в Англии или США. В США больший акцент делается на предоставление виктимологических рекомендаций жертве (или потенциальной жертве), в странах Европы на первом месте стоит практическая помощь. Хотя в Великобритании жертвы краж были основным объектом помощи только на первом этапе становления системы виктимологической профилактики, и затем, диапазон жертв, с которыми входили в контакт, расширился, тем не менее, в сравнении с США и Нидерландами процент жертв краж среди объектов деятельности виктимологических организаций Великобритании продолжает оставаться высоким.

Существующие различия связаны с различиями в качественных параметрах правовой и общей культуры, они зависят от степени сплоченности общества, сложившейся практики деятельности полиции и стереотипных отношений к ней со стороны населения, пределов открытости приватного пространства личности.

Поэтому, несмотря на то, что глобализация позволяет субъектам виктимологической профилактики быть лучше информированными о методах, реализуемых в других странах, государство всячески стимулирует такого рода контакты, поощряет обмен мнением и выражает стремление к унификации методов, различия продолжают иметь место.

Приоритетными направлениями виктимологической политики становится работа с общественными объединениями и усиление виктимологической составляющей в предупредительной деятельности органов внутренних дел. Последнее направление не только отвечает общим тенденциям гуманизации правоохранительной деятельности в условиях правового государства, но и может существенно повысить эффективность этой деятельности, адекватно реагировать на новые

Литература:

1. *Merry S. Defensible space undefended // Urban Affairs Quarterly. № 16. P. 397–422.*

реалии гражданского общества в изменяющемся мире.

Мировой опыт учит, что центральным звеном системы организации виктимологической профилактики должны быть различные институты гражданского общества: общественные и религиозные организации, органы местного самоуправления. Они призваны:

– проводить систематическую работу по виктимологической пропаганде;

– разрабатывать и доносить до каждой аудитории (в первую очередь, детской) обучающие курсы прикладной виктимологии, с учетом региональной и страновой специфики готовить информацию виктимологического характера для освещения в СМИ;

– осуществлять деятельность по защите и представительство в органах власти, страховых компаниях, в адвокатуре интересов жертв криминальных преступлений, особенно в том случае, если они не способны это сделать сами (больные, неадаптированные мигранты, дети и т.п.);

– оказывать моральную и материальную поддержку жертвам преступлений;

– осуществлять коррекцию межличностных и групповых отношений, складывающихся в рамках внутрискратовых связей или на определенной территории;

– в пределах своей компетенции осуществлять меры по социальной защите, социальной реабилитации и ресоциализации жертвы.

Наряду со стимулированием образования и развития организаций, призванных специально заниматься проблемами жертвы преступлений, важно привлекать к этой работе и другие общественные организации, не являющиеся виктимологическими по своему профилю. Поскольку, эти организации могут представлять самые разные слои общества, работа с ними позволит реализовать установки дифференцированной девиктимизации социальных групп.

В современных условиях появляются новые разновидности жертв, нарастает степень их виктимности, трансформируются пути и способы виктимизации общества, изменяется структура виктимогенности социальных слоев и статусов. В связи с этим, нам представляется особенно важной задача разработки и внедрения в практику деятельности институтов гражданского общества таких способов предупреждения виктимизации, которые наряду с решением других социальных задач будут способствовать повышению эффективности борьбы с преступностью.

Literature:

1. *Merry S. Defensible space undefended // Urban Affairs Quarterly. № 16. P. 397–422.*

2. *Skogan W.G.* Disorder, crime and community decline // *Communities and Crime Reduction*. London, 1988. P. 39–42.

3. Ср.: «Городской образ жизни приводит к частичной утрате чувства солидарности в отношении совместного противодействия преступным проявлениям как в сфере улицы, так и в других городских сферах» (*Гришин А.Н.* Уличная преступность и ее профилактика службой милиции общественной безопасности в условиях крупного города : автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 10).

4. *Murray C.* *The Emerging British Underclass*. London : Institute for Economic Affairs, 1990.

5. *Уитмор К.* Участие общественности в предупреждении преступности в городах / К. Уитмор // Предупреждение преступности и уменьшение безопасности в городах. Материалы международной научно-практической конференции. М., 1999. С. 56–58. См. также: *Минникес И.В.* Местное управление Великобритании. Свердловск, 1988.

6. *The Local Solution. Current Practice*. London, 1997. P. 9.

7. См.: *Мотрошилова Н.В.* Дискуссии в социальной философии / Н.В. Мотрошилова // *История философии: Запад – Россия – Восток*. М., 1999. С. 429–432.

8. См.: Интервью с А. Макинтайром // *Вопросы философии*. 1996. № 1. С. 94.

9. *Mawby R.I.* *Crime Victims: Needs, Services and the Voluntary Sector* / R.I. Mawby, M.L. Gill. London, 1997.

10. Ibid.

2. *Skogan W.G.* Disorder, crime and community decline // *Communities and Crime Reduction*. London, 1988. P. 39–42.

3. Wed: «Urban lifestyle leads to partial loss of sense of solidarity in respect of joint counteraction to criminal manifestations in the sphere of the streets and other urban areas» (*Grishin A.N.* Street crime and its prevention service of the public security police in a large city : abstract. dis ... cand. jurid. SPb., 1999, p. 10).

4. *Murray C.* *The Emerging British Underclass*. London : Institute for Economic Affairs, 1990.

5. *Whitmore K.* Public participation in the prevention of crime in cities / K. Whitmore // *Crime prevention and reducing security in cities. Proceedings of the international scientific and practical conference*. M., 1999. P. 56–58. See also: *Minnikes I.V.* Local government of Great Britain. Sverdlovsk, 1988.

6. *The Local Solution. Current Practice*. London, 1997. P. 9.

7. See: *Motroshilova N.V.* Discussions in social philosophy / N.V. Motroshilova / N.V. Motroshilova // *History of Philosophy: West-Russia-East*. Moscow, 1999. P. 429–432.

8. See: Interview with A. McIntyre // *Questions of Philosophy*. 1996. № 1. P. 94.

9. *Mawby R.I.* *Crime Victims: Needs, Services and the Voluntary Sector* / R.I. Mawby, M.L. Gill. London, 1997.

10. Ibid.

Гайдарева Инна Николаевна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
Адыгейский государственный университет
alay_1968@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье изучаются вопросы, связанные с профилактикой административных правонарушений в области дорожного движения. Показывается, что повышение уровня безопасности в данной сфере, позволяющее сохранять жизнь, здоровье и имущество граждан, является значимым направлением современной российской государственной политики, выступает в качестве фактора обеспечения улучшения показателей социально-экономического и демографического развития России. Автор отмечает, что увеличение числа правонарушений в данной сфере обусловлено ростом диспропорций между резким увеличением численности транспортных средств и недостаточным обновлением дорожной инфраструктуры, что усугубляется низкой эффективностью системы обеспечения безопасности в области дорожного движения. Данные обстоятельства обуславливают необходимость реализации комплекса мер нормативно-правового и организационно-технического характера, направленных на предупреждение дорожно-транспортных происшествий.

Ключевые слова: правонарушение, преступление, административное правонарушение, правонарушитель, дорожное движение, профилактика, правовая пропаганда, дорожно-транспортное происшествие.

Наиболее распространенной разновидностью административных правонарушений являются правонарушения в области дорожного движения. По этой причине повышение безопасности дорожного движения, направленное на сохранение жизни, здоровья и имущества граждан, выступает в качестве важного направления политики российского государства, фактора обеспечения эффективного социально-экономического и демографического развития страны. Как отмечается в утвержденной распоряжением Правительства РФ от 08 января 2018 г. «Стратегии безопасности дорожного движения Российской Федерации на 2018–2024 годы», дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП) наносят обществу и

Inna N. Gaidareva
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and administrative Law,
Adygeya State University
alay_1968@mail.ru

PROBLEMS OF PREVENTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the issues related to the prevention of administrative offenses in the field of road traffic, shows that improving the level of safety in this area, allowing to preserve the life, health and property of citizens, is a significant direction of modern Russian state policy, acts as a factor in ensuring the improvement of indicators of socio-economic and demographic development of Russia. The authors note that the increase in the number of offenses in this area is due to the growing disparity between a sharp increase in the number of vehicles and insufficient updating of road infrastructure, which is compounded by the low efficiency of the road safety system. These circumstances make it necessary to implement a set of measures of a regulatory, organizational and technical nature aimed at preventing road accidents.

Keywords: offense, crime, administrative offense, offender, traffic, prevention, legal propaganda, traffic accident.

экономике нашей страны колоссальный ущерб социального, материального и демографического характера. За десять лет в России в ДТП погибло около трехсот тысяч человек, два с половиной миллиона были ранены [1]. Справедливости ради следует отметить, что в течение последних лет ситуация с безопасностью дорожного движения все претерпела некоторые улучшения. В 2020 г. в Российской Федерации снизились, так называемые, показатели аварийности, включающие число зарегистрированных дорожно-транспортных происшествий, количество погибших и раненых. В то же время, по мнению некоторых аналитиков, данная ситуация могла быть обусловлена эпидемиологической ситуацией, связанной с

распространением коронавирусной инфекции и введенными в связи с ней ограничительными мерами [2].

В соответствии с данными статистики, основное количество дорожно-транспортных происшествий связано с нарушениями правил дорожного движения (далее – ПДД) водителями транспортных средств: на их долю приходится 90 % от всех зарегистрированных ДТП. В качестве основных видов дорожно-транспортных происшествий выделяются столкновение транспортных средств, на которые приходится около половины от общего количества ДТП, и наезд на пешеходов. В 2020 г. также было зафиксировано увеличение числа погибших в ДТП, произошедших вследствие нарушения правил дорожного движения таксистами, а также, показателей аварийности из-за нарушения правил дорожного движения водителями, которые отказались от прохождения процедуры медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения при наличии признаков последнего. В целом, как отмечается в уже упомянутой выше «Стратегии безопасности дорожного движения», в Российской Федерации в течение последних лет обозначилась тенденция, связанная со снижением базовых индикаторов аварийности (необходимо отметить, что подобные процессы имели место и в других странах, где также происходило увеличение уровня автомобилизации населения).

При этом Россия отстает от стран Западной Европы по основным показателям аварийности. Если взять за основу показатель социального риска, то он в нашей стране значительно превышает среднеевропейские показатели (в России – 13,8 погибших на 100 тыс. человек, в то же время, аналогичный средний показатель в государствах Европейского Союза составляет 5 погибших). Таким образом, в России риск гибели людей в дорожно-транспортных происшествиях в несколько раз выше, чем в западноевропейских государствах (этот риск, в частности, в нашей стране в пять раз ниже, чем в Швеции и Великобритании). Отметим, что с точки зрения разработчиков «Стратегии безопасности дорожного движения», Россия отстает от развитых государств по основным показателям аварийности, в первую очередь, по причине низкого уровня дисциплины основных участников дорожного движения (здесь речь идет о водителях транспортных средств). Данная ситуация также складывается по причине наличия проблем, имеющих в системе подготовки водителей, техническом состоянии автомобилей и других транспортных средств, обусловлена качеством дорожной инфраструктуры и сложностями в организации движения [1].

В ряде специальных исследований отмечается, что увеличение числа правонарушений в данной сфере обусловлено ростом диспропорций между режимом увеличением численности транспортных средств и недостаточным обновлением дорожной инфраструктуры, что усугубляется низкой эффективностью системы обеспечения безопасности в области дорожного движения [3, с. 162]. Данные обстоятельства усугубляются низким уровнем правовой культуры основных участников

дорожного движения, т.е., водителей, значительная часть которых отличается нигилистическим отношением к существующим в данной сфере правовым запретам. Значительная часть дорожно-транспортных происшествий (не менее 10 %) происходит по вине пьяных водителей. К числу наиболее распространенных правонарушений здесь относится неоправданное нарушение скоростного режима (число таких правонарушений в 2020 г., в частности, значительно превысило прошлогодний показатель) [4]. Стоит отметить, что, в соответствии с информацией, предоставленной Федеральной службой судебных приставов, ежегодно около 10 % нарушителей отказываются оплачивать штрафы. Также, необходимо учитывать и большое количество не выявленных нарушений правил дорожного движения. Все это, в комплексе, свидетельствует о высокой значимости проблемы административных правонарушений в области ПДД, необходимости усиления профилактической работы, направленной на предупреждение противоправных действий в этой сфере.

Как показывает практика, к числу наиболее эффективных, действенных мер, призванных предупредить ДТП, можно отнести меры нормативно-правового и организационно-технического характера. Нормативно-правовую основу государственной политики в области обеспечения безопасности составляет административное и иное законодательство. В настоящее время обсуждается проект нового Кодекса об административных правонарушениях: здесь, в частности, предлагается отменить, так называемый, нештрафуемый порог превышения скорости на 20 км/час (в крупных городах, как показывают статистические данные, более 50 % смертности на дорогах происходит из-за превышения скорости водителями транспортных средств). Данный порог появился в России в 2013 г., когда была отменена статья КоАП, штрафующая сумма за превышение на 10 км/ч составила 100 рублей. Порог был увеличен из-за несовершенства камер фотовидеофиксации, а также, по той причине, что администрирование и рассылка столь незначительных штрафов обходились бы дороже самого наказания. В настоящее время, однако, ситуация изменилась: так, погрешность камер, в частности, не превышает 1–3 км/ч, поэтому соответствующие ограничения могут быть введены, как минимум, на городских магистралях (иными словами, и точность показаний приборов в автомобиле, и точность работы камер сейчас абсолютно точно позволяют с совсем небольшой погрешностью наказывать водителей за превышение скоростного порога). Наряду с уменьшением не штрафуемого порога, другим важным нововведением, призванным способствовать повышению безопасности на дорогах, может стать снижение максимальной скорости в городах до 50 км/ч, что соответствует практике многих европейских городов (с точки зрения многих экспертов, как российских, так и зарубежных, скорость движения транспортного средства должна быть такой, чтобы при столкновении пешехода и автомобиля у первого была возможность выжить).

К числу организационно-технических мер, направленных на профилактику администра-

тивных правонарушений в рассматриваемой сфере, можно отнести несение дорожно-патрульной службы, массово-разъяснительные, инженерно-технические меры, а также, мероприятия информационного обеспечения. Как показывает практика, несение дорожно-патрульной службы является одной из наиболее действенных мер, способствующих предупреждению, как преступлений, так и административных правонарушений. С точки зрения ряда специалистов, сдерживать лиц, которые имеют склонность к совершению противоправных деяний, может наблюдение за самим процессом дорожного движения, за тем, как его участники соблюдают установленные правила [5, с. 10]. Эффективным является как визуальное наблюдение, так и наблюдение, осуществляющееся посредством использования технических средств. Здесь необходимо расширять объемы работ, направленных на использование автоматического контроля, усовершенствование применяемых с этой целью технических средств с функциями фото- и видеосъемки. Также, целесообразно обеспечить эффективный контроль за соблюдением скоростного режима и действиями лиц, управляющих транспортными средствами в местах, характеризующихся повышенной опасностью. Отдельным направлением, направленным на профилактику ДТП, является модернизация дорожной инфраструктуры, устранение, улучшение состояния улично-дорожной сети.

Справедливости ради необходимо отметить, что «Стратегия безопасности дорожного движения» предусматривает ряд мероприятий, связанных с оптимизацией организации дорожного движения. В качестве наиболее важных направлений рассматриваемой политики можно выделить деятельность по обустройству пешеходных переходов и т.д. [1]. На наш взгляд, важным средством профилактики правонарушений в сфере дорожного движения, дорожно-транспортных происшествий выступает успокоение движения (трафика), основной целью которого является снижение числа конфликтных ситуаций в дорожном движении, предотвращение ДТП и уменьшение количества их последствий.

Успокоение движения может быть достигнуто посредством средств инженерно-реконструктивного характера, которые дополняются различными методами управления скоростью движения транспортных средств. При создании зон успокоения ликвидируется, так называемое, транзитное движение, для чего в границах зон сквозные улицы перепрофилируют в тупиковые, петлевые, кольцевые и т.д. Здесь также может ограничиваться скорость движения, что позволяет уменьшать число конфликтов между водителями и пешеходами. При проектировании зон успокоения благоустройство улиц и дизайн их пространства рассматриваются как средства влияния на режим движения транспортных средств. Транспортное обеспечение указанных зон может быть реализовано с помощью городского пассажирского транспорта, получающего приоритет движения (здесь возможно сочетание, например, пешеходного и трамвайного движения, пешеходного движения и автобусных или троллейбусных маршрутов.

Организация пространства улиц должна обеспечивать приоритет движения пешеходов и велосипедистов и стимулировать снижение скорости движения транспортных средств [6].

Опыт западноевропейских стран, где активно применяется успокоение трафика, показывает, что оно выгодно самим водителям транспортных средств, поскольку увеличивает пропускную способность улиц и благоприятствует аккуратному движению всех автомобилей с допустимой скоростью. Практика показывает, что снижение скорости автомобилей следует осуществлять именно в тех местах, где существует высокая вероятность наезда на пешехода: внутриворонные проезды, районы плотной жилой застройки, улицы около школ, парков, места с интенсивным пешеходным движением и, конечно, пешеходные переходы.

Важнейшим компонентом системы предупреждения правонарушений в области дорожного движения, связанным с работой по повышению уровня правового сознания участников дорожного движения и профилактикой их противоправного поведения, являются мероприятия массово-разъяснительного характера. Данные мероприятия могут быть реализованы посредством проведения пропагандистской работы в этой сфере: указанная работа включает соответствующее правовое информирование граждан, разъяснение им содержания и смысла действующего административного законодательства в части, касающейся обеспечения безопасности на дорогах. Результатом рассматриваемой правовой пропаганды, в идеале, должно выступать формирование высокого уровня правовой компетентности населения в вопросах организации дорожного движения и правового регулирования в этой сфере. Граждане должны быть хорошо информированы о своих правах, свободах, а также основных обязанностях в области дорожного движения, воздерживаться от совершения соответствующих преступлений и административных правонарушений. Если правовая пропаганда ориентирована на всех участников дорожного движения или большую их часть, то индивидуальная профилактическая деятельность осуществляется в отношении отдельных лиц, в том числе, и конкретных правонарушителей. Здесь могут применяться и принудительные меры, предусмотренные действующим административным законодательством, которые также призваны способствовать осознанию гражданами общественной опасности, различных негативных последствий правонарушений в сфере дорожного движения.

Отметим, что «Стратегия безопасности дорожного движения Российской Федерации на 2018–2024 годы» предусматривает теоретическую разработку и практическую реализацию ряда программ образовательного и просветительского характера, адресованных широкому слою населения и призванных сформировать в сознании граждан стереотипы безопасного и правомерного поведения на дорогах и улицах (информационная и разъяснительная деятельность в данной сфере должна претерпеть ряд кардинальных изменений, способствующих оптимизации рассматриваемой деятельности) [1].

В случае успешной реализации указанной Стратегии, должны произойти существенные позитивные изменения в области правового сознания и поведения всех участников дорожного движения, сформироваться нетерпимость к правонарушениям в области ПДД и лицам, совершающим противоправные деяния в данной сфере. Можно ожидать снижения количества соответствующих правонарушений, неправомерного и агрессивного поведения участников дорожного движения, конфликтов между ними. В идеале, поведение

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08 января 2018 г. № 1-р «Стратегия безопасности дорожного движения на 2018–2024 гг.». URL : static.government.ru (дата обращения 02.02.2021).
2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за первое полугодие 2020 года. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2020.
3. *Разгуляев В.Н.* Проблемы предупреждения административных правонарушений в сфере дорожного движения / В.Н. Разгуляев // *Власть и управление на Востоке России*. 2007. № 4(41).
4. *Гайва Е.* Аварии прижмут к обочине / Е. Гайва // *Российская газета*. Неделя. 2020. № 278(8332).
5. *Здольник А.В.* Административная ответственность за правонарушения в сфере безопасности дорожного движения : автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук / А.В. Здольник. М., 2010.

водителей и пешеходов должно основываться на принципах сотрудничества, взаимного доверия, поддержки и взаимопомощи. Информационно-разъяснительная работа должна включать в качестве неотъемлемого компонента деятельность, направленную на формирование положительного образа сотрудников правоохранительных органов, в том числе, работников полиции (Госавтоинспекции), осуществляющих надзор в области безопасности дорожного движения.

Literature:

1. Order of the Government of the Russian Federation № 1-r of January 08, 2018 «Road Safety Strategy for 2018-2024». URL : static.government.ru (date of application 02.02.2021).
2. Road traffic accidents in the Russian Federation for the first half of 2020. Information and analytical review. M. : FКУ «NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2020.
3. *Razgulyaev V.N.* Problems of prevention of administrative offenses in the field of road traffic / V.N. Razgulyaev // *Power and management in the East of Russia*. 2007. № 4(41).
4. *Gaiva E.* Accidents will push you to the side of the road / E. Gaiva // *Rossiyskaya Gazeta*. Nedelya. 2020. № 278(8332).
5. *Zdolnik A.V.* Administrative responsibility for offenses in the field of road safety : abstract dis. ... for the degree of candidate of legal sciences / A.V. Zdolnik. M., 2010.

Груздев Владимир Сергеевич

кандидат юридических наук,
председатель правления,
Общероссийская
общественная организация
«Ассоциация юристов России»
vsgruzdev@yandex.ru

**Является ли философия
прагматизма основой
американского
правового реализма?**

Аннотация. В статье рассматривается история формирования американского правоведения в контексте сравнения реалистического подхода к праву, ставшего центральной темой первой половины XX в. и сохраняющей актуальность в наши дни, и философской концепции прагматизма. Основным выводом исследования состоит в том, что прагматизм, который в значительной степени определил философско-методологические основания «реалистического» подхода к праву в США, всё же не был единственным источником. Есть основание утверждать, что европейский правовой реализм также оказывал влияние как на сам прагматический подход, так и на специфику «реалистического» уклона взглядов значительного числа американских юристов.

Ключевые слова: прагматизм, философский реализм, правовой реализм, онтология права, позитивизм, метафизический клуб, инструментализм, американская юридическая мысль.

Идейно-эстетические и теоретико-методологические истоки американского правового реализма традиционно увязывают с философией прагматизма, прежде всего, в том виде, как она сформировалась трудах Ч. Пирса, В. Джеймса, Д. Дьюи. Английский философ-материалист М. Корнфорт характеризовал прагматизм как «специфически американское течение позитивистской мысли» [1, с. 193]. Размышляя об актуальных направлениях философии права в 21 в. и акцентируя внимание на проблеме соотношения права и прагматизма, немецкий правовед Л. Шульц пишет о том, что это соотношение приобретает чёткие контуры только в том случае, если «прагматизм берётся не как простой практицизм, т.е. понимается как взгляд, ориентированный на практику, а как философский прагматизм и таким образом во временном и пространственном отношении определенное течение» [9, с. 286]. Б. Рассел указывал на терминологическую неопределенность названия этого направления американской философской мысли, которое именуется то «прагматизмом», то «инструментализмом» (такое терминологическое

Vladimir S. Gruzdev

Candidate of Legal Sciences,
Chairman of the Board,
All-Russian
Public Organization
«Association of Lawyers of Russia»
vsgruzdev@yandex.ru

**IS THE PHILOSOPHY
OF PRAGMATISM THE BASIS
OF AMERICAN LEGAL REALISM?**

Annotation. The article examines the history of the formation of American jurisprudence in the context of comparing the realistic approach to law, which became a central topic of the first half of the twentieth century and remains relevant today, and the philosophical concept of pragmatism. The main conclusion of the study is that pragmatism, which largely determined the philosophical and methodological foundations of the «realistic» approach to law in the United States, was not the only source. There is reason to believe that European legal realism also influenced both the pragmatic approach itself and the specifics of the «realistic» bias of the views of a significant number of American lawyers.

Keywords: pragmatism, philosophical realism, legal realism, legal ontology, positivism, metaphysical club, instrumentalism, American legal thought.

обозначение скорее характерно для Дьюи), поэтому в своем сочинении – «История западной философии» – уделял внимание не столько освещению содержания и специфики прагматизма (инструментализма), а персонифицированному обсуждению взглядов главных поборников этого направления В. Джеймса и Д. Дьюи [2, с. 729–745].

В итоге получается, что специфическая именно для США концепция или теория философии, именуемая, как правило, прагматизмом, рассматривается как основа для формирования содержания и повестки направлений дальнейшей разработки американской юридической мысли, по крайней мере, одного из ключевых её направлений. С одной стороны, даже беглый анализ характерных признаков и черт философии прагматизма и движения американского правового реализма свидетельствует об их сходстве – прежде всего, общий вектор ориентации понятий на утилитарное или инструментальное понимание истины, т.е. смысл понятий определяется не их истинностью или неистинностью, а их полезностью.

Но, с другой стороны, анализируя проблематику генезиса американской юридической мысли и влияния европейских мыслителей на неё, легко прослеживаются истоки реализма, как методологической установки понимания и интерпретации права, во взглядах европейских предшественников и современников – американских юристов. Данное обстоятельство не должно игнорироваться. Столь же возможным является, скажем, обсуждаемое в американской литературе влияние О. Холмса на формулирование прагматической максимы Ч. Пирса, а не только влияние прагматизма, который как движение преимущественно сформировался в период с 1898 по 1907 г.

Ч. Пирс даже в американской литературе рассматривается зачастую как предтеча прагматизма, но разработка и формулирование концепции всё же связаны с именами Джеймса и Дьюи. В то же время основные сочинения одного из основателей американского правового реализма, также участника «метафизического клуба» О. Холмса были написаны в последней четверти XIX в. Речь, в частности, идёт о том, что философия прагматизма, несомненно, оказывала существенное влияние на общественно-политическую и юридическую мысль эпохи, но определенно это влияние не следует преувеличивать, и даже скорее оно по-прежнему нуждается в более точной и детальной расшифровке.

К.Н. Ллевеллин, один из главных представителей американского правового реализма, в статье 1934 г. «О философии в американском праве» [7] писал о том, что генезис правового реализма, как исходной и центральной установки для значительной части американских правоведов в вопросах трактовки права, не был связан непосредственно с поиском философских или идеологических оснований для конструктов и идей в области права, для преодоления тех проблем, которые были обусловлены инертностью, запутанностью и чрезмерной объёмностью прецедентного права. По мнению К. Ллевеллина, речь шла отнюдь не формировании новой философии права, новой концепции или теории, напротив, главной идеей была формула «жизнь в действии», новый ракурс рассмотрения традиционных проблем правопонимания и философии права.

Существенные изменения претерпевает оценка роли философии права, которая теперь воспринимается не как набор авторитетных доктрин и концепций о праве, а как средство обеспечения конкретных социальных нужд. Так, К. Ллевеллин писал: «Но жизнь-в-действии может стать теорией, если она обслуживает социальные нужды» [7, с. 205]. При этом автор писал не об источнике теоретических знаний в эмпирическом опыте, а прежде всего о том, что основной проблемой философии права, по его мнению, является изучение предпосылок, оснований и условий, которые определяют, что та или иная философская концепция оказывает непосредственное влияние на поведение людей, принятие ими решений; почему выбор падает на ту или иную концепцию? «Я занимаюсь философией в действии, с имплицитной философией, – писал К. Ллевеллин, – с теми предпосылками, хотя и не явно артикулиро-

ванными и в действительности неосознанными, которые всё же обеспечивают последовательность выбора из многообразия отдельных путей возможного поведения» [7, с. 206].

Исходя из то, что соответствующий выбор обуславливается нуждами тех лиц, чьи интересы затрагиваются этим выбором, т.е. вообще в духе обусловленности содержания права интересами (Ш.Л. Монтескье, историческая школа, Р. Иеринг, «юриспруденция интересов», движение «свободного права», различные варианты социологических теорий права), выбор философии права как руководства к действию обусловлен способностью соответствующей концепции удовлетворительно обеспечивать соответствующие интересы или нужды. В этом моменте проявляется очевидная созвучность подхода К. Ллевеллина и концепции прагматизма У. Джеймса, утверждавшего, что истинность той или иной концепции определяется её практическим действием для конкретного человека.

Статья К. Ллевеллина наглядно показывает значение тех конкретно-исторических условий, которые обуславливали внимание правоведов к проблеме поиска средств преодоления инертности доминировавшего повсеместно консерватизма и формализма. С одной стороны, интересы различных слоев общества, которые в условиях господства монополистического капитала, оказывались необеспеченными надежными средствами правовой защиты, а с другой стороны, существенный разрыв между доминировавшими идейными течениями и доктринами в области права и актуальными потребностями развития юридической теории и практики. Реалистическая установка понимания права не была поэтому последовательным результатом адаптации новой философской концепции прагматизма в области права, напротив, в сфере юридической мысли прагматический настрой и ориентация на социальные потребности общества были насущной задачей, идейное оформление и разрешение которой было одним из ключевых направлений философии права и юридической теории на протяжении всего XIX в. К началу XX в. в европейском правоведении уже накопился значительный арсенал разнообразных проектов правопонимания реалистического профиля.

К. Ллевеллин, который, хотя, в основном, как он сам заявлял, дистанцировался от рассмотрения персоналий американской философии права, специально выделял значение одного человека, творчество которого имело конституирующее значение для формирования современной американской юридической мысли. Речь идёт о работах и деятельности О.В. Холмса, заслуга которого виделась К. Ллевеллину, в первую очередь, в том, что тот, вообще, обратил внимание на необходимость иного подхода, заговорил о потребностях преодоления кризисных явлений, обусловленных «философией консерватизма». До конца XIX в. К. Ллевеллин констатировал «почти полное отсутствие дискуссий о публичном праве», что было непосредственно связано с крайне консервативной позицией судей. Лозунгом эпохи было утверждение: «Посмотри внимательно на то, что

есть; прими это, и ничего другого» или, согласно имевшей хождение в судейской среде формулировке, как стандартный ответ судьи: «Вы не продемонстрировали достаточно, чтобы заставить меня шевелиться». Такой была ситуация и в области контрактного, и в области деликтного права, и в других сферах частного права.

О.В. Холмс, как раз, был тем проводником передовых идей европейских юристов, которые удачно рефлексировали потребности юридической теории и практики. Он владел несколькими языками и, как отмечали его современники, систематически изучал самую разнообразную юридическую литературу. Существует целый ряд исследований, в которых подробно и последовательно разъясняется, что основы прагматизмы Ч. Пирса и юридическая теория О. Холмса формировались параллельно и что существуют все основания полагать, что речь, как минимум, шла о взаимовлиянии друг на друга, а не о каком-то одностороннем усвоении только сформировавшихся взглядов Ч. Пирса другими членами так называемого «метафизического клуба».

М. Фиш ещё в 1940 г. опубликовал несколько объемных статей, в которых подробно осветил проблематику формирования и деятельности «метафизического клуба», а также проблематику соотношения взглядов Холмса, Пирса и прагматизма в целом. Уже постановка вопроса о характерных обозначениях взглядов обоих – Холмса и Пирса – как прогностической теории права и прагматизма соответственно демонстрирует самобытность подходов обоих. Современный американский правовед К. Уэллс пишет: «Предположение, что Холмса следует читать в связи прагматизмом вовсе не оригинально» [10, с. 545]. «Метафизический клуб», основанный в начале 1870 г., включал в себя О. Холмса, Ч. Пирса, У. Джеймса, Ч. Райта и Н. Ст. Д. Гринна. При этом первое свидетельство о существовании такого клуба связано с письмом брата У. Джеймса, написанном Ч. Нортону в 1872 г., в котором тот персонально упоминает лишь своего брата Уильяма Джеймса и Оливера Холмса, которые вместе с «другими пронципальными молодыми людьми» объединились в форме некоего «метафизического клуба» [4, р. 128]. В письме прямо не упоминаются ни Пирс, ни другие участники, за исключением Джеймса и Холмса. Остальные участники «клуба» упоминаются в другом письме того же года.

В 1869 г. У. Джеймс написал из Берлина письмо О. Холмсу, в котором говорилось, в частности, следующее: «Когда я вернусь домой, давайте создадим философское общество, которое будет проводить регулярные собрания и обсуждать только самые высокие и широкие вопросы – и чтобы оно было образовано только из самых мужественных жителей Бостона», и предсказал, что это «может вырасти во что-то очень важное по прошествии достаточного количества лет» [8, с. 508].

Современный исследователь прагматизма С. Хаак предлагает различать философский и юридический прагматизм. В своей статье 2005 г.,

посвященной не только трактовке юридического прагматизма, но прямо акцентирующей внимание на актуальности вопросов юридического прагматизма, сформулированных в сочинениях О. Холмса. Так, С. Хаак пишет: «В последнее время слово «прагматизм» появляется в названиях книг, глав и статей по философии права достаточно часто, чтобы создать впечатление, что среди ученых-юристов происходит своего рода ренессанс прагматизма. Однако когда вы посмотрите на содержание этих книг и статей, вы, вероятно, обнаружите, что вы более чем немного смущены тем, что представляет собой этот очевидный Ренессанс» [5, с. 71].

Весьма специфическую трактовку сущности прагматизма предложил английский правовед П.С. Атия, который, с одной стороны, истоки юридического прагматизма в английской традиции связал прямо с идеями О. Холмса, а с другой стороны, артикулировал убежденность в том, что прагматизм является некой характерной чертой англо-американской юридической мысли, через приоритет которой вообще она легко различается с европейской правовой культурой, ориентированной на логику [3, р. 5]. «Мы больше не верим в то, что юридические понятия и принципы имеют научную основу или могут быть объединены в взаимосвязанный ряд принципов, которые можно проследить до нескольких аксиом, – пишет П.С. Атия» [3, с. 91–92].

П.С. Атия построил своё исследование на идее контрастов или противопоставлений. При этом сразу же обращает на себя внимание то, что, отстаивая прагматизм как особый, актуальный и перспективный, упрекает рационализм и примат логики в праве, даже доходя до её полного отрицания (допуская применение юристами и судьями математической логики), автор, тем не менее, оказывается в пределах логических формул, без использования которых концепция его работы оказывается совершенно несостоятельной. Такими формулами служат для него контрасты или противопоставления. Автор не пытается объяснить прагматизм оригинальным содержанием этой концепции, а напротив, подчеркивает его значение как особой антиномии по отношению к теории и науке. Объясняя одну из таких контрастных характеристик, этот учёный пишет: «Помимо общего противопоставления теории и практики, или прагматизма, мы находим в юридической литературе постоянные ссылки на противопоставление логики и опыта, а также ссылки на различие между дедуктивным или априорным мышлением и индуктивным или эмпирическим мышлением. В более общем плане мы часто обнаруживаем, что понятия разума, рациональности или философского исследования противопоставляются прагматическому, практическому» [3, с. 6]. Из этих общих наблюдений Атия делает вывод о том, что прагматизм – это не что иное, как просто «общее отвращение к теории» и суть его в том, что он «решает правовые проблемы, используя любые подручные средства» [3, с. 6]. Причём, в интерпретации Атия, такого рода прагматизм выступает то в виде антилогизма, то в виде анти-академизма, то в виде реакции против «строгой логики» при принятии юридических решений и вообще в процессе юридической аргументации.

Ряд исследований истории «метафизического клуба» убедительно доказывает тот факт, что о прагматизме как движении впервые можно говорить не ранее 1898 г. Связано это с докладом о «философских концепциях и практических результатах» [6], который был прочитан У. Джеймсом перед «Философским союзом» Калифорнского университета. Об этом также писал и исследователь «Метафизического клуба» М. Фиш [4, с. 128]. В докладе Джеймса указывается на то, что основы или буквально «принципы» Пирса были озвучены им впервые на заседаниях «клуба», а впоследствии появлялись в печати в виде отдельных фрагментов. Но какой-то законченной теоретической формы они так и не достигли. Поэтому Пирс справедливо рассматривается как предтеча прагматизма. Сам Джеймс, характеризуя роль Пирса в формировании прагматизма, употреблял название «принципы практика-

лизма», отмечая, правда, что сам Пирс использовал всё же название «прагматизм» [6, р. 290].

В своём исследовании «метафизического клуба» М. Фиш документально подтвердил не только существование этого интеллектуального кружка, но то обстоятельство, что в «клубе» обсуждался широкий набор тем, среди которых были как сформулированная и развиваемая Холмсом прогностическая теория права, так и прагматизм Пирса. Прагматическая максима Пирса основывалась на утверждении о том, что значение той или иной концепции заключается в её практическом действии, эффекте, который соответствующая концепция оказывает. Прогностическая теория Холмса связывала значение той или иной юридической концепции с её воздействием на поведении судьи при разрешении конкретных дел.

Литература:

1. *Cornforth M.* В защиту философии: против позитивизма и прагматизма / М. Корнфорт. М., 2006. 302 с.
2. *Russell B.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней / Б. Рассел. М., 2004. 1003 с.
3. *Atiyah P.S.* Pragmatism and Theory in English Law / P.S. Atiyah. London, 1987. 315 p.
4. *Fisch Max H.* Was There a Metaphysical Club in Cambridge? – A Postscript Transactions of the Charles S. Peirce Society / H. Fisch Max. Vol. 17. № 2. 1981. P. 128–130.
5. *Haack S.* On Legal Pragmatism: Where Does' the Path of the Law' Lead Us? / S. Haack // American Journal of Jurisprudence. 2005. 50(1). P. 71–105.
6. *James W.* Philosophical Conceptions and Practical Results / W. James // University Chronicle. Vol. 1. Sept. 1898. № 4. P. 287–382.
7. *Llewellyn K.N.* On philosophy in American law / K.N. Llewellyn // Law Review and American Law Register. University of Pennsylvania. 1934. Vol. 82. № 3.
8. *Perry R.* The thought and character of William James / R. Perry. Oxford, 1935. Vol 1. 837 p.
9. *Schulz L.* Recht und Pragmatismus / L. Schulz // Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. P. 286–316.
10. *Wells C.* Legal Innovation Within the Wider Intellectual Tradition: The Pragmatism of Oliver Wendell Holmes / C. Wells // Northwestern University Law Review. Vol. 82. 1988. P. 541–595.

Literature:

1. *Cornforth M.* In Defence of Philosophy against Positivism and Pragmatism / M. Cornforth. M., 2006. 302 p.
2. *Russell B.* History of western philosophy and its connection with political and social circumstances from the earliest times to the present day / B. Russell. M., 2004. 1003 p.
3. *Atiyah P.S.* Pragmatism and Theory in English Law / P.S. Atiyah. London, 1987. 315 p.
4. *Fisch Max H.* Was There a Metaphysical Club in Cambridge? – A Postscript Transactions of the Charles S. Peirce Society / H. Fisch Max. Vol. 17. № 2. 1981. P. 128–130.
5. *Haack S.* On Legal Pragmatism: Where Does' the Path of the Law' Lead Us? / S. Haack // American Journal of Jurisprudence. 2005. 50(1). P. 71–105.
6. *James W.* Philosophical Conceptions and Practical Results / W. James // University Chronicle. Vol. 1. Sept. 1898. № 4. P. 287–382.
7. *Llewellyn K.N.* On philosophy in American law / K.N. Llewellyn // Law Review and American Law Register. University of Pennsylvania. 1934. Vol. 82. № 3.
8. *Perry R.* The thought and character of William James / R. Perry. Oxford, 1935. Vol 1. 837 p.
9. *Schulz L.* Recht und Pragmatismus / L. Schulz // Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. P. 286–316.
10. *Wells C.* Legal Innovation Within the Wider Intellectual Tradition: The Pragmatism of Oliver Wendell Holmes / C. Wells // Northwestern University Law Review. Vol. 82. 1988. P. 541–595.

Жаде Зуриет Анзауровна

доктор политических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
теории и истории государства
и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
zhadezura@yandex.ru

Мамишева Зара Аскарбиевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства
и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
mamicheva.zara@mail.ru

Беликов Александр Викторович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства
и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
agu-urfak@yandex.ru

**ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА В СИСТЕМЕ
СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ
К ПОНИМАНИЮ ПРАВА**

Аннотация. В статье анализируется либертарно-юридическая концепция права, ее основные достоинства и недостатки, а также, место и роль в системе современных подходов к пониманию права. Авторы отмечают, что в рамках либертарно-юридической концепции происходит развитие кантовского правопонимания, а правовой закон рассматривается в качестве воплощения свободы и социальной справедливости. Несмотря на критику либертарной концепции, либертарно-юридическое правопонимание, в целом, занимает важное место в отечественной юридической науке, выступая в качестве системного ответа на методологический кризис юриспруденции перестроечного периода.

Ключевые слова: государство, право, правовое государство, деспотизм, правосубъектность, правопонимание, либертаризм, юснатурализм, легизм, позитивизм, либертарное правопонимание, либертарно-юридическая концепция права.

Одним из наиболее уникальных и сложных феноменов жизнедеятельности общества выступает право, без которого в настоящее время невозможно нормальное функционирование

Zuriet A. Zhade

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of Department of Theory and History
of State and Law and Politology,
Adyghe State University
zhadezura@yandex.ru

Zara A. Mamisheva

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Theory and History
of State and Law and Politology,
Adygeya State University
mamicheva.zara@mail.ru

Alexander V. Belikov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
Theory and History
of State and Law and Politology,
Adygeya State University
agu-urfak@yandex.ru

**LIBERTARIAN-LEGAL CONCEPT
OF LAW IN THE SYSTEM
OF MODERN APPROACHES
TO THE UNDERSTANDING OF LAW**

Annotation. The article analyzes the libertarian-legal concept of law, its main advantages and disadvantages, as well as the place and role in the system of modern approaches to the understanding of law. The authors note that within the framework of the libertarian-legal concept, the Kantian legal understanding develops, and the legal law is considered as the embodiment of freedom and social justice. Despite the criticism of the libertarian concept, the libertarian-legal legal understanding as a whole occupies an important place in the Russian legal science, acting as a systematic response to the methodological crisis of the jurisprudence of the perestroika period.

Keywords: state, law, rule of law, despotism, personality, understanding, libertarianism, jus naturale, legalism, positivism, the libertarian understanding of law, liberty-legal concept of the right.

человеческого социума. При этом в истории правовой мысли на протяжении длительного периода развития происходили научные споры относительно сущности права, его происхождения и

основных функций. Данные дискуссии происходят и в настоящее время, следствием чего является формирование в рамках современной юридической науки ряда влиятельных концепций правопонимания. В отечественной теории права, как отмечает В.В. Григорьянц, происходит сложный процесс поиска правопонимания нового типа, которое соответствовало бы условиям развития современного общества, учитывало бы опыт исторического развития нашей страны и ее правовой системы, а также последние достижения правовой мысли [1]. Одной из самых интересных, спорных и, возможно, недооцененных концепций права является либертарно-юридическая концепция, на изучение основных положений которой, а также, основных достоинств и недостатков направлены интеллектуальные усилия авторов настоящей статьи.

Рассматриваемая теория, разработанная известным отечественным исследователем В.С. Нерсесяном, изначально представляла собой попытку пересмотреть марксистско-ленинскую концепцию государства и права, которая в течение нескольких десятилетий господствовала в советской юридической науке. Наименование «либертарная» («libertas» – свобода) рассматриваемая концепция получила вследствие того, что право, по выражению В.С. Нерсесяна, включает в себя свободу индивидов «онтологически, гносеологически и аксиологически». Слово «юридический» («jus» – право) здесь означает «правовой»; данное понятие использовано с целью обозначить отличие либертарного правопонимания от естественно-правового подхода (юснатурализм) и нормативистского подхода (позитивизм или легизм) [2, с. 4].

В работах В.С. Нерсесяна выделяется три определения права, которые являются равноценными. В рамках первого определения права оно рассматривается как система формального равенства, предполагающая уравнивание индивидов по общим правилам и нормам. Свобода индивидов в общественных отношениях, утверждаемая в форме правоспособности, выступает в качестве основополагающего критерия их уравнивания в правовой системе координат. Правовое равенство есть равенство субъектов права, являющихся свободными и независимыми. При этом здесь не предусматривается наличие одинаковых субъективных прав у всех субъектов, их состав может существенно отличаться. Здесь, таким образом, не идет речь о выходе формального равенства правовых лиц за рамки их правоспособности, выступающей в качестве абстрактной свободы, которая, в свою очередь, выражается в возможности приобретения и использования субъективных прав.

Второе определение права предусматривает его трактовку как всеобщей и необходимой формы свободы в общественных отношениях. Для всех субъектов правоотношений, физических и юридических лиц, право является общим источником их социальной свободы. Важное значение имеет то обстоятельство, что индивиды, с точки зрения либертарно-правопонимания, являются носителями свободы не только в качестве адресатов

норм права, но и выступают в качестве совместных творцов права. Правосубъектность в ее действительной и полной форме предполагает, с точки зрения В.С. Нерсесяна, и законотворческую правосубъектность индивидов, их соучастие в законотворческом процессе [3, с. 32]. Значение права заключается в том, что оно не только предоставляет гражданам и организациям определенные возможности, но одновременно и определяет рамки дозволенного поведения, способствуя пресечению произвола, злоупотреблений в различных сферах общественной жизни. Иными словами, право одновременно играет роль и источника свободы, и ее ограничителя. С точки зрения В.С. Нерсесяна, основной закономерностью общественного развития является движение от ограниченной свободы к полной свободе и равенству (здесь проявляется влияние гегелевской философии, немецкий философ, как известно, считал свободу основным достижением человеческой цивилизации и показателем уровня развития общества).

В третьем определении права, сформулированном в рамках либертарно-юридической концепции, оно рассматривается как всеобщая справедливость, входящее в понятие «право». Последнее, по утверждению В.С. Нерсесяна, является справедливым по определению. Справедливость же, в свою очередь, выступает в качестве «внутреннего свойства и качества права, категории и характеристики правовой, а не неправовой» (это означает, что справедливость не является моральной, нравственной или религиозной). «Справедливость ... воплощает собой и выражает общезначимую правильность, а это в своем рационализированном виде означает всеобщую закономерность, существо и начало права, смысл правового принципа всеобщего равенства и свободы» [3, с. 28]. Здесь уже видно влияние представлений другого великого немецкого мыслителя, И. Канта, ставящему во главу угла «права других людей». В соответствии с формулировкой И. Канта, «все моралисты и учителя должны настолько, насколько это возможно, представлять действия из доброты как действия по долгу и сводить их к праву»; «все действия и обязанности, проистекающие из права других людей, являются наивысшими среди обязанностей по отношению к другим. Все действия, продиктованные добротой, разрешены лишь постольку, поскольку они не противоречат правам других; если же противоречат, то такое действие морально запрещено»; «справедливость – это право, не предоставляющее никаких полномочий принуждать другого» [4, с. 36].

Выделенные положения сформулированы И. Кантом не в отношении, так называемого, позитивного права (философ допускал возможность государственного произвола, которое вполне может находить отражение в положениях действующего законодательства), а в отношении права естественного. Именно последнее в кантовской правовой теории является выражением свободы и разума. Либертарно-юридическая концепция здесь развивает правопонимание И. Канта, правовой закон здесь предстает как воплощение свободы и справедливости. Последняя, в

интерпретации В.С. Нерсесянца, является правовой оценкой всех неправовых явлений. Отсюда делается вывод, в соответствии с которым действия, отвечающие требованиям справедливости, представляют собой правомерные действия, базирующиеся на всеобщих правовых требованиях (право, по В.С. Нерсесянцу, и есть справедливость). Следует отметить, что данным исследователем были выделены два основных типа правопонимания, которые рассматривались как противоположные. Это юридический (jus-право) и легистский (lex-закон) типы правопонимания. Для первого характерно содержательное отношение к праву: в рамках данного типа правопонимания преобладает ориентация на выделение основополагающих признаков права, его сущностных характеристик как особой нормативной системы. Легистское правопонимание, в свою очередь, базируется на отождествлении права с нормами официального законодательства. Легистский тип правопонимания не предусматривает разделения права и закона: право определяется здесь как совокупность законов, которые принимаются в государстве в соответствии с определенными процедурами, установленными в текстах специальных нормативно-правовых актов.

Либертарная теория была отнесена В.С. Нерсесянцем к юридическому типу правопонимания, основанием для этого служит то обстоятельство, что в данной теории право и закон разделяются. Закон здесь определяется как «официально-властное нормативное явление», имеющее «законную силу принудительно-обязательного характера». В то же время, закон может быть как правовым, так и неправовым. Для правового закона характерно полное и адекватное выражение норм права в его официальной признанности, а также формальной определенности и общеобязательной нормативности. Право функционирует как система норм, установленных или санкционированных государством, которые обеспечивают возможность применения мер государственного принуждения. Государство и право в рамках данной концепции предстают как «две взаимосвязанные части единого по своей сущности способа, порядка и формы бытия, признания, выражения и осуществления свободы людей в их социальной жизни» [4, с. 37–38]. С учетом данного обстоятельства необоснованной является позиция представителей легистской школы, в соответствии с которой, либертарная концепция, как бы, отрывает право от государства: единство государства и права, напротив, является одним из принципиальных положений данной концепции. Государством, с позиций либертарно-юридического подхода, следует считать не любую публично-властную организацию, а только такую, которая руководствуется в своей деятельности принципами формального равенства и свободы индивидов.

По справедливому утверждению известного отечественного исследователя в области права В.А. Четвернина, «либертарное правопонимание начинается с утверждения, что право и государство суть необходимые формы свободы: правовые нормы – это нормативно выраженная свобода, а государство – властная организация,

обеспечивающая правовую свободу (институциональная форма свободы)» [6, с. 15]. При этом, в соответствии с представлениями В.С. Нерсесянца, государство может быть только правовым: сущность государства такова, что оно может функционировать исключительно в качестве организации публичной власти, создающей право и подчиняющей себя необходимости его обязательного исполнения. Этим либертарный подход кардинально отличается от традиционного позитивистского подхода к трактовке сущности государства, в рамках которого государственная власть рассматривается как сила, которая произвольно творит право и может сама ему не подчиняться (таким же образом право, с позитивистских позиций, может быть произвольно отменено или изменено государством). Государство представляет собой всеобщую форму власти, призванную устанавливать право и обеспечивать его действие в качестве закона, который является общеобязательным для всех субъектов права. Власть государства как публичная правовая власть реализуется именно в процессе «официально-властного правоустановления», т.е., «выражения общезначимой правовой сущности в виде общеобязательного закона» [2, с. 5].

С точки зрения В.С. Нерсесянца, любое государство как правовая форма общей или публичной власти представляет собой правовое государство (здесь, естественно, необходимо учитывать уровень развития самого права, характерный для определенной исторической эпохи). Государство характеризуется принципиальными отличиями от различных видов деспотизма, включающих тиранию, диктатуру, тоталитаризм и т.д. Последние выступают в качестве доправовой, неправовой и антиправовой формы выражения власти, ее организации и деятельности. Для данной формы характерно отрицание ценностей равенства, свободы и справедливости. Таким образом, мыслитель фактически противопоставляет государству как правовой форме организации публичной власти свободных индивидов деспотическому режиму, предусматривающему опору власти на преимущественно насильственные методы, и способы ее осуществления, и преобладание отношений господства-подчинения при силовом доминировании одних групп людей над другими. Необходимо отметить, что подобное противопоставление государства деспотизму является традиционным для политико-правовой мысли и отражено в трудах таких мыслителей прошлого, как Аристотель, Цицерон, Аврелий Августин, Фома Аквинский, Локк, Кант, Гегель и др. Оно также, как считает В.С. Нерсесянц, подкрепляется опытом различных исторических эпох, в том числе, практикой функционирования тоталитарных режимов в XX столетии, являющихся новейшей формой деспотического властвования, опирающейся на насилие в комплексе с отрицанием государственно-правовых начал.

Нельзя не согласиться с позицией В.С. Нерсесянца в том, что в соответствии с которой, современное правовое государство, характеризующееся закреплением и практической реализацией основополагающих прав и свобод, разделением властей как неотъемлемым атрибутом правовой

государственности, является в настоящее время наиболее развитой правовой формой существования государства. И в предыдущие исторические периоды имело место противостояние государства как формы практической реализации принципа выражения формального равенства противоположному по своей сути деспотическому типу властвования. По этой причине, и государство, и право выступают в качестве необходимых форм нормативного и властного выражения свободы, равенства и справедливости в общественной жизнедеятельности людей. Свобода индивидов находит выражение в их статусе как формально равных лиц, являющихся субъектами права и субъектами государства. Отсюда, и общее определение понятия «государство», являющейся правовой или базирующейся на принципе формального равенства, публично-властной организацией свободных людей. Государство и право, изначально сформировавшиеся в процессе разложения первобытного общества и пришедшие на смену существовавшим на данном этапе исторического развития нормам и властным институтам, являются необходимой и, по сути, единственно возможной формой признания и защиты свободы в форме правосубъектности людей в отношениях частного и публичного характера. Соответственно, последующие этапы развития государства и права следует рассматривать как прогрессирующие стадии реализации принципов равенства, справедливости и свободы в общественных отношениях.

Разработчиком либертарно-юридической теории была также создана оригинальная концепция гражданской или гражданской, гражданской собственности. Так, В.С. Нерсесянцем был предложен правовой способ перехода от социалистического к постсоциалистическому правовому строю, предусматривающий:

– безвозмездную передачу гражданам бывшей социалистической собственности (соответственно, данные объекты должны стать объектами общей собственности);

– право каждого гражданина на соответствующую долю должно было быть удостоверено соответствующим документом, иметь неотчуждаемый характер;

– все граждане также должны иметь счета и получать доходы от общей собственности.

На основе данного вида собственности должно произойти, по мнению В.С. Нерсесянца, возникновение нового постсоциалистического строя, обозначенный ученым как «цивилитарный строй». Этот строй характеризуется принципиальными отличиями от капитализма, поскольку в его рамках получают реальное воплощение

Литература:

1. Григорьянц В.В. Либертарно-юридическая концепция права: proetcontra / В.В. Григорьянц // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 9. URL : <http://human.snauka.ru/2018/09/25211> (дата обращения 02.02.2021).

2. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В.С. Нерсесянц // Вопросы философии. 2002. № 3.

«принципы равенства и справедливости», а также, будут существовать «более развитые формы собственности, свободы и права» [4, с. 36]. Признание гражданской собственности, как считает В.С. Нерсесянц, способствовало бы стабилизации ситуации в обществе в процессе проведения в нем рыночных преобразований, стать базой для формирования стабильного правового порядка, минимизации различных социальных конфликтов. В соответствии с итоговым выводом, сделанным мыслителем, «дальнейший прогресс свободы будет осуществляться по цивилитарной модели обогащения и дополнения опорного принципа формально-правового равенства новыми неотчуждаемыми субъективными правами» [4, с. 37].

Необходимо отметить, что положения либертарно-юридической концепции не свободны от некоторых недостатков, которые выделены в работах многочисленных критиков данной концепции. Ряд критических замечаний высказан, в частности, в адрес предложенного В.С. Нерсесянцем «цивилитарного строя». С точки зрения известного отечественного правоведа С.И. Архипова, этот строй является нежизнеспособным (данный исследователь называет его «правовым суррогатом коммунизма»). Основным недостатком модели гражданской собственности является несвободный характер последней с юридической точки зрения: в отношении данной собственности не предполагается возможность ее отчуждения управления ею. В этом, как отмечает С.И. Архипов, коренится тот недостаток, который присущ социалистическому строю с характерным для него распределительно-потребительским характером: такой же порок будет неизбежно сопутствовать цивилитарному строю в случае его создания (последний также предусматривает централизованную систему государственной бюрократии и всевластие чиновников, в руках которых будут находиться реальные рычаги управления собственностью) [7, с. 12–13].

Несмотря на критику либертарной концепции, либертарно-юридическое правовопонимание, в целом, занимает важное место в отечественной юридической науке. Начальный этап формирования данной концепции пришелся на советский период с характерными для него цензурой и авторитарным режимом, господством, так называемой, легистской трактовки права.

Либертарно-юридическая концепция явилась системным ответом на методологический кризис юриспруденции перестроечного периода, сыграв важную роль в преодолении господства позитивистского (нормативистского) или легистского типа правовопонимания, которое доминировало в сознании правоведов советской эпохи.

Literature:

1. Grigoryants V.V. Libertarian legal concept of law / Grigoryants V.V. // Humanitarian scientific research. 2018. № 9. URL : <http://human.snauka.ru/2018/09/25211> (date of application 02.02.2021).

2. Nersesyants V.S. Philosophy of law: libertarian-legal concept / V.S. Nersesyants // Questions of philosophy. 2002. № 3.

3. *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства / В.С. Нерсесянц. М. : Норма, Инфра-М, 1998.

4. *Нерсесянц В.С.* Философия права / В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 2005.

5. *Кант И.* Из «лекций по этике» (1780–1782 гг.) / И. Кант // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1988.

6. *Четвернин В.А.* Российская конституционная концепция правопонимания / В.А. Четвернин // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2004. № 4.

7. *Архипов С.И.* Либертарная теория права В.С. Нерсесянца: достоинства и недостатки / С.И. Архипов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2015. № 5.

3. *Nersesyants V.S.* Jurisprudence. Introduction to the course of the general theory of law and state / V.S. Nersesyants. M. : Norma, Infra-M, 1998.

4. *Nersesyants V.S.* Philosophy of law / V.S. Nersesyants. M. : Norma, 2005.

5. *Kant I.* From «lectures on ethics» (1780–1782) / I. Kant // Ethical thought: Scientific and journalistic readings. M., 1988.

6. *Chetvernin V.A.* The Russian constitutional concept of legal understanding / V.A. Chetvernin // Constitutional Law: Eastern European Review. 2004. № 4.

7. *Arkhipov S.I.* Libertarian theory of law V.S. Nersesyants: advantages and disadvantages / S.I. Arkhipov // Electronic Supplement to the «Russian juridical journal». 2015. № 5.

Жукова Юлия Владимировна
старший преподаватель,
подполковник полиции,
Сибирский юридический институт
МВД России
yulya_zhukova_70@mail.ru

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Аннотация. Наказание - одно из основных уголовно-правовых средств предупреждения преступлений. Одна из целей наказания имеет общепредупредительное значение. В статье автором приводится ретроспективный анализ уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, анализируется применение уголовного наказания, судебная практика по ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также приводятся систематизируются статистические данные по данному кругу проблем.

Ключевые слова: административная преюдиция, административно-правовые средства, безопасность дорожного движения, дифференциация уголовной ответственности, лишение свободы, медиана санкций, наказание, уголовно-правовые средства, уголовная ответственность, управление транспортным средством, состояние опьянения.

Наказание – одно из основных уголовно-правовых средств предупреждения преступлений. Одна из целей наказания имеет общепредупредительное значение.

Под результатом криминализации понимается совокупность норм уголовного права, содержащих перечень преступлений и предусмотренных за них наказаний, а также оснований и условий привлечения виновных к уголовной ответственности [1, с. 17].

Рассмотрим процесс криминализации и декриминализации еще и с точки зрения исторического аспекта. Первое упоминание об управлении пьяным лицом лошадью появилось в ст. 17 главы 22 Соборного уложения 1649 г. (Уложения царя Алексея Михайловича). В статье предусматривалось наказание в виде смертной казни, если лицо «с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадью ея стопчет и повалит, и тем ея обесчестит, или ея тем боем изувечит...», то такое лицо «казнити смертию» [2].

Jylia V. Gukova
Senior Lecturer,
Police Lieutenant Colonel,
Siberian Law Institute
Ministry of Internal Affairs of Russia
yulya_zhukova_70@mail.ru

THE PRACTICE OF APPLYING PUNISHMENT FOR VIOLATION OF TRAFFIC RULES BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

Annotation. Punishment is one of the main criminal means of preventing crimes. One of the objectives of the punishment is of general pre-emptive importance. The article provides a retrospective analysis of criminal liability for driving a vehicle in a state of intoxication, analyzes the application of criminal punishment, analyzes statistical data and judicial practice under Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: administrative prejudice, administrative legal means, road safety, differentiation of criminal liability, imprisonment, median of sanctions, punishment, criminal law means, criminal liability, driving, state of intoxication.

Таким образом, наказание в виде лишения жизни человека способствовало поддержанию порядка на дорогах и было вынужденной мерой со стороны государства. Важно подчеркнуть, что наказание середины XVII в. за управление лошадьми в состоянии опьянения стало прообразом современной уголовной ответственности (ст. 264.1 УК РФ).

За управление автомобилей в состоянии опьянения в советский период (ч. 1 ст. 211.1 УК РСФСР) – виновный подвергался наказанию в виде лишения свободы на 1 год, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до 100 руб. с лишением права управлять транспортными средствами на срок до 5 лет [3].

Различная общественная опасность содеянного влияла на дифференциацию уголовной ответственности:

– управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, совер-

шенное повторно в течение года (ч. 1). Виновный наказывался лишением свободы на срок до 1 года или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом в размере трехсот рублей с лишением водителя права управления транспортными средствами сроком от трех до пяти лет;

– то же действие, совершенное лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 211.1 УК РСФСР (ч. 2). По ч. 2 ст. 211.1 УК РСФСР – наказанию в виде лишения свободы сроком до 3-х лет с лишением водителя права управления транспортными средствами сроком на пять лет.

Обратим внимание на то, что УК РСФСР 1960 г. не содержал в системе наказаний такую меру предупреждения, как лишение водителя права управлять транспортными средствами. Данная мера применялась совместно с таким наказанием, как штраф и являлась правовым средством, осуществляющим превентивную функцию.

24 декабря 1992 г. статья 211.1 УК РСФСР была декриминализована [4], одни авторы утверждают, что норма показала свою несостоятельность [5, с. 216–223; 6, с. 216–223], другие отмечают, что ее убрали, т.к. исключили, в целом, административную преюдицию из Уголовного кодекса. Н.Ю. Акинина, А.А. Берндт [7, с. 83–86] утверждают, что законодатель при принятии Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. исключил административную преюдицию, т.к. она противоречила статье 50 Конституции Российской Федерации. Один из основных доводов о недопустимости административно-правовой преюдиции заключался в том, что, сколько бы ни было административных правонарушений, они не могут перерасти в преступление [7, с. 64–71]. Самой убедительной является позиция профессора А.В. Шеслера, согласно которой при криминализации деяния необходимо брать во внимание: общественную опасность деяния, которая представляет собой вредоносность, способную породить социальные негативные последствия приспособительного и преобразовательного характера, имеющие прецедентный характер [8, с. 136–141; 9, с. 85–90].

В период с 2002 г. по 2014 гг. повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения автоматически переносилось в сферу административного правоприменения, что стало устоявшимся правилом. В правильности и эффективности данного подхода был убежден и законодатель. Эффективность ответственности за ту или иную норму выступает отправным моментом реформирования законодательства не только об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения, но и повышении роли уголовного наказания.

Такой же позиции придерживается Конституционный суд [10]. Он выражает однозначную позицию «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств» [11].

Историко-правовой анализ показывает, что в советском законодательстве сложилась сложная ситуация. С одной стороны, уголовная ответственность по ч. 1 ст. 211.1 УК РСФСР наступала в случае, если повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения было совершено в течение того срока, на который виновный был лишен водительских прав. Если нарушение имело место после истечения этого срока, то водитель привлекался к административной ответственности в соответствии ч. 2 ст. 5 Указа Президиума Верховного совета СССР от 15 марта 1983 г. «Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения» [12]. Статья 22 того же Указа гласила, что если виновный вел себя примерно, добросовестно относился к труду, то срок лишения водительских прав мог быть сокращен наполовину. В советском государстве к борьбе с водителями, находящимися в состоянии опьянения, были подключены не только государственные органы, но и общественные организации, такие как: трудовые коллективы, комиссии по борьбе с пьянством при исполкомах, профсоюзные комитеты, товарищеские суды, советы профилактики и другие общественные формирования [13, с. 33–36]. Государство советского периода предпринимало всевозможные способы, чтобы избежать реализации уголовного наказания, т.к. оно считалось крайней мерой. Однако водители, не получающие строгого наказания, продолжали управлять транспортными средствами. Других осуждали по ст. 211.1 УК РСФСР только за сам факт управления транспортным средством в состоянии опьянения. Данная запутанная ситуация приводила к увеличению количества дел по автотранспортным преступлениям, не давая ожидаемого позитивного результата снижения аварийности на дорогах. Это заставило законодателя усомниться в целесообразности применения уголовной репрессии к водителям за сам факт управления транспортным средством в состоянии опьянения, хотя и повторный.

Возникает вопрос: Почему законодатель вновь криминализовал данное деяние? Криминализация деяния, в первую очередь, зависит от вредоносности преступного поведения виновного. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, зависит от степени устойчивости антисоциальных свойств личности преступника, являющихся источником преступного поведения (вредоносности), а также, в возможности повторности деяния, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ, в будущем. Степень общественной опасности (количественная характеристика) заключается в повторяемости (в значении повторной периодичности) управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения в будущем, но не идентичной, а усиленной объемом содержания. Если при первом деянии виновный управлял транспортным средством в состоянии опьянения, то при повторном – к управлению транспортным средством в аналогичном состоянии добавляется игнорирование ранее вынесенной официальной отрицательной оценки его поведения со стороны государства. Степень общественной опасности повторного деяния, отражает увеличенный объем деяния, преобразующийся в совершение

качественно нового преступления, совершаемого тем же лицом.

Во вторую очередь, к общественной опасности преступного деяния добавляется – ценность охраняемого уголовным законом блага. Необходимость криминализации действий, указанных в ст. 264.1 УК РФ, обусловлена потребностью в уголовно-правовой охране общественных отношений, нормальное функционирование которых создает состояние защищенности основных ценностей российского общества, закрепленных в Конституции РФ под которой понимается – общественная безопасность. Повторным управлением транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения создается угроза причинения вреда, в первую очередь, государству, т.к. виновный игнорирует решение судебных органов (органов государственной власти), во вторую очередь, он создает угрозу общественной безопасности. Правильной является позиция авторов, которые под общественной опасностью понимают свойство преступления производить в обществе отрицательные изменения и свойство повторения подобных деяний в будущем [14, с. 3–10]. Развивая данную мысль, профессор А.В. Шеслер очень точно, по нашему мнению, утверждает, что общественная опасность выражается во вредоносности преступления, т.е., в возможности причинения вреда общественным отношениям, а также в прецедентности, т.е., наличии у преступления свойств человеческой практики, возможности повторения подобных деяний в будущем [15, с. 25–32]. Применительно к действиям, указанным в ст. 264.1 УК РФ, свойство прецедентности заключается в том, что они представляют собой не единственный факт, а явление, несущее в себе определенный вид человеческой деятельности и возможность повторения его в будущем. Стойкость преступных намерений повышает прецедентность, а значит, сохраняется в дальнейшем угроза причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны – общественной безопасности.

Таким образом, именно качественно новый характер общественной опасности, его прецедентность переводят правонарушение в разряд преступления, дифференцируя их на определенные категории, а следовательно, должна быть дифференцирована и ответственность.

«Цель специального предупреждения в полном объеме будет достигнута только в том случае, когда лицо после воздействия на него наказания вообще не будет совершать преступлений» [16, с. 27]. Конечно, искоренить полностью преступность нельзя, однако, снизить рост преступлений, предусмотренных статьей 264.1 УК РФ применяя эффективные наказания, как я полагаю, возможно.

Рассмотрим эффективность уголовного наказания назначаемого по ст. 264.1 УК РФ.

Санкция ст. 264.1 УК РФ предусматривает четыре альтернативных вида основного наказания, в качестве обязательного дополнительного наказания санкцией статьи предусмотрено лишение права занимать определенные должности или

заниматься определенной деятельностью на срок до 3-х лет при назначении любого из перечисленных видов основного наказания.

Результаты анализа судебной статистики Верховного Суда РФ за период с 2017 г. по 2019 г. и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что вектор назначения наказания ориентирован на применение именно уголовных наказаний [17]. За 12 мес. 2019 г. по ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в нашей стране осуждено 59. 543 лица; больше всего применялись наказания: в виде обязательных работ – 40 979 (68,8 %); лишения свободы к 8.048 (13,5 %); штраф – 3.002 (5 %); принудительные работы – 187 (0,3 %) и 12,4 % – иные (судебный штраф, ограничение свободы, исправительные работы). Если применялось наказание в виде лишения свободы, то суды в 5865 (73 %) приговорах выносят наказание до 1 года (включительно). В общем массиве наказаний по Российской Федерации наибольший удельный вес составляют обязательные работы: 2017 г. – 76,9 %, 2018 г. – 72,7 %, 2019 г. – 68,8 %. С учетом требований ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации виновным назначается условное осуждение: 2017 г. – 9,6 %, 2018 г. – 11 %, 2019 г. – 11,8 %.

Наблюдается динамика широкого применения такого наказания в виде лишения свободы: 2017 г. – 7,5 %, 2018 г. – 10,4 %, 2019 г. – 13,5 % и уменьшением удельного веса обязательных работ. В структуре лишения свободы суды чаще назначают наказание в виде лишения свободы до 1 года, их удельный вес составляет: 2017 г. – 69,7 %, 2018 г. – 73,2 %, 2019 г. – 72,8 %.

Анализ приговоров по Сибирскому Федеральному округу за 2020 г. [18] с помощью методики исчисления средней шкалы назначения наказания показал общие тенденции:

1. Из четырех предусмотренных законом альтернативных видов наказаний применяются только три, ни в одном анализируемом приговоре не назначался такой вид наказания, как принудительные работы.
2. Обязательные работы – 76 приговоров, из них: 34 приговора (виновное лицо совершает преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ впервые), в среднем – 195 часов; 42 приговора (осужденный управлял транспортным средством в состоянии опьянения от 2 до 4 раз) – 252 часа обязательных работ. Согласно медиане санкций, виновный должен получить 270 часов обязательных работ.

Обратил внимание на себя приговор, провозглашенный в г. Ачинске (Красноярского края), где лицу, привлекаемому впервые, вынесли 400 часов обязательных работ в качестве основного наказания [19].

3. С лишением свободы – 19 приговоров в среднем на 7 мес. 9 дней (в 2 раза меньше медианы). Либеральное назначение санкций за данное деяние говорит о том, что суды не учитывают общественную опасность повторного управления

транспортным средством в состоянии опьянения, ориентируясь, скорее всего, только на категорию преступления.

4. Штраф – в 5 приговорах – в среднем сумма 150 тыс. руб. (на 100 тыс. руб. меньше медианы санкций), что свидетельствует о низкой экономической составляющей судебной практики.

5. При повторном совершении из 19 приговоров 6 приговоров, где подсудимые получили условное осуждение.

Таким образом, самостоятельное исследование практики назначения наказаний показало либеральность судей при вынесении приговоров за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Количество виновных, повторно совершающих управление транспортными средствами в состоянии опьянения, превышает количество лиц, впервые совершивших деяние, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ. Суды практически не применяют максимальные сроки наказания по данной статье, видимо, ориентируясь на категорию небольшой тяжести. Существующие санкции в данной статье и реализация их судами не в полной мере выполняют общепредупредительную задачу уголовного законодательства. Если не выполняется одна из основных задач уголовного законодательства, то и прецедентность преступности возрастает. Законодательная санкция ст. 264.1 УК РФ содержит четыре различных вида основного наказания, разные по своему содержанию, позволяющие дифференцировать и индивидуализировать уголовную ответственность, представляется, что судам необходимо более активно применять к лицам повторно совершившим управление транспортным средством в состоянии опьянения, такой вид наказания, как

Литература:

1. *Кудрявцев В.Н.* Основания уголовно-правового запрета / В.Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1982. С. 17.
2. Соборное уложение 1649 г. (извлечения). URL : <https://scicenter.online/istoriya-gosudarstva-scicenter/sobornoe-ulojenie-1649-100834.html>
3. Об усилении административной ответственности за нарушение Правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1968 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 26. Ст. 1009.
4. *Мальков С.М.* Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учеб. пособие / С.М. Мальков [и др.]. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. 128 с.
5. *Бастрыкин А.И.* Расследование транспортных преступлений / А.И. Бастрыкин // Проблемы и пути их разрешения : материалы российско-казахского научно-практического семинара. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015 г. С. 94–97.

лишение свободы либо его альтернативу принудительные работы. Законодатель не учитывает прецедентность управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, т.к. повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения не образует рецидива преступления; статья относится к преступлениям небольшой тяжести с учетом положений статей 18, 63, 68 УК РФ. Однако в диспозиции ст. 264.1 УК РФ имеется наличие судимости по ст. ст. 264.1, ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, которая никак не учитывается. А.Ю. Жуков предлагает при многократном управлении транспортным средством лицом в состоянии опьянения увеличить верхний предел санкции дополнительного наказания до 20 лет, ссылаясь на предусмотренную в законе возможность Особой части УК РФ (ч. 2 ст. 47 УК РФ) [6, с. 220]. Считаем, что изменение сроков дополнительного наказания не повлияет на устойчивость преступных действий и перевоспитание виновных, т.к. многие из них продолжают управлять транспортными средствами, будучи лишены права управления транспортными средствами. Важно при устойчивом преступном поведении не назначать наказания ниже медианы санкций, убрать условное осуждение, обязательные работы. Виновные должны осознавать, что за повторное управление транспортным средством неизбежно будет применяться лишение свободы. Это повысит уровень ответственности водителей транспортных средств, с одной стороны, с другой, позволит снизить численность зарегистрированных преступлений и, как следствие, повысит безопасность дорожного движения. Исследование судебной практики выявило ряд проблем при назначении наказания, что требует повышенного внимания по данному вопросу со стороны исследователей, прокуроров и судей.

Literature:

1. *Kudryavtsev V.N.* Bases of the criminal law prohibition / V.N. Kudryavtsev. M. : Nauka, 1982. p. 17.
2. Sobornoe ulozhenie 1649 g. (extracts). URL : <https://scicenter.online/istoriya-gosudarstva-scicenter/sobornoe-ulojenie-1649-100834.html>
3. On strengthening administrative responsibility for violation of Traffic Rules on the streets of cities, settlements and roads and the rules for using Vehicles: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of June 19, 1968 (expired) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1968. № 26. Art. 1009.
4. *Malkov S.M.* Criminal Law policy in the Russian Federation : textbook / S.M. Malkov [et. al]. Krasnoyarsk : SIBYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 128 p.
5. *Bastrykin A.I.* Investigation of transport crimes. Problems and solutions : proceedings of the Russian-Kazakh scientific-practical seminar / A.I. Bastrykin. M. : YUNITI-DANA, 2015. P. 94–97.

6. Жуков А.М. Проблемные вопросы назначения наказания при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьей 264.1 УК РФ / А.М. Жуков // Юридические науки. 2017. № 2 С. 216-223.
7. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.
8. Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики / А.В. Шеслер // Труды академии управления МВД России, 2018. № 2(46). С. 136–141.
9. Зыков Д.А. Понятие, основание и принципы криминализации и декриминализации деяний / Д.А. Зыков, А.В. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 1(26). С. 85–90.
10. О конституционном суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. 09.11.2020 г.). Ст. 1.
11. По делу о проверке конституционности положений ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : постановление Конституционного суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П.
12. Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения : указ Президиума Верховного совета СССР от 15 марта 1983 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 12. Ст. 174.
13. Что показали проверки применения нового антиалкогольного законодательства. // Социалистическая законность. 1985. № 10(612). С. 33–36.
14. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении / А.И. Марцев. Омск, 2000. С. 3–10.
15. Шеслер А.В. Содержание общественной опасности преступления / А.В. Шеслер // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : мевузовский сб. науч. Трудов. Вып. 5. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2002. С. 25–32.
16. Марцев А.И. Специальное предупреждение преступлений / А.И. Марцев. Омск, 1977. С. 27.
17. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ: отчет № 10.1 «О числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 12 мес. 2017 г.; отчет № 10.1 «О числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 12 мес. 2018 г.; отчет № 10.1 «О числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 12 мес. 2019 г. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения 16.01.2021).
6. Zhukov A.M. Problems of sentencing in criminal cases of crimes under art. 264.1 of the criminal code of the Russian Federation / A.M. Zhukov // Legal science. 2017. № 2. P. 216–223.
7. Lopashenko N.A. There is no administrative prejudice in criminal law! / N.A. Lopashenko // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2011. № 3. P. 64–71.
8. Shesler A.B. Criminalization and decriminalization as the direction of the law-making policy / A.B. Shesler // Proceedings of the Academy of the interior Ministry of Russia, 2018. № 2(46). P. 136–141.
9. Zykov D.A. The Concept of basis and principles of criminalization and decriminalization of acts / D.A. Zykov, A.V. Shesler // Bulletin of Vladimir law Institute. 2013. № 1(26). P. 85–90.
10. On the constitutional court of the Russian Federation : Federal constitutional law of 21.07.1994. № 1-FKZ (ed 09.11.2020 g). Art. 1.
11. In the case of check of constitutionality of provisions of article 212.1 of the Criminal code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen I. I. Dading : the decision of the constitutional court of the Russian Federation of February 10, 2017. № 2-P.
12. On administrative responsibility for violation of traffic rules: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 15, 1983 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1983. № 12. Art. 174.
13. What did the inspections of the application of the new anti-alcohol legislation show? // Socialist legality. 1985. № 10(612). P. 33–36.
14. Martsev A.I. General questions of the doctrine of crime / A.I. Martsev. Omsk, 2000. P. 3–10.
15. Shesler A.V. The content of the public danger of crime / A.V. Shesler // Actual problems of the theory of combating crime and law enforcement practice : mevuzovsky sb.nauch. Works. Iss. 5 Krasnoyarsk : Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. P. 25–32.
16. Martsev A.I. Special crime prevention / A.I. Martsev. Omsk, 1977. p. 27.
17. The data of judicial statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: report № 10.1 «On the number of prosecuted and types of criminal punishment» for 12 months. 2017; report 10.1 «On the number of prosecuted and types of criminal punishment» for 12 months. 2018; report № 10.1 «On the number of prosecuted and types of criminal punishment» for 12 months. 2019. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (date of application 16.01.2021).

18. Приговоры по ст. 264.1 УК РФ (выборка по Сибирскому Федеральному округу). URL : <https://sudact.ru/regular/doc/>

19. Постановлением мирового судьи судебного участка № 3 в г. Ачинске Красноярского края. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/vkkSFtNsQpVv/> (дата обращения 04.02.2021).

18. Sentences under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (sample for the Siberian Federal District). URL : <https://sudact.ru/regular/doc/>

19. The ruling of the magistrate court plot № 3 in Achinsk in Krasnoyarsk region. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/vkkSFtNsQpVv/> (date of application 04.02.2021).

Звонов Андрей Викторович

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
криминологии и организации
профилактики преступлений
юридического факультета,
Академия ФСИН России,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Юридический институт Владимирского
государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
Aasavin33@mail.ru

Савин Андрей Александрович

старший преподаватель
кафедры публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Мешков Денис Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры ФПиТД,
Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
Meshkov33@mail.ru

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА,
ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ
ДЕЯНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ: ИХ ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ**

■ ■ ■

Аннотация. Изучение обстоятельств, которые исключают преступность деяния в действиях, является важным для правоприменительной практики и юридической науки. Данный фактор затрагивает принцип справедливости, который лежит в основе принятия решения при привлечении лица к ответственности. В настоящем кратком исследовании авторами сделана попытка сделать более понятным критерий отграничения виновного поведения от необходимого поступка, пусть и содержащего формальные признаки противоправного деяния.

Ключевые слова: противоправное деяние, преступное поведение, вина, невиновный поступок.

■ ■ ■

Отечественным уголовным законодательством достаточно конкретно закреплены обстоятельства, которые исключают преступность деяния, что отражено в ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ).

Andrei V. Zvonov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Criminology and Organization
Crime Prevention
Faculty of Law,
Academy of the Federal Penitentiary
Service of Russia,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Law Institute of Vladimirsky State University
named after A.G. and N.G. Stoletovs
Aasavin33@mail.ru

Andrei A. Savin

Senior Lecturer
Departments of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Aasavin33@mail.ru

Denis N. Meshkov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of FPiTD,
Vladimir State
A.G. and N.G. Stoletovs University
Meshkov33@mail.ru

**CIRCUMSTANCES PRECLUDING
THE CRIMINALITY OF THE ACT
IN RUSSIAN CRIMINAL LAW:
THEIR CONCEPT AND MEANING**

■ ■ ■

Annotation. The study of circumstances that exclude the criminality of an act in actions is important for law enforcement practice and legal science. This factor affects the principle of justice, which is the basis for making decisions when bringing a person to justice. In this brief study, the authors attempt to make more clear the criterion for distinguishing guilty behavior from a necessary act, even if it contains formal signs of an illegal act.

Keywords: illegal act, criminal behavior, guilt, innocent act.

■ ■ ■

Совершенный проступок, хоть и имеющий формально все признаки состава преступления, но совершенный при обстоятельствах, указанных в вышеуказанной норме права, является основанием для освобождения лица от уголовного

преследования [1]. Среди ученых сформировалось устойчивое мнение о том, что «если лицо вначале совершило преступление (т.е., возникло основание для уголовного преследования), а потом, либо в силу позитивного посткриминального поведения (например, деятельное раскаяние), либо при наступлении определенных событий (например, по истечении сроков давности), то такое лицо освобождается от потенциальной уголовной ответственности за совершенное им преступление» [2].

Обстоятельства освобождения от уголовной ответственности, как уже указывалось выше, нашли свое место в главе 8 Общей части УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», однако их перечень несколько сократился по сравнению с УК РСФСР 1960 года, который кроме того содержал в качестве основания необходимую оборону и крайнюю необходимость [3]. Такие обстоятельства характеризуются рядом схожих признаков, которые и выделяют их в особую группу. Признаков несколько: первый состоит в том, что все перечисленные выше обстоятельства являются сознанными поступками человека и одновременно, регулируемые его волевой сферой, которые проявляются в форме действия (например, осознанное, намеренное нанесение телесных повреждений лицу при необходимой от него обороне) или бездействия (например, осознанное невыполнение приказа). Т.е., в основе находятся два качества совершенного действия или бездействия – осознанность и проявление воли. По этой причине исключение составляет причинение вреда в результате принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием) (ч. 1 ст. 40 УК). В таком случае лицо действует (или бездействует) помимо (или вопреки) своей воли, т.е., отсутствует вторая характеристика действия – проявление воли; тогда данное обстоятельство по своей юридической природе и признакам отличается от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые предусмотрены в гл. 8 УК РФ.

Второй же признак характеризует основания, которые вызваны исключительными событиями, процессами или действиями, которые обосновывают и оправдывают необходимость совершения таких поступков. Объясняется это тем, что указанные поступки всегда связаны с причинением существенного вреда интересам третьих лиц, которые охраняются уголовным законом от подобных, внешне схожих с ними преступных посягательств (например, при попытке изнасилования и причинение физического вреда насильнику).

Если при крайней необходимости действие лица выражается в причинении вреда различным охраняемым уголовным законом интересам, то ее основанием выступает грозящая опасность, неустраняемая в данной обстановке иными средствами (например, пожар, наводнение), и т.д. [4].

Следующий признак проявляется внешним сходством фактических признаков совершенного поступка и, возможно, грозящем исполнением

деяния (например, лишение жизни нападавшего, который нападал с целью убийства) [5].

Еще один признак выделенных действий – социальное содержание указанных поступков. Социальное содержание преступления уголовный закон определяет через категорию «общественная опасность», что следует из ч. 1 ст. 14 УК РФ, что говорит о «непреступности» рассматриваемых действий, т.к. не являются общественно опасными. Большинство из указанных поступков являются общественно полезными, т.е., соответствующими охраняемым законом интересам личности, общества или государства [6].

Вместе с тем, мы не исключаем, что в ряде случаев поступки могут и не быть общественно полезными, как например, причинение вреда в состоянии крайней необходимости. В таких случаях они признаются социально допустимыми или, как принято говорить, общественно нейтральными, но целесообразными.

Являясь поступком правомерным, не являющимся преступным, т.е., не запрещенным под страхом наказания особенной частью УК РФ, то такие действия являются очередными признаками рассматриваемых нами выделенных действий. Необходимо отметить, что характеристика каждого из анализируемых поступков в УК РФ начинается со слов: «Не является преступлением». Положительная же характеристика их юридической формы состоит в том, что все они являются поступками правомерными. Об этом прямо указывается в ч. 2 ст. 36 УК РФ, где защита от посягательства определяется как правомерная. Требования п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ заключаются в признании в качестве смягчающих обстоятельств: правомерное оказание необходимой обороны, крайней необходимости и иных схожих. Под правомерностью же понимается осуществление своего субъективного права лицом, исполнение юридической обязанности или исполнение властного требования.

Очередным признаком выделенных действий является уголовно-правовой результат совершения рассматриваемых нами правомерных поступков. Они, в первую очередь, заключаются в том, что не признаются преступными, так как они исключают общественную опасность и уголовную противоправность причинения вреда интересам, охраняемым уголовным законом.

Таким образом, обстоятельства, исключающие преступность деяния, – это внешне сходные с преступлениями общественно полезные (социально приемлемые) и правомерные поступки, исключающие основу уголовной ответственности за вред, причиненный интересам, охраняемым уголовным законом. При определении видов обстоятельств, исключающих преступность деяния, дискуссионными являются вопросы о самом круге этих обстоятельств и критериях деления их на виды.

К числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, относятся такие правомерные поступки, признаки которых соответствуют общему

понятию указанных обстоятельств, сформулированному выше, и которые предусмотрены не только в УК, но и в иных нормативно-правовых актах.

Наиболее типичные среди них – осуществление своего права на необходимую оборону, крайнюю необходимость при задержании преступника, оправданный (обоснованный) риск, выполнение профессиональных обязанностей, исполнение закона, приказа или приговора, исполнение обязанностей воинской службы, врачебное вмешательство и др. Обращаем внимание на то, что данный перечень обстоятельств не является исчерпывающим.

Обстоятельства, которые исключают преступность деяния, могут квалифицироваться по-разному. Для уголовного законодательства важным критерием такой квалификации является совокупность признаков, обосновывающих правомерность поступка, что разделяет их на три группы:

– осуществление лицом своего субъективного права;

Литература:

1. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании : учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М. : Издательство Зерцало. 2018. 566 с.
2. Мельниченко А.Б. Уголовное право. Общая и Особенная часть : учеб. пособие / А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский. М., ИМЦ ГУК МВД России, 2015. 616 с.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практическое издание) / Под общ.ред. В.В. Мозякова [и др.]. М. : «Книга-Сервис», 2015. 822 с.
4. Леонтьевский В.А. Освобождение от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Леонтьевский. Самара, 2019. 44 с.
5. Козаченко И. Освобождение от уголовной ответственности за незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами / И. Козаченко, И. Симакова // Уголовное право. 2019. № 1. С. 53.
6. Келина С.Г. Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / С.Г. Келина. М., 2016. С. 44

– выполнение правовой обязанности;

– осуществление властных полномочий.

Учеными в значительном количестве исследовался вопрос наличия границ между преступлением и поступком, исключающим противоправность в действиях. Обобщенным выводом явилось то, что факторы, исключающие преступность в деянии, – это внешне сходные с преступлениями общественно полезные (социально приемлемые) и правомерные поступки, исключающие основание уголовной ответственности за вред, причиненный интересам, охраняемым уголовным законом.

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости дальнейшего исследования института освобождения от уголовного преследования по различным основаниям, в связи постоянно дополняющейся и изменяющейся судебной практикой, которая следует одновременно с развитием современного общества, что является позитивным результатом в цивилизованном обществе.

Literature:

1. Course of criminal law. The general part. Volume 2: The Doctrine of Punishment : textbook for universities / Ed. by N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. M. : Zertsalo Publishing House. 2018. 566 p.
2. Melnichenko A.B. Criminal law. The General and Special part : textbook / A.B. Melnichenko, S.N. Radachinsky. M., IMC GUK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 616 p.
3. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (scientific and practical edition) / Under the general ed. V.V. Mozyakova, S.I. Girisal [et al.]. M. : «Book-Service», 2015. 822 p.
4. Leontievsky V.A. Exemption from criminal liability : abstract. dis ... cand. jurid. Sciences / V.A. Leontievsky. Samara, 2019. 44 p.
5. Kozachenko I. Liberation from criminal liability for illegal actions with narcotic drugs and psychotropic substances / I. Kozachenko, I. Simakova // Criminal Law. 2019. № 1. P. 53.
6. Kelina S.G. Theoretical problems of exemption from criminal liability : abstract. dis. ... doctor of Law. Nauk / S.G. Kelina. M., 2016. P. 44

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov

Doctor of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
aleksandrignatov@mail.ru

**НАСИЛИЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ
ТРЕНД ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЧАСТЬ 1:
ДОИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД**

**VIOLENCE AS A FUNDAMENTAL
TREND IN THE CIVILIZATIONAL
DEVELOPMENT OF HUMANKIND.
PART 1: PRE-INDUSTRIAL PERIOD**

Аннотация. Осуществлено исследование насилия как многомерного феномена в динамике социокультурной эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию и рефлексии в контексте традиционного (доиндустриальный период) и техногенного (индустриальный и постиндустриальный период) этапов цивилизационного развития. Выявлено, что на протяжении всей эволюции человечества насилие выступает в качестве одного из фундаментальных трендов данного процесса. Статья посвящена исследованию феномена насилия в социокультурной эволюции человечества в доиндустриальный период цивилизационного развития.

Annotation. The study of violence as a multidimensional phenomenon in the dynamics of the socio-cultural evolution of humankind and the transformations of the main approaches to its understanding and reflection in the context of the traditional (pre-industrial period) and technogenic (industrial and post-industrial period) stages of civilizational development is carried out. It has been revealed that throughout the evolution of humankind, violence acts as one of the fundamental trends in this process. The article is devoted to the study of the phenomenon of violence in the socio-cultural evolution of humankind in the pre-industrial period of civilizational development.

Ключевые слова: насилие, общество, человечество, цивилизационное развитие, тренд, доиндустриальный период.

Keywords: violence, society, humankind, civilizational development, trend, pre-industrial period.

Насилие как один из противоречивых и сложных социокультурных феноменов издавна является объектом исследовательского интереса представителей разных сфер гуманитарного и естественнонаучного знания – историков, философов, правоведов, политологов, культурологов, психологов, социологов, биологов, археологов и др. Результатом соответствующих исследований стали уже вошедшие в научный оборот термины: «антропология насилия» [1], «социология насилия» [2], «социальная антропология насилия» [3], «археология насилия» [4] и т.п. Если первые понятия характеризуют разные формы насилия как специфические поведенческие акты индивидов и групп во внутреннем и межкультурном общении, то последнее отображает его специфику с помощью реконструкции элементов культурных практик (ритуалов, обрядов, военного дела и др.).

чрезвычайно сложном и неоднозначном характере феномена насилия. Таким образом, феномен насилия относится к тому узкому, но чрезвычайно важному кругу антропологических проблем, от принципиального решения которых зависят судьбы целых поколений истории [5, с. 94–104].

В психологии, социологии, политологии насилие рассматривается преимущественно как деструктивное явление. Философское осмысление культурного наследия древних, традиционных и современных обществ позволяет сделать вывод о

Исследование природы насильственного поведения, лежащего в основе выделения отдельного вида преступности – насильственной преступности, является одной из важнейших задач криминологической науки и теоретико-методологическим основанием выработки эффективного механизма комплексных мероприятий противодействия как уголовному насилию в частности, так и преступности в целом. При этом специфика данного вида преступности обуславливает изучение, прежде всего, самого насилия как многомерного феномена в динамике культурно-исторической эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию в контексте социального познания.

Одна из основных проблем в исследовании феномена насилия заключается в раскрытии его сущностной специфики, а также, особенностей его репрезентации в различные эпохи становления человеческого общества средствами методологии социально-гуманитарного знания. Подобная проблематизация позволяет выделить и сравнить основные подходы к пониманию насилия в контексте сложившихся в мыслительной культуре ключевых концептуальных трендов, выявить роль и место насилия, а также сформулировать закономерности его применения в социальных отношениях. Применяемый нами интервальный подход [6, с. 34–36; 7; с. 129–133], используемый в качестве методологии многомерного постижения насилия как социокультурного феномена, делает возможным определение его сущностных характеристик в многообразии проявлений и интерпретаций. Такая постановка проблемы способна стать теоретико-методологической основой инновационной концепции криминологии уголовного закона, предполагающей предельно широкое рассмотрение насилия как основного критерия оценки преступности человеческого поведения, который может быть сформулирован с учётом всех социокультурных факторов его социокультурной динамики.

Насилие является характерной чертой не только нашего времени, но и всех предыдущих эпох культурно-исторической эволюции человечества. Специалисты в области гуманитарного знания связывают рост отрицательных явлений в социальной среде с разными переломными моментами общественных трансформаций.

Для ответа на вопрос о том, какие факторы влияли на историческую динамику и трансформацию феномена насилия в человеческом обществе и его рефлексию социумом, необходимо исследовать насилие в контексте традиционного и техногенного этапов цивилизационного развития. Первый относится к доиндустриальному периоду (традиционное общество), а второй – к индустриальному и постиндустриальному. Такое разделение процесса цивилизационного развития человечества оправдано с точки зрения тех важнейших достижений человечества, которые определили его развитие и переход на современный, качественно новый уровень социокультурной эволюции. Попробуем проанализировать каждый из этапов, уделяя основное внимание роли и месту насилия в жизни человека и общества.

Итак, в контексте заявленной проблемы обратимся к социокультурному анализу эволюции феномена насилия в традиционном обществе.

Анализируя цивилизационные трансформации, Э. Тоффлер абсолютно справедливо утверждает, что большая часть истории человечества демонстрирует себя как «летопись насилия» [8, с. 39].

В традиционных обществах насилие проявлялось в форме крайней агрессивной реакции на «чужого», выражающейся во враждебности и часто приводившей к уничтожению этого «чужого». За владение местом существования и ресурсами велись межплеменные войны, в которых гибли или

ассимилировались целые народы. В первобытном сознании «чужой» воспринимался как враг, подлежащий уничтожению, и в глазах охотника эпохи палеолита убийство чужака было убийством в меньшей степени, нежели добыча зверя [9, с. 7–15, 25–27]. В то же время, убийство родственника или причинение ему другого существенного вреда были осуждаемыми и наказуемыми действиями. Здесь кроется стремление, объективно детерминирующееся, к сохранению рода.

Одним из примеров трансформации феномена насилия и его рефлексии первобытным обществом является такое явление, как каннибализм. Обусловленное врожденными инстинктами стремление выжить в условиях жесткого ограничения природных ресурсов, прежде всего, пищи, приводило к употреблению в пищу убитых людей. При этом степень потребности (прямо пропорциональная наличию доступных источников пищи) служила мерилем допустимости уничтожения окружающих – чужаков, родственников, соплеменников и т.п. В дальнейшем, в меру эволюции, примитивизм потребности приобрел форму ритуала, обычая, а расширение ресурсной базы отображалось на регуляции допустимости уничтожения людей той или другой категории (родственников, соплеменников и т.п.).

Расчеты показателей насилия в разные времена и в разных культурных мирах связаны с огромными трудностями. Прежде всего, это чрезвычайная неоднозначность представлений о насилии в разных исторических эпохах и культурах. Даже более конкретное понятие убийства не поддается однозначному кросс-культурному определению. Как отмечает в своей работе «Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии» А.П. Назаретян, первобытные люди, оставляя «лишних» грудных детей на стоянках и тем самым сознательно обрекая их на смерть, совсем не усматривали в этом деянии акт насилия или убийства [1, с. 72]. Данный пример является яркой иллюстрацией изменений феномена насилия в динамике культурно-исторической эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию в контексте социального познания. Насильственный для нашего современника акт инфантицида не рассматривался представителями доиндустриального общества этапа родоплеменного порядка как насилие, а использовался как социальный регулятор. Налицо очевидная диалектика: насилие в древнем обществе и насилие в современном обществе – разные по своей сути, если не сказать противоположные, понятия, трактовка и применение которых зависит от соответствующего интервала абстракции как совокупности начальных ценностей, традиций, норм, обычаев. Если для нас, носителей ценностей европейского культурного самосознания, акт убийства ребенка – это преступное насилие, то для представителя родового сознания архаического общества – необходимая для выживания мера по поддержке демографического баланса. Таким образом, с давних времен можно наблюдать такой характерный для насилия признак, как его неправомерность (противоправность,

запрещенность), что определяет допустимость применения или же непринятие его тем или иным обществом.

В целом, многие источники подтверждают тот факт, что составляющая насильственных смертей в первоначальных сообществах была очень высокой. Например, известный американский ученый, представитель эволюционистского направления в биологии Дж. Даймонд, обобщив свои многолетние наблюдения и критически осмыслив данные коллег, резюмировал: «В обществах с племенным укладом ... большинство людей умирают не своей смертью, а в результате намеренных убийств» [10, с. 27]. К этому следует относить и инфантицид, бывшим стандартным демографическим регулятором, и обычное для первобытных людей истребление чужаков, воспринимавшихся как угроза племени, роду, а также между- и внутривременные конфликты.

Таким образом, насилие является более примитивным и естественным способом решения противоречий и конфликтов, чем ненасилие и компромисс. Общий уровень развития первобытного человека, руководствовавшегося инстинктами (и далеко не в последнюю очередь – инстинктом агрессии), определил специфику его поведения, которое для других эпох и культур считается диким и деструктивным. И дело здесь не в «неразвитости рефлексии», в примитивных обществах наблюдается своя рациональность, а именно использование таких поведенческих актов, которые были эффективны для выживания племени и рода.

Тем не менее, нельзя утверждать, что динамика социальных отношений демонстрирует снижение потенциала насилия и интенсивности его эскалации. Как свидетельствует история, на следующем этапе социального развития – в эпоху господства средневековой религиозной культуры – насилие становится официально санкционированной формой общественной регуляции.

Секулярное общество, базируясь на особом статусе католической церкви и папства в частности, культивировало идею крестовых походов. Так, североафриканский епископ святой Августин в своих религиозно-философских убеждениях сначала выступал против насилия: «Моя начальная мысль, – пишет он, – состояла в том, что никто не должен быть принужден к единству Христову, что нужно действовать словом, биться размышлением, побеждать умом, чтобы не сделать притворными католиками тех, кого мы знали открытыми еретиками» [11, с. 1522–1597], но позднее, созерцая греховное состояние своих современников, утверждал, что они могут быть принуждены к добру лишь силой. Он подчеркивал необходимость применения оправданного насилия, объясняя, что и война может быть законной, если ведется при строгих условиях. Со временем его сложная концепция подверглась значительному упрощению и была использована для демонстрации следующего тезиса: поскольку насилие может быть оправдано, оно приемлемо в глазах Бога. С учетом этого были сформулированы три принципа праведной войны: признание и

утверждение ее законного статуса (т.е. объявление войны «законной властью», такой как король или епископ); необходимость защиты от вражеской атаки или возврат утраченной территории («благочестивая причина»); ведение войны с «правильными намерениями», то есть с минимально возможным насилием [11, с. 1522–1597].

Известно, что в течение всей средневековой истории католическая церковь – социальный институт как в Западной Европе, так и во многих других странах – соревновалась со светской властью, претендуя на расширение своего влияния разными средствами, важнейшим из которых стала практика инквизиции. Инквизиция играла роль трибунала католической церкви, карательного органа, инструмента не только религиозного воздействия, но политического и социального насилия. Проводя социально-философский анализ инквизиции как института политического насилия средневековья, О.А. Коврижных указывает: «Политическое и социальное насилие со стороны короля, церкви и папства носило религиозный характер. Ересь преследовалась в том случае, если это было удобно папе, королю или другим высокопоставленным лицам. Одним из дополнительных источников доходов церковной и королевской казны была продажа индульгенций – грамот отпущения грехов, которые оправдывали различные преступления. Торговля моральными принципами и моралью была очень удобной и служила примером преступной деятельности церкви и государства. Политическому и социальному насилию в то время (как и сейчас) оказывали содействие следующие факторы:

– страх (перед богом, людьми, господином (начальником), общественным мнением, совестью и т.п.);

– агрессия, формирующая образ врага;

– суггестия (или внушение, убеждение) как метод манипулирования общественным поведением и сознанием отдельного человека» [12].

Итак, уже в эпоху религиозного средневековья мы можем наблюдать начало одной из ключевых трансформаций феномена насилия: из насилия как способа выживания (так называемого, «низшего насилия») оно трансформируется в «насилие власти», что является характерной чертой современной цивилизации. Человек, который научился еще в первобытную эпоху использовать насилие как средство достижения различных целей (сначала руководствуясь инстинктами, а позднее – более сложным комплексом факторов детерминации поведения и его мотивов), улучшив социовитальные условия своего существования, начинает использовать насилие вместе с богатством и знаниями как источник (средство получения) власти.

Суть данной трансформации доступно изложил в своей работе «Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI столетия» современный американский исследователь Э. Тоффлер. Рассматривая насилие в качестве одного из источников власти вместе с богатством и знаниями,

он подчеркивает, что применение первого источника было наиболее характерным для традиционных, т.е. доиндустриальных обществ. Основное внимание людей той эпохи было обращено на выживание в естественной среде, борьбу за территорию, пищу, жилье. В современных обществах применение насилия характеризует лишь малофункциональную власть – «власть низшего качества», ограниченную и неспособную на диалог и компромисс. Тем не менее, она все же не покидает историческую арену: «Не подлежит сомнению, что насилие, воплощенное в ноже уличного грабителя или в ядерной ракете, может дать пугающие результаты. Тень насилия, или силы, отображенная в законе, стоит за каждым действием правительства, и в результате любое правительство полагается на солдат и полицию в деле придания силы своей воле. Эта вездесущая и необходимая угроза официального насилия в обществе помогает поддерживать систему в рабочем состоянии, обеспечивая рядовые контракты в области бизнеса применением силы или угрозой таковой, снижая уровень преступности, создавая механизм для мирного решения расхождений. Парадоксально, но эта завуалированная угроза насилия дает возможность сделать ежедневную жизнь ненасильственной. Но насилие в целом наталкивается на серьезные препятствия. Прежде всего, оно подстрекает нас носить с собой баллончик с «мейсом» или запускать гонку вооружений, повышающую степень риска для всех. Даже когда оно «срабатывает», насилие порождает сопротивление. Жертвы и уцелевшие ждут первого удобного случая, чтобы нанести удар в ответ. Главная слабость грубой силы кроется в ее абсолютной негибкости. Насилие может быть использовано лишь для наказания. Если коротко, оно – низкокачественная власть» [8, с. 39–40].

В то же время, следует учитывать положительное влияние интенсивного распространения религиозных убеждений в части духовного развития человека, утверждения базовых человеческих ценностей и формирования установки на их охрану. Именно этот фактор сыграл значительную роль в социальной рефлексии насилия, в частности в ограничении его проявлений в жизни человека.

Литература:

1. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии / А.П. Назаретян. М. : Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
2. Денисов В.В. Социология насилия: критика современных буржуазных концепций / В.В. Денисов. М. : Политиздат, 1975. 212 с.
3. Социальная антропология насилия / под ред. В.Н. Ярской. Саратов : Саратовский гос. технический ун-т, 2005. 115 с.
4. Бородавский А.П. Археология насилия (интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразит. комплексов) /

Как абсолютно точно отмечает Д. Хокинс, на самом деле, основатели мощнейших мировых религий были бы сильно удивлены, узнав о далеко не благочестивых поступках, совершенных от их имени на протяжении всей истории, поступки, которые заставили бы содрогнуться даже язычников. Насилие всегда искажает истину в своих эгоистических целях. С течением времени, духовные принципы, лежащие в основе всех религий, перекручиваются в корыстных целях, например ради достижения власти, денег и других земных благ. В то время, как духовность терпима, религиозность, чаще всего, фанатична. Первая ведет к миру, а вторая приводит к соперничеству, кровопролитию и религиозным преступлениям. Тем не менее, внутри каждой религии существуют скрытые основы духовности, от которых она берет свое начало [13, с. 167].

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что насилие имеет глубинную антропологическую природу: изменяясь на протяжении эпох, насилие не уходит из человеческой жизни, изменяются лишь формы и способы его актуализации. Каждому обществу на определенном этапе его развития соответствует определенный уровень и формы проявления насилия. Используя обусловленную врожденными инстинктами способность влиять (вплоть до физического уничтожения) на окружающих людей, уже в первобытные времена человек научился использовать насилие как средство достижения разных целей, а улучшив на следующих этапах эволюции социовитальные условия своего существования, начинает активно использовать насилие вместе с богатством и знаниями как источник (средство получения) власти. Уже в эпоху религиозного средневековья, когда насилие становится официально санкционированной формой общественной регуляции, можем наблюдать начало одной из ключевых трансформаций феномена насилия: из насилия как способа выживания оно трансформируется в «насилие власти», что является характерной чертой современной цивилизации. В то же время, духовное развитие человека существенно влияет на социальную рефлексии насилия и специфику его проявлений.

Literature:

1. Nazaretyan A.P. Anthropology of violence and culture of self-organization: essays on evolutionary-historical psychology / A.P. Nazaretyan. M. : LKI Publishing House, 2007. 256 p.
2. Denisov V.V. Sociology of violence: criticism of modern bourgeois concepts / V.V. Denisov. M. : Politizdat, 1975. 212 p.
3. Social anthropology of violence / Ed. V.N. Yarskoy. Saratov : Saratov state. technical un-t, 2005. 115 p.
4. Borodovsky A.P. Archeology of violence (interpretation of materials of archaeological, anthropological and depiction. Complexes) / A.P. Borodovsky.

А.П. Бородовский. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2010. 110 с.

5. *Игнатов А.Н.* Интервальная методология в криминологическом исследовании феномена насилия / А.Н. Игнатов, Е.Г. Семенова, Е.Б. Ильинович // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 94–104.

6. *Лазарев Ф.В.* Интервальный подход: истоки и ключевые понятия / Ф.В. Лазарев // Вестник Московского университета. М., 1991. № 5. С. 34–46.

7. *Игнатов А.Н.* Методологические основы исследования преступности / А.Н. Игнатов, Е.Б. Ильинович // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 129–133.

8. *Толфлер Э.* Метаморфозы власти / Э. Толфлер; Пер. с англ. М. : АСТ, 2003.

9. *Clastres P.* El arco y el cesto // Alcor, 44–45. Mayo-agosto / P. Clastres. Asuncion, 1967. P. 7–15, 25–27.

10. *Diamond J.* Guns, germs, and steel. The fates of human societies / J. Diamond. N-Y., London : W.W. Norton & Company, 1999.

11. *Трубецкой Е.Н.* Об истинной религии. Теологический трактат / Е.Н. Трубецкой // Мирозерцание блаженного Августина. Мн. : Харвест, 1999. С. 1522–1597.

12. *Коврижных О.А.* Социально-философский анализ инквизиции как института политического насилия средневековья / О.А. Коврижных // Материалы электронной конференции «Дни науки», 2012 г. URL : http://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Philosophia/2_114585.doc.htm

13. *Хокинс Д.* Сила vs Насилие. Скрытые мотивы человеческих поступков / Д. Хокинс. СПб. : ИГ «Весь», 2010.

Novosibirsk : Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2010. 110 p.

5. *Ignatov A.N.* Interval methodology in the criminological study of the phenomenon of violence / A.N. Ignatov, E.G. Semenova, E.B. Ilyanovich // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 3. P. 94–104.

6. *Lazarev F.V.* Interval approach: origins and key concepts / F.V. Lazarev // Bulletin of Moscow University. M., 1991. № 5. P. 34–46.

7. *Ignatov A.N.* Methodological foundations of the study of crime / A.N. Ignatov, E.B. Ilyanovich // Society and Law. 2015. № 2(52). P. 129–133.

8. *Toffler E.* Metamorphoses of power / E. Toffler; Trans. from english. M. : АСТ, 2003.

9. *Clastres P.* El arco y el cesto // Alcor, 44–45. Mayo-agosto / P. Clastres. Asuncion, 1967. P. 7–15, 25–27.

10. *Diamond J.* Guns, germs, and steel. The fates of human societies / J. Diamond. N-Y., London : W.W. Norton & Company, 1999.

11. *Trubetskoy E.N.* About true religion. Theological treatise / E.N. Trubetskoy // Worldview of Blessed Augustine. Mn. : Harvest, 1999. P. 1522–1597.

12. *Kovrizhnykh O.A.* Socio-philosophical analysis of the Inquisition as an institution of political violence of the Middle Ages / O.A. Kovrizhnykh // Materials of the electronic conference «Days of Science», 2012: URL : http://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Philosophia/2_114585.doc.htm

13. *Hawkins D.* Force vs Violence. The hidden motives of human actions / D. Hawkins. SPb. : IG Ves, 2010.

Изохов Егор Евгеньевич
магистрант,
студент факультета права,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Izohov@mail.ru

Рахимов Рафаэль Ильшатovich
магистрант,
студент факультета права,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
rafael.rakhimov@inbox.ru

Сизова Алла Сергеевна
кандидат юридических наук,
доцент,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
kurganovaalla58@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОПРАВКИ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена правовому статусу Конституционного Суда Российской Федерации как высшего судебного органа, который осуществляет конституционный контроль. В статье проанализированы некоторые изменения, которые коснулись правового статуса Конституционного Суда в связи с поправкой в российскую Конституцию. Рассмотрены мнения экспертов об изменении правового статуса высшего судебного органа, а также, предложены механизмы улучшения эффективности работы Конституционного Суда, в том числе, направленные на его самостоятельность и независимость в принятии важных государственных решений.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, поправка, публичная власть, судьи Конституционного Суда, конституционная реформа.

■ ■ ■

Egor E. Izohov
Undergraduate,
Student of the Faculty of Law,
Vladimir branch Russian Academy
of Public Administration and Public Service
President of the Russian Federation
Izohov@mail.ru

Rafael I. Rakhimov
Undergraduate,
Student of Law Faculty,
Vladimir branch Russian Academy
of National Economy and Public
Administration under the President
of Russian Federation
rafael.rakhimov@inbox.ru

Alla S. Sizova
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Vladimir branch Russian Academy of National
Economy and Public Administration under
the President of Russian Federation
kurganovaalla58@gmail.com

CHANGES THE LEGAL STATUS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE AMENDMENT TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

■ ■ ■

Annotation. The article deals with the legal status of the Constitutional Court of the Russian Federation as the highest judicial body that exercises constitutional control. The article analyzed some changes that affected the legal status of the Constitutional Court in connection with the amendment to the Russian Constitution. Expert opinions on changing the legal status of the highest judicial body were considered, and mechanisms were proposed to improve the effectiveness of the Constitutional Court, including those aimed at its independence and independence in making important state decisions.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, amendment, public power, judges of the Constitutional Court, constitutional reform.

■ ■ ■

В январе 2020 года российским Президентом В.В. Путиным в послании Федеральному Собранию указано, что в основной закон страны необходимо внести изменения, которые обеспечат развитие Российского государства с точки зрения правового и социального аспектов [5]. Это заключается в том, что такие изменения способствуют перспективе долгосрочного развития РФ, а также, изменению законодательства РФ в отдельных сферах жизнедеятельности общества. Таким образом, обозначено 7 направлений по модернизации Конституции РФ, не исключением стал даже такой орган, как Конституционный Суд РФ.

Мы считаем, что такая ветвь власти, как судебная, играет важную роль в развитии конституционного строя в РФ. Важно, чтобы ветвь судебной власти была независимой, она не должна быть подвержена влиянию посторонних факторов.

В связи с изменениями, внесенными в Конституцию, принят соответствующий нормативный правовой акт, регулирующий отдельные вопросы по организации и функционированию публичной власти. Данный документ модернизировал статус Конституционного Суда. Кроме того, он затронул практически все его особенности, включая численность состава судей, численность судей для легитимности принятия решений, компетенции органа, назначение на должность непосредственно Председателя Суда и его заместителя, рассмотрение законности нормативных правовых актов, запрет на публичное оглашение особого мнения судей, досрочное прекращение полномочий и другие аспекты.

Стоит отметить, что, по мнению В.А. Кряжкова, профессора ВШЭ, все положения, которые имели место к модернизации, не имеют какого-либо доктринального обоснования и аргументирования, а также, это не было подвержено дискуссиям научного и судейского сообществ. В.А. Кряжков отмечает, что количество новаций, которые внесены Президентом по вопросам Конституционного Суда, заметно отличается от того варианта закона в Конституцию, который приняли в итоговой редакции. Согласно пояснительной записке, которая прилагалась к законопроекту об изменении статуса Конституционного Суда, ряд модернизаций направлен на то, чтобы повысить роль высшего судебного органа. Но отметим, что комментарии касаются повышения его роли отсутствовали как в послании Федеральному Собранию, так и в процессе обсуждения законопроекта. В частности, такие особенности можно отнести к 8 положениям Конституции о Конституционном Суде, которые указаны в таких статьях, как 100 и 125. Пункты в данных статьях дополнены и уточнялись по ходу того, как рассматривался законопроект о поправке к Конституции в Государственной Думе [4]. Мы согласны с мнением В.А. Кряжкова, так как, действительно, Президент обозначались далеко не все изменения в Конституцию Российской Федерации и некоторые положения вынесены по ходу обсуждения законопроекта в нижней палате российского парламента. Таким образом, ряд изменений и трансформаций, которые предлагал внести Президент РФ в своем

послании, был в большей степени дополнен и расширен.

В связи с изменением статуса высшего судебного органа власти РФ, нам представляется необходимым рассмотреть некоторые трансформации и изменения, которые на сегодняшний день отражены в нормативном правовом акте по вопросам его правового статуса.

Стоит обратить внимание на то, что изначальный вариант основного закона государства, который был принят в 1993 году, в полной мере не интерпретировал природу высшего органа судебной власти, носящую не только конституционный, но и правовой характер. Кроме того, такая же ситуация сложилась тогда, когда Конституционный Суд сформировался. Необходимо отметить, что данный подход имеет место быть не только в РФ. Смысл такого подхода заключается в том, что в основных законах государства статус своих конституционных судов не находит отражение. Это существует, например, в таких государствах, как Италия, Германия, Португалия, Австрия и ряде других. При этом отсутствие отражения о природе Конституционного Суда сначала интерпретировалось как пробел в законодательстве, потому как все другие высшие органы, относящиеся к исполнительной, судебной и законодательной ветвям власти нашли свое непосредственное отражение в Конституции РФ. В рамках поправки высший судебный орган власти российского государства все же указан. Цель деятельности Конституционного Суда состоит в том, чтобы осуществлять так называемый конституционный контроль с помощью судопроизводства, носящего конституционный характер. Иными словами, Суд защищает права и свободы российских граждан, защищает действующий в РФ конституционный строй. Не менее важной задачей Суда является то, что он обеспечивает процесс, заключающийся в деятельности Конституции РФ в масштабах всего государства. Вышеназванные тезисы о правовой природе Конституционного Суда РФ сложились в результате объединения в единое целое положений, указанных в Конституции РСФСР в редакции от 1991 года; в Конституции РФ от 1992 года, а также в ФКЗ, регулирующем деятельность Конституционного Суда в РФ, принятого в 1994 году. По нашему мнению, так как Конституционный Суд осуществляет высший конституционный контроль в рамках всей территории страны, то он не является поднадзорным никаким инстанциям в непосредственном принятии своих решений, а его решения должны носить обязательный характер для всех, кто их исполняет, в том числе для остальных высших органов власти РФ.

Необходимо отметить, что изначально вопрос о том, какова же природа Конституционного Суда, носящая правовой и конституционный характер, не вызывал дискуссий и споров. Но в 1994 году в рамках конституционного совещания от положения о том, что Конституционный Суд – это самый высший орган конституционного контроля, в ходе полемики принято отказаться. В том же году состоялось принятие соответствующего нормативного правового акта о Конституционном Суде.

Мы считаем, что, вероятно, это может быть связано с теми политическими процессами и событиями, которые произошли в 1993 году, а также, с другими спорными представлениями и предположениями тех, кто утверждал, что такой Суд явится самой высшей инстанцией, а также главенствует над всеми судами РФ. Поэтому, по нашему мнению, отражение природы Конституционного Суда РФ в основном законе государства имеет место быть, так как он стоит наряду с такими высшими органами власти, как Федеральное Собрание, Правительство, а также российским Президентом. Соответственно, произошло опредмечивание, объективация черт природы Конституционного Суда. Это та новелла и трансформация, которая на конституционно-правовой природе высшего органа судебной власти со времен его появления и изначальной деятельности.

Когда Президент направил запрос в Конституционный Суд на то, чтобы проверить нормативный правовой акт, который касается поправки в Конституцию РФ, Суд признал все изменения легитимными. Так, изменения, которые приняты 1-ФКЗ регламентируют то, что Конституционный Суд непосредственно включен в процесс законотворчества с целью осуществлять конституционный контроль. Также отметим, что Конституционный Суд, согласно изменениям в рамках поправки в Конституцию, может проверять принимаемые законопроекты в соответствии с запросом главы государства. При этом данную деятельность реализует такой орган, как Государственная Дума. Принятие данным органом федеральных законов регламентировано статьей 105 Конституции. Кроме того, в Государственной Думе уже действует комитет, занимающийся вопросами государственного строительства и законодательства, в том числе занимающийся и конституционным контролем любого принимаемого законопроекта.

Обратим внимание на то, что одним из изменений статуса Конституционного Суда стала его численность. До принятия закона о поправке в состав судей входило 19 человек. По мнению В.А. Кряжкова, численный состав судей в Конституционном Суде РФ – это одна из его характеристик, которая определяет, что Конституционный Суд интерпретируется как орган конституционный, как орган государственной власти наряду с такими органами, как Правительство и Федеральное Собрание Российской Федерации [5]. Также, В.А. Кряжков отмечает, что фиксированное число состава судей в Конституционном Суде Российской Федерации – это ничто иное, как гарантия того, что этот орган станет стабильно функционировать и это работает как защита от политических манипуляций. Мы согласны с мнением эксперта ввиду того, что подход, основанный на сокращении численности судей в Конституционном Суде, грозит снижением уровня компетентности судей из-за, так называемого, «непредставительства» в органе судей, являющихся специалистами в различных отраслях права.

Так как принят закон о поправке в Конституцию Российской Федерации, прежний нормативный правовой акт о наполнении Конституционного Суда именно с позиций прежнего регулирования

утратил свою актуальность. На сегодняшний день, в состав высшего судебного органа входят 11 судей, включая непосредственно Председателя и его заместителя [2]. Эта же позиция урегулирована новой Конституцией, а конкретно статьей 125 [1]. Исследуя зарубежный опыт, по численности состава Конституционного Суда Российская Федерация на сегодняшний день уступает некоторым странам. Так, в Конституционном Суде Украины – 18 судей, в Германии, – 16, в Чехии, Италии и Польше – по 15, а в Австрии – 12, включая 6 заместителей Председателя [3, с. 227–251].

Сокращение состава судей не входило в послание главы государства Федеральному Собранию Российской Федерации и не аргументировалось им при внесении в Государственную Думу законопроекта о поправке. При этом Конституционный Суд по данному поводу вынес соответствующее заключение и пояснил, что такие изменения находятся в пределах дискреции (права действовать по своему усмотрению). Конституционный Суд также учел то, что судьи, которые исполняют свои полномочия на момент вступления в действие нормативного правового акта по вопросам поправки в Конституцию, продолжают их осуществлять. Прекращение исполнения полномочий судьи имеют свои собственные основания, которые регламентированы соответствующим федеральным конституционным законом, принятым 04 июня 2014 г.

Мы полагаем, что сокращение численности состава Конституционного Суда Российской Федерации является фактором, дестабилизирующим судебную систему, так как в изменениях, касающихся данного высшего судебного органа, увеличились его полномочия, что, вероятно, добавит объем работы меньшему составу. В связи с этим, М.А. Федотов, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации отмечает, что возрастет нагрузка на Секретариат Суда, и, возможно, его роль в судебном процессе, который имеет характер конституционного процесса, заметна повысится [6]. Поэтому, с нашей точки зрения, это изменение необоснованно, и, следовательно, оно не могло в данном виде лечь в основу изменений в Конституции Российской Федерации по вопросам численности состава Конституционного Суда. Именно поэтому мы считаем необходимым оставить конституционный судейский корпус в количестве 19 человек, несмотря на то, что на момент принятия поправки в Конституцию РФ решения принимались 15 судьями. Если учитывать то количество обращений, которое поступает в высший судебный орган власти, а также то, что Конституционный Суд не может держать у себя на рассмотрении два обращения в одно время, по нашему мнению, это, вероятно, на нарушение прав российских граждан по вопросам судебной защиты. Российское общество нуждается в том, чтобы Конституционный Суд имел большой авторитет в принятии своих решений, носящих справедливый и беспристрастный характер.

Необходимо понимать, что сокращение численности судей Конституционного Суда РФ, возможно, будет нести в себе некоторые негативные

последствия с точки зрения финансовых излишков. Это заключается в том, что расходная смета на такой высший орган судебной власти, как Конституционный Суд Российской Федерации, никак не может быть ниже по сравнению с тем, какие расходы у данного органа были в прошлом финансовом году. Данный вопрос регламентирован в статье 7 федерального конституционного закона о Конституционном Суде. Наоборот, думаем, что дифференциация различных отраслей права будет расти и расти, а также, будет требовать более детальной проработки документов, детального разъяснения экспертов в области права. Так как необходимые специалисты будут отсутствовать в связи с модернизацией численного состава Конституционного Суда, его члены в любом случае будут прибегать к мнению приглашенных ими же экспертов и специалистов.

Не менее интересным изменением в рамках поправки в Конституцию Российской Федерации стало назначение на должность Председателя Конституционного Суда. Но не только Председателя, а также его заместителя. Стоит отметить, что изначально данная процедура включала в себя такие принципы, как коллегиальность, равенство судей и, что не менее важно, независимость Суда. Согласно этим принципам, Председатель, его заместитель, а также судья-секретарь избирались самими судьями на срок, который составляет без малого 3 года. Должность судьи-секретаря впоследствии упразднена, а избранные лица могли избираться и на новый срок. В том случае, если Председатель, его заместитель и судья-секретарь неэффективно работают, то есть, недобросовестно исполняют свои должностные обязанности, не менее, чем 5 судей могли поставить вопрос о досрочном прекращении обязанностей данных лиц. При этом вопрос решался большинством не менее 2/3 судей при помощи тайного голосования.

На сегодняшний день Председатель Суда, а также его заместитель назначаются на свои должности Советом Федерации по представлению главы государства. Все названные лица назначаются на срок, составляющий 6 лет. Впоследствии они могут быть назначены и на новый срок. Теперь на должность Председателя Конституционного суда и его заместителя могут претендовать не только судьи, но и просто политики[4]. Отметим, что Законом о поправке к основному закону государства регламентированный федеральным конституционным законом по вопросам положения Конституционного Суда непосредственно порядок назначения на должность Председателя и его заместителя получил свое прямое отражение в основном законе государства, а конкретно в таких статьях, как 83, 102 и 128. Но обратим внимание на то, что аргументация и структурированная обоснованность по данному вопросу отсутствовала. Но обоснование имело место быть на момент внесения вышеизложенных изменений в закон о поправке. При этом интерпретировалось, что такие модернизации необходимы для того, чтобы оптимизировать и унифицировать различного рода отдельные процедуры

наделения Председателя Суда и его заместителя определенными полномочиями [4].

Мы считаем, что такие изменения, возможно, политизируют деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, а конкретно - руководства. Вследствие данных изменений, роль Председателя Суда и его заместителя заметно возвысится как администратора по отношению к остальным судьям. Это поставит руководство в большую зависимость от тех, кто их назначил, что является еще одним фактором, который снижает уровень самостоятельности и независимости высшего судебного органа государства.

В этой связи, нам представляется возможным в 83 статье Конституции исключить пункт, непосредственно связанный с тем, что высшие лица Конституционного Суда назначаются Советом Федерации в соответствии с предложенными кандидатурами Президентом Российской Федерации. Это необходимо в рамках обеспечения принципа независимости такой ветви власти, как судебная. Важно вернуть выборный институт по вопросам Председателя Суда и его заместителя. С нашей позиции, это позволит укрепить гарантии судей с точки зрения независимости и самостоятельности по вопросам отправления правосудия на высоком уровне в государстве.

Анализируя вышеизложенное, внесенные поправки связаны с общей модернизацией и трансформацией политической системы. Они интерпретируются как продукт определенной эволюции Конституционного Суда Российской Федерации за прошедшее 25-летие. Итогом такой трансформации стала смена конституционно-правовой модели Конституционного Суда, а также, гарантий независимости и самостоятельности высшего судебного органа государства. Изменения произошли в том, что Полномочия Суда расширились, состав судей сократился, изменился порядок назначения на должность Председателя Суда и его заместителя и т.п.

Как следствие, некоторые из обозначенных модернизаций, тенденций, возможно, снизят работоспособность и авторитет такого органа, как Конституционный Суд. Мы считаем, что орган не сможет в полной мере защищать права и свободы российских граждан, обеспечивать свою работу на основе Конституции Российской Федерации. Об этом свидетельствует то заключение Конституционного Суда, в котором он признал, что все трансформации в рамках Конституции имеют легитимный характер, в частности, трансформации о своем собственном правовом статусе, так как сами судьи становятся зависимыми от исполнительной власти.

По нашему мнению, некоторые новеллы и трансформации, которые связаны непосредственно с изменением статуса Конституционного Суда РФ, могут повлиять на снижение его суверенности, а также – самостоятельности. Вероятно, такие новеллы способны осложнить ту деятельность высшего судебного органа власти РФ, которая непосредственно направлена на осуществление контроля, носящего конституционный характер.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» № 5-ФКЗ от 09 ноября 2020 г. (в последней редакции от 09.11.2020 г.) // Российская газета 2020. № 253(8307).

3. *Хабриева Т.Я.* Венецианская комиссия о конституциях, конституционных поправках и конституционном правосудии: сборник аналитических материалов Венецианской комиссии Совета Европы / Т.Я. Хабриева, Р.А. Курбанов, В.И. Лафитский; Под ред. Т.Я. Хабриевой. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. 576 с.

4. *Кряжков В.А.* Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации / В.А. Кряжков // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32.

5. Послание Президента Федеральному Собранию от 15 января 2020 года. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 12.01.2021).

6. *Федотов М.А.* Что бы я поправил в поправках? Интервью Эхо Москвы / М.А. Федотов. URL : https://echo.msk.ru/blog/fedotov_m/2582262-echo/ (дата обращения 14.01.2021).

Literature:

1. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made by Acts of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 01.07.2020 № 11-FKZ) // the Collection of the legislation of the Russian Federation. 01.07.2020. № 31. Vol. 4398.

2. Federal Constitutional Law «On Amending the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» № 5-FKZ of November 09, 2020 (in the latest version of 09.11.2020) // Russian newspaper 2020. № 253 (8307).

3. *Khabrieva T.J.* Venice Commission on Constitutions, Constitutional Amendments and Constitutional Justice: a collection of analytical materials of the Venice Commission of the Council of Europe / T.J. Khabrieva, R.A. Kurbanov, V.I. Lafitsky; Ed. T.Ya. Khabrieva. M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2016. 576 p.

4. *Kryazhkov V.A.* How the constitutional reform of 2020 changed the Constitutional Court of the Russian Federation / V.A. Kryazhkov // State and law. 2020. № 9. P. 18–32.

5. President's Address to the Federal Assembly of January 15, 2020. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (date of application 12.01.2021).

6. *Fedotov M.A.* What would I correct in the amendments? Interview Echo of Moscow / M.A. Fedotov. URL : https://echo.msk.ru/blog/fedotov_m/2582262-echo/ (date of application 14.01.2021).

Леонтьев Максим Игоревич
аспирант,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
maxim.leontiev2014@yandex.ru

Левушкин Анатолий Николаевич
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
maxim.leontiev2014@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОСТИ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Заключение договора аренды недвижимости, относящейся к публичной собственности, имеет свои особенности. В первую очередь речь идет о сложной процедуре оформления договора аренды рассматриваемого имущества и ограничениях, усложняющих процесс получения недвижимости в аренду и ее дальнейшего использования. В случаях предоставления публичной недвижимости в аренду арендатор обязан удерживать НДС из арендной платы, так как является в этих обстоятельствах налоговым агентом. Авторами в статье рассмотрены ключевые особенности заключения договора аренды недвижимости, относящейся к публичной собственности.

Ключевые слова: публичная недвижимость, государственная собственность, муниципальная собственность, договор аренды.

К публичной собственности относится государственное и муниципальное имущество, согласно 214 и 215 ст. ГК РФ таким имуществом является принадлежавшее на правах собственности РФ, субъектам РФ, городским, сельским и другим муниципальным образованиям. Основным законом, регулирующим порядок заключения договора аренды недвижимости, относящейся к публичной собственности, служит ФЗ № 135-ФЗ «О защите конкуренции», в частности вопросы аренды рассматриваются в ст. 17.1 выше обозначенного Закона.

Заключение договора аренды в отношении публичного имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, происходит только в результате проведения конкурса или аукциона, исключения прописаны в ст. 17.1 Федерального закона № 135-ФЗ

Maxim I. Leontiev
Graduate Student,
Moscow Financial and Industrial
Synergy University
maxim.leontiev2014@yandex.ru

Anatoly N. Levushkin
Doctor of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department,
Moscow Financial and Industrial
Synergy University
maxim.leontiev2014@yandex.ru

FEATURES OF REAL ESTATE LEASE AGREEMENT RELATED TO PUBLIC PROPERTY

Annotation. The conclusion of a lease agreement for real estate belonging to public ownership has its own characteristics. First of all, we are talking about a complex procedure for registering a lease agreement for the property in question and restrictions that complicate the process of obtaining real estate for rent and its further use. In cases where public real estate is leased, the lessee is obliged to deduct VAT from the rent, since he is a tax agent in these circumstances. The authors of the article consider the key features of concluding a lease agreement for real estate related to public ownership.

Keywords: public real estate, state property, municipal property, lease agreement.

«О защите конкуренции» [1]. Заключение договора аренды без проведения конкурса (аукциона) на условиях и порядке, установленных Правительством РФ, возможно при соблюдении требований (требования должны быть одновременно соблюдены). К таким требованиям относятся:

1. В качестве арендатора выступают хозяйственные общества, создаваемые учреждениями на основании ст. 17.1 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции».
2. Арендаторы в ходе своей деятельности внедряют или применяют результаты интеллектуальной деятельности, важно, чтобы право на использование этих результатов было прописано как вклад в их уставные капиталы.
3. В договоре аренды должен быть прописан запрет на возможность сдачи недвижимости в

субаренду, передачу своих прав и обязанностей третьим лицам.

Договор аренды публичной недвижимости может быть заключен без проведения торгов в случаях, установленных ч. 1 ст. 17.1 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1]:

1. В случае если на конкурс или аукцион была подана единственная заявка;
2. Образовательным учреждениям с любой организационно-правовой формой;
3. Частным медицинским учреждениям;
4. Товариществам собственников жилья;
5. Если публичная недвижимость передается на срок не превышающим 30 календарных дней (в течение шести месяцев);
6. Площадь арендованной недвижимости меньше или равна 20 кв. м. и при этом не превышает десяти процентов от площади всего здания, строения или сооружения, где располагается рассматриваемое имущество.

Без проведения торгов возможна аренда публичной недвижимости в случае, когда имущество находится под юрисдикцией (на основании ч. 2 ст. 17.1 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1]) Земельного, Лесного, Водного кодекса РФ, а также законов Российской Федерации о недрах и концессионных соглашениях. В этом случае действуют специальные нормы и порядок заключения договора.

При заключении договора аренды недвижимости, относящейся к публичной собственности, стороны сделки взаимно согласовывают предмет договора, плату за аренду, срок действия договора

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 17.02.2021) «О защите конкуренции». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/4f6f8ce989e05f92c8d919d5b2f54ec435cabaf3
2. *Кокоева Л.Т* О проблемах заключения договора аренды / Л.Т. Кокоева // *Аграрное и земельное право*. 2014. № 12. С. 13.
3. *Корнилова Н.В.* Публично-правовые образования как субъекты права собственности / Н.В. Корнилова // *Экономическое правосудие на Дальнем Востоке*. 2010. № 6. С. 108.

аренды и иные условия, где возможно указать такие моменты, как условия расторжения договора, обязанности и права обеих сторон, порядок возврата и т.д. Подготовленный и подписанный договор аренды необходимо зарегистрировать, если иное не установлено законом (п. 2 ст. 609 ГК РФ). В частности регистрация договора не требуется, если он заключен на срок до 1 года или неопределенный срок, в противном случае – регистрация является обязательной. Незаклученным будет считаться договор в случае не согласования сторонами сделки существенных условий договора, а также при отсутствии обязательной государственной регистрации. При нарушении процедуры сдачи в аренду публичной недвижимости может быть применена ст. 14.9 КоАП РФ, при этом договор признается недействительным и плату за аренду возвращать не надо.

Плату за аренду публичной недвижимости определяет оценщик, если стороны упускают этот момент и самостоятельно устанавливают арендную плату – есть риск оспаривания сделки в суде, несмотря на наличие Информационного письма Президиума ВАС РФ от 30.05.2005 № 92, где отмечается, что оценщик только рекомендует цену. Стоит отметить, что в некоторых случаях оценщик не требуется изначально, например, арендатором является унитарное предприятие и на подобную сделку не надо согласие.

Основной особенностью аренды недвижимости, относящейся к публичной собственности, является то, что арендатор выполняет обязанности налогового агента. Налоговой базой при этом является сумма платы за аренду с учетом налога согласно п. 3 ст. 161 НК РФ, ошибочно считать в этой ситуации, что услуга по предоставлению недвижимости в аренду попадают под льготу, указанную в пп. 4 п. 2 ст. 146 НК РФ, так как является предпринимательской деятельностью.

Literature:

1. Federal Law № 135-FZ of 26.07.2006 (as amended on 17.02.2021) «On Protection of Competition». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/4f6f8ce989e05f92c8d919d5b2f54ec435cabaf3
2. *Kokoeva L.T* On the problems of concluding a lease agreement / L.T. Kokoeva // *Agrarian and Land Law*. 2014. № 12. P. 13.
3. *Kornilova H.B.* Public legal entities as subjects of property rights / H.B. Kornilova // *Economic justice in the Far East*. 2010. № 6. P. 108.

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры правового
обеспечения государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал РАНХиГС,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

Тараканов Илья Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета,
полковник внутренней службы,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
il8@list.ru

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НАРКОТИКОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современного состояния преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в учреждениях УИС. Авторами анализируются особенности преступлений данного вида, а также их количественные и качественные показатели. В результате проведенного исследования ими сделаны выводы о негативных тенденциях и последствиях данных преступлений, а также, о необходимости постоянного совершенствования мер по профилактическому воздействию на них.

Ключевые слова: преступность, наркотические средства, психотропные вещества, показатели, состояние, структура, динамика, тенденции, уголовно-исполнительная система.

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Law
Ensuring the State
and Municipal Administration,
Vladimir branch of RANEPa,
Associate Professor
of the Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
urgantfk@mail.ru

Sergey A. Semenov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
kurlak09@rambler.ru

Ilya A. Tarakanov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Law
and Criminology of the Faculty of Law,
Colonel of Internal Service,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
il8@list.ru

**CRIMES IN THE FIELD OF DRUG
TRAFFICKING IN PENAL INSTITUTIONS:
STATE AND TRENDS**

Annotation. The article is devoted to the consideration of the current state of crimes in the field of drug trafficking in penal institutions. The authors analyze the features of this type of crime, as well as their quantitative and qualitative indicators. As a result of the study, conclusions are drawn about the negative trends and consequences of these crimes, as well as the need for continuous improvement of measures for preventive impact on them.

Keywords: crime, narcotic drugs, psychotropic substances, indicators, state, structure, dynamics, trends, penal system.

Одной из серьезных проблем современного российского государства является наркотизация общества, а также, связанный с ней, незаконный оборот наркотиков, под которыми, согласно Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733, понимаются наркотические средства и психотропные вещества, их аналоги, новые потенциально опасные психоактивные вещества, а также, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, включенные в соответствующие перечни.

Данная проблема является актуальной и для учреждений УИС. Как справедливо отмечают С.А. Кутуков и С.Н. Смирнов, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, являются одними из самых распространенных в местах лишения свободы [2, с. 114].

Следует отметить, что в учреждениях УИС преступность в сфере незаконного оборота наркотиков в силу ряда причин, связанных с режимом внутреннего распорядка, имеет более узкую представленность. Согласно криминологическим исследованиям, преступления, предусмотренные ст. 228.2 УК РФ, ст. 229–230 УК РФ, ст. 231–232 УК РФ, не совершаются вовсе, либо крайне редки, в том числе, с учетом феномена латентности.

Во многом, в связи с этим, в документах статистического учета ФСИН (Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС (Форма – 2-УИС)) фиксируются только преступления, предусмотренные ст. 228–228.4 УК РФ.

Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в учреждениях УИС имеет свою специфику, которая выражается в следующем:

1. В подрыве режима внутреннего распорядка исправительных учреждений. По этому поводу Д.М. Латыпова и Ж.Я. Резник отмечают, что незаконный оборот наркотиков способствует дезорганизации нормальной деятельности исправительных учреждений и нарушает процесс исправления осужденных как одну из первостепенных задач применения уголовных наказаний [3, с. 49].
2. В нарушении законности и правопорядка. Следует согласиться с мнением С.А. Хохрина о том, что в состоянии эйфории или абстиненции наркоман способен на любые, самые неожиданные преступления [4, с. 95].
3. В разрушении позитивного образа учреждений УИС, системы ФСИН России и в подрыве авторитета системы правосудия.

Характеризуя состояние пенитенциарной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, отметим, что, согласно официальным данным ФСИН России, в 2019 году было зарегистрировано 231 преступление, что составляет 19,7 % в общей структуре преступности в учреждениях

УИС. Данный показатель заметно выше общероссийского уровня, где доля преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков составляет всего 9,3 %. Такая заметная разница объясняется более высокой степенью криминогенной пораженности лиц, содержащихся в учреждениях УИС, наличием в структуре осужденных к лишению свободы существенной доли лиц, судимых за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, употреблявших наркотики или страдающих наркоманией и алкоголизмом. Не менее важным фактором, объясняющим высокий уровень пенитенциарной наркопреступности является более эффективная деятельность по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в учреждениях УИС, существенно снижающая уровень латентности данных преступлений.

Следует подчеркнуть, что пенитенциарные преступления в сфере незаконного оборота наркотиков образуют в общей структуре наркопреступности России долю всего в 0,001 %, а уровень криминогенной пораженности преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в учреждениях УИС составляет 4 преступления на 10000 осужденных, тогда как на общероссийском уровне – 13 преступлений на 10000 жителей. Однако это не снижает опасности пенитенциарной наркопреступности, широкая представленность которой в структуре общей пенитенциарной преступности, демонстрирует актуальность повышения эффективности мер по противодействию ей.

Характеризуя динамику исследуемой преступности, следует отметить, что за период с 2010 по 2019 годы количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков снизилось на 25,7 %, что более чем на 10 % выше общего тренда снижения наркопреступности в России, где снижение за тот же период составило всего 15 %. Это, безусловно, является положительным результатом деятельности по противодействию преступности в учреждениях УИС. Вместе с тем, следует отметить, что при более длительном ретроспективном анализе динамика имеет отрицательный характер. Так, по сравнению с 2005 годом количество пенитенциарных наркопреступлений увеличилось к 2019 году на 56,2 %. Если оценивать динамику данной преступности, то обращает на себя внимание качелеобразные колебания, когда рост преступности сменяется резким снижением, затем – снова ростом и опять снижением, что свидетельствует о двух параллельных процессах.

С одной стороны, в связи с либерализацией уголовной политики, в учреждениях УИС при уменьшении численности контингента закономерно и последовательно существенно повышалась концентрация осужденных, отличающихся высокой степенью криминогенной пораженности личности, имеющих рецидив преступления, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, обладающих профессиональным криминальным опытом, в том числе, и в сфере незаконного оборота наркотиков, что отрицательно влияет на общий фон правопорядка в учреждениях УИС и усложняет работу по противодействию

вию преступности. Как отмечает А.В. Акчурин, осужденные активно изучают и перенимают друг у друга различные способы установления каналов поставки наркотических средств на территорию исправительных учреждений, используя при этом средства мобильной связи для поиска сообщников и координации их усилий [1, с. 19].

С другой стороны, соответствующие подразделения учреждений УИС, равно как и, в целом, ФСИН России адаптируются к сложившейся ситуации, активизирует системное противостояние возникающим угрозам правопорядка; наращивают активность и повышают эффективность своей деятельности по противодействию правонарушениям и обеспечению режима содержания осужденных. В итоге, наблюдается эффект «качелей» в динамике пенитенциарной наркопреступности.

Если оценивать географию преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в зависимости от видов учреждений УИС, то наибольшее распространение в 2019 году данные преступления закономерно и традиционно имеют исправительные колонии – 83,5 % (из них 68,4 % – в ИК строгого режима, 15,5 % – в ИК общего режима; в колонии-поселении – 12,9 %), что коррелируется с наибольшей численностью контингента, содержащихся в исправительных учреждениях этого типа. На втором месте по распространенности находятся лечебно-исправительные учреждения, количество наркопреступлений в которых составляет всего 3,9 %. В остальных видах исправительных учреждениях факты незаконного

оборота наркотиков носят эпизодический характер и, зачастую, не фиксируются в отчетном годовом периоде. В следственных изоляторах в 2019 году совершено 12,1 % наркопреступлений. В целом, следует подчеркнуть, что подобное распределение наркопреступлений в зависимости от видов исправительных учреждений носит устойчивый характер.

Таким образом, проблема совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в учреждениях УИС, является весьма серьезной, актуальной и требующей постоянного совершенствования мер профилактического воздействия. При этом латентность преступности в сфере незаконного оборота наркотиков отличается высоким уровнем, что связано с совместной заинтересованностью сбытчика и потребителя наркотиков в сокрытии данных фактов. Пересылка и сбыт наркотиков в исправительные учреждения отличается высоким уровнем маскировки, вовлечения сотрудников и работников учреждений УИС, что, в конечном итоге, формирует широкий комплекс факторов приводящих как к естественным, так и к искусственным видам латентности данных преступлений. Вместе с тем, уровень латентности данных преступлений в учреждениях УИС ниже, чем в общей наркопреступности, чему способствует закрытость коллективов осужденных, высокая интенсивность профилактического воздействия и оперативно-разыскной деятельности, постоянный контроль за соблюдением правил внутреннего распорядка и режима содержания.

Литература:

1. Акчурин А.В. Личность осужденного, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков / А.В. Акчурин // Наркоконтроль. 2019. № 1. С. 17–21.
2. Кутуков С.А. Документирование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы: проблемы законодательства и практики / С.А. Кутуков, С.Н. Смирнов // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 25. № 1. С. 113–118.
3. Латыпова Д.М. Проблемные вопросы квалификации незаконного оборота наркотиков в исправительном учреждении / Д.М. Латыпова, Ж.Я. Резник // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 1(42). С. 45–49.
4. Хохрин С.А. Некоторые аспекты противодействия незаконному обороту наркотиков в учреждениях уголовно-исполнительной системы / С.А. Хохрин // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2(27). С. 93–98.

Literature:

1. Akchurin A.V. Personality of a convicted person committing crimes related to illegal / A.V. Akchurin // drug trafficking. 2019. № 1. P. 17–21.
2. Kutukov S.A. The documentation of crimes in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs, committed in the prison system: problems of legislation and practice / S.A. Kutukov, S.N. Smirnov // Legal Bulletin of the DSU. 2018. T. 25. № 1. P. 113–118.
3. Latypov D.M. The issues of qualification of drug trafficking in the correctional facility / D.M. Latypov, J.J. Resnick // Bulletin of Vladimir law Institute. 2017. № 1(42). P. 45–49.
4. Khokhrin S.A. Some aspects of countering illegal drug trafficking in institutions of the penal system / S.A. Khokhrin // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. № 2(27). P. 93–98.

Мотин Анатолий Владимирович
кандидат юридических наук,
адвокат,
Палата адвокатов Самарской области
amotin85@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОСТУПКОВ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье автором рассматривается одна из проблем межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность – соотношение преступлений и административных проступков. Внимание обращено на статистический аспект дифференциации оснований такой ответственности, выражающийся в системе смежных составов преступлений и административных правонарушений, конструирование которых должно быть подчинено требованиям преемственности составов и четкости (определенности) изложения их признаков в тексте нормативных правовых актов. Сделан вывод о том, что надежным технико-юридическим приемом разграничения составов правонарушений должна служить оговорка в составах административных правонарушений об отсутствии в них признаков уголовно наказуемого деяния.

Ключевые слова: преступления против личности, административный проступок, дифференциация, уголовная ответственность, объект, причинение вреда, межотраслевая коллизия, угроза, криминализация.

Осуществляя свою обязанность по охране человека, его прав и свобод, государство вольно использовать любые доступные ему легитимные средства, при этом, как известно, уголовный закон выступает, согласно принципу *ultima ratio*, в качестве «последнего довода» власти в обеспечении безопасности. Подобное обстоятельство побуждает государство к разработке не только предупредительных, но и различных по силе воздействия охранительных средств защиты личности, что находит свое содержательное воплощение, среди прочего, в межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на интересы безопасности человека. Рассматривая проблемы межотраслевой дифференциации, нельзя не затронуть вопрос о статистическом соотношении преступлений и проступков против личности, в рамках изучения которого нам представляется необходимым обратить внимание на ряд собственно правовых, уголовно-политических и юридико-технических аспектов.

Anatoly V. Motin
Candidate of Legal Sciences,
Counsel,
Chamber of Lawyers of the Samara Region
amotin85@yandex.ru

THE RATIO OF CRIMES AND MISDEMEANORS AGAINST THE INDIVIDUAL AS A PROBLEM OF INTERSECTORAL DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY

Annotation. In the article, the author considers one of the problems of intersectoral differentiation of responsibility for attacks on the person – the ratio of crimes and administrative offenses. Attention is paid to the statistical aspect of differentiation basis of such liability, expressed in the system of related elements of crimes and administrative offenses, the design of which shall be subject to the requirements of continuity of compositions and definition (certainty) the presentation of their signs in the text of the regulations. It is concluded that a reliable technical and legal method of distinguishing the elements of offenses should be a reservation in the elements of administrative offenses about the absence of signs of a criminal offense in them.

Keywords: crimes against the person, administrative offense, differentiation, criminal liability, object, causing harm, intersectoral conflict, threat, criminalization.

Признавая приоритетную значимость объекта посягательства для оценки его общественной опасности, а, следовательно, и выбора вида противоправности, отметим, что конституционное признание человека, его прав и свобод высшей ценностью не исключает возможности межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность. Такая дифференциация осуществляется с учетом ценности родовых (в иной теоретической интерпретации – видовых) объектов, в соответствии с которыми в уголовном законе выделяются отдельные главы его Особенной части.

Анализ показывает, что объективно существуют объекты столь ценные, что любое причинение им вреда позиционируется законодателем исключительно как преступление, а вопрос о возможности установления административной ответственности за посягательства на такие объекты даже не возникает. Речь идет, в частности, о таких

конституционных ценностях, как жизнь человека, его физическая свобода, половая свобода и половая неприкосновенность. КоАП РФ не содержит составов правонарушений, которые могут иметь своим основным объектом эти ценности.

В то же время, нельзя не отметить, что в процессе внутриотраслевой дифференциации административной ответственности законодатель в ряде случаев использует признак причинения вреда этим объектам (в частности, причинение смерти) для усиления административной ответственности виновных лиц. Оставим в стороне ситуации, когда причинение смерти потерпевшему указывается в составе административного проступка признаком, характеризующим последствия поведения юридических лиц, учитывая, что ответственность таковых в уголовном законе сегодня не предусматривается (речь идет о ч.10.2 ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации» и ч. 6.1 ст. 20.4 КоАП РФ «Нарушение требований пожарной безопасности»). Но в КоАП РФ в 2020 году (Федеральным законом от 01.04.2020 № 99-ФЗ) была введена ответственность для физических лиц за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, повлекшее причинение вреда здоровью человека или смерть человека (ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ). Это создало коллизию с предписаниями ст. 236 УК РФ. Ее разрешению было посвящено указание Президиума Верховного Суда РФ, который признал: «Административная ответственность по ч. 3 статьи 6.3 КоАП РФ наступает лишь в тех случаях, когда действия (бездействие) правонарушителя не содержат уголовно наказуемого деяния. В связи с тем, что за нарушение физическим лицом санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, предусмотрена уголовная ответственность, в случае наступления последствий в виде смерти человека действия (бездействие) виновного следует квалифицировать по части 2 статьи 236 УК РФ» [1].

Такое решение Верховного Суда РФ оправдано наличием в ч. 3 ст. 6.1 КоАП РФ специальной оговорки относительно того, что административный проступок «не содержит признаков уголовно наказуемого деяния». Но такая оговорка может содержаться далеко не всегда и не во всех смежных составах. Для этих ситуаций в науке разрабатывается иное правило разрешения межотраслевой коллизии: «В случае если совершенное лицом деяние содержит одновременно признаки преступления и признаки административного/налогового правонарушения или дисциплинарного проступка, лицо привлекается соответственно к административной/налоговой или дисциплинарной ответственности» [2]. Такое правило поддерживается и высшей судебной инстанцией России [3]. В итоге, получается, что правило разрешения коллизии и выбор нормы правоприменителем во многом предопределяется не столько сутью правонарушений, сколько юридико-техническим приемом законодателя при описании составов правонарушений, что нельзя признать в полной мере оправданным.

Однако наша задача не состоит в том, чтобы разработать сейчас правила преодоления межотраслевых коллизий. Задача в ином – показать, что законодатель допускает само создание таких коллизий, игнорируя правила разграничения преступлений и проступков, исходя из оценки общественной опасности деяний на основе объекта посягательства. Тот факт, что противоречивая оценка причинения смерти создает неоправданную коллизию УК РФ и КоАП РФ только в одной ситуации лишней раз доказывает, что законодателем была допущена ошибка, которая должна не минимизироваться решением высшей судебной инстанции страны, а исправляться самим законодателем путем корректировки положений административно-деликтного законодательства. Жизнь человека, ни при каких условиях, не может выступать объектом (основным или дополнительным) состава административного правонарушения.

Наряду с указанными выше, есть группа объектов – конституционные права и свободы граждан, интересы формирования личности несовершеннолетнего – которые традиционно рассматриваются как область межотраслевой дифференциации ответственности в зависимости от характера посягательства и объема причиняемого вреда, и именно здесь возникает наиболее тесное соприкосновение преступлений и проступков.

Анализ позволяет выделить две группы смежных проступков и преступлений, различающихся техникой описания их составов. Первую группу образуют составы административных правонарушений, при конструировании которых законодатель сделал специальную оговорку – «если состав не содержит признаков уголовно-наказуемого деяния». К ним следует отнести составы, описанные в ст. 5.16 КоАП РФ (подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах), ст. 5.22 КоАП РФ (незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме, бюллетеня для общероссийского голосования), ст. 5.35.1 КоАП РФ (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей), ст. 5.46 КоАП РФ (подделка подписей избирателей, участников референдума), ст. 14.16 КоАП РФ (нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции). Во вторую группу следует отнести составы, описание которых не содержит соответствующей оговорки. Они предусмотрены ст. 5.35 КоАП РФ (неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних), ст. 5.37 КоАП РФ (незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью), ст. 5.38 КоАП РФ (нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях), ст. 5.62 КоАП РФ (дискриминация), ст. 6.10 КоАП РФ (вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных

психоактивных веществ или одурманивающих веществ), ст. 6.23 КоАП РФ (вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака), ст. 6.32 КоАП РФ (нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности).

Разграничение преступлений и смежных с ними административных правонарушений хотя и представляет собой известную сложность, тем не менее, вполне успешно преодолевается на практике на основе указанных выше коллизионных правил, а также, с учетом доктринального и нормативного понимания разграничительных признаков, к которым традиционно относятся признаки субъекта, предмет, характер деяния и некоторые иные.

В ряду объектов, раскрывающих интересы личности, существует еще одна группа конституционно значимых ценностей, отношение к которым со стороны законодателя в последние годы существенно меняется. Речь идет о здоровье человека, его физической неприкосновенности, чести и достоинстве. Если из первоначальной редакции УК РФ и КоАП РФ следовало, что лишь неосторожное причинение легкого вреда здоровью не влечет публично-правовой ответственности, тогда как любое деяние (умышленное или неосторожное), связанное с причинением и тяжкого, и средней тяжести вреда здоровью, было уголовно наказуемым, равно как и любое посягательство на честь и достоинство, то в последние несколько лет ситуация коренным образом изменилась. Декриминализация побоев и оскорбления с конструированием соответствующих составов административных проступков, декриминализация неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью с последующей дифференциацией ответственности за проступки, содержащие такой признак, свидетельствуют о том, что в оценке отмеченных объектов произошли существенные сдвиги, официально оправданные потребностью в гуманизации уголовной политики.

Между тем, такие решения далеко не всегда воспринимаются как оправданные, прежде всего, по причине своей непоследовательности и противоречивости. Так, не может восприниматься в качестве продуманных решений декриминализация (Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ) и последующая через несколько месяцев криминализация (Федеральным законом от 28.07.2012 № 141-ФЗ) клеветы; декриминализация оскорбления между частными лицами при сохранении ответственности за оскорбление участников судебного разбирательства и лиц, участвующих в отправлении правосудия (ст. 297 УК РФ), представителя власти (ст. 319 УК РФ), военнослужащего (ст. 336 УК РФ); декриминализация неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью при неустановлении ответственности за это деяние в КоАП РФ и сохранении данного признака в ст. 124 УК РФ.

Эти обстоятельства оцениваются в научной литературе и на практике как отступление от требований всемерной охраны здоровья [4], как нарушение требований системности в политике и

законодательстве [5], как проявление неравного подхода к охране интересов частных лиц и представителей власти [6]. При этом есть основания полагать, что отрицательные оценки законодательных решений являются преобладающими, образуют мейнстрим теоретического дискурса.

Не повторяя общеизвестного относительно требований системности и равенства в установлении ответственности, заметим, что обсуждение состоявшихся законодательных решений в контексте темы межотраслевой дифференциации ответственности должно начинаться с уяснения принципиального вопроса – о допустимости установления административной ответственности за посягательства на здоровье, честь и достоинство граждан.

Но вопрос этот связан не только (а, возможно, и не столько) с социально-правовой оценкой значимости самих этих конституционных ценностей, а с определением сути административно-деликтного законодательства: является ли оно законодательством об ответственности лишь за деяния, которые не обладают высокой («криминальной») общественной опасностью, либо же это законодательство об ответственности за некоторую специфическую группу деяний, так или иначе связанных с административной, управленческой деятельностью государства. Причем, установление природы и сути административно-деликтного законодательства (а следовательно, и административных правонарушений) будет иметь значение не только для решения вопроса о криминализации или декриминализации посягательств на здоровье, честь и достоинство, но также и для оценки посягательств на конституционные права граждан и интересы несовершеннолетних, то есть универсальное значение, приемлемое для всех охраняемых объектов. С учетом этого обстоятельства, должны оцениваться и выдвигающиеся в науке предложения, как о криминализации некоторых административных проступков против личности [7], так и о частичной декриминализации преступлений с установлением административной ответственности за соответствующие деяния [8].

В современной научной литературе нет единого подхода к пониманию природы административных правонарушений. Оставим в стороне большую дискуссию относительно того, стоит ли ограничивать сферу административной ответственности лишь ответственностью государства (публичной администрации) перед индивидом. Это классическое для западной правовой доктрины понимание административной юстиции составляет совершенно самостоятельную область исследования, которая не имеет касательства к нашей теме. Ограничимся анализом административных правонарушений как малозначительных с точки зрения представлений о «криминальной опасности» деликтов, которые совершаются, в том числе «частными» лицами.

В науке было высказано мнение о том, что административно-правовое отношение, как объект административных правонарушений, есть урегулированное административно-правовой нормой

управленческое общественное отношение, в котором стороны выступают как носители взаимных обязанностей и прав, установленных и гарантированных административно-правовой нормой, и содержание которого образует поведение управляемых лиц в сфере реализации исполнительной власти. Отсюда – делается вывод о том, что деяния, которые не связаны с нарушением механизма исполнительной власти, не связаны с посягательством на организационную деятельность (например, клевета и оскорбление), не могут считаться административными правонарушениями [9]. Но такой подход «взламывает» представления о единстве всех предусмотренных в КоАП РФ правонарушений, позволяет выделить в них те, что посягают на опосредованную административными актами управленческую деятельность, и те, что посягают на иные отношения. Определить природу последних в таком случае не представляется возможным. Хотя некоторым выходом из ситуации могла бы здесь стать концепция уголовного проступка [10] (если проступком считать административные правонарушения, не связанные с посягательством на управленческую деятельность), но она только затруднит при таком подходе разграничение и определение правовой природы преступлений, уголовных проступков и административных правонарушений. Согласимся с В.Ф. Лапшиным, который пишет: «Выделение правонарушений переходного значения – уголовных проступков, является нерациональным решением. В противном случае будет иметь место нарушение ... системы межотраслевой дифференциации юридической ответственности, что приведет к значительному увеличению объема действующего уголовного закона, а также к назначению наказаний, схожих по содержанию с мерами административного воздействия. Поэтому виды уголовно наказуемых деяний, которые к настоящему времени утратили присущую преступлению общественную опасность, целесообразнее не переводить в категорию уголовного проступка, а признать административным или иным правонарушением с одновременным включением соответствующей статьи из УК» [11].

В этой связи, нам представляется более убедительным подход, в соответствии с которым административные правонарушения рассматриваются просто как деяния, обладающие меньшей, по сравнению с предусмотренными в УК РФ, опасностью, но единые по своей природе с преступлениями, в рамках учения об «уголовной сфере» и классификацией уголовно-противоправных деяний на преступления, проступки и нарушения [12]. Не углубляясь в решение вопросов о том, по каким конкретно критериям такая градация может (или должна) осуществляться, подчеркнем главное – преступление и административное правонарушение обладают единой, причем подчеркнута уголовно-правовой природой. С этой точки зрения выбор законодателем уголовного или административно-деликтного закона для описания оснований публично-правовой ответственности приобретает дополнительные основания. Более того, при таком подходе поставленный выше вопрос о допустимости применения КоАП РФ для оценки посягательств на здоровье, телесную неприкосновенность, честь и достоинство, а

также права граждан и интересы формирования личности несовершеннолетнего лишается своего основания. Само по себе содержание объекта посягательства не может предопределять выбор вида ответственности за него. Здесь уже «вступают в действие» иные факторы криминализации, включая последствия деяния, способ его совершения, форму вины и т.д. С учетом сказанного, декриминализация деяний против личности, не обладающих с точки зрения законодателя в современных условиях опасностью, достаточной для его признания преступлением, с одновременным (или последующим) установлением за него ответственности в КоАП РФ не может рассматриваться как достаточное основание для критики и оценки политики как дефектной.

Главное условие эффективности таких решений – справедливая оценка общественной опасности деяний и соблюдение выработанных наукой и практикой принципов и правил обеспечения межотраслевой согласованности правовых запретов. Основные эти правила были удачно сформулированы Л.Л. Кругликовым, который верно указывает: «В процессе межотраслевой дифференциации должна обеспечиваться преемственность, в том числе в видах юридической ответственности...; должны четко определяться разграничительные признаки смежных деяний, включаемых в различные отрасли законодательства» [13]. Принципы преемственности и четкости в разграничении оснований административной и уголовной ответственности признаются всеми специалистами. Развивая их, В.Ф. Лапшин указывает: «Сущность правила четкости в определении разграничительных признаков заключается в следующем:

- а) точное совпадение юридически значимых признаков, характеризующих процесс осуществления деяния (действия или бездействия);
- б) установление признаков, характеризующих стоимостное (количественное) выражение общественно опасных последствий, наступивших в результате совершения административного или уголовно-наказуемого деяния, ... что позволяет произвести строгое разграничение указанных видов правонарушений;
- в) максимальный размер санкции за совершение квалифицированного (особо квалифицированного) вида административного правонарушения должен быть менее минимального размера санкции, установленной за совершение аналогичного уголовно-наказуемого деяния» [14].

Нет оснований оспаривать приведенные цитаты. Однако, отталкиваясь от этих правил, следует обратить дополнительное внимание на процессы нормативного разграничения преступлений и административных правонарушений, посягающих на личность.

Начнем, пожалуй, с одного из наиболее спорных и сложных решений законодателя – с декриминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью. Это решение, коснувшееся не только ст. 118 УК РФ, но и ст. 143, 216, 219,

263, 264, 266, 267, 268, 269 УК РФ, не сопровождалось синхронным включением ответственности за неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью в КоАП РФ [15], лишь гораздо позднее соответствующий признак был добавлен в качестве квалифицирующего в некоторые составы административных проступков, связанных с нарушением специальных правил безопасности (в 2005 году в ст. 12.24, в 2007 году – в ст. 12.30, в 2009 году – в ст. 11.5, в 2011 году – в ст. 20.4, в 2017 году – в ст. 12.34 КоАП РФ). При этом, как показывает анализ, изменения в КоАП РФ компенсировали изменения в составах УК РФ, связанных с нарушением специальных правил безопасности, где здоровье было описано в качестве дополнительного объекта. Собственно же исключение ответственности за причинение «бытового» и «профессионального» неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью не было компенсировано в КоАП РФ созданием соответствующей нормы. А, следовательно, такие деяния остаются сегодня в принципе без публично-правовой реакции. Между тем, данные статистики свидетельствуют, что на момент исключения из УК РФ ч. 3 и ч. 4 ст. 118 УК РФ, по данным нормам осуждалось в среднем около тысячи человек (в частности, в 2003 году – 893 человека по ч. 3 ст. 118 УК РФ и 36 человек – по ч. 4 ст. 118 УК РФ). Законодатель не посчитал возможным установить для этой категории правонарушителей возможность привлечения к административной ответственности, как это было сделано, к примеру, в отношении лиц, совершающих побои, хотя, если сравнивать санкцию первоначальной редакции ч. 3 ст. 118 УК РФ и санкцию переведенных в разряд административных проступков побоев (ст. 116 УК РФ), то они были сопоставимы, а санкция ч. 4 ст. 118 УК РФ – даже более тяжкая, нежели санкция ст. 116 УК РФ. Такое положение вещей, по нашему убеждению, не является оправданным. Полагаем, что и опасность неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью, и правила межотраслевой согласованности дифференциации ответственности, и начала системности законодательства требуют того, чтобы в КоАП РФ появилась общая норма об ответственности за такое деяние.

Критические оценки декриминализации неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью приводят некоторых специалистов к иным выводам. К примеру, И.М. Антонов полагает, что «неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью:

- 1) обладает выраженным характером и достаточно высокой степенью общественной опасности;
- 2) причиняет значительный материальный и моральный ущерб;
- 3) имеет достаточно широкое распространение;
- 4) поддается воздействию уголовно-правовыми средствами. Следовательно, его можно и нужно криминализовать вновь» [16].

Между тем, выбор вида противоправности неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью должен быть поставлен в рамки общей направленности уголовной политики. С учетом последовательно реализуемого в стране курса на максимальную гуманизацию законодательства, принимая во внимание отмеченную выше уголовно-правовую природу административных проступков и их сущностное единство с преступлениями, нам представляется, что возврат к нормам УК РФ для оценки исследуемого деяния был бы неоправданным, а задачи публичного наказания и предупреждения неосторожного причинения средней тяжести вреда здоровью могут вполне успешно решаться нормами КоАП РФ.

Далее, с точки зрения принципов межотраслевой дифференциации ответственности и правил преемственности, надо оценить положения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за угрозы. В рамках регламентации ответственности за посягательства на личность законодатель криминализирует их либо в качестве самостоятельного преступления (ст. 119 УК РФ), либо описывает в качестве способа совершения иных преступлений (ст. 120, 126, 127.2, 131, 132 и др. УК РФ). В КоАП РФ также неоднократно используется понятие угрозы, однако здесь оно используется для описания, прежде всего, последствий действий виновных лиц, которые создают угрозу причинения того или иного вреда. Вместе с тем, в одной единственной норме КоАП РФ угроза характеризует способ совершения деяния. В ст. 5.40 КоАП РФ установлено наказание за принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке путем насилия или угроз применения насилия либо с использованием зависимого положения принуждаемого.

Ответственность за угрозы – большая и вполне самостоятельная тема, полноценно исследовать которую в рамках данной статьи не представляется возможным. Однако некоторые вполне очевидные соображения нельзя не отметить. Анализ показывает, что в качестве самостоятельного деликта ни УК РФ, ни КоАП РФ не называет угрозы совершения против человека какого-либо иного, кроме убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, преступления, например, угрозы причинения средней тяжести вреда здоровью, угрозы обращения в рабство, угрозы совершения изнасилования и насильственных сексуальных действий. Такие деяния остаются вне сферы публично-правовой оценки. Кроме того, угрозы, которые описаны в качестве способов совершения тех или иных преступлений, и угроза в ст. 5.40 КоАП РФ носят, как правило, весьма ограниченный по своему содержанию характер. В связи с чем, например, вне сферы правового воздействия оказываются принуждение к забастовке под угрозой уничтожения имущества или совершение полового сношения под угрозой уничтожения имущества или под угрозой распространения информации, которое может причинить вред потерпевшей или иным лицам (в частности, под угрозой разглашения тайны усыновления). Требуется большого напряжения сил и широкого толкования

закон возможность квалификации в качестве преступления принуждения к изъятию органов или тканей для трансплантации под угрозой изнасилования.

Эти проблемы являются следствием двух упущений: отсутствия общей нормы об ответственности за угрозу и наличием множества специализированных предписаний, плохо согласованных между собой. Выход из ситуации видится, прежде всего, в необходимости проведения большой работы по обеспечению системности оценки угрозы в нормах уголовного закона, но кроме того, также в использовании потенциала административно-деликтного законодательства. В литературе предложено создать ряд норм КоАП РФ, позволяющих оценить различные угрозы [17]. Однако нам представляется, что конструирование множества специальных норм – тупиковый путь, который к тому же приведет к неоправданному увеличению нормативного материала. Было бы разумным дополнить КоАП РФ нормой общего порядка, предусматривающей ответственность за угрозу применения насилия, уничтожения имущества, распространения информации, которое может причинить вред интересам потерпевшего, с одной важной принципиальной оговоркой, известной действующему закону – «при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния».

Наибольшую область соприкосновения в деле охраны личности УК РФ и КоАП РФ имеют при регламентации ответственности за нарушения конституционных прав и свобод граждан. Более половины преступлений из главы 19 УК РФ (11 из 17) имеют смежные составы административных проступков. Анализ показывает, что законодатель стремится к тому, чтобы предусмотреть четкие признаки, позволяющие их разграничить, используя в этих целях признаки, характеризующие последствия, способ, субъекта, мотив преступления. Это позволяет правоприменителю относительно успешно решать проблему разграничения деяний.

Вместе с тем, некоторые закрепленные в законе решения вызывают критическую оценку:

– справедливо исключив признак последствий в составе дискриминации, поскольку любое нарушение политических прав гражданина неотделимо от существенных последствий, законодатель, тем не менее, сохранил этот разграничительный признак при описании составов отказа в предоставлении гражданину информации. Однако отказ в предоставлении информации, затрагивающей права гражданина, который не влечет за собой нарушения прав этого гражданина, теоретически и практически немислим. В связи с чем логика требует трансформации состава преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, из материального в формальный. Но при таком подходе деяния, указанные в ст. 140 УК РФ и ст. 5.39 КоАП РФ, становятся неразличимыми, что с учетом представлений об общественной опасности этого деяния ставит вопрос о целесообразности сохранения в системе законодательства нормы об ответственности за административный проступок [18];

– справедливо усиливая ответственность за посягательства на избирательные права граждан, законодатель не в полной мере определился с опасностью такого деяния как подкуп избирателей и участников референдума. Указание на подкуп как на способ воспрепятствования свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав, нарушения тайны голосования, а также воспрепятствования работы избирательных комиссий либо деятельности их членов, поставило неразрешимую проблему отграничения деяния, указанного в п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, от проступка, описанного в ст. 5.16 КоАП РФ. От правоприменителя требуется отграничить подкуп, направленный на воспрепятствование избирательным правам, и подкуп, не направленный на такое воспрепятствование. Но должно быть очевидным, что подкуп сам по себе есть воспрепятствование свободе осуществления избирательных прав. С этой точки зрения вполне оправданным выглядят рекомендации специалистов исключить из системы охранительных норм ст. 5.16 КоАП РФ и предусмотреть в УК РФ отдельную норму об ответственности за подкуп избирателей [19].

Некоторые нарушения в принципе преемственности и системности наблюдаются при дифференциации ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних.

Так, смежный с составом вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 6.10 КоАП РФ, вполне отчетливо отличается признаком систематичности действий виновного лица и его возрастом.

Между тем, предметом административного проступка выступают, среди прочего, новые потенциально опасные психоактивные вещества, систематическое вовлечение в употребление которых не влечет усиления ответственности ни в пределах КоАП РФ, ни на основании норм УК РФ. Эти вещества – достаточно новая для законодательства субстанция и подход к оценке действий в отношении них не отличается последовательностью. Законодатель криминализировал действия по незаконному обороту новых психоактивных веществ, наряду с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Что же касается оценки действий по склонению к потреблению таких веществ, он проявил непоследовательность: установил уголовную ответственность за склонение (то есть совершение разовых действий) к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершенное в отношении несовершеннолетнего, однако для оценки действий, связанных с разовым или систематическим склонением несовершеннолетних к потреблению новых потенциально опасных веществ, использовал только возможности КоАП РФ. Это при том, что вовлечение несовершеннолетних в систематическое потребление менее опасных веществ, в частности, алкогольной и спиртосодержащей продукции, признается преступлением. Полагаем, что в данном случае

допущена ошибка, которую следует исправить. У законодателя есть два варианта: либо использовать конструкцию ст. 151 УК РФ, либо потенциал ст. 230 УК РФ. Все зависит от оценки им опасности новых потенциально опасных психоактивных веществ и определения их природы: следует ли их рассматривать как близкие к алкогольной продукции и требовать для криминализации систематических действий взрослого лица или же их следует рассматривать как близкие к наркотическим и психотропным веществам и на этой основе предлагать достаточным одним фактом склонения для криминализации. С учетом того, что новые потенциально опасные психоактивные вещества это вещества, оборот которых в РФ запрещен [20], нам видится более логичным и правильным использование для оценки случаев склонения к потреблению таких веществ возможностей уголовного закона, в частности, ст. 230 УК РФ, что, однако, потребует соответствующей корректировки ст. 6.10 КоАП РФ.

С точки зрения согласованности норм, вызывает сомнения справедливость решения законодателя об установлении различных возрастных рамок субъекта ответственности деяний, указанных в ст. 151 УК РФ и ст. 6.10 КоАП РФ. Складывается ситуация, при которой нормы административного законодательства применяются для оценки систематических действий лица в возрасте 16–17 лет, а также, для оценки разовых (единичных) действий всех лиц, достигших 16 лет, тогда как нормы УК РФ – только для оценки систематических действий, достигших восемнадцатилетия. При этом требование возрастного превосходства виновного над потерпевшим выдвинуто только для состава преступления. Но именно это требование, на наш взгляд, и должно быть доминирующим при выборе решения о возрасте субъекта правонарушения, поскольку его соблюдение обеспечивает надлежащее содержание умысла и степень виновности. А потому разумным мы полагаем повысить возраст субъекта правонарушения в ст. 6.10 КоАП РФ с тем, чтобы обеспечить межотраслевую преемственность и согласованность.

Литература:

1. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 (вопрос 15). URL : <https://www.vsr.f.ru/documents/all/28882/> (дата обращения 15.02.2021).
2. Чуличкова Е.А. Межотраслевые коллизии уголовно-правовых норм с охранительными нормами права иной отраслевой принадлежности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Чуличкова. Челябинск, 2011. С. 11–12.
3. См. п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых

Подводя итог исследованию вопросов, поднятых в настоящей статье, нам представляется возможным сформулировать следующие основные выводы и предложения:

– статистический аспект дифференциации оснований ответственности за посягательства на личность выражается в системе смежных составов преступлений и административных правонарушений, конструирование которых должно быть подчинено требованиям преемственности составов и четкости (определенности) изложения их признаков в тексте нормативных правовых актов; надежным технико-юридическим приемом разграничения составов правонарушений должна служить оговорка в составах административных правонарушений об отсутствии в них признаков уголовного наказуемого деяния;

– соблюдение правил межотраслевой дифференциации ответственности за посягательства на личность предполагает необходимость корректировки действующего законодательства по следующим направлениям:

а) включение в КоАП РФ норм об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности и за угрозу применением насилия, уничтожением имущества, распространением информации, которое может причинить вред интересам потерпевшего;

б) исключение из КоАП РФ ст. 5.39 и ст. 5.16; исключение из числа признаков правонарушения, предусмотренного ст. 6.10 КоАП РФ, вовлечения несовершеннолетнего в употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ;

в) исключение последствий из числа обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ; криминализация на уровне отдельной статьи закона подкупа избирателей и участников референдума; криминализация в рамках ст. 230 УК РФ склонения несовершеннолетнего к употреблению новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Literature:

1. Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) № 2 on the territory of the Russian Federation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30.04.2020 (question 15). URL : <https://www.vsr.f.ru/documents/all/28882/> (date of application 15.02.2021).
2. *Chulichkova E.A.* Intersectoral collisions of criminal law norms with protective norms of law of other branch affiliation : autoref. diss. ... cand. jurid. Sciences / E.A. Chulichkova. Chelyabinsk, 2011. P. 11–12.
3. See paragraph 8 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 5 of 12.03.2002 «On judicial practice in cases of theft, extortion and illegal trafficking of weapons,

- веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5.
4. *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской уголовной политики / Э.Ф. Побегайло // Уголовное право. 2004. № 4. С. 115.
5. См.: *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса / А.И. Коробеев. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 260.
6. См.: Законопроект № 956144-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части исключения из Уголовного кодекса РФ статьи 319». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/956144-7> (дата обращения 25.01.2021).
7. *Аратова А.А.* Административная ответственность за оскорбление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Аратова. М., 2013. С. 11, 18.
8. *Красильникова Е.В.* Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Красильникова. Казань, 2007. С. 20–21.
9. *Пелипенко Р.С.* О декриминализации клеветы и оскорбления / Р.С. Пелипенко // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 4. С. 163–171.
10. *Рогова Е.В.* Уголовный проступок и межотраслевая дифференциация ответственности / Е.В. Рогова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3 (59). С. 23–29.
11. *Лапшин В.Ф.* Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Ф. Лапшин. Казань, 2016. С. 15–16.
12. *Головко Л.В.* Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) / Л.В. Головко // Международное правосудие. 2013. № 1(5). С. 42–52.
13. *Кругликов Л.Л.* Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения / Л.Л. Кругликов // Lex Russica. 2014. № 3. С. 307, 310.
14. *Лапшин В.Ф.* Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Ф. Лапшин. Казань, 2004. С. 17.
15. Федеральный закон от 08.12.2003 № 161-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2002. № 5.
4. *Pobegailo E.F.* The crisis of modern Russian criminal policy / E.F. Pobegailo // Criminal law. 2004. № 4. P. 115.
5. See: *Korobeev A.I.* Criminal law policy of Russia: from genesis to the crisis / A.I.Korobeev. M. : Yurлитinform, 2019. P. 260.
6. See: Draft Law № 956144-7 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation with regard to the exclusion of Art. 319 from the Criminal Code of the Russian Federation». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/956144-7> (date of application 25.01.2021).
7. *Aratova A.A.* Administrative responsibility for insult : autoref. diss. ... cand. jurid. / A.A. Aratova. M., 2013. P. 11, 18.
8. *Krasilnikova E.V.* Obstruction of the legal professional activity of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation): questions of legislative technique and differentiation of responsibility : autoref. dis. ... cand. jurid. Sciences / E.V. Krasilnikova. Kazan, 2007. P. 20–21.
9. *Pelipenko R.S.* On decriminalization of slander and insults / R.S. Pelipenko // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 4. P. 163–171.
10. *Rogova E.V.* Criminal offense and intersectoral differentiation of responsibility / E.V. Rogova // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2017. № 3(59). P. 23–29.
11. *Lapshin V.F.* Theoretical foundations of establishing and differentiating responsibility for financial crimes : autoref. dis. ... d-ra legal sciences / V.F. Lapshin. Kazan, 2016. P. 15–16.
12. *Golovko L.V.* The ratio of criminal crimes and administrative offenses in the context of the concept of Criminal Matter (criminal sphere) / L.V. Golovko // International Justice. 2013. № 1(5). P. 42–52.
13. *Kruglikov L.L.* The concept, grounds and types of differentiation of responsibility for crimes and other offenses / L.L. Kruglikov // Lex Russica. 2014. № 3. P. 307, 310.
14. *Lapshin V.F.* Crimes in the sphere of distribution of financial resources: issues of differentiation of responsibility and legislative technique : autoref. dis. ... cand. jurid. Sciences / V.F. Lapshin. Kazan, 2004. P. 17.
15. Federal law dated 08.12.2003 № 161-FZ (as amended on 03.07.2016) «On the enforcement of the Criminal procedure code of the Russian Federation and other legislative acts in accordance with the Federal law «On amendments and additions to the criminal code of the Russian Federation» // meeting of the

Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

16. Антонов И.М. Пенализация преступлений, причиняющих вред здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.М. Антонов. Владивосток, 2004. С. 10.

17. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. М. : РГУП, 2017. С. 116.

18. См.: Смирнов В.А. Статья 140 УК РФ как уголовно-правовое средство обеспечения прав гражданина на информацию в сфере оказания трансплантологической помощи / В.А. Смирнов // Сибирский юридический вестник. 2007. № 3(38). С. 53.

19. См.: Кругленя А.Н. Подкуп на выборах, референдуме: преступление или административное правонарушение / А.Н. Кругленя // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 2. С. 31.

20. См. ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

legislation of the Russian Federation. 2003. № 50. Art. 4847.

16. Antonov I.M. Penalization of crimes that cause harm to health : autoref. dis. ... cand. legal sciences / I.M. Antonov. Vladivostok, 2004. P. 10.

17. The interaction between criminal and tort law / Ed. by J.E. Pudovochkin, N.I. Pichurova. M. : RGUP, 2017. P. 116.

18. See: Smirnov V.A. Article 140 of the criminal code as the criminal-legal means of ensuring the rights of the citizen to information in the provision of transplant care / V.A. Smirnov // Siberian legal Bulletin. 2007. № 3(38). P. 53.

19. See: Krupina A.N. Bribery in elections, referendums: a crime or an administrative offence / A.N. Kruglen // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 2. P. 31

20. Cm. article 1 of the Federal law of 08.01.1998 № 3-FZ (as amended on 26.07.2019) «On narcotic drugs and psychotropic substances» // meeting of the legislation of the Russian Federation. 1998. № 2. Art. 219.

Пермяков Максим Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
Уральский государственный
экономический университет,
Уральский государственный
юридический университет
pmv0929@yandex.ru

Баннх Станислав Германович

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Уральский государственный
экономический университет
Bannyx.Stas@mail.ru

Сарапульцева Анастасия Владиславовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии,
Уральский государственный
экономический университет
vladislavaanastasevna@gmail.com

**КАЧЕСТВО ПРАВОВЫХ АКТОВ,
ВОЗНИКАЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РФ**

Аннотация. Для оценки качества правовых актов используются различные инструменты юридических технологий. В статье авторами рассмотрен один из таких инструментов – мониторинг нормативно-правовых актов. Мониторинг широко используется для оценки фактически достигнутых результатов в сравнении с запланированными целями создания правового документа. Особенно это актуально для рассмотрения работы следственного комитета, в котором за последние 10 лет произошли значительные изменения.

Ключевые слова: следственный комитет, юридические технологии, мониторинг правоприменения, мониторинг нормативно-правовых актов, мониторинг правового пространства.

Деятельность следственного комитета в России, несомненно, является важной и неотъемлемой частью в структуре правоохранительной системы и регулируется Федеральным законом «О следственном комитете РФ» [1]. Основные задачи следственных комитетов:

– обеспечение качества и оперативности расследования преступлений в соответствии с подследственностью;

Maxim V. Permyakov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Ural State
University of Economics,
Ural State
University of Law
pmv0929@yandex.ru

Stanislav G. Bannykh

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of History
and Philosophy,
Ural State University of Economics
Bannyx.Stas@mail.ru

Anastasia V. Sarapultseva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of History
and Philosophy,
Ural State University of Economics
vladislavaanastasevna@gmail.com

**THE QUALITY OF LEGAL
ACTS ARISING IN THE ACTIVITIES
OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. Various tools of legal technologies are used to assess the quality of legal acts. The article considers one of such tools – monitoring of regulatory legal acts. Monitoring is widely used to evaluate the actual results achieved in comparison with the planned goals of creating a legal document. This is especially true for the work of the investigative Committee, which has undergone significant changes over the past 10 years.

Keywords: investigative committee, legal technologies, monitoring of law enforcement, monitoring of normative legal acts, monitoring of the legal space.

– обеспечение регистрации и законности при приеме и проверке сообщений о преступлениях;

– процессуальный контроль деятельности Органов следственного комитета;

– международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства [1].

Основываясь на отдельных положениях законодательства, можно определить, что руководство

органами следственного комитета осуществляет Президент РФ, в том числе, в его полномочия входит установление его штатной численности. Тем самым, можно сделать вывод о том, что следственный комитет, по сути, является органом подконтрольным Президенту РФ.

Наряду с Федеральным законодательством, правоохранительная деятельность следственного комитета регламентируется и иными нормативными правовыми актами, а именно:

- Указом Президента РФ «Вопросы деятельности следственного комитета РФ» [2];
- Отдельным ведомственным Положением о следственном комитете РФ [3];
- Кодексом этики служебного поведения федеральных государственных служащих;
- Указом Президента РФ «О мониторинге правоприменения» [4], и другими нормативно-правовыми актами.

Оценка качества правовых актов деятельности следственного комитета заключается в изучении эффективности полученных практических результатов и соответствия их тем целям, которые изначально определены целевыми нормативно-правовыми актами. В настоящее время используется комплексный подход для оценки эффективности регулирования норм права, включающий различные юридические технологии.

Юридические технологии – это комплекс инструментов, позволяющих оценить эффективность нормативно-правовых актов, сюда входят:

- правовой мониторинг;
- мониторинг нормативно-правовых актов;
- мониторинг правоприменительной практики закона;
- мониторинг правового пространства и т.д. [5]

Правовой мониторинг нормативных актов следственного комитета заключается в наблюдении,

анализе, обобщении и оценке информации о качестве принимаемых и действующих правовых документов. В рамках написания данной работы оценим последствия принятия Закона о следственном комитете РФ [1] и образования органа «Следственный комитет».

Реформа следственных органов началась в 2007 году, с того момента, как функции прокурорского надзора и следствия были разделены. В соответствии с Положением о Следственном комитете РФ, 15.01.2011 года был образован орган - «Следственный комитет». Подписание Указа Президента о вопросах деятельности следственного комитета [2], а также, Положения о деятельности следственного комитета позволило четко разделить функции расследования и надзора за ним.

В результате, повысилось качество следствия и его объективность:

- за период с 2011 по 2019 г. следователями следственного комитета было проверено более 9 млн сообщений о преступлении;
- за аналогичный период было возбуждено более 1 млн 100 тыс. уголовных дел, из них только в 2019 году в суд направлены более 80 тыс. дел;
- наряду с этим, существенно повысилось качество материалов, направляемых органами следствия; о данном факте можно судить по тем критериям, что число возвращенных материалов уголовных дел, возвращенных судами на доследственную проверку и доработку, начиная с 2006 года, уменьшилось в 3,5 раза [6].

Об эффективности работы следственного комитета говорят данные по увеличению раскрываемости преступлений прошлых лет (табл. 1)

Таблица – Число раскрытых преступлений прошлых лет, предварительное следствие по уголовным делам которых было приостановлено до 07.09.2007 года. Данные о раскрываемости в 2007–2016 гг. [7]

Таблица 1

Федеральный округ	Число раскрытых преступлений
Центральный	2657
Приволжский	2780
Сибирский	2718
Северо-Западный	1739
Северо-Кавказский	1265
Южный	1297
Уральский	1496
Дальневосточный	1549

Приведенные данные говорят о высокой эффективности работы следственного комитета, и, соответственно, о высоком качестве теоретической проработки принятых нормативно-правовых актов, на основании которых и регламентируется деятельность органов следственного комитета РФ.

За годы работы, следственным комитетом было возмещено ущерба на сумму более 153 млрд руб. [6], что также говорит об эффективности работы следственного комитета.

Однако некоторые правовые акты следственного комитета оказались не эффективными, вследствие чего, утратили силу:

– приказ Следственного комитета о порядке приема, регистрации и проверке сообщений о совершенных преступлениях. Данный нормативно-правовой акт предполагал утверждение инструкции о порядке приема, регистрации и проверке сообщений о преступлениях. Данный документ утратил силу 16.03.2013 г.;

– приказ о компетенции специализированных следственных органов. Документ утратил силу 14.01.2011 г.

Таким образом, качество правовых актов в работе следственного комитета определяется теми результатами, которые были достигнуты после принятия Указов, законов, Положений и других нормативных правовых актов. Для оценки качества правовых актов используются инструменты юридических технологий, в том числе, и мониторинг эффективности правовых актов.

Литература:

1. Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 01.02.2018).
2. Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (ред. от 22.12.2016) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ от 19.01.2012 № 82, от 22.05.2014 № 353, от 25.07.2014 № 529, от 01.09.2014 № 607, от 08.03.2015 № 127, от 01.07.2020 № 442.
4. Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 (ред. от 25.07.2014) «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации».
5. *Глазкова М.Е.* Оценка эффективности действия нормативно-правовых актов: современные подходы / М.Е. Глазкова // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 73–80.
6. Выступление Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации URL : <http://www.proza.ru/2018/04/03/997> (дата обращения 11.05.2018).
7. Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL : <http://sledcom.ru/> (дата обращения 11.05.2018).

Проведенный нами анализ показал, что акты, принятие которых позволило повысить эффективность работы следственного комитета, имеют высокое качество, акты, оказавшиеся неэффективными, утратили силу, демонстрируя низкое качество предложенных инструментов и путей развития следственного комитета. Как правило, на основании актов, утративших силу, создаются новые нормативные документы, вносятся соответствующие поправки, которые впоследствии могут повысить эффективность деятельности как отдельных следственных органов в частности, так и всей правоохранительной системы в целом, исходя из тщательной проработки и апробации принимаемых управленческих и организационных актов, в том числе, и носящих межведомственный характер.

Literature:

1. Federal Law «On the Investigative Committee of the Russian Federation» of 28.12.2010 № 403-FZ (as amended on 01.02.2018).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 14.01.2011 № 38 (as amended on 22.12.2016) «Issues of the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation».
3. Decree of the President of the Russian Federation of 19.01.2012 № 82, of 22.05.2014 № 353, of 25.07.2014 № 529, of 01.09.2014 № 607, of 08.03.2015 № 127, of 01.07.2020 № 442.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 20.05.2011 № 657 (ed. of 25.07.2014) «On monitoring law enforcement in the Russian Federation».
5. *Glazkova M.E.* Evaluation of the effectiveness of regulatory legal acts: modern approaches / M.E. Glazkova // Journal of Russian Law. 2011. № 9. P. 73–80.
6. Speech of the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastrykin at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation URL : <http://www.proza.ru/2018/04/03/997> (date of application 11.05.2018).
7. Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL : <http://sledcom.ru> (date of application 11.05.2018).

Прошин Владимир Михайлович

доктор юридических наук,
профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Московский государственный
областной университет
advokat.proshin.v.m@gmail.com

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация. Криминалистика как наука, обеспечивая выявление закономерностей объективной природы, механизма образования и свойств следов, как источников сведений об обстоятельствах, формирующих предмет доказывания по уголовному делу, имеет также в качестве предмета исследования и отдельно зародившиеся обстоятельства, и на определённом этапе исследования, ещё не вступившие во взаимодействие между собой по формированию будущего события преступления, но оставляющие следы своего существования, как в узком, так и в широком криминалистическом понимании. Эти обстоятельства на этапе своего появления и начала движения во времени и пространстве демонстрируют проявления криминальных закономерностей, имеющих возможность обеспечить в будущем формирование события преступления, в силу чего они попадают в поле исследования и анализа науки криминалистика. Криминалистическое исследование материальной отражённости сведений о существенных характеристиках этих отдельных обстоятельств настоящего позволяет моделировать вариативность причинно-следственной заданности форм и содержания будущих событий преступлений.

Ключевые слова: предмет исследования криминалистики, криминалистический след в узком и широком понимании, событие преступления, предмет доказывания, механизм совершения преступления, криминалистическая характеристика преступления, сведения об обстоятельствах преступления, субъект преступления, криминальные закономерности, следообразования, криминалистическое моделирование.

Одним из значимых фрагментов предмета изучения криминалистики является природа, механизм образования, свойства и признаки следов, включая способы их обнаружения, фиксации и исследования в целях получения сведений об обстоятельствах расследуемого события.

Общепринятым среди учёных-криминалистов является понимание следов в узком и широком смысле [1]. След в узком смысле – это любое

Vladimir M. Proshin

Doctor of Law Sciences,
Professor of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Moscow State Regional University
advokat.proshin.v.m@gmail.com

POSSIBLE DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMINALISTICS SCIENCE

Annotation. Forensic science, as a science, providing the identification of regularities of the objective nature, the mechanism of formation and properties of traces, as sources of information about the circumstances that form the subject of proof in a criminal case, also has as a subject of research and separately arisen circumstances, at a certain stage of research that have not yet interacted among themselves in the formation of a future crime event, but leaving traces of their existence, both in the narrow and in the broad forensic understanding. These circumstances, at the stage of their appearance and the beginning of movement in time and space, demonstrate the manifestations of criminal laws that have the ability to ensure the formation of a crime event in the future, due to which they fall into the field of research and analysis of the science of forensic science. A forensic study of the material reflection of information about the essential characteristics of these individual circumstances of the present makes it possible to model the variability of the causal assignment of the forms and content of future events of crimes.

Keywords: subject of forensic research, forensic trail in a narrow and broad sense, crime event, subject of proof, mechanism of the crime, forensic characteristics of the crime, information about the circumstances of the crime, the subject of the crime, criminal laws, trace formation, forensic modeling.

материально фиксированное отражение в материальной среде события преступления. След в широком смысле – это любое изменение материальной среды при взаимодействии объектов живой и неживой материи в череде обстоятельств, обуславливающих пространственно-временное протекание исследуемого события.

В контексте данного понимания следов и формируется одна из основных функций кримина-

листки, каковой является исследование отражательных процессов, результаты которых связаны с обстоятельством расследуемого события преступления. В данном случае, основой предмета исследования криминалистики как науки является выявление закономерностей объективной природы, механизма образования и свойств следов, как источников сведений об обстоятельствах, формирующих предмет доказывания в соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ по уголовному делу, а значит, подлежащих, согласно ст. 85 УПК РФ, сбору, проверке и оценке [2].

Сведения об обстоятельствах, знаменующих, в совокупности, предмет доказывания по уголовному делу, добываются из различных источников, основу которых составляют результаты криминалистического анализа и исследования следов в узком и широком понимании, в том числе, включающих и идеальные следы, то есть, отражение в сознании участников уголовного судопроизводства значимой информации о событии преступления. В данном случае формула криминалистического исследования выглядит следующим образом: на основе сведений об обстоятельствах прошлого, обусловивших формирование и протекание механизма совершения преступления, лицо, производящее расследование, воссоздаёт данный механизм в целях криминалистического поиска, правильной квалификации содеянного и предотвращения совершения уголовно наказуемых действий в будущем. То есть, сведения, отразившиеся в следах, повествуют об обстоятельствах произошедшего события.

Эти сведения являются совокупностью точечных (фрагментальных) данных о событии прошлого. Более того, очень часто полнота сведений об обстоятельствах произошедшего события, является относительной, и доказательная сила этих сведений восполняется логикой причинно-следственного моделирования и субъективной оценкой. В данном случае, криминалистика обеспечивает лицо, производящее расследование преступления, средствами, способами и методами поиска и обнаружения доказательств, их исследования и анализа в целях получения объективных, достоверных и полных сведений об обстоятельствах уже произошедшего события преступления. То есть, научно-прикладной потенциал криминалистики используется в соответствии с логикой вектора времени: в настоящем времени добываются знания о прошлом.

В рамках криминалистического взгляда на проблему следообразования попробуем поставить вопросы вопреки логике познавательного процесса вектора времени: Может ли событие, которое произойдёт в будущем, отражаться в следах настоящего времени? Какова степень обусловленности и предсказуемости наступления предстоящего события по форме и содержанию фактом возникновения в настоящем времени отдельных обстоятельств, как элементов будущего события, и социальной заданностью направления пространственно-временного движения и взаимодействия этих обстоятельств, которым, в будущем, и предстоит формировать форму и содержание будущего события?

Любое событие, в том числе, и событие преступления, состоит из совокупности обстоятельств, которые имеют динамику пространственно-временного существования: зарождение, существование в процессе движения и взаимодействия и прекращение. В данном случае, отдельно зародившиеся обстоятельства и пока ещё не вступившие во взаимодействие между собой по формированию будущего события, на данном этапе своего существования не могут не оставлять следы, как в узком, так и в широком криминалистическом понимании. Если эти обстоятельства на этапе своего появления и начала движения во времени и пространстве демонстрируют проявления криминальных закономерностей, имеющих возможность обеспечить в будущем формирование события преступления, то они попадают в поле исследования и анализа науки криминалистика.

Под проявлением криминальных закономерностей на этапе движения к событию преступления, на наш взгляд, следует понимать интеллектуально-волевое стремление к игнорированию участником исследуемого обстоятельства урегулированного текущим законодательством баланса как публичных, так и частных интересов третьих лиц в общественных отношениях, в рамках которых возникло и развивается исследуемое обстоятельство. И на этапе первых признаков проявлений криминальных закономерностей по нарушению указанного баланса интересов, следы этих проявлений указывают на высокую степень общественной опасности.

И в данном случае встаёт задача криминалистического поиска, исследования и анализа следов, дающих сведения об отдельных обстоятельствах именно на стадии их зарождения и движения к формированию предстоящего события преступления. То есть, событие ещё не наступило, а следы своего предстоящего существования оставляет; вернее, оставляемые следы являются результатом отражательных процессов обстоятельства, которые в ходе своего пространственно-временного движения вступают во взаимодействие, и данная оригинальная совокупность взаимодействующих обстоятельств и будет воплощать то событие, о вероятной предрешенности формирования которого и указывали следы отражённых обстоятельств.

Таким образом, события ещё нет, а следы его элементарного формирования уже существуют, динамический ход конструирования будущего события преступления формирует следы, которые, с необходимостью, входят в сферу предмета исследования криминалистики. И в этом случае криминалистика отправляет функцию прогностного моделирования (криминалистического прогноза) будущего события преступления, определяя вариативность элементов криминалистической характеристики и механизма совершения преступления, на движение к которому указывают следы совокупности, векторно направленных обстоятельств.

Следовательно, криминалистическое исследование материальной отражённости сведений о существенных характеристиках обстоятельств настоя-

щего позволяет моделировать вариативность причинно-следственной заданности форм и содержания будущих событий преступлений.

Научное значение данной прикладной возможности криминалистики реализуемо в следующих направлениях:

1) когда в ходе расследования уголовного преступления при заданности произошедшим событием преступления криминальной динамики действий преступника по дальнейшему совершению череды преступлений, по сокрытию следов их совершения и по противодействию процессу расследования встаёт задача пресечения данных действий, в том числе, и на основе прогнозного моделирования направления пространственно-временного развития содержательных контуров будущих обстоятельств, осознаваемая субъектом преступления плановость либо объективная очевидность формирования которых и обуславливает его предстоящую интеллектуально-волевою преступную деятельность;

2) в вопросах профилактики преступности, как при изучении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, по итогам обобщения опыта борьбы с конкретными видами преступлений, так и при анализе федеральных планов и программ развития в различных социальных и экономических направлениях на предмет наличия криминальных закономерностей, способных формировать в будущем события преступлений, по форме и содержанию связанные с реализацией данных планов и программ.

Значение и потребность в криминалистическом прогнозировании вероятности формирования и протекания событий преступления диктуется возможностями цифровых технологий по формализации процедуры обработки сведений о зарождении обстоятельств, как носителей криминальных закономерностей, и вариативности их движения к будущему событию преступления.

Одними из основных направлений профилактики преступности помимо изучения причин и условий совершённых преступлений является формирование понимания причин и условий вероятных событий преступлений будущего. И в данном случае, как и при анализе обстоятельств, способствовавших совершению уже произошедших событий преступлений, так и в вопросе моделирования форм и содержания будущих преступлений, значительную часть научного исследования предстоит взять на себя науке криминалистика. Именно криминалистика, в соответствии с предметом своего исследования, призвана фиксировать результаты отражательных процессов криминальных закономерностей в ходе возникновения и движения обстоятельств к формированию будущего события преступления. Значение прогнозной функции криминалистики в современных условиях возрастает в силу следующего аспекта развития цифровых технологий.

Признание необходимости развития цифровых технологий вытекает как из содержания принимаемых в последние годы государственных

бюджетов, так и из содержания разрабатываемых и принимаемых законов, регулирующих практически все стороны развития Российской Федерации как социального политического государства. В этом ключе уделяется также большое внимание созданию и развитию отечественного программного обеспечения. Быстродействие и универсальность цифровых технологий выдвигают в качестве основы развития всего общества необходимости программного вычисления вероятной степени эффективности достижения планируемых по времени промежуточных и конечного результата в системе государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы.

При этом немаловажной задачей, обеспечивающей эффективность принимаемых государственных программ по перераспределению материальных благ, обеспечивающих реальность социальных гарантий, прав и свобод граждан как членов высокоразвитого гражданского общества, является цифровое моделирование прогнозных результатов реализации этих программ в зависимости от политических, экономических и общественно-социальных условий, характеризующихся, в том числе, и уровнем преступности.

Следовательно, моделирование достижения программных целей развития в части материальных и социальных издержек должно опираться, в том числе, и на прогноз вариативности форм и содержание будущих преступлений. Ведь, принимаемые на государственном уровне программы по обеспечению развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества, имплантируемые в ходе своей реализации в различные сферы и виды отношений социальной среды, неминуемо столкнутся с вирусом криминальных закономерностей, обуславливающим возникновение событий преступлений, снижающих эффективность планируемого результата государственной программы.

Информационной основой для цифровых расчётов вариативности, сроков и издержек при определении направлений движения и временных рамок вероятности достижения программных целей является исходный объём сведений, детализируемый качественными и количественными показателями, характеризующими содержание программно обрабатываемого вопроса. И, в данном случае, результат криминалистического поиска, исследования и оценки сведений о материальных, социально-нравственных, интеллектуально-волевых и динамических характеристиках анализируемых обстоятельств как носителей криминальных закономерностей, вектор направления которых задавал событию преступления, и будет являться исходной информационной основой для цифровых расчётов. Эффективность достижения программных целей движения государства по спланированному направлению при минимальных социальных и материальных издержках в значительной степени зависит от прогнозного предвидения видов, форм будущих преступлений и уровня преступности в целом, порождаемых криминальными закономерностями, вытекающими и сопровождающими любой план

программного развития государства и общества, обеспеченный бюджетными вливаниями.

В данном случае, в определённой части, функцию обеспечить программно-цифровое моделирова-

Литература:

1. Яблоков Н.П. Криминалистика, криминалистическое исследование следов. 2009.
2. Часть 1 статьи 73, статья 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 24.04.2020).

ние будущих преступлений сведениями об их вероятных криминалистических характеристиках и механизмах совершения может взять на себя наука криминалистика в силу вышеизложенного.

Literature:

1. Yablokov N.P. Criminalistics, forensic investigation of traces. 2009.
2. Part 1 article 73, article 85 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on April 24, 2020).

Радченко Ксения Николаевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ,
СВЯЗАННЫЕ С БОРЬБОЙ
С ХУЛИГАНСТВОМ В РОССИИ**

Аннотация. С момента появления общества как некой общности людей, они объединились для достижения какой-либо цели или видов деятельности. В настоящее время уровень развития общества того или иного государства можно оценить, в том числе, по критерию того, как люди относятся друг к другу в местах общего пользования. Существует множество терминов раскрывающих указанные отношения. В статье рассматриваются исторические аспекты, связанные с борьбой с хулиганством в России в различные периоды времени, а также, проблемы с определением содержания понятия хулиганства.

Ключевые слова: преступления, хулиганство, борьба с хулиганством, уголовная ответственность, наказание, освобождение от уголовной ответственности.

С момента появления общества как некой общности людей, они объединились для достижения какой-либо цели или видов деятельности, именно с этого момента возникли первые нормы поведения, то есть, какие-то правила, которые люди должны были соблюдать в местах общего пребывания, чтобы не беспокоить своим поведением других индивидов общества.

Общество развивалось, и указанные правила поведения совершенствовались, перерастая в общепризнанную норму, целью которой являлось соблюдение прав окружающих на комфортное совместное нахождение. В настоящее время уровень развития общества того или иного

Ksenia N. Radchenko

Candidate of Legal Sciences,
Senior lecturer
Department of Criminal Law
and Criminology of the Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Service daniilzykov@mail.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Service daniilzykov@mail.ru

**HISTORICAL ASPECTS RELATED
TO THE STRUGGLE
WITH HOOLIGANISM IN RUSSIA**

Annotation. Since the emergence of society as a community of people, they have come together to achieve any purpose or activity. At present, the level of development of a state's society can be assessed, among other things, by the criterion of how people treat each other in public places. There are many terms that reveal this relationship. The article deals with historical aspects related to the fight against hooliganism in Russia in different periods, as well as problems with defining the content of the concept of hooliganism.

Keywords: crimes, hooliganism, anti-hooliganism, criminal liability, punishment, exemption from criminal liability.

государства можно оценить, в том числе, по критерию того, как люди относятся друг к другу в местах общего пользования. Существует множество терминов раскрывающих указанные отношения: взаимоуважение; добропорядочность; толерантность; корпоративность; законопослушание; комплиментарность; общность и прочее. Указанное в различной степени характеризуют уровень общества в сфере правила поведения в местах общественного пребывания.

И действительно, достаточно комфортно жить в обществе, где поведение каждого отвечает нормам поведения и морали, однако всегда находятся индивиды или группы индивидов, в

поведении которых прослеживается явное пренебрежение нормами поведения в обществе и общепринятым правилам общежития. Проявляться это может по-разному, к примеру, в виде непристойного поведения в общественном месте, неприличной жестикуляции или выкриками, нецензурной бранью. При этом важно отметить, что указанные деяния затрагивают окружающих, и могут даже создавать угрозы их безопасности или соблюдения их прав.

Говоря о существующей проблематике, связанной с преступлениями в виде хулиганства, несомненно, нужно изучить исторический аспект данного вопроса, ведь указанная проблема существует не только в истории современной России и, соответственно, изучению данного вопроса в разные времена уделялось внимание ученых исследователей и других эпох. В качестве первых исследователей проблем, связанных с преступлениями в виде хулиганства, можно указать С.В. Векленко, В.П. Власову, П.Ф. Гришанину, Н.И. Коржанского, И.Я. Козаченко, Ю.А. Красиков, А.В. Кузнецовой, Н.Ф. Кузнецовой, Ю.П. Лубшеву, И.П. Портнову и ряд других отечественных ученых. В то же время, не смотря на то, что исследователями данным вопросам уделяется достаточно давно внимание уделено в настоящее время имею место большое количество проблем в правовом регулировании и классификации вопросов связанных с преступлением в виде хулиганства [3].

При исследовании исторических аспектов борьбы с хулиганством в России, в первую очередь, необходимо определиться с вопросами происхождения термина «хулиганство». И сразу же можно сказать, что среди ученых не достигнуто единство мнений по вопросу происхождения этого термина. Не углубляясь в споры по вопросам происхождения данного термина, хотелось бы отметить, что термины «хулиганство» и «хулиган» получили распространение в России в 90-х гг. 19 века. Я. Бугайский считал, что эти термины были «занесены» в Россию статьями Исаака Владимировича Шкловского (Дионео) [5], также, интересно мнение П. Люблинского, который связывал их появление с приказом Петербургского градоначальника фон Валя, который в 1892 г. предписал всем органам полиции принять решительные меры против бесчинствовавших в столице «хулиганов», под которыми он подразумевал действовавшие тогда шайки насильников. Полиция, ревностно выполняя это распоряжение, внедрила эти слова в повседневный лексикон. Аналогичной точки зрения придерживается и В.Н. Шапошников [8]. В печати в России впервые термин «хулиганство» отмечен в 1905 году, а в справочной литературе (Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона) – в 1909 году.

Одной из первых научных работ, касавшихся мер борьбы с хулиганством является работа М.А. Горановского 1913 года. Автор сразу же отмечает, что хулиганство для России явление не новое, а родственное прежнему озорству, ибо, имея одно общее начало происхождения, со временем оно приобрело новую чуждую озорству преступного вида форму. Проводя различие между озорством

и хулиганством, он отмечает, что в действиях озорников больше шалости, иногда грубой и дерзкой, чем поступка, а хулиганов он называет озверелыми преступниками [7]. В работе значительное внимание уделяется и происхождению хулиганов в России. В борьбе с хулиганством он считает, что основными факторами должны быть меры, принимаемые обществом, в лице земств и городов и репрессивные меры юстиции. Также, в борьбе с хулиганством нельзя не считаться с причинами, обуславливающими это явление, так как не оздоровив источник, питающий хулиганство, меры уголовной репрессии не смогут сами по себе избавить общество от хулиганских проявлений.

Впервые в России законодательно хулиганство было закреплено в статье 176 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Однако, сказать, что до 1922 года борьба с проявлениями хулиганства не велась, было бы неверным. Согласимся с мнением С.А. Сараджанц, что: «Историю развития ответственности за хулиганство в России можно проследить со времён образования Древнерусского государства и до наших дней. Анализируя правовые нормы дошедших до нас памятников русского права древнейших времен, обнаруживаем, что уже тогда законодатель уделял особое внимание деяниям, нарушающим общественное спокойствие, порядок» [2].

О том, что из себя представляло хулиганство в 1920-е гг., достаточно подробно рассказано научной работе «История формирования уголовной ответственности за хулиганство в Российском законодательстве» Ю.И. Ветчинова [1].

Революция, различные эпидемии оказали своё влияние на потребление алкоголя в 20-е годы. Кроме того, население советских городов во второй половине исследуемого периода потребляло спиртного больше, чем горожане в царской России. Все это в совокупности и определило значительное влияние алкоголя на этиологию хулиганства 1920-х.

К концу 1920-х масштабы хулиганства в России выросли. Распространение хулиганства в то время вызывало у горожане довольство, отчаяние и страх одновременно. Горожане были недовольны тем, как власти борются с хулиганством, и призывали к максимальному ужесточению карательной политики.

Таким образом, законодательное закрепление хулиганства в качестве самостоятельной статьи Уголовного кодекса РСФСР в 1922 году должно было положительно повлиять на сложившуюся в то время сложную обстановку в борьбе с хулиганством. Статьей 176 данного УК определялось: «Хулиганство, то есть, озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия, – каралось принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года» [6]. Так, из определения понятия хулиганства, видно, что не точность определения хулиганства привело к тому, что под хулиганством понимались самые разнообразные действия:

произнесение нецензурных слов, стрельба из огнестрельного оружия, шум, крики, пение озорных или нецензурных песен и частушек, обрызгивание граждан нечистотами, бесцельное постукивание в двери домов, устройство загромождений на дорогах, кулачные бои, драки и т.д.

В дальнейшем государство не раз предпринимало попытки решить проблему борьбы с хулиганством за счёт усиления мер ответственности. В качестве примера можно назвать Постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 535 от 29.03.1935 года «О мерах борьбы с хулиганством» и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» от 26 июля 1966 года. Постановление 1935 года было принято в целях борьбы с явлениями хулиганства, с применением огнестрельного и холодного оружия. Разработка и принятие новых нормативных актов в 1966 году, направленных на борьбу с хулиганством и другими нарушениями общественного порядка, – «результат возросшей требовательности к поведению людей в обществе в условиях строительства коммунизма, это новый шаг на пути выполнения требований Программы КПСС об укреплении законности и правопорядка, искоренении преступности и устранении всех причин, ее порождающих» [4].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. предусматривал ряд мер,

направленных на усиление борьбы с хулиганством: введение более суровых санкций за мелкое хулиганство, предоставление начальнику органа милиции права самостоятельно налагать штраф на виновных в мелком хулиганстве, установление более строгого порядка отбывания административного ареста, более широкое привлечение общественности к борьбе с хулиганами и т.д.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что борьба с проявлениями хулиганства в России ведется уже на протяжении длительного времени. Ранее уже было отмечено, что и в теоретическом плане проблемы борьбы с хулиганством в различные исторические периоды России находили отражение в научных работах ряда отечественных ученых.

С принятием ныне действующего Уголовного кодекса борьба с хулиганством в России продолжилась. Хулиганство предусмотрено ст. 213 Уголовного кодекса РФ. Но, начиная с 1996 года по настоящее время, в указанную статью был внесён ряд существенных изменений. Однако проблем с определением содержания понятия «хулиганство» и его разграничений со смежными составами преступлений, внесённые изменения не решили. Всё это свидетельствует о сложности такого явления, как хулиганство и необходимости дальнейшего совершенствования законодательства с целью борьбы с хулиганством.

Литература:

1. *Ветчинова Ю.И.* История формирования уголовной ответственности за хулиганство в Российском законодательстве / Ю.И. Ветчинова // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. 2020. С. 17–20.
2. *Сараджанц С.А.* История развития уголовной ответственности за хулиганство / С.А. Сараджанц // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. 2018. № 4. С. 50–52.
3. *Сафронова О.П.* История борьбы с хулиганством в России / О.П. Сафронова // Сборник: Тенденции развития уголовного законодательства: The 20th anniversary of the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation. материалы Всероссийской научной конференции. 2017. С. 83–87.
4. *Смирнова Л.Н.* Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, в разъяснениях пленумов верховных судов СССР и РФ / Л.Н. Смирнова, В.А. Мазуров // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 3 (101). С. 106–110.
5. *Тимохов В.П.* Милиция Ленинграда-Петрограда в борьбе с хулиганством в начальный период советской истории / В.П. Тимохов // Сборнике: Прошлое и настоящее органов правопорядка в России. Рязань, 2017. С. 32–35.
6. *Упоров И.В.* УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.: общеправовая характеристика / И.В. Упоров.

Literature:

1. *Vetchinova Y.I.* The history of the formation of criminal liability for hooliganism in Russian legislation / Y.I. Vetchinova // Proceedings of the V International scientific and practical conference. 2020. P. 17–20.
2. *Sargant S.A.* History of criminal liability for hooliganism / S.A. Sargant // Actual problems of Economics, sociology and law. 2018. № 4. P. 50–52.
3. *Safronova O.P.* History of the fight against hooliganism in Russia / O.P. Safronova // Collection: Trends in the development of criminal legislation: The 20th anniversary of the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation. materials of the All-Russian Scientific Conference. 2017. P. 83–87.
4. *Smirnova L.N.* Causing harm when detaining a person who committed a crime, in explanations of the plenums of the Supreme Courts of the USSR and the Russian Federation / L.N. Smirnova, V.A. Mazurov // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3(101). P. 106–110.
5. *Timokhov V.P.* Militia of Leningrad-Petrograd in the fight against hooliganism in the initial period of Soviet history / V.P. Timokhov // Sbornik: Past and present of law enforcement agencies in Russia. Ryzan, 2017. P. 32–35.
6. *Uporov I.V.* Criminal Code of the RSFSR 1922, 1926, 1960: general legal characteristics / I.V. Uporov.

Краснодар : Apriori. Серия: Гуманитарные науки, 2017. № 1. С 28–31.

7. *Горановский М.А.* Хулиганство и меры борьбы с ним : однотомное издание / М.А. Горановский. Гродна : Губернская типография, 1913. 24 с.

8. *Шапошников В.Н.* Хулиганы и хулиганство в России: Аспекты истории литературы 20 в. / В.Н. Шапошников. М. : Московский лицей, 2000. № 4(17). С. 43–47.

Krasnodar : Argiogi. Series: Humanities. 2017. № 1. P. 28–31.

7. *Goranovsky M.A.* Hooliganism and measures to combat it : a single-volume edition / M.A. Goranovsky // Grodno: Gubernskaya tipografiya. 1913. 24 p.

8. *Shaposhnikov V.N.* Hooligans and hooliganism in Russia: Aspects of history and literature of the 20th century / V.N. Shaposhnikov. 2000. № 4(17). P. 43.–47.

Симонова Татьяна Александровна
адъюнкт заочной формы обучения,
Омская академия МВД России
milena.555@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье отражены проблемы борьбы с коррупционными правонарушениями в органах внутренних дел. Автором отмечается, что в последнее время коррупция в правоохранительных органах является одной из наиболее обсуждаемых в обществе и средствах массовой информации проблем. Некоторые воспринимают коррупцию как элемент организованной преступности или определяют ее как умышленное злоупотребление должностным лицом или иным государственным служащим своими служебными полномочиями.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, борьба с коррупцией, реформа в полиции, органы внутренних дел.

Коррупция в нашей стране стала одной из серьезных проблем. Причина этого негативного явления заключается, прежде всего, в снижении способности государства эффективно ей противостоять. Такие экономические факторы, как бесконтрольное обогащение за счет распределения и перераспределения государственной собственности и бюджетных средств, слабый контроль за финансовыми потоками, в том числе, и перемещением их за границу, отсутствие действенного мониторинга за доходами и расходами юридических и физических лиц, создают благоприятную почву для коррупционных преступлений.

Немаловажными условиями, способствующими распространению этих преступлений, являются недостаточно разработанная нормативная база борьбы с коррупцией, отток из государственных структур наиболее профессиональных кадров, правовой нигилизм, потеря нравственных ориентиров и проникновение в сознание людей психологии корысти и стяжательства.

К сожалению, подобные негативные явления проникают и в систему органов внутренних дел. Приходится констатировать, что сотрудники органов внутренних дел нередко допускают правонарушения и, что особенно недопустимо, совершают преступления.

Tatyana A. Simonova
Adjunct of the Correspondence
form of Study of the Adjunct Program,
Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

PROBLEMS OF COMBATING CORRUPTION OFFENSES IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article reflects the problems of combating corruption offenses in the internal affairs bodies. Recently, corruption in law enforcement agencies is one of the most discussed problems in society and the media. Some perceive corruption as an element of organized crime or define it as a deliberate violation by an official or other public servant of their official powers.

Keywords: corruption, bribery, fight against corruption, police reform, internal affairs bodies.

Имеются множество мнений, какие определенные действия относятся к коррупционным. Одни отождествляют коррупцию с взяточничеством; вероятны варианты, когда к коррупции относят только лишь, к примеру, называемы организованное или же систематическое взяточничество. Другие рассматривают коррупцию как злоупотребление служебным положением, с корыстным умыслом или же в личных интересах [5]. Кто-то воспринимает коррупцию как составляющую часть организованной преступности или же определяют ее как умышленное нарушение или злоупотребление должностным лицом или другим государственным служащим собственными возможностями.

Наиболее кратким и емким определением коррупции содержится в Справочном документе Организации объединенных наций «О международной борьбе с коррупцией»: «...коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» [1].

Угроза коррупции – в ее бесчисленных и не очень благоприятных последствиях. Сложность борьбы с ней формируется в том, что коррупция – это политическое, финансовое, социально-культурное явление, опасное теми удобствами, которые оно предоставляет лицам, прибегающим к ее услугам [8].

Коррупция – долгосрочная болезнь любого государственного аппарата, независимо от того, в какой стране и в какое время оно есть. Благие намерения руководителей и обещания политиков уничтожить коррупцию положительных результатов никогда не давали.

Что мы знаем о коррупции в ОВД? На тактическом уровне, коррупция в ОВД – это оспариваемая фраза с узким и широким смыслами. В узком смысле, коррупция относится к сотрудникам полиции, которые используют свое положение и власть для личной, а не общественной пользы. В более широком значении, под коррупцией понимается каждое несоблюдение критерия, в том числе, и в случае если нет собственной выгоды, например лжесвидетельство, физическое насилие над заключенными, сексуальные неправомерные поведение, грабёж и социальное профилирование. Информация о коррупции в полиции поступает из нескольких источников, а именно:

- расследований, проведенных следственных действий самой полицией; отчеты общественности, СМИ;
- наблюдения сторонних свидетелей;
- опросов сотрудников полиции и общественности, и аккаунтов лиц, причастных к коррупционной деятельности.

Но все эти источники показывают нам не полную картину коррупции среди сотрудников ОВД [8]. Полицейские расследования в отношении своих коллег, пойманных за коррупцию, редко публикуются. Информация в СМИ, хотя и необходимы для общественности, но она бессистемна, часто поверхностна и резко различается по надежности. Информация сторонних свидетелей редка из-за закрытого характера полицейской деятельности. Опросы населения ограничены по деталям и мало информативны о динамике коррупции. Опросы самих офицеров редки. Наконец, предоставление справок о доходах офицеров, хотя и богато деталями, но они немногочисленны и сомнительны в правдивости.

Научное исследование показывает, что не существует единого подхода к борьбе с коррупцией, связанной с полицией. Скорее, исследования, рассмотренные в настоящем документе, демонстрируют, что любые меры должны учитывать политическую, экономическую и социальную среду страны и устранять коренные причины коррупции, а не применять симптоматический подход [5]. Большая часть литературы использует широкое определение коррупции в полиции, которое следует определению коррупции: «злоупотребление вверенной властью в личных целях». Под коррупцией в ОВД в широком смысле понимаются «неправомерные действия сотрудников полиции, направленные на получение финансовых выгод или других личных выгод в обмен на избирательное применение правил или манипулирование ими, а также проведение расследований и арестов» [9].

Коррупция в ОВД варьируется от мелкой коррупции и мелких актов взяточничества до криминального проникновения и политической коррупции. Однако коррупция в ОВД обычно подразделяется на четыре типа:

Мелкая коррупция среди сотрудников полиции низшего звена включает в себя акты взяточничества в повседневном взаимодействии с гражданами (например, сотрудниками ГИБДД). ОВД является учреждением, о котором чаще всего сообщают как о получателе взяток.

Бюрократическая коррупция или административная коррупция относится к злоупотреблению внутренними процедурами и административными процессами и ресурсами в личных целях, таких как лицензирование или отсутствие реакции на жалобы граждан на сотрудников ОВД [5].

Коррупция, связанная с преступными группами, включает в себя неправомерные действия, такие как введение в заблуждение расследования или подделка доказательств [4].

Коррупция высокого уровня или политическая коррупция имеет место там, где высокопоставленные полицейские чиновники злоупотребляют своей властью для личной выгоды или в интересах политических групп, к которым они формально или неформально присоединены – другими словами, преступное проникновение в государство. Политическое вмешательство может также иметь место в полицейских расследованиях, ложных расследованиях и «подставах» политических оппонентов [12].

Последствия коррупции в органах внутренних дел могут быть далеко идущими. Когда основные функции правопорядка подрываются коррумпированной практикой в полиции, государство не может законно предотвращать и наказывать нарушения закона или защищать права человека. Коррупция в полиции приводит к недоверию общественности к полиции, что затрудняет выполнение полицией ее главной задачи – борьбы с преступностью. Это ставит под угрозу институциональную целостность полицейской системы и подрывает ее легитимность. Кроме того, если общественность хочет уважать закон, она должна быть уверена в том, что полиция придерживается закона, в целом, и что, применяя закон, она одинаково относится к людям.

Серьезным результатом коррупции в полиции является ослабление этических норм в обществе. Если общественность увидит, что ОВД извлекает выгоду из коррупции, это может понизить их собственные моральные стандарты и сделать их более склонными к преступному поведению. Коррупция в ОВД также может нанести ущерб международной репутации государства, если, например, имеются доказательства причастности полиции к транснациональной торговле оружием, наркотиками или людьми. Короче говоря, коррупция в ОВД может нанести ущерб демократии, роли полиции в обществе и доверию сообщества к полицейским силам.

Усилия по борьбе с коррупцией в полиции предпринимались во многих странах мира, причем, некоторые из них были более успешными, чем другие. Некоторые аналитики предупреждают, что не существует единой антикоррупционной стратегии, которая была бы достаточной для полного решения проблемы коррупции в полиции. Такая сложная проблема нуждается в таком же многогранном решении, и, во-вторых, абсолютное решение, вероятно, невозможно, хотя огромное сокращение количества случаев является таковым.

Реформа полиции явно должна основываться на политических и социальных реалиях страны и характеристиках местной полиции, а не на применении подхода «один размер подходит всем». В то время, как некоторые аспекты коррупции и неправомерных действий полиции кажутся универсальными, другие являются уникальными – или, по крайней мере, более заметными – в некоторых контекстах и культурах [10].

Коррупция в ОВД может происходить из разных источников. Например, причиной коррупции были названы низкие зарплаты, офицеры произвольно накладывали штрафы и пошлины, а квитанции прикармливали сами. Такая же низкая зарплата позволяла криминальным элементам откупаться от целых подразделений полицейских сил. Неблагоприятные условия труда местных полицейских проявлялись также в недостаточном обеспечении их жильем, пенсией или медицинским обслуживанием. Еще одним следствием низких зарплат и неблагоприятных условий труда было то, что она не могла привлечь достаточно квалифицированных кандидатов для работы в полиции.

Однако эти стратегии должны быть хорошо продуманы. Например, прежде чем повышать заработную плату, следует рассмотреть вопрос о том, поддерживается ли такая мера устойчивым экономическим ростом. В то время, как повышение заработной платы может уменьшить мелкую

коррупцию среди младших должностных лиц, оно, вероятно, не устраняет большую коррупцию среди старших государственных служащих и политиков.

Исследование, показало, что гражданские группы или организации гражданского общества очень мало участвуют в реформе коррупции в ОВД. Можно сделать вывод о том, что существует серьезная и настоятельная необходимость в том, чтобы гражданское общество находило более эффективные способы содействия, стимулирования и мониторинга усилий полиции по борьбе с коррупцией. Организации гражданского общества, включая организации средств массовой информации, могут играть важную роль в усилиях по реформированию полиции. В прошлом гражданское общество играло ключевую роль в повышении осведомленности о коррупционных скандалах и стимулировании реформ.

При любом обсуждении вопроса о коррупции в ОВД следует иметь в виду несколько предостережений.

Во-первых, текущий характер коррупции делает ее непредсказуемой и далеко не универсальной: некоторые отделы полиции способны работать в течение длительного периода времени с относительно небольшим количеством скандалов.

Во-вторых, разоблачение коррупции в ОВД, хотя, зачастую, и является необходимым условием для проведения реформы, может иметь нежелательный эффект разрушения морального духа полицейских сил, в целом, хотя это гораздо меньшая проблема, чем продолжение коррупции.

В-третьих, хотя мотивы, лежащие в основе коррупции, могут быть схожими в совершенно разных условиях, местных традициях означают, что эффективные реформы должны быть адаптированы к конкретным местам.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. URL : <http://www.garant.ru>
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Нью-Йорк. 31 октября 2003 г. URL : <http://www.garant.ru>
3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Страсбург 27 января 1999 г. URL : <http://www.garant.ru>
4. *Алтухов С.А.* Преступления сотрудников милиции : монография / С.А. Алтухов; Ассоц. Юрид. центр. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 269 с
5. *Бельский А.И.* Противодействие коррупции в системе органов внутренних дел: науч.-практ. пособие / А.И. Бельский; Белгор. юрид ин-т МВД России. Белгород : БелЮИ МВД России, 2012. 90 с.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993. URL : <http://www.garant.ru>
2. United Nations Convention against Corruption. New-York. October 31, 2003. URL : <http://www.garant.ru>
3. Convention on Criminal liability for Corruption. Strasbourg, January 27, 1999. URL : <http://www.garant.ru>
4. *Altukhov S.A.* Crimes of police officers : monograph / S.A. Altukhov; Assoc. Yurid. tsentr. SPb. : Yurid. tsentr Press, 2001. 269 p.
5. *Belsky A.I.* Anti-corruption in the system of internal affairs bodies: scientific and practical. manual / A.I. Belsky; Belgor. yurid in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Belgorod : BelUI MVD of Russia, 2012. 90 p.

6. *Долгова А.И.* Организованный терроризм и организованная преступность / А.И. Долгова. М. : Рос. криминол. ассоциация, 2002. 303 с.
7. *Кабанов П.А.* Коррупция и борьба с ней: крат. термин. слов / П.А. Кабанов, Р.Р. Газимзянов, Ш.М. Мулюков; Респ. межвед. комис. по экон. и соц. реформам Респ. Татарстан [и др.]. Казань : КЮИ МВД РФ, 2004. 55 с.
8. *Кирпичников А.И.* Взятка и коррупция в России / А.И. Кирпичников. СПб. : Альфа, 1997. 351 с.
9. *Кудрявцев В.Н.* Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999): монография / В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, А.В. Наумов. М., 2000. 200 с.
10. *Козлов Т.Л.* Проблемы профилактики коррупционных правонарушений в государственных и муниципальных органах : монография / Т.Л. Козлов. М. : Юрлитинформ, 2012. 189 с.
11. *Нукенов М.О.* Коррупционные преступления: криминологический и уголовно-правовой анализ : монография / М.О. Нукенов; Междунар. акад. права и рынка. Алматы, 1999. 150 с
12. *Сторчилова Н.В.* Коррупция в органах внутренних дел и ее предупреждение : монография / Н.В. Сторчилова; ВНИИ МВД РФ. М. : ВНИИ МВД России, 2012. 122 с.
6. *Dolgova A.I.* Organized terrorism and organized crime / A.I. Dolgova. M. : Russian Criminol. association, 2002. 303 p.
7. *Kabanov P.A.* Corruption and the fight against it: krat. the term. words. / P.A. Kabanov, R.R. Gaisanov, S.M. Mulyukov; Resp. lived. comis. by econ. and social reforms of the Rep. Tatarstan [et. al]. Kazan : CUI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2004. 55 p.
8. *Kirpichnikov A.I.* Bribery and corruption in Russia / A.I. Kirpichnikov. SPb. : Alfa, 1997. 351 p.
9. *Kudryavtsev V.N.* Organized crime and corruption in Russia (1997–1999) : monograph / V.N. Kudryavtsev, V.V. Luneev, A.V. Naumov. M., 2000. 200 p.
10. *Kozlov T.L.* Problems of prevention of corruption offenses in state and municipal bodies : monograph / T.L. Kozlov. M. : Yurлитinform, 2012. 189 p.
11. *Nukenov M.O.* Corruption crimes: criminological and criminal-legal analysis : monograph / M.O. Nukenov; Mezhdunar. acad. law and the market. Almaty, 1999. 150 p.
12. *Storchilova N.V.* Corruption in the internal affairs bodies and its prevention : monograph / N.V. Storchilova; VNII MVD RF. M. : VNII MVD Rf, 2012. 122 p.

Смирнов Александр Михайлович
доктор юридических наук,
доцент,
главный научный сотрудник
НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Международный юридический институт
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov
Doctor of Legal Sciences,
Associate Professor,
Chief Research Officer
NITs-2 FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Professor of the Department
Criminal Law Disciplines,
International Law Institute
Milena.555@mail.ru

Вопросы предоставления осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи и пути их решения

ISSUES OF PROVIDING TO CONSUMED WITH DEPRIVATION OF FREEDOM OF FREE LEGAL AID AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Аннотация. Права и свободы человека и гражданина гарантируются и защищаются в нашей стране в равной степени независимо от каких-либо обстоятельств. Именно поэтому право на защиту своего юридического статуса имеют и преступники, отбывающие наказание в виде лишения свободы, даже, несмотря на тот огромный вред, который они причинили правопослушным гражданам, а также обществу и государству, в целом. В статье актуализируется проблема решения вопроса предоставления осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи, излагаются основные из таких проблем, которые встречаются в юридической практике, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: права осужденных, юридическая помощь, осужденный.

Annotation. The rights and freedoms of a person and a citizen are guaranteed and protected in our country equally regardless of any circumstances. That is why criminals serving prison sentences, even in spite of the great harm they have caused to the law-abiding citizens, as well as society and the state as a whole, have the right to defend their legal status. The article highlights the problem of solving the issue of providing free legal aid to prisoners in prison. The main of such problems that are encountered in legal practice are stated. The ways of their solution are offered.

Keywords: rights of convicts, legal assistance, convicted.

Права и свободы человека и гражданина, согласно, по крайней мере, Конституции Российской Федерации (ст. 2, ч. 2 ст. 19 и ч. 1 ст. 45) гарантируются и защищаются в нашей стране в равной степени независимо от каких-либо обстоятельств (ст. 2, ч. 2 ст. 19 и ч. 1 ст. 45 Основного закона).

Именно поэтому право на защиту своего юридического статуса имеют и преступники, отбывающие наказание в виде лишения свободы, даже, несмотря на тот огромный вред, который они причинили правопослушным гражданам, а также обществу и государству, в целом.

В соответствии с российским законодательством, преступники имеют право избрать несколько способов защиты своих прав и свобод, среди которых важное место занимает предоставление им бесплатной юридической помощи [1].

Осужденные к лишению свободы могут воспользоваться такими видами бесплатной юридической помощи, как:

- правовое консультирование;
- составление заявлений, жалоб, ходатайств и иных юридических документов;
- представление интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены российским законодательством.

При этом данная помощь может оказываться и в иных не запрещенных действующим национальным законодательством видах [2].

Согласно уголовно-исполнительному законодательству России, лица, лишённые свободы, для получения юридической помощи могут пользоваться услугами адвокатов, а также, юридическими услугами иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи (п. 8 ст. 12 и ч. 4 ст. 89 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ)).

Анализ практики оказания осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи

показал, что они обращаются за ней, чаще всего, при необходимости:

– обжалования приговора в кассационном порядке в суд субъекта федерации и в Верховный Суд РФ;

– составления и направления жалоб в Конституционный Суд РФ и Европейский Суд по правам человека;

– обжалования различных решений администрации исправительного учреждения (ИУ);

– помощи в подготовке и сборе документов, а также, составления прошения о помиловании;

– представления интересов в суде по гражданско-правовым делам (например, пользования и распоряжения имуществом, по вопросам наследование, заключения или расторжения брака и т.д.).

Анализ практики предоставления лицам, осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи, позволил выявить ряд проблем, связанных с предоставлением им данной услуги. К основным из этих проблем можно отнести:

1. Оказание юридической помощи адвокатом осужденному во время его этапирования, поскольку у адвоката отсутствует возможность встретиться со своим клиентом во время данной процедуры, которая может затянуться на длительное время;

2. Невозможность встретиться с клиентом, находящимся в местах лишения свободы, в выходные и праздничные дни, во время которых с клиентом могут произойти любые негативные события, при наступлении которых необходима срочная юридическая помощь. Особенно эта проблема усугубляется во время затяжных общегосударственных праздников;

Литература:

1. *Гуцев О.В.* Основные направления и формы социально-педагогической работы с осужденными в уголовно-исполнительной системе / О.В. Гуцев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 1. С. 23–25.

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 263. 23 ноября. (ред. от 28.12.2013).

3. *Карев И.Р.* Бесплатная юридическая помощь осужденным: правовое регулирование, практика реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Р. Карев. Рязань, 2012. С. 15-17.

4. *Давыденко А.В.* Юридическая помощь осужденным, отбывающим наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы / А.В. Давыденко // Адвокатская практика. 2015. № 6. С. 11–14.

3. Отказы со стороны представителей администрации ИУ от встречи адвоката с подзащитным под различными, зачастую надуманными, предлогами и даже указание на то, что осужденный сам не хочет встречи со своим адвокатом [3];

4. Сотрудники администрации некоторых ИУ вводят в практику постоянно требовать от адвокатов предоставление ордера на каждое посещение своего подзащитного, несмотря на то, что в личном деле осужденного имеются все необходимые документы для обеспечения такого посещения;

5. В ИУ может неожиданно для адвоката отсутствовать представитель администрации, уполномоченный подписывать документы, разрешающие его прохождение на режимную территорию [4].

Для решения обозначенных проблем эффективно будет решено посредством подробной нормативной регламентации механизма предоставления осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи. Именно поэтому необходимо скорейшее внесение изменений и дополнений в действующее законодательство, направленных на четкую регламентацию оказания prestupникам данной помощи.

Самое важное значение здесь будет иметь налаживание конструктивного взаимодействия между представителями всех структур, от решений и действий которых зависит оказание беспрепятственной и эффективной бесплатной юридической помощи нуждающимся в ней лицам, осужденным к лишению свободы (с одной стороны, адвокатов и лиц, имеющих право оказания осужденным юридической помощи, а с другой, например, представителей комиссий по защите прав адвокатов, руководства ФСИН России, аппарата Уполномоченного по правам человека).

Literature:

1. *Gutsev O.V.* The main directions and forms of social and pedagogical work with convicts in the penal system / O.V. Gutsev // Penal system: law, economics, management. 2012. № 1. P. 23–25.

2. Federal Law of 21.11.2011 № 324-FZ «On Free Legal Aid in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 263. November 23. (as revised on 28.12.2013).

3. *Karefov I.R.* Free legal aid to convicts: legal regulation, implementation practice : autor. dis. ... cand. of law and sciences / I.R. Karefov. Ryazan, 2012. P. 15–17.

4. *Davydenko A.V.* Legal assistance to convicts serving sentences in institutions of the penal system / A.V. Davydenko // Advocacy practice. 2015. № 6. P. 11–14.

Смирнов Александр Михайлович
доктор юридических наук,
доцент,
главный научный сотрудник
НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Международный юридический институт
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov
Doctor of Legal Sciences,
Associate Professor,
Chief Research Officer
NITs-2 FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Professor of the Department
Criminal Law Disciplines,
International Law Institute
Milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИСВОЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПРАВОСУДИЕ

TO THE QUESTION OF OBLIGATION TO CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ASSIGNING THE AUTHORITY OF THE PERSON EXECUTING JUSTICE

Аннотация. В статье актуализируется вопрос привлечения к уголовной ответственности за присвоение полномочий лица, осуществляющего правосудие, иными словами, за совершение самосудных расправ над причинителем вреда криминальными способами и средствами, несмотря на наличие достаточного комплекса извинительных мотивов для совершения подобных расправ. Криминализация данных расправ необходима в силу стремления построения в России правового государства. Предлагается формулировка уголовно-правовой новеллы для этого.

Ключевые слова: суд, правосудие, преступления против правосудия, самосуд.

Annotation. The article highlights the issue of criminal prosecution for the appropriation of the powers of a person administering justice, in other words, for committing lynching reprisals against the cause of harm by criminal methods and means, despite the presence of a sufficient set of excusable motives for committing such reprisals. The criminalization of these reprisals is necessary due to the desire to build a legal state in Russia. The wording of the criminal law novel is proposed for this.

Keywords: court, justice, crimes against justice, lynching.

Согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, правосудие в нашей стране осуществляется только судом.

Суд выступает высшим органом государственной власти, олицетворяющим одну из ее самостоятельных ветвей – судебной, являясь высшим структурным элементом судебной системы. Он осуществляет правосудие в форме публичного рассмотрения и разрешения различных категорий юридических дел в установленном законом конкретным государством процессуальном порядке. Судебные решения выносятся от имени государства, в связи с чем, в каждом правовом государстве существует правовая защита деятельности судебных органов, реализуемая на различных уровнях, в том числе и уголовно правовыми средствами.

Именно поэтому в Уголовном кодексе Российской Федерации существует отдельная глава 31 «Преступления против правосудия», содержащая достаточно развернутый комплекс различных общественно опасных деяний, совершение которых

наносит существенный вред нормальному управлению правосудия в нашей стране и вынесению правосудных решений.

Вместе с тем, в данной главе до сих пор отсутствует норма, предусматривающая привлечение к уголовной ответственности за присвоение полномочий лица, осуществляющего правосудие.

Актуальность включения в УК РФ данной нормы связана с непрекращающейся, имеющей глубокие исторические корни практики самостоятельного реагирования индивида или группы лиц на причинителей вреда, т.е., вершение над ним самосуда. Например, результаты отдельных исследований свидетельствуют о том, что и в настоящее время самосуд над причинителем вреда достаточно распространен в нашей стране. По некоторым данным, от 9 % до 34 % респондентов заявляли, что лично допустили бы физическую расправу с преступником [1]. По сведениям, озвученным в средствах массовой информации, значительная часть (75 %) российских граждан готова совершить самосуд над причинителями вреда, то есть, умышленно нарушить закон ради защиты

себя или своей семьи [2]. По нашим данным, 67 % опрошенных респондентов (n = 356 человек) потенциально готовы самолично расправиться с причинителем вреда любыми возможными способами и средствами [3].

Анализ практики осуществления самосудных расправ над причинителем вреда показывает, что значительная часть из них осуществляется криминальными способами, посредством общественно опасных деяний. Как следствие, это является серьезной социально-криминологической проблемой для нашей страны, поскольку:

– во-первых, подрывает авторитете официального правосудия, веру в справедливость судебной власти;

– во-вторых, способствует распространению преступности в стране, в первую очередь насильственной [4].

Именно поэтому, какие бы извинительные причины не имели самосудные расправы, их совершение нуждается в соответствующем характере государственного реагирования. Поскольку эти расправы имеют и криминальный характер, необходимо реагирование на них уголовно правовыми средствами. Одним из таких средств мы видим в криминализации присвоения полномочий лица, осуществляющего правосудие (самосуд, по сути, и представляет собой присвоение этих полномочий и самочинное вершение расправы над причинителем вреда, т.е., вынесение ему наказания по личному усмотрению мстителей).

Несмотря на то, что при криминальном самосуде причиняется вред правам и свободам личности (вплоть до нанесения вреда здоровью или лишения ее жизни), основным объектом посягательства выступают общественные отношения в сфере отправления правосудия.

Необходимо отметить, что установление уголовной ответственности за присвоение полномочий

не является новеллой для УК РФ, что является дополнительной аргументацией установления самостоятельной статьи за криминальный самосуд. Так, например, данная ответственность за такое присвоение предусмотрена в группе преступлений, направленных против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а именно, ст. 288 УК РФ «Присвоение полномочий должностного лица».

В силу изложенного, мы считаем целесообразным включить в Главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия» статью следующего содержания:

316.1. Присвоение полномочий суда, связанных с осуществлением правосудия

1. Присвоение полномочий суда, связанных с осуществлением правосудия, и совершение в связи с этим действий, повлекших существенное нарушение прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества или государства, – наказывается ...

Основным объектом данного преступления выступают интересы правосудия, его отправление. Объективную сторону составляют действия, направленные на присвоение полномочий суда, связанных с осуществлением правосудия, и совершение, в связи с этим, действий, которые повлекли существенное нарушение прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества или государства. Субъект – физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обладающее признаками субъекта преступления, не наделенное официальными полномочиями осуществлять правосудие. Субъективную сторону криминализируемого деяния составляет умысел, как прямой, так и косвенный; цель – восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества или государства, нравственных заповедей, а также обычаев и традиций.

Литература:

1. Криминология : учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
2. Дискуссия в российском обществе: как остановить самосуд и не бросить тех, кто ждет справедливости. URL : <http://www.1tv.ru/news/social/216619>
3. *Смирнов А.М.* Самосуд: деяние или мотив преступления? / А.М. Смирнов // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 5–6(45–46). С. 39–42.
4. *Смирнов А.М.* Уголовно-правовая характеристика самосудных расправ на территории России / А.М. Смирнов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4(9). С. 69–72.

Literature:

1. Criminology : textbook / Under the general editorship A.I. Debt. 4th ed., redesigned and supplemented. M., 2010.
2. Discussion in Russian society: how to stop lynching and not abandon those who are waiting for justice. URL : <http://www.1tv.ru/news/social/216619>
3. *Smirnov A.M.* Lynching: act or motive? / A.M. Smirnov // Topical issues of education and science. 2014. № 5–6(45–46). P. 39–42.
4. *Smirnov A.M.* Criminal and legal characteristics of lynching on the territory of Russia / A.M. Smirnov // Criminalist Library. Science Magazine. 2013. № 4 (9). P. 69–72.

Смирнов Александр Михайлович
доктор юридических наук,
доцент,
главный научный сотрудник
НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Международный юридический институт
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov
Doctor of Legal Sciences,
Associate Professor,
Chief Research Officer
NITs-2 FKV Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Professor of the Department
Criminal Law Disciplines,
International Law Institute
Milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ ДИССОНАНСЕ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОЗРАСТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

TO THE QUESTION ABOUT THE LEGAL DISCUSSION WHEN DETERMINING THE AGE OF OBLIGATION TO CRIMINAL LIABILITY

Аннотация. В статье актуализируется вопрос о юридическом диссонансе при определении возраста привлечения к уголовной ответственности в российской юридической практике, который заключается в том, что Уголовный кодекс Российской Федерации регламентирует возможность только снижения фактического (биологического) возраста лица, совершившего общественно опасное деяние, в силу т.н. «возрастной невменяемости» и, тем самым, не привлечение его к уголовной ответственности, когда как иной алгоритм – увеличение фактического (биологического) возраста такого лица в силу ускоренного психического (интеллектуального) развития, не предусмотрен. Предлагается решение этой несправедливости уголовно-правовыми средствами.

Annotation. The article highlights the issue of legal dissonance in determining the age of criminal liability in Russian legal practice, which is that the Criminal Code of the Russian Federation regulates the possibility of only reducing the actual (biological) age of a person who has committed a socially dangerous act, due to the so-called «age-related insanity» and, thus, not bringing him to criminal liability, when, as a different algorithm – an increase in the actual (biological) age of such a person due to accelerated mental (intellectual) development, is not provided. A solution to this injustice by criminal law means is proposed.

Ключевые слова: возраст привлечения к уголовной ответственности, преступность несовершеннолетних, возрастная невменяемость, задержка психического развития, ускоренное психическое (интеллектуальное) развитие, акселерация, профилактика преступности несовершеннолетних.

Keywords: age of prosecution, juvenile delinquency, age-related insanity, mental retardation, accelerated mental (intellectual) development, acceleration, prevention of juvenile delinquency.

Вопросы установления юридических критериев привлечения лица к уголовной ответственности являются одними из актуальных для доктрины уголовного права [1]. Элементов состава преступления всего четыре, составляющих их признаков - немногим больше. Тем не менее, эти вопросы продолжают быть дискуссионными и по настоящее время, несмотря на написание достаточно большого числа научных трудов в этой сфере.

ответственность за совершенное им общественно опасное деяние.

Одним из критериев, не теряющих свою актуальность при решении вопроса привлечения к уголовной ответственности, является возраст лица, совершившего общественно опасное деяние. В источниках уголовного права многих стран закреплён конкретный возраст, при достижении которого лицо становится субъектом уголовно-правовых отношений и потому может нести

В нашей стране, согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, таким возрастом является шестнадцать и за отдельные преступления – четырнадцать лет.

Тем не менее, исследователи, занимающиеся вопросами психологии преступности среди несовершеннолетних, отмечают, что несовершеннолетние преступники обладают бедным внутренним миром, узким кругозором, примитивными представлениями, ситуативными, неглубокими и быстро проходящими интересами, внушаемостью, неспособностью предвидеть отдалённую перспективу своих поступков, что сближает их с лицами, имеющими отставание в психическом развитии [2]. Подобные выводы стали поводом

для того, что различного рода гуманисты некоторых странах, в том числе и России, стали лоббировать внесение дополнений в национальные источники уголовного права, позволяющих снижать биологический (фактический) возраст лица, совершившего общественно опасное деяние, и тем самым предоставлять ему возможность не быть привлеченным к уголовной ответственности с назначением справедливого наказания.

В силу этого, в России в ст. 20 УК РФ была введена ч. 3, согласно которой, если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного ч. 1 и 2 данной статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности. Это, в свою очередь, создало определенный юридический диссонанс в российской юридической практике при определении возраста привлечения к данной ответственности.

Вместе с тем, не стоит забывать о том, что в вопросах привлечения к уголовной ответственности должен соблюдаться принцип справедливости как один из фундаментальных принципов права. Именно поэтому при наличии условий, снижающих реальный (фактический) возраст привлечения к данной ответственности, со всей очевидностью должны быть регламентированы и условия, повышающие этот возраст.

Данные условия в настоящее время имеют реальную социальную обусловленность, вызванную современным научно-техническим прогрессом, благодаря которому, современные несовершеннолетние гораздо в более раннем возрасте начинают в полной мере осознавать характер и последствия совершаемых ими деяний. Их мировоззрение стало гораздо богаче, мыслительные процессы протекают значительно быстрее. Они гораздо быстрее социализируются [3]. Еще одним подтверждением этого являются результаты

Литература:

1. Шабанов В.Б. Цели и средства исполнения уголовного наказания / В.Б. Шабанов, А.Л. Санташов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 7. С. 23–26.
2. Amdrose A (ed). Stimulation in Early Infansy. London; New-Work, 1969.
3. Смирнов А.М. Общая характеристика несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение половых преступлений / А.М. Смирнов // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3(86). С. 130–135.
4. Что такое акселерация и кто такой акселерат. URL : <https://ktonanovenkogo.ru/voprosy-i-otvety/akselerat-akseleraciya-ehto-nashego-vremeni.html>

научных исследований процессов акселерации, а точнее, психологической акселерации, согласно которым в настоящее время время детей-акселератов варьируется от 13 % до 20 % [4], что, по нашему мнению, не мало.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопрос установления возраста привлечения к уголовной ответственности в настоящее время в российском уголовном законе регламентирован весьма несправедливо. Юридическая конструкция ст. 20 УК РФ нарушает фундаментальный принцип права – справедливость нормативной регламентации общественных отношений и социальных процессов. Именно поэтому существует настоятельная необходимость во внесении в данную уголовно-правовую норму соответствующих изменений или дополнений. Мы видим их реализацию в двух направлениях, вытекающих из понятных для всех соображений справедливости и равенства:

1. Исключить из ст. 20 УК РФ ч. 3, сохранив только единый для всех формально закрепленный возраст при достижении которого лицо привлекается к уголовной ответственности, то есть шестнадцать (с. 1 ст. 20 УК РФ) и четырнадцать (ч. 2 ст. 20 УК РФ);
2. Наряду с ч. 3 ст. 20 УК РФ, включить в данную норму положение, позволяющее привлекать к уголовной ответственности в гораздо более раннем, чем формально установленный (фактический, биологический) возрасте, в силу ускоренного психического (интеллектуального) развития (акселерации). Одним из вариантов такого положения может быть – «если несовершеннолетний не достиг возраста, предусмотренного частью первой и частью второй настоящей статьи, но, вследствие опережения в психическом развитии во время совершения общественно опасного деяния, мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он подлежит уголовной ответственности».

Literature:

1. Shabanov V.B. Goals and means of execution of criminal punishment / V.B. Shabanov, A.L. Santashov // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2009. № 7. P. 23–26.
2. Amdrose A (ed). Stimulation in Early Infansy. London; New-Work, 1969.
3. Smirnov A.M. General characteristics of minors sentenced to imprisonment for committing sexual crimes / A.M. Smirnov // Man: crime and punishment. 2014. № 3(86). P. 130–135.
4. What is acceleration and who is an accelerator. URL : <https://ktonanovenkogo.ru/voprosy-i-otvety/akselerat-akseleraciya-ehto-nashego-vremeni.html>

Сумачев Алексей Витальевич

доктор юридических наук,
профессор,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень
alekssumachev@mail.ru

Alexey V. Sumachev

Doctor of Law Sciences,
Professor,
Tyumen State University, Tyumen
alekssumachev@mail.ru

**О НАУЧНОМ ТРУДЕ И.Я. КОЗАЧЕНКО
«УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ. ОБЩАЯ
ЧАСТЬ. ВИЗУАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
РЕЦЕПТ»**

**ON THE SCIENTIFIC WORK
OF I.Y. KOZACHENKO «CRIMINAL LAW
OF RUSSIA. THE TOTAL PART.
VISUAL-ANALYTICAL RECIPE»**

Аннотация. В отзыве, на указанном в заголовке статьи научном труде Заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора, Почетного профессора Уральского государственного юридического университета И.Я. Козаченко, определяется актуальность и востребованность рецензируемой работы. Далее указывается на авторскую специфику структуры и наименований отдельных разделов работы. При этом констатируется и поддерживается авторская «целесообразность» выделения самостоятельных разделов данного труда и использование автором «парных конструкций». Кроме того, определяется необходимость опубликования этой работы без какой-либо редакторской правки, чтобы сохранить особенности авторского рассуждения и изложения ключевых вопросов уголовного права.

Ключевые слова: актуальность, востребованность, авторская специфика, структура работы, наименование разделов, рекомендация к опубликованию.

Annotation. In the response, on the scientific work of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Professor of the Ural State Law University I.Ya. Kozachenko, the relevance and relevance of the reviewed work is determined. Further, the author's specifics of the structure and names of individual sections of the work are indicated. At the same time, the author's «expediency» of identifying independent sections of this work and the use of «paired structures» by the author is stated and supported. In addition, the need to publish this work without any editorial revision is determined in order to preserve the peculiarities of the author's reasoning and presentation of key issues of criminal law.

Keywords: relevance, relevance, author's specifics, the structure of the work, the name of the sections, the recommendation for publication.

Представленный на отзыв научный труд «Уголовное право России. Общая часть. Визуально-аналитический рецепт», посвящен авторскому анализу «концептуальных положений уголовно-правовой материи». Актуальность данной работы не вызывает сомнений. Несмотря на активную модификацию Уголовного кодекса Российской Федерации – 250 (!) Федеральных Законов о внесении изменений и дополнений в УК РФ по состоянию на 27 июля 2020 г. – доктринальные взгляды относительно уголовно-правовых явлений всегда остаются и останутся востребованными как теоретиками, так и практиками, а также законодателем. При этом доктринальные воззрения относительно «уголовно-правовой материи» более интересны с позиций их авторской интерпретации. Да, несомненно, большинство учебников (курсов лекций) по уголовному праву созданы коллективом авторов, как правило, единомышленниками (представителями одной научной школы). Соответственно, представленные в такого рода изданиях взгляды на научно-практические проблемы уголовного права, являются консолидируемыми (общими) для данной научной школы.

Авторские же работы тем и примечательны, что позволяют «узнать» субъективные воззрения ученого на те или иные проблемы, в нашем случае, в области юриспруденции. Кроме того, авторские работы «расширяют» кругозор не только студентов, но и состоявшихся представителей науки и практики в той или иной научной сфере.

В этой связи, авторский научный труд «Уголовное право России. Общая часть. Визуально-аналитический рецепт» является востребованным и актуальным.

По своей структуре рецензируемый научный труд соответствует традиционным разделам учебного курса «Уголовное право», основанном на структуре Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, как названия, так и структура отдельных разделов имеет свою авторскую специфику. Например, Раздел II данной работы называется «Преступление: понятие, признаки, уголовно-правовые модели ответственности» и имеет следующую структуру:

Глава 6. Уголовная ответственность: понятие, признаки, основание.

Глава 7. Преступление: понятие, признаки, виды.

Глава 8. Множественность преступлений.

Глава 9. Состав преступления: понятие, элементы, виды, значение.

Глава 10. Объект состава преступления: понятие структура, виды.

Глава 11. Объективная сторона состава преступления.

Глава 12. Стадии совершения преступления.

Глава 13. Субъект состава преступления.

Глава 14. Соучастие в преступлении.

Глава 15. Субъективная сторона состава преступления.

Глава 16. Обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Полностью поддерживаю такого рода авторскую «целесообразность» выделения самостоятельных разделов учебно-познавательного пособия и использование «парных конструкций».

Заслуживает особого внимания авторский стиль изложения материала:

– отсутствие «закрученных» научных терминов и «бессмысленных абстрактных понятий»;

– «сознательный уход» автор «от дискуссионных вопросов, бесконечных перечислений точек зрения на ту или иную проблему» [1, с. 3];

– порой необыкновенно добрый и человечный творческий почерк Ивана Яковлевича Козаченко (чего только стоят даже эти фразы, указанные в

разделе «Вместо предисловия»: «Удалось ли автору осуществить задуманное, судить не ему. Он благородно склонит голову перед любой, даже самой жесткой критикой, памятуя о том, что любое творчество, проходя через сердце творца, больно своей незавершенностью. А в больное сердце, как говорят в народе, легче попасть») [1, с. 4].

Несомненно, данный труд будет представлять интерес не только для обучающихся, но и для профессорско-преподавательского состава образовательных организаций юридического профиля, практических работников правоохранительных и правоприменительных органов, но также и для всех тех, кто интересуется вопросами уголовного права. И здесь я абсолютно согласен с Иваном Яковлевичем Козаченко в том, что «Представленное творение не есть учебник, не учебное пособие и не свод советов и назиданий. Это – рассуждения автора относительно вопросов, часто возникающих в повседневной жизни практически у каждого человека, независимо от сферы его жизнедеятельности и круга его социальных интересов» [1, с. 2].

Более того, считаю *необходимым* опубликование данной работы *без какой-либо редакторской правки*, чтобы сохранить особенности авторского рассуждения и изложения ключевых вопросов уголовного права.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что научный труд «Уголовное право России. Общая часть. Визуально-аналитический рецепт», подготовленный доктором юридических наук, профессором, Почетным Профессором Уральского государственного юридического университета, Заслуженным деятелем науки Российской Федерации Иваном Яковлевичем Козаченко, может быть рекомендован к опубликованию в центральных издательствах России.

Литература:

1. Козаченко И.Я. Уголовное право России. Общая часть. Визуально-аналитический рецепт / И.Я. Козаченко. М. : Юрлитинформ, 2021. 256 с.

Literature:

1. Kozachenko I.Ya. Criminal law of Russia. The general part. Visual-analytical recipe / I.Ya. Kozachenko. M. : Yurlitinform, 2021. 256 p.

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
Law and Work With Personnel,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

**ДИНАМИКА СЕКСУАЛЬНОЙ МОРАЛИ:
ОТ СССР К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**THE DYNAMICS OF SEXUAL MORALITY:
FROM THE USSR TO MODERN RUSSIA**

Аннотация. В Европейских странах представители секс меньшинств позиционируются с, как бы, «прогрессивной» социальной группой, права которой защищены различными общественными организациями. В статье показано, что пропаганда и реклама подобного сексуального поведения, позиционирование в качестве нормы, ее трансляция молодому поколению недопустимы и опасны. Автором рассмотрены две противоположные точки зрения и аргументации, противников и последователей сексуальных меньшинств, а также, представлены мировоззренческие истоки гомофобии. Доказывается, что искусственно насаждаемая пропаганда нетрадиционных сексуальных ориентаций, направлена на реализацию проекта изменения общественного сознания россия.

Annotation. In European countries, representatives of sex minorities are positioned as a «progressive» social group, whose rights are protected by various public organizations. It is shown that propaganda and advertising of such sexual behavior, positioning as a norm, broadcasting to the younger generation is unacceptable and dangerous. Two opposing points of view and argumentation, opponents and followers of sexual minorities, are considered, and the ideological origins of homophobia are presented. It is proved that the artificially imposed propaganda of non-traditional sexual orientations is aimed at implementing a project to change the public consciousness of Russians.

Ключевые слова: мораль, сексуальная революция, интимность, сексуальные меньшинства, гомофобия, традиционные ценности, общественное сознание.

Keywords: morality, sexual revolution, intimacy, sexual minorities, homophobia, traditional values, public consciousness.

О бщепринято, что сексуальная революция, кардинально изменившая взгляды на интимную жизнь в мире, произошла в 60-е годы XX века. Советская сексуальная революция произошла после Октябрьской революции 1917 года. Первыми указами советской власти наряду с декретами «О мире и земле» стали декреты Ленина «Об отмене брака», «О гражданском браке». Л. Троцкий разработал новую концепцию взаимоотношения полов, согласно которой все сексуальные запреты, даже однополой любви должны быть сняты. Новые законы были встречены парадом сексуальных меньшинств в Петербурге и Москве. В уничтожении старого царского мещанского быта, православной нравственности, раскрепощении молодежи комсомольские ячейки видели свою задачу. Квинтэссенция этого подхода сформулирована, в докладе коммунистки И. Семидович, суть которого сводится к следующему: «Любой даже несовершеннолетний, комсомолец и студент «рабфака» может удовлетворить сексуальные потребности, а воздержание есть ограниченность, присущая буржуазной морали; если мужчина возжелает юную девушку (работницу, студентку, школьницу), то девушка обязана

подчиниться этому порыву, иначе она буржуазная дочь, недостойная называться истинной коммунисткой...» [1].

Актуализация «свободной любви», смешение разных практик интимности, разрушение традиционных взглядов на сексуальную мораль - характеристики этого периода времени. На тех, кто рассматривал любовь, выходя за рамки физиологии, смотрели как на умственно отсталых и убогих субъектов, пережитков прошлого.

Изнасилование в 20–30-е годы XX века стало нормой поведения членов большевистской молодежи, и не только молодежи, и не считалось преступлением. Изнасилования же «дворянок» и «буржеек» особенно в период «военного коммунизма» воспринималось как торжество классовой справедливости. Такая новая трактовка роли женщины в «советском обществе» была навязана молодежи, а насилие и разврат стали нормой их поведения.

Нарушительниц правил новой коммунистической этики и морали осуждали и наказывали на комсомольских собраниях. Подобные связи и

отношения привели к возникновению социальных проблем: дети, рожденные в результате этой «свободной» любви, которых матери не могли содержать, пополняли ряды беспризорников и преступного мира; способствовали всплеску заболеваний венерическими болезнями.

Что касается однополых связей, то в дореволюционной России они существовали в сексуальных практиках богатых и знатных особ, были запрещены, правда, полицией они особо не преследовались. Тем не менее, в рынок однополых сексуальных услуг в качестве «товара» были вовлечены крестьянская молодежь, солдаты и т.д. Отношение к однополым сексуальным связям и до, и после революции воспринималось как нечто порочное, но особой агрессии по отношению к «замеченным» не наблюдалось, их терпели и игнорировали.

Большевики, не внесли добровольное мужеложство совершеннолетних в УК РСФСР 1922 г., а добавлено в УК оно было в 1934 году и просуществовало до 1993 года. Естественно, такие извращенные комсомольские формы сексуальных отношений вызывали протест. Здоровый инстинкт с отвращением отказался от этих экспериментов и вернулся в лоно традиции, а конечная цель уничтожения семьи, оплота нравственности и государства оказалась недостижимой. Большинство молодых люди стали вступать в нормальные браки и создавать семьи, причем, они отказывались жениться на комсомолках. Им нужны были жены, хозяйки дома, а не партийные и комсомольские «шалавы».

Во второй половине 1920-х гг. и идеологи власти заговорили о браке, семье, любви, стал заметен отказ от прежних идей, стремление усмирить пыл «сексуального освобождения» пролетарской молодежи. В противовес идее «свободной любви» предлагалась концепция коммунистической морали в брачных отношениях. А уже в середине 1930-х годов, официальный дискурс, ориентированный на половые и сексуальные темы, прекращается, а в общественном сознании насаждается деэротизация.

И.В. Сталин пресек сексуальную вакханалию, вернул человеческие отношения в нормальное русло, и советская сексуальная революция пошла на спад. Он прекрасно понимал, что кто, совершая социалистическую революцию, участвовал и в сексуальной, представляют опасность, которая заключалась в организованности и взаимной поддержке. Сплоченность и взаимопомощь этого меньшинства могла способствовать установлению диктатуры над нормальным большинством. Помогая своим и мешая другим, осознавая собственную ущербность и страдая от неполноценности, они будут мстить другим за их нормальность. Наибольшее их количество просматривается в элитарном слое, ввиду их больших возможностей, так как, пресытившись отношениями доступными в пределах половых сношений с женщинами, они ищут новых ощущений (одно из объяснений подобной сексуальной практики).

Победив левую оппозицию, И.В. Сталин запретил аборт, усложнил процедуру разводов, криминализировал мужеложство (по инициативе ОГПУ в Ленинграде и Москве было проведено несколько процессов). Была установлена цензура на сексуальность в кино, пропагандировалось плакатное целомудрие, а сексуальные отклонения воспринимались как потенциальная угроза государству. Тема телесности и сексуальности, половой свободы, гомосексуальности стала недопустимой в публичном дискурсе и существовала только в медицинской сфере.

По уголовной статье 121 «Мужеложство» с 1934 по 1980 гг. осуждались тысячи человек. К концу 1980-х гг. количество таких приговоров уменьшилось. По данным Министерства юстиции РФ, в 1989 г. по этой статье получили приговор – 538, в 1990 – 497, в 1991 – 462, в первой половине 1992 – 227 человек. Всего же, в период с 1934 по 1992 гг. по этой статье было осуждено свыше 60 тыс. чел. В 1993 году она была исключена из Уголовного кодекса, а в 1996 году был принят новый Уголовный кодекс РФ, не запрещающий подобные отношения [2].

Уголовное наказание за аборт было отменено лишь в 1955 году, а лишь в конце 1960-х упростилась процедура разводов. До начала 1990-х годов в Советском Союзе доминировала мораль в сексуальной сфере, квинтэссенцией чего стал известный тезис: «В СССР секса нет!».

Хотя, 1960-е годы (урбанизация) можно назвать временем «мягкой сексуальной революции» в СССР, которая совпала с западной и протекала менее заметно и несколько иначе. Послевоенное поколение легче вступало во внебрачные отношения, легче разводилось, раньше начинало сексуальную жизнь.

В современной России, как и в Европейских странах, представители секс меньшинств позиционируются с, как бы, «прогрессивной» социальной группой, права которой защищены различными общественными организациями, а гомофобия преследуется по закону.

В.В. Картунов с соавторами, пишут, что быть гомосексуалистом стало выгодным и модным: такой статус гарантирует определенную неприкосновенность.... «К врожденной гомосексуальности отношение россиян вполне терпимое – как к своеобразной «ошибке природы», досадному генетическому сбою, что выражается в сочувствии и жалости к больным... Другое отношение к убежденным гомосексуалистам, осознанно пришедшим к такому состоянию. В представлениях большинства россиян, это результат распушенности, извращенности [3].

Пропаганда и реклама этого извращения, позиционирование в качестве нормы, трансляция молодому поколению совершенно недопустимы и опасны. Принять гомосексуализм в качестве нормы, в Европе готовы порядка 80 % населения, в России с этим пока относительно все в порядке, если можно так выразиться, всего 15–20 %. Но этот процент будет увеличиваться, благодаря

пропаганде, рекламе и романтизации этой проблемы в СМИ. Сегодня невозможно встретить ни одного российского, не говоря о западном кино, в котором не фигурируют представители ЛГБД, причем, зачастую, они показаны в позитивном ключе в качестве успешных, смешных при первом приближении, интересных персоналий.

Рассмотрим, частично, две противоположные точки зрения и аргументацию, противников и последователей ЛГБД, и попытаемся проследить мировоззренческие истоки гомо фобии.

Противники гомосексуализма утверждают, что он не присущ животным, случаи гомосексуальных контактов в природной среде крайне редки, и вызваны, как и у людей, генетическими дефектами. Гомосексуальные отношения среди животных не приводят к образованию гомосексуальных пар в отличие от человеческих образований. Сторонники ЛГБД, не исследуя вопрос глубже, приводят лишь единичные факты половых отношений среди животных. Хотя, подобное поведение среди животных определяется не половым влечением, а демонстрацией, выражением подчиненной или доминирующей роли.

Вообще, попытка спроецировать межчеловеческие отношения на животный мир сомнительна и некорректна. Созданная людьми культура отличается нас от животных, так как культура - это механизм противостояния и взаимодействия с природой – это всегда изменение природы, создание знаковых систем, символов, образов, которых в природе нет. Именно поэтому, противоположные стороны апеллируют к культуре.

Представители ЛГБД предпочитают обращаться к культурно-историческому опыту Античности, что не совсем корректно, по мнению В.В. Картунова и др. авторов, так как примеры Древней Греции и Древнего Рима не вполне удачны для культурного обоснования феномена гомосексуализма... «бисексуальные связи имели место, но они носили «развлекательный» или коммуникативный характер и не приводили к образованию гомосексуальных семей. Тем более, распутные пиры и оргии того периода не могут служить образцом высокой культуры, а демонстрируют нравственную и моральную деградацию цивилизации».

Христианизация Европы, свела на нет эту тему, либо для демонстрации порока и греха, практически к нулю, а если и присутствовала, то лишь для иллюстрации «греха и порока» [3].

Лишь, начиная со второй половине XX века, тема однополых связей стала активно внедряться в различные виды искусства (кино, литература, театр), и интерес к стал расти. Сегодня Голливуд создает фильмы, в которых представители ЛГБД выступают в различных образах – это и романтическая однополая любовь, иногда с трагической развязкой; комедийные образы; преступники и т.д. Последняя позиция наиболее интересна, когда в банде, занимающейся грабежами, один из членов – гей, причем, довольно профессиональный и яркий персонаж. Над ним подшучивают остальные, тем не менее, он – уважаемый член группы,

профессионал своего дела, не оставляющий без внимания их комические выпады в свой адрес. Представить подобное раньше, чтобы преступники ввели в свой состав на равных позициях гомосексуалиста? Потребителю внушается мысль, о нормальности подобных вещей, он такой же, как все остальные, и может претендовать на любой статус. Из чего вытекают два их основных тезиса: «Мы не такие как все – мы другие, соответственно имеем такие же права, как все обычные люди»; «Все люди разные, есть одни, а есть другие – их меньшинство». Что же касается механизма реализации далеко идущих планов гомосексуализма, он раскрыт в общих чертах в манифесте некоего Майкла Свифта (в Интернете в свободном доступе). Цитирую основные моменты: ««Мы будем сексуально использовать ваших сынов, оплот вашей немощной мужественности...совращать их везде».... «...Ваши законы, запрещающие гомосексуализм, будут отменены. Новое законодательство будет поощрять любовь между мужчинами» «Все гомосексуалисты должны встать плечом к плечу как братья...Наши писатели и музыканты сделают любовь между мужчинами модной и престижной...»...«Семья – этот рассадник лжи, предательства, тщедушия, лицемерия и жестокости – будет упразднена...Все церкви, которые нас осуждают, будут закрыты. Нашими единственными богами будут юноши...» и т.д. «...Мы широко осветим гомосексуальность великих лидеров и мыслителей, которые создали цивилизацию; продемонстрируем неразрывную связь гомосексуальности, интеллектуальности и творчества, гомосексуальность как залог истинного благородства и подлинной красоты в мужчине...» и т.д.

Несмотря на масштаб «атаки», тематика однополых связей в России не столь популярна и уступает традиции. В доминирующих православии и исламе, определяющих мировоззрение большей части населения, отношение к идеям ЛГБД однозначное: это грех и грязь, порочное искажение природы человека, которая определена Богом.

Несмотря на свою малочисленность, следует признать, что гомосексуалисты в отличие от людей традиционной ориентации, создают определенные проблемы:

1. Медицинского характера, так как специфика этих отношений повышает риски заражения рядом заболеваний, которые известны, в том числе и психического состояния представителей этой группы. Как правило, средний гомосексуалист, меняет сотни партнеров на протяжении жизни. А это – явное психическое нарушение. Гомосексуалисты в несколько раз чаще совершают попытки самоубийства.

2. Демографии, потому что гомосексуалисты не воспроизводят потомство. Правда, у России есть все возможности для того, чтобы избежать печальной участи западных стран, признавших гомосексуализм некой моральной нормой, и сделать осознанный выбор в пользу своих традиций и нравственных ценностей.

3. Интимная жизнь не должна быть публичной и не носить характер пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Этот закон вызвал поток критики со стороны правозащитников и либерально настроенной общественности. Психику ребенка очень легко травмировать и далеко не всякая информация (даже правдивая) полезна для него. Гомосексуалисты же стремятся публично, открыто демонстрировать свои сексуальные предпочтения, напоминая о себе, своим равноправии, для собственного психического комфорта, решения собственных психических проблем. Поэтому для ЛГБТ-сообщества так важно проведение гей-парадов, различных демонстраций, открытое обсуждение своей сексуальности, идентичности в СМИ.

В культуре нашего общества не принята демонстрация своей интимной жизни и предпочтений, это всегда считалось признаком невоспитанности. Исторически сложились определенные ограничительные традиции и механизмы, пропаганда же нетрадиционной сексуальной ориентации есть ни что иное, как попытка переформатирования общественного сознания. Большинство населения выступает против пропаганды нетрадиционной сексуальной ориентации и однополых браков, главным образом люди старшего и среднего возраста. Молодежь – индифферентней в этом отношении, она относится к данному явлению спокойней.

Значительная часть пропаганды ЛГБД носит поверхностный характер – в том отношении, что не оказывает серьезного влияния на систему ценностей, взгляды и поведение населения. Идентичность представителей старшего или среднего возраста уже сформирована, им не грозит отказ от существующих норм, правил, установок своей культуры. Иначе влияние пропаганды нетрадиционных сексуальных связей проявляется в среде молодежи.

Чуждые национальной психологии российского общества, распространяющиеся поведенческие штампы, стали олицетворением счастливой жизни, под их влиянием происходит формирование идеалов и внутреннего мира молодежи. Родителей и старших родственников – носителей традиций, которые представляются отставшими и устаревшими, заменяют новые «герои». Если раньше молодежь была очень похожа на представителей старших поколений, то сегодня подрастает поколение, стоящих на передовой глобализационных процессов, гораздо больше похожи друг на друга, чем на своих отцов и дедов, продолжающих существовать в рамках собственной культурной традиции.

Традиционные механизмы формирования уклада и морали (от родителей к детям) не перестали существовать. Во многом, личность и идентичность молодого человека по-прежнему формируется в

детстве под влиянием семьи, школы и других социальных институтов. Но если раньше, усвоив стандартный набор «истин» и правил, человек мог прожить, руководствуясь ими всю свою жизнь в силу малой изменчивости мира, то сегодня подобное невозможно. Слишком быстрые изменения в мире, ставят вопросы постоянной адаптации к новым условиям среды. Культурная картина мира формируется не однажды в детстве, а по ходу сознательной жизни. На смену старым алгоритмам передачи знаний, дающим «сбой», приходят новые, главным образом сетевые, эмоциональный фон большинства которых опирается либо на первичные биологические инстинкты – секс и агрессию, или на ценности гедонизма.

Сегодня все говорят о свободе прессы, в том числе, и на уровне правительств, однако, многие не имеют даже простого представления о последствиях подобной политики. В свое время, китайский вождь Дэн Сяопин сказал: «Открывая окно, нужно помнить, что помимо свежего воздуха в него влетают мухи и москиты». Упомянутые мухи и москиты – это неизбежный приток западных культурных ценностей, которые могут поставить перед любым традиционным обществом множество серьезных проблем. Учитывая то, что все глобальные СМИ принадлежат определенным группам влияния – частным или государственным структурам, информация, преподносимая ими, носит заведомо пристрастный характер.

Если допустить, что пропаганда однополых браков, гомосексуализма в СМИ есть «атака» Запада на подрыв духовных основ нашего общества, изменения его сознания, то все становится на свои места. Лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией становятся просто авангардом или одним из основных направлений большой политической игры. В то же время, нельзя отрицать того факта, что и Запад (в том числе, и США) подвержены этим вызовам. Поток низкопробной продукции, демонстрирующей и рекламирующей сексуальную распущенность как образцы поведения современного человека, стал частью жизни и этих обществ. Следовательно, хотя бы в качестве гипотезы, следует признать существование некой силы «группы влияния», целью которой является уничтожение духовности как основной и последней крепости старого традиционного мира. Отсюда и вытекает искусственно насаждаемая пропаганда нетрадиционных сексуальных ориентаций, направленная на реализацию проекта изменения общественного сознания.

Дальнейшее развитие российского общества, выбор модели его модернизации будут зависеть от специфики социокультурного пространства, проблем соотношения традиций и инноваций, проблем культурной идентичности; а также от того, насколько успешно наше общество ответит на выше описанные вызовы.

Литература:

1. Газета «Правда». 21 марта 1925.

Literature:

1. Newspaper «Pravda». March 21, 1925.

2. *Дэн Хили*. Сколько человек осудили за «мужеложство» в СССР / Дэн Хили. URL : <http://www.xgay.ru/society/legislation/121/danhealy.html>// (дата обращения 25.01.2021).

3. *Кортунов В.В.* Проблема восприятия гомосексуальности в современной России: основания актуального дискурса / В.В. Кортунов [и др.]. URL : <https://cont.ws/@kurennoi/898478>// дата обращения 03.02.2021.

4. *Гидденс Э.* Трансформация интимности / Э. Гидденс. СПб. : Питер, 2004. 208 с.

2. *Dan Healy*. How many people were convicted of «sodomy» in the USSR / Dan Healy. URL : <http://www.xgay.ru/society/legislation/121/danhealy.html>// (date of application 25.01.2021).

3. *Kortunov V.V.* The problem of the perception of homosexuality in modern Russia: the foundations of the current discourse / V.V. Kortunov [et. al.]. URL : <https://cont.ws/@kurennoi/898478>//date of access 03.02.2021.

4. *Giddens E.* Transformation of intimacy / E. Giddens. SPb. : Peter, 2004. 208 p.

Фоменко Дарья Дмитриевна
аспирантка кафедры уголовного права,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
zelenskayadd@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ»

Аннотация. Миграция населения является сложным социальным процессом, обусловленным различными социально-экономическими, психологическими, правовыми и иными причинами. Сущность миграции заключается в перемещении населения в пределах страны или нескольких стран. В статье рассматриваются основные интерпретации понятия «незаконная миграция». Автором проводится исследование причин этого социального явления, проблемных вопросов уголовно-правовых средств борьбы с незаконной миграцией.

Ключевые слова: миграция, понятие незаконной миграции, уголовно-правовые средства, преступность мигрантов.

Миграция населения является сложным социальным процессом, обусловленным различными социально-экономическими, психологическими, правовыми и иными причинами. Сущность миграции заключается в перемещении населения в пределах страны или нескольких стран. Термин «миграция» (migration) в переводе на русский язык означает переселение, перемещение [14]. Советский энциклопедический словарь содержит следующее определение миграции населения: это перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства [12]. Вместе с тем, существует достаточно много различных определений миграции. Их можно разделить на несколько групп в зависимости от подхода или основания для деления [13]. Наиболее распространенной является точка зрения на миграцию как на территориальные перемещения. М.М. Бабаев предложил рассматривать миграцию в широком и узком смысле. В широком смысле – это любое перемещение людей; в узком – территориальное перемещение людей, связанное с изменением ими местожительства [1]. Можно согласиться с таким предложением, добавив к нему другие значимые признаки, прежде всего, перемещение граждан через границу государства с целью постоянного или временного, но длительного срока [4].

Полагаем, что граница государства для узкого понимания термина «миграция» является существенным. Поэтому, на наш взгляд, миграция – это перемещение людей через границы

Darya D. Fomenko
Postgraduate Student
of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina
zelenskayadd@mail.ru

ON THE CONCEPT OF IRREGULAR MIGRATION

Annotation. Population migration is a complex social process for various socio-economic, psychological, legal and other reasons. The essence of migration is the movement of people within a country or several countries. The article addresses the main concepts of irregular migration. Study of the causes of this social phenomenon and the problems of criminal-legal means to combat illegal migration.

Keywords: migration, the concept of irregular migration, criminal remedies, crime of migrants.

государства, связанное с переменой места проживания. Именно такое понимание миграции мы будем иметь в виду, рассматривая вопрос о незаконной миграции.

В понятии «миграция населения», таким образом, необходимо выделять признаки, имеющие первостепенное значение. К ним относятся перемещение, цель перемещения. Перемещение внутри страны – это внутренняя миграция. Перемещение через государственную границу – это, на наш взгляд, внешняя миграция. Полагаем, что такое уточнение конкретизирует, на наш взгляд, позицию М.М. Бабаева.

В исследовании миграции принято выделять социологический и юридический подходы. Согласно социологическому подходу, в понятии «миграция» выделяются территориальные перемещения людей в физическом пространстве с целью поиска лучших условий жизни. Юридический подход под миграцией предлагает понимать совокупность правоотношений, преимущественно, контролируемого государством территориального перемещения людей с поиском лучших условий жизни и обретения в большинстве случаев нового правового статуса [2].

Анализ названных подходов к пониманию миграции показывает, что они, в значительной мере, схожи. Все отмеченные существенные признаки миграции содержатся в том и в другом случаях. Просто, в каждом подходе некоторые из этих

признаков выделяются, имеют преимущественное значение. Число этих признаков может изменяться, так как миграция – это сложный общественный процесс, затрагивающий различные стороны жизни людей [3].

Причины миграции, то есть, перемещения людей как внутри страны, так и через государственную границу, также многообразны. Прежде всего, можно выделить экономические, материальные причины [6]. Другая группа причин порождается процессами, обуславливающими вынужденные перемещения различных групп населения. Достаточно вспомнить разрушение нашего великого государства – СССР – и перемещение людей на всем его пространстве.

Таким образом, под миграцией следует понимать процесс перемещения через государственную границу или через границы регионов со сменой места проживания по причинам экономического, социального, демографического, политического или иного характера.

Внутренняя миграция, то есть, перемещение граждан внутри страны из одного региона в другой, законодательно не регламентируется. В нашей стране, в соответствии с конституционным правом свободы перемещения и выбора места жительства, наблюдается переезд граждан из мест с затруднительными климатическими и экологическими условиями в более благоприятные места, прежде всего, в Москву и в южные регионы. Данный вид миграции имеет известные причины и, в определенной мере, может регулироваться государством путем последовательной нейтрализации этих причин.

Этот вид миграции должен, на наш взгляд, регулироваться государством. Регулирование должно осуществляться системой социально-экономических мер, способствующих улучшению условий жизни в труднодоступных районах (регионах) и уменьшающих перемещение людей в благоприятные районы. Наша страна огромная по своей территории. Если не принимать мер к освоению ее пространств (что проводилось государством в XX веке (начиная со времен Столыпина) и давало положительные результаты), то негативные последствия наступят неизбежно. Полагаем, что стимулирование постоянного или долгосрочного проживания граждан в определенных районах должно затруднять внутреннюю миграцию в благоприятные районы.

Существует другая разновидность миграции, которая является как внутренней, так и внешней. Речь идет о выезде граждан России за границу. Количество выезжающих лиц увеличивается, особенно молодых и квалифицированных специалистов. Отмечается, что процесс перемещения россиян за границу приобрел форму бизнеса [13]. Нейтрализация рассматриваемого явления сложна и должна идти по пути ликвидации причин этого явления.

Миграционные потоки российских граждан за границу включают выезд на работу; получение образования; брак с иностранным гражданином или

иностранной гражданкой; воссоединение с семьей. В среде рассматриваемого вида миграции выделяется также перемещение с замаскированными противоправными целями, например, участие в боевых действиях в составе международных террористических организаций и другие.

В количественном выражении самой значительной является миграция иностранных граждан в Россию в поисках работы из регионов бывшего СССР: Средней Азии, Закавказья, Украины и других. Данная миграция должна полностью регулироваться государством.

Таким образом, законная миграция – внутренняя и внешняя – включает следующие подвиды:

– перемещения населения России из одного региона в другой;

– миграцию иностранцев и лиц без гражданства: въезд в Россию, транзитный проезд через территорию РФ, перемещение и проживание на территории нашей страны и выезд из Российской Федерации;

– миграцию российских граждан в виде выезда из России и въезда на ее территорию.

Незаконная миграция представляет собой въезд в Россию, пребывание и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства Российской Федерации, а также произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории нашей страны.

Понятие «незаконная миграция» основано на рассмотренном выше понятии «миграция». Можно выделить основные характерные черты незаконной миграции. К ним относятся:

– способ осуществления незаконной миграции, то есть характеристика въезда, пребывания и выезда с территории государства;

– перемещение с территории одного государства через государственную границу на территорию другого государства; субъект перемещения, в основном – это иностранные граждане и лица без гражданства.

Существуют различные взгляды на содержание указанных характерных черт и на содержание незаконной миграции в целом. В них выделяются те или иные признаки незаконной миграции.

Существует взгляд, что незаконная миграция понимается как внешняя, а не внутренняя миграция, незаконный въезд в поисках работы в другие страны или законное пересечение границ гражданами с последующим нелегальным трудоустройством [4]. Как видно, данное определение сужает само понятие «незаконная миграция».

Более распространена точка зрения, согласно которой субъектами незаконной миграции являются не только иностранные граждане и лица без гражданства, но и граждане данного государства [8].

У многих авторов есть указание на законный въезд субъектов на территорию России, но затем, незаконным способом проживающих в нашей стране (подделка документов, умышленная утеря документов и др.). В данных определениях указывается понятие «законный способ проникновения на территорию страны и незаконный способ пребывания на ее территории» [11].

В определениях некоторых авторов распространено указание на цель незаконной миграции: трудовая деятельность [15]. Полагаем, что происходит это по причине наиболее распространенной причины незаконной миграции. По разным данным, на территории России находится от 8 до 10 млн нелегальных мигрантов, большинство из которых – прибывшие в поисках работы [9].

В работах исследователей выделяется еще одна цель незаконной миграции – криминальная: перемещение лиц в целях совершения преступлений или совершение преступлений в период пребывания на территории нашего государства. Выделяют несколько типов криминальной миграции [7]. Можно отметить, что законность въезда и пребывания иностранцев на территории нашей страны не исключает общественно опасных целей их пребывания [5].

Таким образом, можно выделить ряд существенных признаков, характерных для незаконной миграции как преступления. К ним относятся въезд на территорию России с нарушением действующего законодательства, незаконное пребывание и перемещение на территории страны; незаконное пребывание и перемещение при законном въезде; незаконный выезд за границу. Субъектами указанных действий могут быть иностранцы, лица без гражданства, граждане России.

Незаконная миграция – проникновение на территорию России иностранных граждан, лиц без гражданства с нарушением действующего законодательства, перемещение или проникновение, а равно - незаконный выезд за пределы РФ.

Незаконная миграция наносит нашему государству значительный ущерб. Он включает расширение рынка нелегальной рабочей силы, развитие теневого сектора экономики, выведение значительных средств из отечественной экономики (только в 2017 году мигрантами перечислено за рубеж 12,9 млн долларов США), рост этнической, трансграничной преступности и другие негативные проявления. Можно сделать однозначный вывод об общественной опасности незаконной миграции.

Перед государством стоит задача совершенствования или, как отметил Президент РФ В.В. Путин, повышения качества миграционной политики [10]. Основные направления противодействия незаконной миграции:

Литература:

1. *Бабаев М.М.* Теоретические основы криминологического исследования социально-демографических процессов в СССР : дис. д-ра юрид. наук / М.М. Бабаев. М., 1975. С. 380.

– совершенствование миграционного законодательства;

– совершенствование работы органов государственного контроля и правоохранительных органов по учету эмигрантов;

– выявление преступлений и правонарушений, совершаемых мигрантами;

– поддержание достаточного уровня социального и экономического обеспечения мигрантов, работающих в стране, и другие.

Незаконная миграция как явление складывается из единичных правонарушений отдельных мигрантов. Какова общественная опасность такого отдельного правонарушения?

В настоящее время в КоАП РФ есть глава 18 «Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации». В этой главе содержатся нормы об ответственности мигрантов за различные правонарушения, связанные с пребыванием в нашей стране.

Указание об административной ответственности мигрантов за нарушение правил пребывания есть и в других нормативных актах. В незаконной миграции исходным является незаконное пересечение государственной границы РФ. Речь идет не только о въезде, но и о выезде за пределы России. Если мотивами таких действий является трудоустройство, то это – одна степень общественной опасности. В случаях пересечения границы по криминальным мотивам (торговля людьми, торговля внутренними органами, наркотрафик, контрабанда) степень общественной опасности незаконной миграции существенно возрастает. Административная ответственность в таких случаях не соответствует степени общественной опасности. Очевидно, необходима уголовная ответственность.

Юристы, изучавшие данную проблему, отмечали конкуренцию уголовно-правовых и административных норм [1], предлагая различные варианты решения проблемы. Вопрос этот, на наш взгляд, отличается значительной сложностью и требует специального исследования. В данный момент отметим, что необходимо ввести уголовную ответственность за незаконную миграцию. Незаконная миграция, особенно по отмеченным криминальным мотивам, способствует возникновению дополнительных рисков дестабилизации социально-экономической обстановки, нарастания экстремистских проявлений, росту преступности и угрожает безопасности страны, в целом.

Literature:

1. *Babaev M.M.* Theoretical foundations of criminological research of socio-demographic processes in the USSR : dis. ... doctor of law sciences. M., 1975. P. 380.

2. Баранов В.М. Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия / В.М. Баранов // Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России. Н. Новгород, 2004. С. 44–49.
3. Большая советская энциклопедия. М., 1974. Т. 16. С. 209.
4. Валентей Д.И. Демографический энциклопедический словарь / Д.И. Валентей. М., 1985. С. 231; 221.
5. Долгова А.И. Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / А.И. Долгова. М., 2005. С. 347.
6. Коробеев В.А. Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Коробеев. М., 2008. С. 22.
7. Метелев С.Е. Криминальная миграция: характеристика и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук / С.Е. Метелев. Омск. 1996. С. 20; 165.
8. Подшивалов В.Е. Международно-правовые проблемы предупреждения и пресечения незаконной миграции : дис. канд. юрид. наук / В.Е. Подшивалов. СПб., 2004. С. 11; Бирюков С.Ю. Методика расследования организации незаконной миграции : учеб. пособие / С.Ю. Бирюков, Е.В. Кушпель. Волгоград, 2007. С. 10.
9. Поledoва (Гайдарова) Л.Т. Незаконная миграция в Россию: тенденции, последствия, противодействие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.Т. Поledoва (Гайдарова). М., 2012. С. 5.
10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос / В.В. Путин // Независимая газета. 2012, 23 января.
11. Сатаев А.Г. Китайская миграция на российский Дальний Восток: причины, масштабы и последствия явления: политический и социально-экономический аспекты : дис. ... канд. полит. наук / А.Г. Сатаев. Владивосток, 2009. С. 70.
12. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 810.
13. Соколов Д.А. Криминологическая характеристика организации незаконной миграции и связанных с ней социальных процессов / Д.А. Соколов. М., 2019. С. 12–13; 27.
14. Уша Т.Ю. Словарь иностранных слов / Т.Ю. Уша. СПб., 2004. С. 404.
15. Юдина Т.И. Миграция: словарь основных терминов : учеб. пособие. М., 2007. С. 472.
2. Baranov V.M. Illegal migration in modern Russia: concept, types, effectiveness of counteraction / V.M. Baranov // Migration, human rights and economic security of modern Russia. N. Novgorod, 2004. P. 44–49.
3. Great Soviet Encyclopedia. M., 1974. Vol. 16. P. 209.
4. Valentey D.I. Demographic encyclopedic dictionary / D.I. Valentey. M., 1985. P. 231; 221.
5. Dolgova A.I. State border, organized crime, law and security of Russia / A.I. Dolgova. M., 2005. P. 347.
6. Korobeyev V.A. Constitutional and legal foundations of the migration policy of the Russian Federation : dis. ... doctor of law sciences / V.A. Korobeyev. M., 2008. P. 22.
7. Metelev S.E. Criminal migration: characteristics and prevention : dis. ... doctor of law sciences / S.E. Metelev. Omsk. 1996. P. 20; 165.
8. Podshivalov V.E. International legal problems of prevention and suppression of illegal migration : dis. ... doctor of law sciences / V.E. Podshivalov. SPb. 2004. P. 11; Biryukov S.Yu. Methodology for investigating the organization of illegal migration : manual / S.Yu. Biryukov, E.V. Kushpel. Volgograd. 2007. P. 10.
9. Poledova (Gaidarova) L.T. Illegal migration to Russia: trends, consequences, counteraction : dis. ... doctor of law sciences / L.T. Poledova (Gaidarova). M., 2012. P. 5.
10. Putin V.V. Russia: a national issue / V.V. Putin // Nezavisimaya Gazeta. 2012, 23 Jan.
11. Sataev A.G. Chinese migration to the Russian Far East: causes, scale and consequences of the phenomenon: political and socio-economic aspects : dis. ... doctor of law sciences / A.G. Sataev. Vladivostok, 2009. P. 70.
12. Soviet encyclopedic dictionary. M., 1980. P. 810.
13. Sokolov D.A. Criminological characteristics of the organization of illegal migration and related social processes / D.A. Sokolov. M., 2019. P. 12–13; 27.
14. Usha T.Yu. Dictionary of foreign words / T.Yu. Usha. SPb., 2004. P. 404.
15. Yudina T.I. Migration: basic terms dictionary : manual / T.I. Yudina. M., 2007. P. 472.

Чернышов Александр Геннадьевич
адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России,
старший лейтенант полиции
agchernyshov18@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ОБЖАЛОВАНИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ РЕШЕНИЙ ПРОКУРОРА О ВОЗВРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. В статье рассмотрен механизм обжалования следователями решений прокуроров о возвращении уголовного дела в случае, когда следователи не согласны с принятыми решениями. Отмечено, что в действующей системе правового регулирования обращение следователя к вышестоящему прокурору возможно только с согласия руководителя следственного органа, что является неотъемлемой частью существующей концепции процессуальной независимости следственного органа. Приведена статистика обжалования решений прокуроров следователями. Выявлены некоторые причины безуспешного обжалования решений прокуроров следователями.

Ключевые слова: следователь, прокурор, руководитель следственного органа, прокурор субъекта, предварительное следствие, расследование, обжалование, ходатайство, уголовно-процессуальное право.

В настоящее время на досудебной стадии уголовного судопроизводства складывается ситуация когда, все чаще, прокуроры возвращают уголовные дела следователю для производства отдельных следственных действий, дополнительного следствия, для переквалификации действий обвиняемого, а так же для составления нового обвинительного заключения. Такие действия прокурора следователь вправе обжаловать, однако, на практике возникают большие проблемы, касающиеся наличия норм, которые бы регулировали правоотношения, складывающиеся на досудебных стадиях уголовного процесса, влекущие конфликтные ситуации как между прокурором и следователем, так и между руководителем следственного органа с подчиненным ему следователем. Полагаем, что существующий механизм обжалования решений прокурора о возвращении следователю уголовного дела необходимо разработать более детально с привлечением лиц, осуществляющих процессуальный надзор.

Проводя исследование и оценивая эффективность, а так же качество работы следователя,

Alexander G. Chernyshov
Adjunct of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Senior Police Lieutenant
agchernyshov18@gmail.com

THE ISSUE OF APPEAL BY THE INVESTIGATOR OF THE PROSECUTOR'S DECISIONS ON THE RETURN OF THE CRIMINAL CASE

Annotation. The article considers the mechanism for investigators to appeal against Prosecutor's decisions to return a criminal case if the investigators do not agree with the decisions taken. It is noted that in the current system of legal regulation, the appeal of an investigator to a higher Prosecutor is possible only with the consent of the head of the investigative body, which is an integral part of the existing concept of procedural independence of the investigative body. Statistics on appeals of Prosecutor's decisions by investigators are provided. Some reasons for unsuccessful appeals of prosecutors' decisions by investigators have been identified.

Keywords: investigator, Prosecutor, head of the investigative body, Prosecutor of the subject, preliminary investigation, investigation, appeal, petition, criminal procedure law.

нами были проанализированы следующие данные. В 2019 году было отменено постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела в количестве – 14022, когда в 2018 году – 14868; отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 2035927, при 2225641 в 2018 году; возбуждено уголовных дел по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 162445 против 165646; отменено постановлений о прекращении уголовного дела – 26156 относительно 26631 в 2018 году [1]. По всем этим показателям прослеживается тенденция снижения количества выявленных нарушений закона, и связываем их мы с тем, что было повышено качество процессуального контроля со стороны руководителей следственных органов, так и улучшена работа органов, осуществляющих процессуальный контроль. Не возможно не отметить и тот факт, что в 2018 году в производстве следователей органов внутренних дел находилось 1617 тыс. уголовных дел, из них по 320,2 тыс. было окончено производство, а 305,2 тыс. направлены в суд. Но, в то же время, было сокращено число отмененных прокурорами

и руководителями следственных органов постановлений о возбуждении уголовного дела – 8,8 тыс., что ниже на 1 % показателей прошлого года [2]. Из этого общего количества направленных для утверждения обвинительного заключения уголовных дел за последние четыре года, всего, порядка 3 % дел, прокуроры возвращали следователям.

Анализируя практику можно говорить о том, что очень часто между следователем и прокурором могут возникать различного рода спорные вопросы, касающиеся производства по тому или иному уголовному делу. Законодательство Российской Федерации предусматривает в таких случаях вмешательство вышестоящего прокурора, Генерального прокурора Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти [3]. Так, и Конституция Российской Федерации указывает на то, что решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд [4]. Исходя из этого, право на обжалование следователем решений прокурора можно отнести к принципам уголовного судопроизводства, и реализация этих прав нашла отражение в УПК РФ.

Рассмотрев примеры из практической деятельности следственных органов нашей страны, можно говорить о том, что подавляющее большинство следователей, зачастую, воспринимают мнение прокурора как истину, не требующую пересмотра и какого-либо анализа, и, в основном, соглашались с мнением прокурора о доработках по находящимся в своем производстве уголовным делам. Однако существуют и показательные случаи отмены решений прокурора по ходатайству следователя, в том числе, и вышестоящими прокурорами.

Так, 25 октября 2012 года заместитель прокурора Ондугайского района г. Горно-Алтайска Республики Алтай вернул следователю для производства дополнительного следствия уголовное дело № 20204. Спустя неделю, следователь обжаловал это решение прокурору района в связи с несогласием с решением заместителя прокурора. В дальнейшем прокурор рассмотрел ходатайство следователя и отказал в его удовлетворении 12 ноября 2012 года. Затем, решение прокурора было также обжаловано в установленный законом срок и, спустя 1 месяц, после возвращения уголовного дела следователю. В результате, 26 ноября 2012 года первый заместитель прокурора Республики Алтай вышеуказанные решения прокурора Ондугайского района г. Горно-Алтайска и его заместителя признал незаконными и отменил их [5]. Судя по исходу данной ситуации, можно говорить о том, что, благодаря уверенности следователя в своей правоте, касаемо принятых решений и действий по расследованию уголовного дела, его настойчивости и профессионализму, обжалование решения прокурора успешно разрешилось. В силу этого, можно говорить о том, что с четким и грамотным процессуальным

контролем руководителя следственного органа уверенность следователя возрастет в разы. Очень часто происходят ситуации, когда прокурор необоснованно отказывает следователям по их ходатайствам, зачастую, не давая по ним какие-либо качественные и конкретные обоснования, а вышестоящие прокуроры поддерживают подобные решения, не желая вникнуть в причину обжалования. В таких случаях, следователю приходится чаще проявлять инициативу по обжалованию решений прокурора, как в отношении возвращения уголовного дела по причине устранения выявленных недостатков, пересоставления обвинительного заключения либо производства дополнительного расследования. Генеральной прокуратурой РФ уже было отмечено, что в последнее десятилетие значительно снизился уровень контроля прокуроров субъектов за работой подчиненных им прокуроров, и такое отношение к этой деятельности приводит к тому, что, по статистике, удовлетворяется каждое третье ходатайство следователя об отмене решений прокурора по уголовным делам.

Подобные вышеописанные случаи должны утвердить в следователях уверенность в своей правоте и не подвергать сомнениям целесообразность обжалования незаконных, по его мнению решений прокурора.

Важно отметить, что, все же, если следователь принимает решение оспорить постановление прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, то оно должно быть согласовано с руководителем следственного органа и будет являться процессуальным решением. И, по нашему мнению, было бы справедливо такое решение прописать в УПК, озаглавить и сформировать типовой образец документа, по которому следователи смогли бы правомочно и безошибочно отстаивать свои права.

Как справедливо отметили ученые процессуалисты – стадия возбуждения уголовного дела является своего рода, фильтрующей, и заключается в проверке и отсеивании информации о преступлении [6] но, ни в коем случае, здесь не должно быть места для наработки показателей контролирующих ведомств и, тем более, определяться судебная перспектива расследуемого уголовного дела.

Все чаще, средства массовой информации обсуждают возможность наделяния прокуратуры дополнительными, расширенными полномочиями в отношении контроля за следственной деятельностью что, как мы полагаем, станет, своего рода, катализатором необъективной оценке следственной деятельности и может снизить уровень беспристрастности прокурорского надзора, в целом. В связи с этим, так как комплексного исследования прав следователя на обжалование и прав прокурора на отмену постановления следователя о возбуждении уголовного дела не проводилось, мы полагаем, что целесообразным продолжить изучение и разработку теоретических рекомендаций по порядку обжалования решений прокуроров по расследуемым следователями уголовным делам с целью их дальнейшего применения на практике.

Литература:

1. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. 25 февраля 2020. URL : <http://genproc.gov.ru/stat/data/1795898>
2. Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2018 год. URL : [МВД.рф/Deljatelnost/Gosprogramma/отчет-о-реализации-2018](http://мвд.рф/Deljatelnost/Gosprogramma/отчет-о-реализации-2018)
3. Ст. 221 УПК РФ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СПС КонсультантПлюс.
4. Ст. 46 Конституции Российской Федерации. URL : <http://constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>
5. Архив СУ МВД по Республике Алтай. Материалы контрольного производства АО уголовному делу № 20204 за 2012 год.
6. *Давлетов А.А.* Стадия возбуждения уголовного дела –обязательный этап современного отечественного уголовного процесса / А.А. Давлетов, Л.А. Кравчук // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С.114–120.

Literature:

1. Statistical data on the main indicators of the activities of the prosecutor's offices of the Russian Federation for January-December 2019 February 25, 2020. URL : <http://genproc.gov.ru/stat/data/1795898>
2. Updated annual report on the implementation and evaluation of the effectiveness of the state program «Ensuring public order and countering crime» for 2018. URL : [МВД.рф/Deljatelnost/Gosprogramma/отчет-о-реализации-2018](http://мвд.рф/Deljatelnost/Gosprogramma/отчет-о-реализации-2018).
3. Article 21 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated 18.12.2001 № 174-FZ (ed. 27.10.2020) // SPS Consultant Plus.
4. St. 46 of the Constitution of the Russian Federation. URL : <http://constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>
5. Archive of the SU Ministry of Internal Affairs in the Altai Republic. Materials of control proceedings of JSC in criminal case № 20204 for 2012.
6. *Davletov A.A.* The stage of initiating a criminal case is the obligatory stage of the modern domestic criminal process / A.A. Davletov, L.A. Kravchuk // Russian legal journal. 2010. № 6. P. 114–120.

Шадже Азамат Мухамчериевич

доктор юридических наук,
профессор,
декан юридического факультета,
Адыгейский государственный университет
agu-urfak@yandex.ru

Шадже Марина Гидовна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой гражданского
и арбитражного процесса,
Адыгейский государственный университет
marina.sh050@mail.ru

**ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН
К СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ:
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

Аннотация. В статье анализируется отношение российских граждан к судебной системе, выделяются факторы, обуславливающие низкий уровень доверия населения к судам. Авторы отмечают, что в качестве основных причин недоверия к судебной власти выступают коррупция, волокита и бюрократизм, зависимость от органов исполнительной власти, безнаказанность судей за вынесение заведомо неправосудных судебных решений, невозможность добиться справедливого решения. Делается вывод о том, в соответствии с этим, доверие населения к судебной власти, ее рейтинг во многом основываются на прозрачности решений, принимаемых конкретными судьями, что непосредственно связано со степенью обоснованности и мотивированности данных решений.

Ключевые слова: суд, судебная власть, судебная система, судопроизводство, правосудие, правоприменение, информатизация, цифровизация.

Одним из важных показателей функционирования судебной системы является уровень доверия к ней со стороны населения. Степень эффективности реализации правосудием воспитательного воздействия на граждан, в частности, во многом определяется отношением последних к судебной власти. В течение последних лет в развитии отечественной судебной системы достигнут ряд положительных результатов, носящих объективный характер. Об этом свидетельствуют оценки как отечественных, так и зарубежных экспертов. В 2020 г. Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы российская судебная система была признана наиболее технологически развитой и наименее финансово затратной в сравнении с судами 47 европейских государств. Рассматриваемые выводы были

Azamat M. Shadzhe

Doctor of Law Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Law
Adyghe State University
agu-urfak@yandex.ru

Marina G. Shadzhe

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Civil and Arbitration Procedure,
Adyghe State University
marina.sh050@mail.ru

**THE ATTITUDE OF RUSSIANS
TO THE JUDICIAL SYSTEM:
FACTORS OF FORMATION**

Annotation. The article analyzes the attitude of modern Russian citizens to the judicial system, highlights the factors that determine the low level of public confidence in the courts. The authors note that the main reasons for distrust of the judiciary are corruption, red tape and bureaucracy, dependence on the executive authorities, impunity of judges for making obviously unjust judicial decisions, and the inability to achieve a fair decision. It is concluded that the public's trust in the judiciary and its rating are largely based on the transparency of decisions made by specific judges, which is directly related to the degree of clarity, validity and motivation of these decisions.

Keywords: court, judicial power, judicial system, judicial proceedings, justice, law enforcement, informatization, digitalization.

сделаны экспертами на основе масштабного исследования, в рамках которого изучались различные аспекты функционирования судебных систем. Российские суды являются лидерами по такому показателю, как скорость принятия решений: как оказалось, в нашей стране средний срок рассмотрения гражданских дел и экономических споров составляет 50 дней, в то время, как в государствах Европейского Союза, в среднем, на подобное разбирательство уходит 233 дня (если в Германии этот срок составляет 220 дней, то во Франции – 420 дней, а в Италии – 527 дней). Рассматриваемые страны относятся к, так называемой, романо-германской правовой семье, поэтому различие в сроках судопроизводства нельзя объяснить спецификой законодательства указанных государств. В соответствии с выводами

экспертов, в России работа судов действительно осуществляется более эффективно. Наша страна занимает первое место в Совете Европы по такому показателю, как интенсивность поступления в суды административных дел и шестое место – по интенсивности поступления в суды гражданских дел и экономических споров [1].

Значительный прогресс был достигнут и в рамках внедрения информационно-коммуникационных технологий в судебную систему. В течение последних лет был реализован ряд программ, связанных с развитием информатизации судов и цифровизацией правосудия. Речь идет, в частности, о государственной программе «Информационное общество», в рамках которой была поставлена цель, предусматривающая обеспечение предоставления судебными органами информации в цифровом виде, Концепции информатизации судов общей юрисдикции, включающей создание Государственной автоматизированной системы «Правосудие», федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». Данная целевая программа предусматривала повышение доступности правосудия для всех субъектов права, совершенствование системы размещения судебных решений в сети, создание мобильного, электронного правосудия, внедрение современных технологий в систему исполнения судебных актов и т.д. В соответствии с целями рассматриваемой программы, планируется достичь «значительного повышения качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров, обеспечения доступности и открытости правосудия, формирования стабильной и единообразной судебной практики, повышение авторитета судебной власти, создание условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе, обеспечение независимости судебной системы и повышение привлекательности государственной гражданской службы в судах общей юрисдикции, арбитражных судах и системе Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации и его территориальных органах, а также, повышение качества исполнения судебных актов и качества проводимых судебных экспертиз» [2].

Как отмечается в специальных исследованиях, многие обозначенные в этой и других программах цели были реализованы на практике, что позволило добиться существенных положительных изменений в функционировании отечественной судебной системы [3, с. 110]. Речь идет об автоматизации процессов делопроизводства в судах, росте открытости системы в целом, доступности судебных решений, росте производительности труда, в том числе, увеличении скорости работы судебных органов, ускорении различных стадий судопроизводства, о чем уже упоминалось выше. Наряду с этими показателями функционирования органов судебной власти, указанными программами предусматривалась и такая цель, как повышение авторитета судебной системы, рост уровня доверия к ней со стороны граждан. Здесь логичным будет предположить, что улучшение качества работы судебных органов должно сопровождаться и соответствующими позитивными изменениями и в представлениях населения о

судах и их работе. С целью подтвердить или опровергнуть данную гипотезу следует обратиться к результатам социологических исследований, отражающих трансформацию отношения россиян к судам и различным аспектам их деятельности.

Материалы социологических исследований, проведенных в 2019 г. Левада-центром и посвященных представлениям граждан о правовой защищенности и судебной системе, показывают, что в отношении системы правосудия, в целом, в массовом сознании населения российского общества преобладают позитивные оценки, однако, наблюдается перевес в пользу ответов положительного характера является очень незначительным. Интересно, что аналогичная динамика прослеживается и в отношении населения страны к правоохранительным органам: в период с 2010 по 2017 гг. здесь наблюдался явный рост положительных оценок, однако, в дальнейшем отношение к этим органам стало ухудшаться. С одной стороны, больше половины россиян (56 %) высказывают уверенность в том, что они «смогут добиться защиты своих прав в суде», в то же время, с другой стороны, достаточно велико число тех, кто придерживается противоположной точки зрения (39 %). Интересно, что наибольшие различия в отношении к судебной системе наблюдаются у тех граждан, которые сталкивались с нарушением своих прав и обращались в суд и у тех, кто подобного опыта не имеет. Те респонденты, которые имеют опыт обращения в различные судебные инстанции, значительно более скептически относятся к перспективе защитить свои права в суде: так, 68 % граждан-респондентов из числа тех, кто лично не сталкивался с нарушением своих прав, убеждены в том, что они смогут добиться защиты своих прав в суде (аналогичной точки зрения придерживаются лишь 53 % тех респондентов, которым приходилось обращаться в суд) [4].

Данные указанного социологического исследования также свидетельствуют о том, что в общественном мнении отсутствует четкое представление о том, насколько справедливыми являются приговоры, выносимые российскими судами. Здесь также отрицательные оценки деятельности отечественных судов чаще дают те граждане, которые обращались за защитой в различные судебные инстанции. В соответствии с выводами, сделанными социологами, большая часть россиян, которые имеют опыт обращения в суды, в целом остаются недовольными его решениями. Наряду с опросами, проводимыми Левада-центром, есть ряд других эмпирических исследований, результаты которых свидетельствуют о преобладающем негативном отношении современных россиян к судебной системе. Причем, в последние годы здесь имеется отрицательная динамика, связанная с ростом недоверия граждан к судебной системе. К такому выводу пришли ученые, представляющие АНО «Независимый исследовательский Центр», проводившие мониторинг отношения россиян к судебной системе в 2018 и 2020 гг. В соответствии с данными указанного мониторинга, за данный период (с 2018 г. по 2020 г.) произошел существенный рост недоверия

граждан к судам различных инстанций: с 50 % до 70 %, соответственно [5].

В рамках мониторинга респондентам было предложено указать основные причины, определяющие причины их недоверия к судебной системе. В качестве основных причин такого недоверия были выделены коррупция, недоверие российским органам власти, в целом, волокита и бюрократизм, зависимость от органов исполнительной власти, безнаказанность судей за вынесение заведомо неправосудных судебных решений, невозможность добиться справедливого решения. С точки зрения респондентов, российские суды защищают, прежде всего, «интересы тех, кто хорошо заплатил» либо «интересы чиновников». Лишь крайне незначительная часть опрошенных граждан (3 %) полагает, что «суды защищают интересы законопослушных граждан». Большая часть россиян (67 %) при этом полагает, что в отечественных судах обычному человеку невозможно отстоять свои права, нарушенные государством. С точки зрения участников опроса, российские суды при вынесении решения руководствуются, в большей степени, указаниями сверху, интересами чиновников или тех, кто заплатил за нужное решение, страхом потерять свою должность в случае отмены решения вышестоящим судом, нежели требованиями закона, мнением прокурора или внутренними убеждениями и совестью. Подавляющее большинство опрошенных граждан считает, что современная российская судебная система нуждается в реформировании: респонденты, в частности, считают необходимым создать реально действующую процедуру привлечения к ответственности судей за вынесение заведомо неправосудных решений, ввести процедуры выборности судей, участия общественности в оценке результатов деятельности лиц, занимающих судебские должности, расширить участие граждан в отправлении правосудия, повысить требования к стажу, необходимому для назначения в судьи и т.д. [5].

Таким образом, если судить по эмпирическим материалам этих и других социологических опросов, посвященных отношению россиян к судебной системе и различным аспектам ее функционирования, основные причины недоверия к данной системе связаны с ее несамостоятельностью, зависимостью от органов исполнительной власти и администраций разных уровней, а также, свободой от общественного мнения и не подконтрольностью судов обществу. Об объективности таких оценок свидетельствует то обстоятельство, что, преимущественно, негативное отношение к судам характерно, в первую очередь, для тех граждан, кто лично участвовал в различных судебных разбирательствах, о чем мы уже писали выше. Россияне ждут от судебных органов, в первую очередь, справедливых решений и приговоров при условии реальной, а не декларативной независимости судебной власти, воплощении в жизнь принципа разделения властей, системы сдержек и противовесов. Суд, по мнению россиян, должен ориентироваться на интересы общества, а не лиц, наделенных властными полномочиями, представителей влиятельных кланов или элитных групп.

Как справедливо отмечают Ф.А. Воскресенский и А.В. Тимченко в работе, посвященной цифровизации судебной системы в контексте ожиданий российского общества от правосудия, значение цифровизационных процессов здесь чрезвычайно велико, поскольку они объективно способствуют ускорению судопроизводства и облегчению труда правоприменителя. Однако этого, по мнению данных исследователей, недостаточно, поскольку человек, столкнувшийся с судопроизводством, оценивает поведение судьи не с точки зрения того, сколько времени им было израсходовано на данный судебный процесс, а с позиции соответствия или несоответствия поведения судьи идеалам и принципам «независимости, справедливости и беспристрастности». Все перечисленное практически никак не связано с цифровизацией и не зависит от скорости судопроизводства. Более того, возрастание количества судебных дел и ускорение отправления правосудия может негативно отражаться на качестве последнего, отрицательно сказываясь на способности судей осуществлять «установление истины по делу». В настоящее время, с точки зрения ряда экспертов, нагрузка на судебную систему является очень большой, и она растет такими темпами, которые объективно «превышают возможности оптимизации, предлагаемыми технологическими системами» [3, с. 112–113]. И здесь принципиально важное значение имеет то обстоятельство, что, с точки зрения обычных граждан, как пишет М.В. Савкина, более существенными, чем цифровизационные процессы, являются личностные и профессиональные характеристики представителей отечественного судебного корпуса [6, с. 317]. Население ожидает от судей принятия решений с позиций морали и нравственности, готовности руководствоваться при этом принципами милосердия и гуманизма. Помимо этого, важным для граждан является реальная, а не декларативная независимость судов, дистанцированность последних от других органов власти различных уровней, а также, объективность и справедливость в принятии решений.

Как уже отмечалось выше, скорость отправления правосудия, которая в настоящее время рассматривается в качестве главного достижения судебной реформы, не является значимой характеристикой судебной системы с точки зрения большинства граждан. Общество, безусловно, заинтересовано в том, чтобы функционирование судов осуществлялось на основе принципов гласности и открытости, однако, население также ожидает, чтобы судебные решения были более понятными, а также, обоснованными и мотивированными. В идеале, всем участникам судебных процессов должен быть понятен путь, по которому судья пришел к тому решению по делу, которое, в итоге, было им принято, четко понимать на каких именно доказательствах базировался суд, и почему одни из них он принял, а другие отверг. Доверие населения к судебной власти, рейтинг последней, таким образом, во многом основывается на прозрачности решений, принимаемых конкретными судьями, что непосредственно связано со степенью понятности, обоснованности и мотивированности данных решений.

Материалы прикладных социологических исследований, включивших фокус-групповые исследования, показывают, что судьи, с точки зрения граждан-респондентов, склонны мотивировать свои решения четко и обстоятельно в тех случаях, когда они проявляют честность и четкое следование законодательству. В том случае, когда, как полагают опрошенные, суд лоббирует интересы одной из сторон, мотивировка решения может быть непонятной. Цифровизация судопроизводства, предусматривающая повышение доступности для населения судебных решений, приговоров, предоставление возможности ознакомления с ними, имеет, безусловно, важное значение, способствуя формированию положительного образа судебной власти в глазах населения, изменению характера восприятия судов

Литература:

1. Куликов В. Судим правильно. Судебная система России признана наиболее эффективной в Европе / В. Куликов // Российская газета. Федеральный выпуск. 05.11.2020.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Российская газета. Федеральный выпуск. 07.01.2013.
3. Воскресенский Ф.А. Ожидания российского общества от правосудия: поможет ли цифровизация? / Ф.А. Воскресенский, А.В. Тимченко // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 4.
4. Верховенство права: российское общественное мнение о правовой защищенности и возможности отстаивать свои права // Пресс-выпуск Левада-Центра. 20.05.2020. URL : www.levada.ru (дата обращения 01.02.2021).
5. Отношение россиян к судебной системе (по материалам всероссийского опроса 2020 г.). АНО «Независимый исследовательский центр». URL : исследовательский-центр.рф (дата обращения 1.01.2021).
6. Савкина М.А. Доверие граждан к правосудию: состояние и перспективы / М.А. Савкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(1).
7. Доклад ИНДЕМ. «Как граждане и предприниматели оценивают судей и суды. Исследование деятельности судебной власти Российской Федерации. Результаты фокус-групп с гражданами и предпринимателями». М., 2008. URL : www.indem.ru (дата обращения 01.02.2021).

обществом. Однако, как уже отмечалось выше, для населения доступность судебных решений и приговоров и ход процесса являются менее значимыми, чем объяснение причин принятия конкретных процессуальных решений. Наряду с этим, низкий уровень доверия россиян к судебной системе во многом обусловлен тем обстоятельством, что принятые судами решения не всегда исполняются (это особенно присуще гражданскому процессу, где ситуация зачастую складывается таким образом, что даже в случае принятия решения в пользу истца, оно, по тем или иным причинам, не исполняется). Именно эти причины оказывают воздействие на отношение российских граждан к судебной системе, обуславливая отсутствие существенных положительных изменений в восприятии населением судов и их деятельности.

Literature:

1. Kulikov V. We judge correctly. The Russian judicial system is recognized as the most effective in Europe / V. Kulikov // Rossiyskaya gazeta. Federal issue. 05.11.2020.
2. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1406 of December 27, 2012 «On the Federal Target Program Development of the Judicial System of Russia for 2013–2020» // Rossiyskayagazeta. Federal issue. 07.01.2013.
3. Voskresensky F.A. Expectations of the Russian society from justice: will digitalization help? / F.A. Voskresensky, A.V. Timchenko // Russian Journal of Legal Research. 2019. Vol. 6. № 4.
4. The rule of law: Russian public opinion on legal protection and the ability to defend their rights // Press release of the Levada Center. 20.05.2020. URL : www.levada.ru (date of application 01.02.2021).
5. The attitude of Russians to the judicial system (based on the materials of the All-Russian survey of 2020). ANO «Independent Research Center». URL : research.center.rf (date of application 1.01.2021).
6. Savkina M.A. Citizens trust in justice: state and prospects / M.A. Savkina // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2013. № 6(1).
7. INDEM report. «How citizens and entrepreneurs evaluate judges and courts. Research of the activity of the judicial power of the Russian Federation. Results of focus groups with citizens and entrepreneurs». M., 2008. URL : www.indem.ru (date of application 01.02.2021).

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический
институт Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

Савельева Ольга Евгеньевна

доцент кафедры финансовое право
и таможенная деятельность,
Владимирский
государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Milena.555@mail.ru

Лапшина Надежда Алексеевна

магистрант,
Владимирский юридический
институт Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ**

Аннотация. Субъект преступления является одним из основных элементов в уголовно-правовой науке. И, порой, очень сложно привлечь лицо к ответственности, не изучив признаки субъекта преступления и не разложив их по критериям, потому что в уголовно-правовой доктрине, помимо общего субъекта преступления, обладающего признаками, закрепленными в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, рассматривается и специальный субъект, который имеет признаки, указанные в Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: субъект преступления, специальный субъект, уголовное законодательство, уголовная ответственность, вменяемость.

Принятие Уголовного кодекса в России по-новому заставляет взглянуть на многие, принятые когда-то традиционные уголовно-правовые понятия и институты. На протяжении многих десятилетий он активно и в полной мере развивается, и всячески старается подстроиться под новые тенденции нашего современного общества, что очень актуально на сегодняшний день.

Elena V. Shanazarova

Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Legal
Federal Service Institute
enforcement of penalties in Russia
Milena.555@mail.ru

Olga E. Savelyeva

Associate Professor of Financial Law
and Customs Activities,
Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigoryevich Stoletov
Milena.555@mail.ru

Nadezhda A. Lapshina

Undergraduate,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary
Service of Russia
Milena.555@mail.ru

**SPECIAL SUBJECT OF CRIME
IN MODERN CRIMINAL LEGISLATION:
PROBLEMS OF THEORY
AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Annotation. The subject of a crime is one of the main elements in the criminal law science. And sometimes it is very difficult to bring a person to justice without studying the signs of the subject of the crime and not decomposing them according to the criteria. Because in criminal law doctrine in addition to the common of the perpetrator possessing the characteristics embodied in the General part of the Criminal code of the Russian Federation and is considered a special subject that has the features specified in the Special part of the criminal code.

Keywords: subject of the crime, a special subject, the criminal law, criminal liability, responsibility.

Очень важно обратить внимание на то, что данная теория о субъекте преступления не до конца исследована и имеет много недочетов, которые влияют на разногласия и определенные последствия.

В уголовном праве существуют признаки, которой в должной мере характеризуют лицо, которое

совершило преступление, при этом делятся на два различных по содержанию и смыслу группы: первым будет выступать субъект преступления, а непосредственно вторым – личность виновного. Субъект преступления относится к квалификации совершенного деяния, а личность виновного будет влиять на наказание, точнее сказать, его назначение.

В современном уголовном законодательстве возникает проблема с введением уголовной ответственности юридических лиц, она непременно затрагивает как административную, так и уголовную ответственность. А началось все это с момента вступления в законную силу КоАП, где затрагивается состав субъекта.

Научный деятель Л.М. Иванов в своих работах рассматривал особенность ответственности юридических лиц. При этом, когда лицо совершало противоправное деяние, возникал вопрос об ответственности. Административная, в свою очередь, была схожа по всем признакам с уголовной, и при выяснении конкретных обстоятельств дела, выбиралось наказание по наименьшей санкции.

Также, несмотря на это выступают предложения о внедрении уголовной ответственности для юридических лиц не только за совершения преступления, но и за соучастие или причастность к данному преступлению. Это предлагается потому что, масса людей никак не может рассматриваться в качестве субъекта преступления. Если, все-таки, данное преступление относится к специальному виду, где преступное сообщество отражает свои действия в УК РФ, то тогда уголовную ответственность будет нести не все участники, а только создатели и руководитель, что является неправомерным, по нашему мнению. Каждый непосредственный участник должен нести ответственность за свои действия и поступки, даже, если он будет в малой мере касаться данного преступления, он знал о нем и должен был предпринять все меры по его предупреждению.

На сегодняшний день, несмотря на специфику, любое преступление совершается как определенным лицом, так и группой лиц по предварительному сговору, которые обладают некоторыми признаками. К сожалению, понятие «субъект преступления» законодательно не закреплено, исходя из этого, сложно представить, кто же именно будет относиться к данному понятию. Из многочисленных признаков мы можем сложить общее представление о субъекте, а именно, что субъект преступления – это физическое лицо. Однако лицо будет привлекаться к уголовной ответственности только в том случае, если к моменту совершения преступления оно достигло шестнадцатилетнего возраста, в исключительных случаях с четырнадцати лет, за ряд преступлений.

Для возрастной категории, уголовная ответственность зависит от различных обстоятельств и факторов, как было указано ранее. Например, для привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего есть все основания и доказательства, но в силу того, что он не осознавал в тот момент времени фактический характер и

общественную опасность, но, не имея при этом психических расстройств, и отставания в психическом развитии, он не будет привлечен к ответственности.

Возникает множество вопросов: Что дальше с ним будет? А если данное лицо специально вовлекли или заставили совершить преступление методом угроз, запугивания? Как правило, данная категория очень уязвима. И самое интересное, что нет никаких шансов узнать организатора данного преступления, потому что, данные лица, не идут на контакт из-за стресса, с ними организуется работа с психологами, и все возможные мероприятия, для выяснения всех возможных обстоятельств.

Исходя из этого, все чаще поднимается вопрос о необходимости снижения возраста уголовной ответственности в Российской Федерации. С этой идеей выступают многие правоведы, ученые, исследователи. Действительно, если посмотреть другие страны, то возраст уголовной ответственности варьируется, начиная с 7–10 лет, заканчивается 16. А если привести пример Ирландию, то привлечение к ответственности начинается у них с 5 лет!

Что касается нашего мнения, то мы полностью поддерживаем идею о снижении возраста уголовной ответственности. С раннего возраста у ребенка формируется представление об окружающем его мире. И, в силу своего возраста, он уже понимает и осознает, что можно делать, что нет. Снизив уголовную ответственность, мы также своими действиями уменьшим возможность вовлечения несовершеннолетнего в преступные сообщества. Почему? Потому что, с 14 лет ребенок уже имеет некую самостоятельность, у них только начинается переходный возраст, они очень доверчивы и наивные, в данный период они становятся уязвимыми, их завлекают рассказами о криминальной романтике, они интересуются этим, не замечая, что уже находятся в группировках, где подвергаются угрозам или обману. Понизив ценз уголовной ответственности, хотя бы до 10–12 лет, где данная категория находится под еще пристальным контролем педагогов, учителей, родителей, что не даст возможности сделать несовершеннолетнего субъектом преступления. Необходимо более внимательно в подростковом возрасте обращать внимания на ребенка, на его отношения к этому миру, вменяемость.

Вменяемость также является необходимым признаком субъекта. Вменяемость – это способность лица, совершившего преступление, быть ответственным и виновным [1].

Вменяемый человек от невменяемого отличается в том, что он имеет здоровую психику и в состоянии правомерно оценивает фактическую сторону своих поступков и при этом понимает все возможные последствия своих действий, которые он совершил. Невменяемое лицо, совершившее преступление, не всегда трезво оценивает происходящее, для него все это не реально, а воспринимается как какой-то вымышленный мир, где он способен творить, что вздумается. Этот человек

болен и страдает психическим заболеванием, и нуждается в помощи специалистов.

Подводя итоги вышесказанному, хочется отметить, что субъект преступления – это довольно сложное понятие, предполагающее под собой множество признаков, а также, требующее точное изучение лица. Ведь субъектом преступления выступает только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Хотелось бы отметить, что преступное посягательство сопрягается со специальным субъектом. Данное лицо обладает многими дополнительными признаками, которые позволяют нам в полной мере привлечь лицо по конкретной статье УК РФ. Если углубиться в проблемы правоприменительной практики, то необходимо привести пример, как происходит все на сегодняшний день. В ст. 308 УК РФ отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, субъектом отказа может быть только свидетель или потерпевший. Если же указанные действия были совершены другим участником процесса, данный состав преступления будет отсутствовать.

Также, признаки специального субъекта отражены в служебных отношениях, которые позволяют нам привлечь конкретное лицо к ответственности, где, исходя из ч.1 ст.157 УК РФ, неуплата

Литература:

1. *Горбатенко Г.В.* Эволюция признаков преступления в советском уголовном законодательстве // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии.* 2016. № 1-1. С. 277–280.

средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей – специальным субъектом будут выступать родители или дети, которые официально записаны в книге записей рождения, и те, которые доказали или установили отцовство согласно ст.49 СК РФ. Остальные не будут являться специальными субъектами правоотношений.

Законодатель, тем самым, хочет подчеркнуть, что специальный субъект в правоприменительной практике играет важную роль, благодаря этому, четко установлена квалификация лиц.

Таким образом, исходя из вышесказанного, субъектом преступления в современном уголовном законодательстве при выявлении проблем теории и правоприменительной практики будет являться юридическая характеристика лица, который будет нести ответственность за совершенное преступление, Ограниченное при этом такими признаками, как: физическое лицо, возраст, вменяемость, имея при этом множество различных вопросов, с которыми можно столкнуться при определении субъекта. Каждый случай в правоприменительной практике уникален и должен рассматриваться, исходя из всех критериев субъекта преступления. Отсутствие хотя бы одного лишает возможности привлечения к ответственности.

Literature:

1. *Gorbatenko G.V.* The evolution of the signs of crime in Soviet criminal legislation // *Public security, law and order in the III millennium.* 2016. № 1-1. С. 277-280.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
профессор Института права
и национальной безопасности,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.panera.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.panera.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

кандидат технических наук,
доцент,
магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт
управления – филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.panera.ru

Омельченко Игорь Владимирович

магистрант факультета политологии,
председатель,
Общественная наблюдательная комиссия
Ростовской области
igorom111@yandex.ru

**ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. В статье дан анализ финансового обеспечения социальных обязательств государства за счет средств федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов. Рассматривается финансирование социальной политики, здравоохранения, образования, культуры и кинематографии, физической культуры и спорта.

Ключевые слова: бюджет, здравоохранение, культура, образование, физическая культура и спорт, фонд.

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Professor at the Institute of Law
and National Security,
Russian Academy
of the National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.panera.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.panera.ru

Sergey A. Stelmakh

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Master of Political Science,
South Russian Institute Management –
branch of the Russian Federation
Academy of National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Igor V. Omelchenko

Master of Political Science,
Chairman,
Public Monitoring Commission
of the Rostov Region
igorom111@yandex.ru

**FINANCIAL SECURITY
OF THE SOCIAL OBLIGATIONS
OF THE STATE**

Annotation. The article provides an analysis of the financial security of the state's social obligations at the expense of the federal budget and state non-budget funds. Funding for social policy, health, education, culture and cinematography, physical culture and sports is considered.

Keywords: budget, health, culture, education, physical education and sports, foundation.

Финансовое обеспечение социальных обязательств государства осуществляется за счет средств федерального и регионального бюджетов, государственных внебюджетных фондов [1]. В федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов бюджетные ассигнования на исполнение публичных нормативных социальных обязательств составляют по государственным программам Российской Федерации:

– развитие образования по 20 млн рублей на каждый год;

– социальная поддержка граждан – 53 млрд 990 млн 606,7 тыс. руб.; 55 млрд 301 млн 140,2 тыс. руб.; 57 млрд 477 млн 095,5 тыс. руб.;

– развитие культуры – 90,5 млн руб.; 99,5 млн руб.; 90,5 млн руб.;

– развитие физической культуры и спорта – по 15 млн руб. на каждый год;

– для развития пенсионной системы предусмотрено 797 млрд 522 млн 355,6 тыс. руб.; 414 млрд 754 млн 864,6 тыс. руб.; 402 млрд 077 млн 356,4 тыс. руб. [2].

В федеральном бюджете определены расходы по таким социальным разделам, как социальная политика, здравоохранение, образование, культура, кинематография, физическая культура и спорт [3].

Для финансирования социальной политики предусмотрено в 2021 году 5 трлн 576 млрд 345 млн 693 тыс. руб.; в 2022-м – 5 трлн 742 млрд 271 млн 382,6 тыс. руб.; в 2023-м – 6 трлн 051 млрд 469 млн 776 тыс. руб.

В абсолютных цифрах объем финансирования увеличивается. Вместе с тем, его доля уменьшается в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта – соответственно 4,82 %; 4,62 %; 4,55 % и в общем объеме расходов федерального бюджета – 25,91 %; увеличение до 26,23 %; уменьшение до 25,56 %.

Рассмотрим объем финансирования на 2021 год. Основные расходы в объеме 5 трлн 536 млрд 753 млн 633,9 тыс. руб. (99,28 % расходов на социальную политику) предназначены для финансирования: пенсионного обеспечения – 3 трлн 251 млрд 787 млн 653,6 тыс. руб. (58,3 %), социальнообслуживания населения – 19 млрд 479 млн 594,6 тыс. руб. (0,34 %); социального обеспечения населения – 1 трлн 275 млрд 462 млн 964,7 тыс. руб. (22,87 %), охраны семьи и детства – 990 млрд 023 млн 421 тыс. (17,75 %).

Максимальный размер семейного (материнского) капитала в связи с рождением, усыновлением второго или третьего ребенка и последующих детей, начиная с 01 января 2020 года, составляет 639431,83 рубля, величина прожиточного минимума пенсионера в целом по Российской Федерации для определения размера федеральной социальной доплаты к пенсии – 10022 руб.

За счет средств федерального бюджета финансируются следующие государственные программы Российской Федерации:

– Социальная поддержка граждан (2 трлн 004 млрд. 241 млн 747,9 тыс. руб.);

– Доступная среда (58 млрд 890 млн 948,4 тыс. руб.);

– Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации (255 млрд 119 млн 528,3 тыс. руб.);

– Содействие занятости населения (135 млрд 624 млн 915,3 тыс. руб.).

Также предусмотрены около 400 млрд руб. на выплаты малоимущим семьям с детьми до семи лет [4].

Для финансирования здравоохранения выделено:

– в 2021 году 1 трлн 123 млрд 338 млн 370,5 тыс. руб. (0,97 % в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и 5,21 % в общем объеме расходов федерального бюджета);

– в 2022-м г., соответственно – 1 трлн 112 млрд 798 млн 844,1 тыс. руб. (0,89 % и 5 %);

– в 2023-м – 1 трлн 081 млрд 348 млн 347,8 тыс. руб. (0,81 % и 4,56 %).

В 2021 году финансируются:

– стационарная медицинская помощь (1 трлн 123 млрд 338 млн 370,5 тыс. руб.);

– амбулаторная помощь (265 млрд 770 млн 680,7 тыс. руб.);

– медицинская помощь в дневных стационарах всех типов (906 млн 275,6 тыс. руб.);

– скорая медицинская помощь (6 млрд 060 млн 497,9 тыс. руб.);

– санитарно-оздоровительная помощь (41 млрд 656 млн 335,7 тыс. руб.);

– заготовка, переработка, хранение и обеспечение безопасности донорской крови и ее компонентов (5 млрд 812 млн 174,4 тыс. руб.);

– санитарно-эпидемиологическое благополучие (35 млрд 646 млн 876,9 тыс. руб.).

Финансируется Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» в сумме 965 млрд 077 млн 231,2 тыс. руб.

Во всех социальных разделах федерального бюджета есть подраздел по прикладным научным исследованиям. В связи с необходимостью их проводить для преодоления пандемии коронавируса отметим, что на научные исследования в области здравоохранения выделяется в 2021 году 44 млрд 388 млн 559,9 тыс. руб.; в 2022-м году – 39 млрд 902 млн 952,1 тыс. руб.; в 2023-м году – 35 млрд 508 млн 157,2 тыс. руб. [2].

Выделены 90 млрд рублей на модернизацию первичного звена здравоохранения, дополнительно 60 млрд руб. за счет повышения НДФЛ с доходов, превышающих 5 млн руб. в год, на лечение детей с тяжелыми и редкими заболеваниями [4]. Предусмотрены 18 млрд руб. на капитальный ремонт и строительство инфекционных стационаров, 2,7 млрд руб. – на обеспечение доступности лекарств и вакцинации граждан, более 2 млрд руб. – на передвижные медицинские комплексы для сельских жителей, 3,7 млрд руб. – на компенсационные выплаты медицинским работникам, приехавшим работать в сельские населенные пункты [5].

Планируется финансовое обеспечение образования в объеме 1 трлн 078 млрд 576 млн 079,8 тыс. руб.; 1 трлн 042 млрд 316 млн 767,9 тыс. руб.; 1 трлн 081 млрд 459 млн 916,3 тыс. руб. Следовательно, объем финансирования в абсолютных цифрах сначала уменьшается, а затем увеличивается. Доля финансирования образования в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и в общем объеме расходов федерального бюджета уменьшается – соответственно 0,93 % и 5 %; 0,83 % и 4,76 %; 0,81 % и 4,56 %.

В 2021 году выделено на финансирование:

– дошкольного образования 43 млрд 098 млн 761,5 тыс. руб.;

– общего образования – 264 млрд 961 млн 747,8 тыс. руб.;

– среднего профессионального образования – 37 млрд 223 млн 105,4 тыс. руб.;

– высшего образования - 604 млрд. 655 млн 477,4 тыс. руб.;

– дополнительного образования детей – 21 млрд 064 млн 023,7 тыс. руб.;

– профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации – 20 млрд 535 млн 532 тыс. руб.;

– молодежной политики – 21 млрд 075 млн 983,7 тыс. руб.

Финансируется Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» в объеме 383 млрд. 767 млн 118,4 тыс. руб. Выделены:

– 540 млн 663,7 тыс. руб. бюджетных ассигнований на организацию бесплатного горячего питания учащихся начального общего образования в государственных и муниципальных образовательных организациях;

– 758 млн 630 тыс. руб. – на ежемесячное денежное вознаграждение за классное руководство педагогическим работникам государственных и муниципальных образовательных организаций;

– 5 млрд руб. – на модернизацию инфраструктуры федеральных государственных образовательных организаций высшего образования [2].

Предусмотрены 10 млрд руб. на создание новых мест в сельских школах, ликвидацию третьей смены; около 17 млрд руб. – на создание дополнительных мест в сельских детских садах для детей от 1,5 до 3 лет [5].

Финансовое обеспечение культуры и кинематографии в абсолютных цифрах, процентах в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и в общем объеме расходов федерального бюджета уменьшается – соответственно, 137 млрд 558 млн 900 тыс. руб. (0,11 % и 0,63 %); 125 млрд 864 млн 738,4 тыс. руб. (0,1 % и 0,57 %); 122 млрд 358 млн 413,5 тыс. руб. (0,09 % и 0,51 %).

В 2021 году на финансирование культуры предусмотрено 128 млрд 175 млн 973,3 тыс. руб.; кинематографии – 6 млрд 268 млн. 671 тыс. руб.; государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры» – 130 млрд 026 млн 713,9 тыс. руб. [2]. На модернизацию детских школ искусств, укрепление материально-технической базы домов культуры в сельской местности предусмотрено 1,7 млрд руб. [5].

Сокращается в абсолютных цифрах, долях в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и в общем объеме расходов федерального бюджета финансирование физической культуры и спорта – соответственно, 69 млрд 216 млн 545,3 тыс. руб. (0,059 % и 0,32 %); 64 млрд 274 млн 537,2 тыс. руб. (0,051 % и 0,29 %); 53 млрд. 940 млн 507 тыс. руб. (0,04 % и 0,22 %).

В 2021 году предусмотрены средства для финансового обеспечения физической культуры в сумме 3 млрд 761 млн 956,4 тыс. руб.; массового спорта – 28 млрд 980 млн 960,6 тыс. руб.; спорта высших достижений – 34 млрд 953 млн 316,9 тыс. руб.; государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» – 64 млрд 701 млн 777,8 тыс. руб. Выделены бюджетные ассигнования в объеме 2 млрд руб. на оснащение объектов спортивной инфраструктуры спортивно-технологическим оборудованием для создания и модернизации физкультурно-оздоровительных комплексов открытого типа и для центров развития внешкольного спорта [2].

Таким образом, анализ финансового обеспечения социальных обязательств государства в сфере социальной политики, здравоохранения, образования, культуры и кинематографии, физической культуры и спорта позволяет утверждать, что в абсолютных цифрах расходы федерального бюджета увеличиваются – соответственно, на 7 трлн 985 млрд 035 млн 588,6 тыс. руб.; 8 трлн 087 млрд 526 млн 270,2 тыс. руб.; 8 трлн 390 млрд 576 млн 960,6 тыс. руб. Доля бюджетных средств в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и в общем объеме расходов федерального бюджета уменьшается – 6,91 % и 37,1 %; 6,51 % и 36,95 %; 6,31 % и 35,44 %.

Социальные обязательства государства выполняются за счет средств государственных внебюджетных фондов, расходы которых составят в 2021 году 12 трлн 975 млрд 349 млн 784,2 тыс. рублей

(11,23 % в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта); в 2022-м году – 13 трлн 631 млрд 042 млн 797,4 тыс. руб. (10,97 %); в 2023-м году – 14 трлн 204 млрд 698 млн 139,1 тыс. руб. (10,69 %). Эти данные свидетельствуют о том, что в абсолютных цифрах расходы увеличиваются, а в процентах в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта уменьшаются. Такое положение существует в каждом государственном внебюджетном фонде. Общий объем расходов бюджета Фонда социального страхования Российской Федерации составляет, соответственно. 833 млрд 293 млн 319,1 тыс. руб. (0,72 %); 863 млрд 084 млн 987,7 тыс. руб. (0,69 %); 893 млрд 226 млн 538,4 тыс. руб. (0,67 %). Расходы по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством равны, соответственно. 663 млрд 248 млн 403,7 тыс. руб.; 688 млрд 414 млн 141,5 тыс. руб.; 713 млрд 919 млн 954,1 тыс. руб., по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний – 111 млрд 285 млн 266,1 тыс. руб.; 115 млрд 943 млн 453,1 тыс. руб.; 120 млрд 794 млн 946,9 тыс. руб. За счет средств фонда финансируется социальное обеспечение населения (805 млрд 035 млн 529,9 тыс. руб.; 834 млрд 309 млн 474,9 тыс. руб.; 864 млрд 421 млн 862 тыс. руб.); охрана семьи и детства (621,3 тыс. руб.; 0 руб.; 233,5 тыс. руб.).

Фонд осуществляет оплату медицинским организациям, иным организациям, участвующим в реализации программы и территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, услуг, оказанных женщинам в период беременности, в сумме 4 тыс. рублей, в том числе, услуг по оказанию медицинской помощи (3 тыс. руб.); правовой, психологической и медико-социальной помощи (1 тыс. руб.); 6 тыс. руб. – для медицинской помощи, оказанной женщинам и новорожденным в период родов и в послеродовой период; услуг по проведению профилактических медицинских осмотров ребенка, поставленного в течение первого года жизни в возрасте до трех месяцев на учет в организациях; 1 тыс. руб. за первые шесть месяцев и 1 тыс. за вторые шесть месяцев, в течение которых проводились профилактические медицинские осмотры [6]. Средства на оплату передаются из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования в форме межбюджетные трансфертов.

Литература:

1. *Аверин А.Н.* Динамика государственных минимальных социальных гарантий / А.Н. Аверин [и др.] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 5(96). С. 111–114.
2. Федеральный закон от 08 декабря 2020 года № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Собрании законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч. I, II, III). Ст. 8030.

Утвержден общий объем расходов бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования в сумме 2 трлн 545 млрд 373 млн 244,5 тыс. руб. (2,2 %); 2 трлн 657 млрд 988 млн 131,3 тыс. руб. (2,14 %); 2 трлн 798 млрд 771 млн 437,4 тыс. руб. (2,1 %) [7]. 99,96 % расходов предназначены для финансирования здравоохранения. Следует отметить, что в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования перечисляются суммы ежемесячного страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения из бюджета субъекта Российской Федерации.

Общий объем расходов бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации составляет 9 трлн 596 млрд 683 млн 229,6 тыс. руб. (8,3 %); 10 трлн 109 млрд 969 млн 678,4 тыс. руб. (8,13 %); 10 трлн 512 млрд 700 млн 163,3 тыс. руб. (7,91 %). Средства фонда выделены на финансирование:

– пенсионного обеспечения (8 трлн 456 млрд 518 млн 739,9 тыс. руб.; 8 трлн 914 млрд 233 млн 523,6 тыс. руб.; 9 трлн 189 млрд 583 млн 476,2 тыс. руб.);

– социального обеспечения населения (560 млрд 515 млн 367,4 тыс. руб.; 580 млрд 713 млн 861,1 тыс. руб.; 604 млрд 643 млн 572,4 тыс. руб.);

– охраны семьи и детства (443 млрд 205 млн 569,8 тыс. руб.; 480 млрд 188 млн 091,4 тыс. руб.; 579 млрд 803 млн 495,4 тыс. руб.).

Из федерального бюджета передаются Пенсионный фонд РФ финансирования в форме межбюджетных трансфертов на осуществление ежемесячных денежных выплат ветеранам, инвалидам, гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие радиационных аварий и ядерных испытаний [8]. Среднегодовой размер страховой пенсии по старости неработающих пенсионеров составит в 2021 году 17443 рубля; в 2022-м году – 18357 руб.; в 2023-м – 19283 руб.; социальной пенсии в 2021 году – 10122 руб. [4]. Не предусмотрена индексация страховой пенсии по старости работающим пенсионерам.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на дефицит федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов, государство выполняет свои социальные обязательства.

Literature:

1. *Averin A.N.* Dynamics of state minimum social guarantees / A.N. Averin [et. al] // Science and education: agriculture and economics; entrepreneurship; law and management. 2018. № 5(96). P. 111–114.
2. Federal Law № 385-FZ of December 08, 2020 «On the Federal Budget for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 50 (Part I, II, III), Art. 8030.

3. *Аверин А.Н.* Правовое обеспечение поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и местного самоуправления / А.Н. Аверин [и др.] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 8(99). С. 120–123.
4. *Маркелов Р.* В порядке цифр / Р. Маркелов // Российская газета. 2020. 11 декабря.
5. *Исаев А.* Итоги работы над бюджетом 2021 года / А. Исаев // Российская газета. 2020. 09 декабря.
6. Федеральный закон от 08 декабря 2020 года № 390-ФЗ «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020, № 50 (ч. III). Ст. 8035.
7. Федеральный закон от 08 декабря 2020 года № 391-ФЗ «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8036.
8. Федеральный закон от 08 декабря 2020 года № 388-ФЗ «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8033.
3. *Averin A.N.* Legal support of socially oriented non-profit organizations by state authorities and local self-government bodies / A.N. Averin [et. al] // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2018. № 8(99). P. 120–123.
4. *Markelov R.* In the order of numbers / R. Markelov // Rossiyskayagazeta. 2020. December 11.
5. *Isaev A.* Results of work on the budget of 2021 / A. Isaev // RossiyskayaGazeta. 2020. December 09.
6. Federal Law № 390-FZ of December 08, 2020 «On the Budget of the Social Insurance Fund of the Russian Federation for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023». 2020. № 50 (Part III). Art. 8035.
7. Federal Law № 391-FZ of December 08, 2020 «On the Budget of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023» // Legislative Meeting of the Russian Federation. 2020. № 50 (Part III). Art. 8036.
8. Federal Law № 388-FZ of December 08, 2020 «On the Budget of the Pension Fund of the Russian Federation for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023». 2020. № 50 (Part III). Art. 8033.

Дороненко Мария Владимировна
главный бухгалтер,
общество с ограниченной
ответственностью «ЮРЛ»
marydoronenko@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос формирования и механизма функционирования категории «компетенция». Предметом исследования выступает категория «компетенция». Цель исследования заключается в поиске элементов системного объекта «компетенция», выявлении закономерной последовательности формирования элементов в объекте, изучении и анализе форм отношений, возникающих между элементами объекта. Гипотеза исследования предполагает, что использование метода «пентаграмма у-син» категориально-системной методологии позволит описать механизм функционирования понятия «компетенция», описать природную сущность системного объекта. Применены следующие методы: контент-анализ определений, категориально-символьный метод китайской философии «Пентаграмма у-син». Сделан вывод о циклическом характере развития компетенций. В результате использования метода компетенции представлены как система из пяти элементов, между которыми существуют отношения поддержки и ограничения. Области применимости результатов заключаются в дальнейшем исследовании механизма формирования и развития компетенций в цифровой среде, структурных отношений между элементами объекта, а также факторов и условий для успешного перехода к цифровой экономике, рисков и последствий цифровой трансформации для рынка труда.

Ключевые слова: компетенции, цифровая экономика, категориально-символьный метод «Пентаграмма у-син».

Введение. Развитие цифровых технологий в XXI веке влечет за собой необходимость и готовность общества соответствовать требованиям цифровой экономики, значимое место в которой будет занимать владение новыми знаниями, навыками и компетенциями. Формирование и развитие компетенций, отвечающих потребностям современного общества, является, в настоящий момент, одной из важнейших задач перехода экономики в цифровой формат. Существующий

Maria V. Doronenko
Chief Accountant,
Limited Company
Responsibility «YURL»
marydoronenko@yandex.ru

THE RESEARCH OF THE MECHANISM OF FUNCTIONING OF THE COMPETENCIES OF THE ECONOMICALLY ACTIVE POPULATION IN THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. The article deals with the formation and functioning mechanism of the category «competence». The subject of the study is the category «competence». The purpose of the research is to search for the elements of the system object «competence», to identify the regular sequence of the formation of elements in the object, to study and analyze the forms of relations that arise between the elements of the object. The hypothesis of the study suggests that the use of the «pentagram of wuxing» method of the categorical-system methodology will allow us to describe the mechanism of functioning of the concept of «competence», to describe the natural essence of the system object. The following methods are used: content analysis of definitions, categorical-symbolic method of Chinese philosophy «Pentagram of wuxing». The conclusion is made about the cyclical nature of the development of competencies. As a result of using the method, competencies are presented as a system of five elements, between which there are support relationships and constraints. The areas of applicability of the results are to further study the mechanism of formation and development of competencies in the digital environment, the structural relationships between the elements of the object, as well as the factors and conditions for a successful transition to the digital economy, the risks and consequences of digital transformation for the labor market.

Keywords: competencies, digital economy, categorical-symbolic method «Pentagram of wuxing».

федеральный проект «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» однозначно показывает необходимость новых подходов к решению данного вопроса. Основной целью федерального проекта является обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики. В число задач для реализации поставленной цели входит, в том числе, обеспечение потребности рынка труда в специалистах, владеющих цифровыми компетенциями [12; 13]. Однако до сих пор остается открытым

вопросы: Что же представляют собой цифровые компетенции, чем они отличаются от «обычных» компетенций и, самое важное, каким образом будет реализовываться программа обеспечения подготовки таких специалистов?

Одной из основных тенденций мировой экономики является переход к шестому технологическому укладу, в условиях которого основным источником конкурентных преимуществ организаций становятся нематериальные факторы производства, в том числе, человеческий капитал.

Наличие понятной и эффективной системы овладения необходимыми компетенциями становится ключевым фактором успешной адаптации экономически-активного населения к новым реалиям рынка труда.

Многие исследователи, которые внесли существенный вклад в область управления компетенциями, отмечают ее развитие на стыке таких дисциплин, как управление человеческими ресурсами, развитие трудового потенциала, управление знаниями, управление развитием организации.

Исследованием сущности, структуры, свойств и видов компетенций занимались С. Уиддет, С. Холлифорд [14], К. Прахалад, Г. Хэмэл [15] и другие.

В настоящее время проводится важная работа отечественными исследователями в области формирования и развития цифровых компетенций, результаты которой представлены в различных аналитических отчетах [5; 9; 16].

В данном исследовании мы будем опираться на определение, предложенное ФГОС 3-го поколения ВПО, где компетенции представляют собой *способности применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области* [4, с. 4].

Современные исследования области развития компетенций, в том числе, цифровых, все больше внимания обращают на скорость возникновения одних и исчезновения других компетенций, на изменение значимости некогда очень важных компетенций сотрудников. Например, «Атлас новых профессий», разработанный в 2014 году, предлагает к освоению в период трансформации экономики в цифровую, в том числе, такие компетенции, как системное мышление, межотраслевая коммуникация, бережливое производство, программирование, мультиязычность и мультикультурность, навыки художественного творчества и другие. Также, в число значимых компетенций XXI века исследователи включают цифровую грамотность, эмоциональный интеллект, критическое мышление, когнитивную гибкость, а также компетенции в области синтеза различных наук, искусства, инженерии и проектирования [1; 2; 6; 7]. Это говорит об очень гибкой, быстро меняющейся внешней среде, о возрастающих рисках как для отдельно взятого работника, так и для общества, в целом, для экономически-активного населения страны. Поскольку потребности внешней среды диктуют спрос на определенные компетенции,

должен быть понятен не только механизм их формирования, но и необходимые ресурсы и обеспечение доступа к этим ресурсам для того, чтобы процесс управления развитием компетенций был прозрачен и максимально организован для трудоспособного населения.

Целью данной статьи является исследование механизма функционирования компетенции для разработки модели управления процессами формирования и развития компетенций на основе возникающих между его элементами противоречий. Решение данной задачи предполагается осуществить с использованием символического метода «Пентаграмма» китайской философии у-син» [3]. В результате применения метода появляется возможность не только анализировать отношения между компонентами, но и оказывать воздействие на течение и разрешение возникающих противоречий при внедрении модели компетенций.

Теория и методология.

Системный подход, в рамках которого ведётся исследование, предполагает, что категория «компетенция» представляется системой, составным объектом, свойства которого не сводятся к сумме свойств его частей. В рамках системного подхода можно детально исследовать элементы, взаимосвязи, появляющиеся в процессе взаимодействия элементов. Достоинствами выбранного подхода является возможность изучения объекта не только в единстве всех ее составляющих, но и в единстве с внешним по отношению к нему миром.

Поскольку, целью исследования является анализ сущности, природных свойств, структуры понятия «компетенция», а также механизма взаимодействия элементов в данном системном объекте, имеет смысл использовать символические методы для решения поставленной задачи. Успешное применение символических методов в разных областях научного знания, таких как экономика, педагогика, философия [10; 11; 17] и других, позволяет справляться с такими задачами наиболее эффективно, и в настоящее время символика является действенным инструментом познавательной активности.

Таким образом, применение в контексте системного подхода метода «Пентаграмма у-син», основанного «на философском представлении о том, что мир и его объекты являются результатом смешения первоэлементов (вода, дерево, огонь, земля, металл)» [3, с. 147] является обоснованным и позволит получить глубокое представление о механизме функционирования исследуемого объекта «компетенция». Преимуществами этого метода также является то, что в виде пентаграммы может быть представлен, интерпретирован в её терминах любой исследуемый объект; таким образом, данный метод является универсальным. Пентаграмма позволяет выделять и интерпретировать разные типы отношений между элементами в зависимости от их расположения в ней относительно друг друга и представляет собой завершенный процесс.

Результаты исследования.

Применив метод «Пентаграмма» к понятию «компетенция» в аспекте механизма ее функционирования, мы выявили следующие соответствия:

Вода – начальный элемент, представленный компонентом потребность, который также может выражаться через категорию «интерес», из которых может зародиться компетенция. На данном этапе формирование компетенции осуществляется либо наличием одного из компонента – потребности или интереса, или одновременного их сочетания. Это зависит от требований внешней среды, от внутреннего осознания, ценностей, интересов отдельно взятой человеческой личности. К примеру, выполнение новой задачи, поступившей от руководства, требует как нового знания, так и проявления качеств, которые ранее не были задействованы в работе. В таком случае, первостепенным компонентом будет выступать потребность, транслируемая внешней средой.

Дерево демонстрирует этап выхода объекта из внутреннего состояния во внешнюю среду, которому соответствует компонент развития компетенции «научение». На этом этапе целесообразно применение любых методов обучения, в том числе наблюдение, эксперимент, использование инструмента наставничества.

Огонь – самый ресурсозатратный и активный элемент, которому соответствует компонент

«становление». На этом этапе происходит наработка практики посредством применения различных техник и инструментов выбранной области. Таким образом работник формирует свой уникальный опыт решения задач самым эффективным способом.

Земля как балансирующий элемент предполагает углубление имеющихся знаний, анализ полученного на предыдущем этапе опыта, формирование собственных моделей решения различного спектра задач. На этом этапе возникает, так называемая, неосознанная компетентность, выражающаяся через компонент «экспертность». Экспертность помогает отстроиться от конкурентов, осознать свою уникальность и быть максимально эффективным в своей области.

Металл – завершающий элемент пентаграммы, характеризует процесс глубокого анализа и оценивания накопленных знаний и опыта, развитие самокритичности, поиск и нахождение скрытых способностей. Этому этапу соответствует компонент «рефлексия», функцией которого является самопознание – важнейший механизм развития потенциала.

Выявленные элементы представляют собой законченный эволюционный цикл, каждый этап которого характеризует определенный этап развития компетенции (рис. 1).

Рисунок 1 – Категория «компетенция», представленная с помощью метода «пентаграмма у-син»

Метод «Пентаграмма у-син» предполагает два возможных типа отношений между элементами в зависимости от того, как они расположены друг относительно друга:

- 1) прямой и обратной поддержки (стимулирования)
- 2) прямого и обратного ограничения(контроля).

Рассмотрим более подробно возможные отношения между элементами.

Отношения прямой поддержки между элементами характеризуют нормальный вариант межкомпонентных отношений, при котором поддержка каждого элемента пентаграммы возможна при наличии ресурса.

При обратной ситуации, когда возникает отток ресурса от последующего элемента к предшествующему, будет наблюдаться патологический вариант отношений. В качестве ресурса, который перераспределяется между компонентами компетенции, рассматривается человеческий потенциал.

На начальном уровне, когда сформировалась потребность или интерес, именно человеческий потенциал позволяет осуществить переход на новый уровень – «научение». Если данного ресурса не хватает, то потребность останется не реализованной, а интерес угаснет или трансформируется в патологической связи, где произойдет переход на уровень – сохранения имеющихся знаний и опыта (рис. 2).

На этапе перехода на следующий уровень – от «научения» к «становлению» при нормальном варианте развития межкомпонентных отношений происходит процесс применения полученных на предыдущем этапе знаний. Работник принимает самостоятельные решения, наработывает различные стратегии действий, основываясь уже на личном опыте, используя полученный багаж знаний. Решение нестандартных задач не ведет работника в тупик, а видится новой возможностью. Однако при недостатке ресурса реализуется патологический вариант отношений, когда работник

не использует полученные знания на практике, придерживается ранее опробованных способов решения задач, таким образом даже новые знания не становятся ключом для формирования компетенции. Такая ситуация может произойти, если, например, нет четкой задачи от руководства о способах выполнения задач, если применения новых знаний никак не отражается на заработной плате или проводится формально. Решение этой проблемы будет напрямую зависеть от причины ее возникновения.

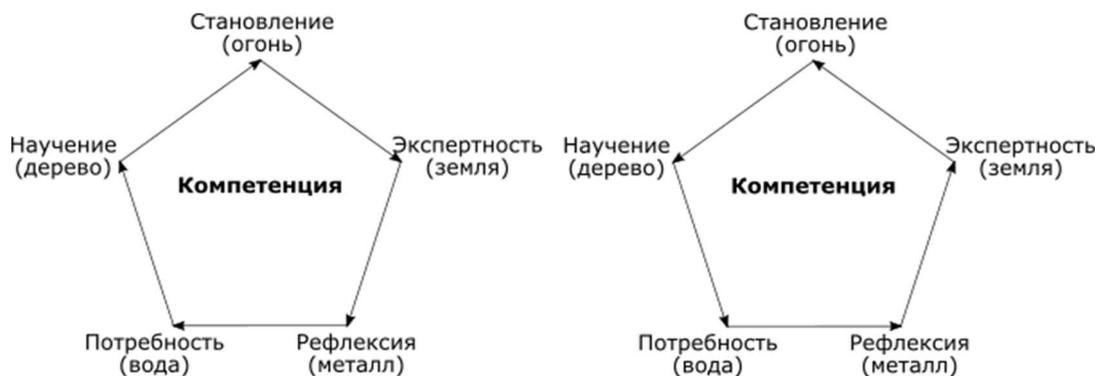

Рисунок 2 – Отношения прямой и обратной поддержки между элементами в категории «компетенция»

Следующий этап предполагает переход от элемента «становление» к элементу «экспертность», при котором также возникает нормальный или патологический вариант развития межкомпонентных отношений. В ситуации нормального варианта межкомпонентных отношений происходит наработка системного, аналитического мышления, владение компетенцией в полном объеме на уровне эксперта, что означает умение использовать разные методы, инструменты и различные техники в зависимости от ситуации, а также, умение анализировать как свои ошибки, так и недочеты других сотрудников команды. Патологический вариант может возникнуть в ситуации нехватки ресурса и проявится в нежелании рассматривать ситуации с разных сторон, боязни экспериментировать, и, как следствие, в жестких схемах и неумении находить выход в нестандартных ситуациях.

Завершающий этап развития компетенции характеризуется переходом от компонента «экспертность» к компоненту «рефлексия». При реализации нормального варианта работники подходят к этому этапу с желанием осмыслить весь накопленный опыт. Кроме того, ввиду сформированного уже умения анализировать и мыслить системно, возникает четкое осознание и траектория дальнейшего развития и самосовершенствования, вновь возникает потребность в освоении новых знаний. Однако при патологическом варианте, развитие компетенции может остановиться так и не преодолев пределы самой себя.

Наряду с межкомпонентными отношениями поддержки, метод предполагает анализ отношений ограничения (контроля), которые отображаются звездой внутри пятиугольника. Эти ограничения необходимы для существования объекта и обеспечения его устойчивого состояния. Отношения ограничения также могут быть нормальными или

патологическими (рис. 3). Нормальный вариант предполагает движение по внутреннему контуру пентаграммы по часовой стрелке, патологический – против часовой стрелки. Каждый из компонентов, отраженных на пентаграмме, создает определенные ограничения для остальных компонентов. Например, уровень развития компонента «потребность» ограничивает развитие компонента «становление», поскольку для использования и наработки опыта необходим твердый фундамент в виде освоения новых знаний в сочетании с мотивацией. Таким же образом компонент «научение» ограничивает компонент «экспертность», так как для этого уровня необходима не только новая информация, но и наработанный соответствующий опыт.

Компонент «становление» может выступать в роли ограничивающего фактора для компонента «рефлексия», так как для переосмысления стереотипов опыта должна быть сформирована экспертность – умение анализировать не только чужие недоработки, но и устаревание собственного опыта. Без анализа в том числе и своей работы возникает ловушка «начальник всегда прав».

Компонент «экспертность» сдерживает развитие компонента «потребность», поскольку без переосмысления всего наработанного опыта, критического анализа сильных и слабых сторон развития компетенции, постоянно меняющихся требований внешней среды повышается вероятность неверно выявленной потребности или вовсе игнорирования новых интересов, потребностей и возможностей.

Наконец, компонент «рефлексия» ограничивает развитие компонента «научение», так как без выявленной потребности весь процесс формирования и развития компетенции становится бессмысленным и хаотичным.

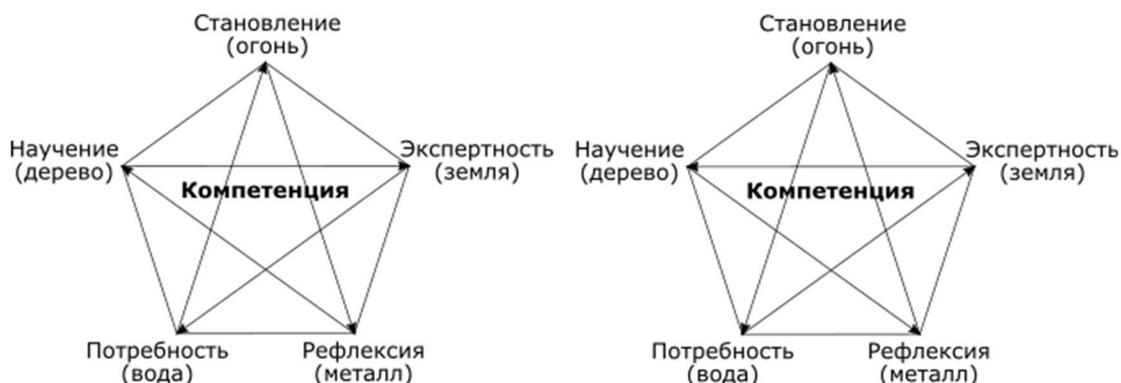

Рисунок 3 – Отношения прямого и обратного ограничения между элементами в категории «компетенция»

Для наглядности рассмотрим формирование межкомпонентных отношений ограничения на примере компетенции «эмоциональный интеллект» менеджера по продажам компании, занимающейся оптовыми продажами запасных частей на территории Российской Федерации. Данная компетенция выделяется многими исследователями в качестве ключевой в современном обществе, ведь «поскольку эмоции и чувства зависят от развития познавательных функций, можно предположить, что успех или неудача каких-либо дел зависят от контроля своих эмоций, от того,

как именно мы оцениваем ситуацию» [8, с. 44]. Таким образом, развитие эмоционального интеллекта тесно связано с проблемой адаптации и социализации личности. От того, насколько сотрудник хорошо понимает эмоциональную направленность коммуникативного общения, умеет определять потребности клиента в каждой отдельной ситуации и грамотно реагировать на них, напрямую зависят его отношения с клиентами, их желание взаимодействовать, что, как следствие, в значительной степени повышает уровень его эффективности в компании.

Таблица 1

Развитие компетенции «эмоциональный интеллект» на примере менеджера по продажам при нормальном варианте межкомпонентных отношений ограничения

Переходный этап	Нормальный вариант
Потребность – Становление	Для развития и закрепления компетенции «эмоциональный интеллект» требуется знание технологии продаж, этапы работы с клиентом, которое сотрудник приобретает на этапе «научение»
Становление – Рефлексия	В технике продаж возникает риск в общении с клиентами в нестандартных ситуациях, поскольку только на уровне экспертности появляется способность моментально принимать решение и «чувствовать» клиента, комбинировать разные варианты, создавать нешаблонные рабочие схемы общения с клиентами различного типа
Рефлексия – Научение	Хаотичность в развитии, бессистемность обучения является следствием не выявленной вовремя потребности, когда развитие становится самоцелью, и суть формирования нужных компетенций теряется
Научение – Экспертность	В этой ситуации возникает риск всегда полагаться на собственный опыт и игнорировать проверенные технологии коммуникаций, без применения которых не нарабатывается необходимая база для будущей экспертности
Экспертность – Потребность	Для менеджера по продажам возникает риск застоя, остановки в развитии и карьерном росте, поскольку не возникает нового интереса и не происходит осознания потребности

Составлено автором.

Таким образом, анализируя отношения между компонентами, при возникающих проблемах становится очень легко отыскать причину неэффективности, которая может проявиться на любом участке цикла.

При недостатке ресурса у какого-либо из элементов проявляется патологический вариант развития межкомпонентных отношений. В частности, несформированная потребность в развитии компетенции у работника может привести к ситуации, когда развитие происходит спонтанно, неорганизованно и не дает нужного эффекта для компании. Далее, в случае неумения использовать свой

потенциал, неуверенности в своих знаниях и опыте («экспертность») могут привести к ситуации постоянного обучения и так называемому синдрому «вечного студента», что никак не приведет организацию к эффективной отдаче от вложенных ресурсов. В свою очередь, при недостатке мотивации и настойчивости в освоении новых знаний (на этапе «научение») может произойти ситуация застоя, остановки в развитии из-за желания получить быстрый результат при минимальных затратах и неудовлетворении этих ожиданий. Соответственно, не в полной мере осознанная необходимость в формировании новой компетенции («рефлексия») может повлечь

за собой ложное представление о необходимости наращивания опыта уже известными способами. При этом мотивация работника существенно падает, поскольку уровень его развития превосходит решаемые задачи. И, наконец, недостаточный уровень владения базовыми навыками может стать причиной полной смены потребности, отсутствию мотивации дальнейшего развития компетенции.

Выводы.

В результате использования символического метода «Пентаграмма у-син» можно сделать следующие выводы:

1. Любую компетенцию можно представить в виде системного объекта, а ее формирование и развитие представляет собой завершённый цикл эволюционного движения.
2. Исследование механизма функционирования категории «компетенция» позволило идентифи-

Литература:

1. *Алетдинова А.А.* От развития когнитивных способностей работников к формированию сетевых компетенций в цифровой экономике / А.А. Алетдинова; Под ред. А.В. Бабкина // Тенденции развития экономики и промышленности в условиях цифровизации: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». СПб., 2017.
2. Атлас новых профессий. М. : Сколково, 2014. 168 с.
3. *Боуш Г.Д.* Методология научного исследования / Г.Д. Боуш, В.И. Разумов. М. : ИНФРА-М, 2020.
4. *Галимзянов Х.М.* Формирование и оценка компетенций в процессе освоения образовательных программ ФГОС ВО: научно-метод. пособ. / Х.М. Галимзянов, Е.А. Попов, Ю.А. Сторожева. Астрахань : Астраханский ГМУ, 2017. 74 с.
5. *Галлямова Э.Г.* Управление компетенциями как ключевой фактор развития интеллектуального капитала организации / Э.Г. Галлямова // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (Государство и общество). 2007. № 3. С. 96–107.
6. *Ершова Т.В.* Ключевые компетенции для цифровой экономики / Т.В. Ершова, С.В. Зива // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 2018. № 3. С. 4–20.
7. *Ефремова Г.М.* Проблемы формирования компетенции цифровой экономики / Г.М. Ефремова, О.Н. Мороз, И.В. Нитяго // Актуальные вопросы образования. 2018. № 2. С. 55–60.

цировать отношения, возникающие между ее элементами, а именно отношения поддержки и ограничения.

3. Человеческий потенциал является тем ресурсом, который обеспечивает системе устойчивость, запускает и координирует весь механизм развития компетенции, предусматривающий как нормальный, так и патологический вариант развития в зависимости от наличия или дефицита ресурса.

Таким образом, полученные результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем при разработке модели компетенций, основанной не только на требованиях внешней среды, но и на эффективном распределении ресурса между компонентами объекта. С помощью модели, построенной на знании возникающих отношений между элементами, можно значительно снизить риски при ее внедрении и обеспечить максимальную эффективность от внедрения новых компетенций.

Literature:

1. *Aletdinova A.A.* From the development of cognitive abilities of employees to the formation of network competencies in the digital economy / A.A. Aletdinova; Under the editorship of A.V. Babkin // Trends in the development of economics and industry in the context of digitalization: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University». SPb., 2017.
2. Atlas of new professions. M. : Skolkovo, 2014. 168 p.
3. *Boush G.D.* Methodology of scientific research / G.D. Boush, V.I. Razumov. M. : INFRA-M, 2020.
4. *Galimzyanov Kh.M.* Development and evaluation of competencies in the implementation of GEF WO education programmes: scientific-methodical manual / Kh.M. Galimzyanov, E.A. Popov, Y.A. Storozheva. Astrakhan : Astrakhan state medical University, 2017. 74 p.
5. *Gallyamova E.G.* Management of competencies as a key factor in the development of the intellectual capital of the organization / E.G. Gallyamova. Series 21: Governance (State and Society). 2007. № 3. P. 96–107.
6. *Yershova T.V.* Key competencies for the digital economy / T.V. Yershova, S.V. Ziva // Moscow State University named after M.V. Lomonosov. 2018. № 3. P. 4–20.
7. *Efremova G.M.* Problems of forming the competence of the digital economy / G.M. Efremova, O.N. Moroz, I.V. Nityago // Current issues of education. 2018. № 2. P. 55–60.

8. *Комарова Э.П.* Эмоциональный интеллект: понятие, роль и формы интеграции в социокультурное общение / Э.П. Комарова // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 3-2. С. 43–46.
9. Концепция развития цифровых компетенций студентов НИУ ВШЭ. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Приложение 7 к протоколу заседания учебного совета НИУ ВШЭ от 26.06.2020 № 10.
10. *Мудриевская Е.В.* Интеллектуальные схемотехники как когнитивные инструменты построения учебного процесса по дисциплине «физическая культура» / Е.В. Мудриевская, О.С. Ковалева // Ученые записки университета имени В.Ф. Лесгафта. 2017. № 6(148). С. 140–144.
11. *Недолужко О.В.* Исследование системы отношений между элементами интеллектуального капитала организации с использованием символического метода «Пентаграмма» китайской философии у-син / О.В. Недолужко // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1(22). С. 201–205.
12. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203, действующая редакция).
13. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р, действующая редакция).
14. *Уиддет С.* Руководство по компетенциям / С. Уиддет, С. Холлифорд. Гиппо, 2008.
15. *Хамел Г.* Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / Г. Хамел, К.К. Прахалад. М. : Олимп-бизнес, 2002.
16. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова [и др.]; Науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
17. *Шеремет А.А.* Интеллектуальная схемотехника в философском исследовании человека / А.А. Шеремет [и др.]; Редкол.: П.Л. Зайцев (отв. ред.) // Визуальные образы современной культуры: Идеалы и идеологии (к 25-летию теологического образования в г. Омске). Сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции. Изд. : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск). 2020. С. 46–50.
8. *Komarova E.P.* Emotional intelligence: the concept, role and forms of integration in sociocultural communication / E.P. Komarova // Bulletin of Voronezh State Technical University. 2014. Vol. 10. № 3-2. P. 43–46.
9. The concept of developing digital competencies of HSE students. National Research University «Higher School of Economics», Appendix 7 to the minutes of the meeting of the Academic Council of the Higher School of Economics № 10 dated 26.06.2020.
10. *Mudrievskaya E.V.* Intellectual circuit technology as cognitive tools for building the educational process in the discipline «physical culture» / E.V. Mudrievskaya, O.S. Kovaleva // Scientific notes of the University named after V.F. Lesgaft. 2017. № 6(148). P. 140–144.
11. *Nedoluzhko O.V.* Investigation of the system of relations between the elements of the intellectual capital of the organization using the symbolic method «Pentagram» of the Chinese philosophy of Wu-xing / O.V. Nedoluzhko // Azimut of scientific research: economics and management. 2018. Vol. 7. № 1(22). P. 201–205.
12. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030. (Approved by Decree of the President of the Russian Federation № 203 of May 09, 2017, current version).
13. Program for the Development of the Digital Economy in the Russian Federation until 2035 (Approved by Decree of the Government of the Russian Federation № 1632-r of July 28, 2017, current version).
14. *Widget S.* Leadership competency / S. Widget, S. Halliford. Hippo, 2008.
15. *Hamel G.* Competing for the future. Creating the markets of tomorrow / G. Hamel, K.K. Prahalad. M. : Olymp-business, 2002.
16. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: dokl. k XX Apr. international scientific conference on problems of economic and social development, Moscow, 09–12 Apr. 2019 / G.I. Abdrakhmanova [et al.]; scientific ed. by L.M. Gokhberg; Nats. research. Higher School of Economics Univ., M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2019.
17. *Sheremet A.A.* Intellectual circuitry in the philosophical study of man / A.A. Sheremet // Visual images of modern culture: Ideals and ideologies (to the 25th anniversary of theological education in Omsk). Collection of scientific articles based on the materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Editorial Board: P.L. Zaitsev (ed.) [et al.]. Publishing house: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk). 2020. P. 46

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Леоновна

старший преподаватель
кафедры организации перевозок
и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Меркулова Екатерина Сергеевна

студентка кафедры организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
МЕТОДОВ ОПТИМИЗАЦИИ
ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ
ИЗДЕРЖЕК
В ТОРГОВО-ТРАНСПОРТНО-
ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ**

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье авторами рассмотрены вопросы современных подходов к совершенствованию транспортно-экспедиционной деятельности. В настоящее время транспорт во многом определяет возможности развития национальных экономик. На первый план выдвигается вопрос транспортно-экспедиционного обслуживания и выбор оптимального способа доставки.

Ключевые слова: логистика, кластеры, логистические издержки, транспортно-логистическая система, груз, пассажиры, транспорт.

■ ■ ■

Транспорт – сложная, взаимосвязанная, открытая система, которая находится под влиянием множества транспортных и нетранспортных факторов и которая, в свою очередь, оказывает влияние на социальную и производственную системы страны.

В настоящее время транспорт во многом определяет возможности развития национальных экономик. Основными требованиями на рынке становятся условия поставки товара в нужное время, в нужном месте, с определенными потребительскими характеристиками, в необходимых количествах. Все это выдвигает на первый план вопрос

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department of the Organization
Transport and Road Traffic,
Kuban State
University of Technology
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior Lecturer of the Department
of Transportation Organization
and Road Traffic,
Kuban State
University of Technology
sofi008008@yandex.ru

Ekaterina S. Merkulova

Student of the Department of Organization
Transport and Road Traffic,
Kuban State
University of Technology
sofi008008@yandex.ru

**IMPROVING METHODS
FOR OPTIMIZING TRANSPORT
AND LOGISTICS COSTS IN TRADE,
TRANSPORT AND LOGISTICS SYSTEMS**

■ ■ ■

Annotation. In this article, the authors consider the issues of modern approaches to improving transport and forwarding activities. Currently, transport largely determines the opportunities for the development of national economies. The issue of freight forwarding services and the choice of the optimal delivery method is brought to the fore.

Keywords: logistics, clusters, logistics costs, transport and logistics system, cargo, passengers, transport.

■ ■ ■

транспортно-экспедиционного обслуживания и выбор оптимального способа доставки.

Как и в других отраслях, рынок транспортно-экспедиционных услуг стал рынком покупателей. Поэтому транспортно-экспедиционным предприятиям чрезвычайно важно изучать и анализировать потребности общества во всех видах транспортных услуг с целью их удовлетворения. Таким образом, успешная деятельность таких предприятий невозможна без активного применения в своих бизнес-процессах маркетинговых исследований [1].

Транспортно-экспедиционные компании представляют собой мощный ресурс организации и регулирования процессов товародвижения продукции и услуг транспортно-логистических систем. Методы ведения транспортно-экспедиционного бизнеса быстро меняются с течением времени, что имеет первостепенное значение в условиях современного рынка. Далее в таблице 1 представлены факторы, влияющие на развитие ТЭД.

Рынок транспортно-экспедиционных услуг сильно подвержен влиянию со стороны внешней среды. Новые реалии рыночных отношений потребовали от российской экономики качественного изменения транспортной инфраструктуры.

На конъюнктуру транспортно-экспедиционного рынка влияют политические отношения между странами, через которые проходит транзит, а также таможенные, пограничные барьеры той или

иной страны. Оказывает свое влияние и климат (определяет востребованность рефрижераторного подвижного состава) и географическое расположение региона (расположение относительно морских портов, аэропортов, железнодорожных магистралей и прочее). Нельзя не отметить и влияние процессов, происходящих в мировой экономике таких как, глобализация, рост численности населения, глобальное территориальное распределение труда, формирование новых экономических центров. Развитие экономики приводит к необходимости переосмысления большинства аспектов рыночной деятельности и выявления путей повышения конкурентоспособности предприятий. За рубежом доходы от транспортных операций составляют около 40 % от транспортной деятельности, остальное приходится на экспедиционные операции, хранение и переработку грузов. В России доходы от экспедиционной деятельности не превышают 3–4 %.

Таблица 1

Факторы, влияющие на развитие ТЭД

Факторы, влияющие на развитие ТЭД	
Внешние	
Прямого воздействия	Косвенного воздействия
Действующее гражданское законодательство; Налоговая политика; Финансово кредитная политика; Уровень и темпы инфляции; Конкуренция; Меры государственного регулирования Транспортной деятельности; Непредвиденность действия органов государственной власти и местного самоуправления	Политическая обстановка; Общая экономическая ситуация; Демографическая ситуация; Развитие науки и техники; Международные события; Стихийные бедствия; Уровень доходов населения
Внутренние	
Цели, стратегия предприятия; Организация маркетинга; Обеспечение конкурентоспособности услуг; Уровень затрат; Воспроизводство основных и оборотных фондов; Дополнительные услуги; Состояние производственно-технической базы; Эффективность использования ресурсов; Эффективность менеджмента; Виды, источники, достоверность информации	

Одним из направлений развития транспорта в России, является изменение структуры парка транспортных средств и флота. На автомобильном транспорте – это проявляется в форме увеличения в грузовом парке доли автопоездов большой грузоподъемности, расширения спектра специализированных полуприцепов, для обеспечения растущего спроса на междугородние и международные перевозки; увеличение количества специализированных грузовых шасси, в том числе, оснащенных средствами самопогрузки и набором сменных кузовов для обслуживания сферы розничной торговли, малого бизнеса, фермерских хозяйств, коммунальной сферы.

Основным направлением совершенствования транспортных технологий в сфере грузодвижения является интеграция производственных и транспортных процессов на основе принципов транспортной логистики.

Создание мультимодальных логистических центров, на рынке транспортных услуг, способствует комплексной информатизации транспортного процесса.

Не вызывает сомнений, что повышение качества транспортных услуг, эффективности и безопасности транспортного процесса обеспечивает применение современных информационных и телекоммуникационных технологий [2]. В настоящее время в этом направлении предпринимаются следующие шаги:

- 1) развитие информационных и телекоммуникационных технологий, сближение информационных стандартов различных видов транспорта, обеспечение взаимодействия и интеграции их информационных систем в направлении формирования единого информационного пространства;
- 2) комплексное решение задач по улучшению и оптимизации обеспечения информационной

безопасности управления транспортным процессом, навигации, связи с транспортными средствами, инструментального контроля положения транспортных средств на основе широкого применения современных высокоточных средств спутниковой навигации и связи, прежде всего – на базе единой системы навигационно-временного обеспечения Российской Федерации (в частности системы ГЛОНАСС), а также посредством топографо-геодезического и картографического обеспечения;

3) совершенствование системы информационных технологий и стандартов, применяемых на транспорте, с учетом процессов международной интеграции;

4) развитие системы электронного документооборота;

5) развитие прямого взаимодействия информационных систем транспортных операторов и грузовладельцев для реализации логистических транспортных технологий.

В условиях социально-экономических преобразований значимость автомобильного транспорта в транспортной системе страны постоянно возрастает. Развитие рынков товаров и услуг, малого и среднего бизнеса объективно расширяет сферу применения грузового автомобильного транспорта, что обусловлено его высокой адаптивностью к рыночным условиям.

Большой интерес вызывает решение вопросов технологического функционирования ТЭП: разработанные методики решения задач выбора схемы перевозочного процесса, в условиях многокритериальности и неопределенности; методы оперативного планирования грузовых перевозок;

Литература:

1. *Коновалова Т.В.* Совершенствование методов оптимизации транспортно-логистических издержек в торгово-транспортно-логистических системах / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, М.П. Мирнова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 197–199.

2. *Коновалова Т.В.* Методы снижения транспортно-логистических затрат предприятия торговли / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, М.А. Кузьмина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 217–220.

методики долгосрочного прогноза технико-эксплуатационных показателей, для оценки провозных возможностей автотранспортных предприятий. Государство, в свою очередь, поддерживает идею совершенствования перевозочных технологий, выделяя приоритеты развития автомобильного транспорта, как важной составляющей транспортной системы страны.

В результате реализации мероприятий будет складываться эффективно функционирующий и развивающийся автотранспортный комплекс, удовлетворяющий потребности населения и экономики в перевозках, способствующий интеграции России в мировую экономику.

Создание логистической системы позволит значительно сократить время передачи грузовых единиц с одного вида транспорта на другой, рационально использовать существующие и проектируемые мощности инфраструктуры всех видов транспорта, расширить перечень услуг, оказываемых при транспортировке грузов из одного региона или города в другой. Кроме того, ускорится процесс расчетов за перевозки и дополнительные услуги, сократятся расходы на развитие электронного документооборота на каждом виде транспорта в отдельности, уменьшатся временные и другие затраты, связанные с обработкой бумажной документации. За счет предварительного предоставления перевозочных документов на грузы и ускорения документооборота на пограничных станциях сократится время таможенных, сертификационных и других процедур, а качество предоставляемых услуг достигнет международного уровня. В результате повысится конкурентоспособность российской транспортной системы и доходность транспортного комплекса России в целом.

Literature:

1. *Konvalova T.V.* Improvement of methods of optimization of transport and logistics costs in trade, transport and logistics systems / T.V. Konvalova, S.L. Nadiryan, M.P. Mironova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 9. P. 197–199.

2. *Konvalova T.V.* Methods for reducing transport and logistics costs of a trade enterprise / T.V. Konvalova, S.L. Nadiryan, M.A. Kuzmina // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2019. № 4. P. 217–220.

Кочербаева Айнура Анатольевна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры менеджмента,
Кыргызско-Российский
Славянский университет
ainura_koch@mail.ru

Чоюбекова Гульжамал Асановна

и.о. доцента,
кафедра общественного здоровья
и здравоохранения,
Кыргызская Государственная Медицинская
Академия имени И.К. Ахунбаева
ainura_koch@mail.ru

Аль-шавабке Лайт Джума Оде

аспирант кафедры менеджмент,
Кыргызско-Российский
Славянский университет
dr.laitshawabke@yahoo.com

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Аннотация. Выбор в сторону экономической интеграции в рамках ЕАЭС Кыргызстан сделал еще в 2011 году, когда стал полноправным членом Таможенного союза. Данное интеграционное движение в ЕАЭС дает Кыргызстану достаточно большие возможности, как в плане экономического сотрудничества, так и социально-гуманитарной интеграции. В статье рассмотрены основные тенденции и перспективы интеграционного процесса для социально-экономического положения Кыргызской Республики на перспективу.

Ключевые слова: ЕАЭС, экономическая интеграция, трудовая миграция, международная торговля.

В ыбор в сторону экономической интеграции в рамках ЕАЭС Кыргызстан сделал еще в 2011 году, когда стал полноправным членом Таможенного союза. Необходимо отметить, что данное интеграционное движение в ЕАЭС дает Кыргызстану достаточно большие возможности как в плане экономического сотрудничества, так и социально-гуманитарной интеграции.

Прежде всего, коснёмся экономических аспектов интеграции и проследим динамику макроэкономических показателей, характеризующих изменения в основных сферах экономики.

Ainura A. Kocherbaeva

Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Management,
Kyrgyz-Russian
Slavic University
ainura_koch@mail.ru

Gulzhamal A. Choyubekova

Acting Assistant Professor,
Department of Public Health
and Health Care,
Kyrgyz State Medical Academy
named after I.K. Akhunbaeva
choubekova@mail.ru

Light Juma Ode. Al-shawabkeh

Graduate Student
of the Department of Management,
Kyrgyz-Russian Slavic University
dr.laitshawabke@yahoo.com

**MODERN TRENDS OF ECONOMIC
INTEGRATION AS A CONDITION
OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE KYRGYZ REPUBLIC**

Annotation. Kyrgyzstan made the choice towards economic integration within the EAEU back in 2011, when it became a full member of the Customs Union. This integration movement in the EAEU gives Kyrgyzstan quite a lot of opportunities, both in terms of economic cooperation and social and humanitarian integration. The article considers the main trends and prospects of the integration process for the socio-economic situation of the Kyrgyz Republic in the future.

Keywords: EAEU, economic integration, labor migration, international trade.

Так, положительная динамика роста ВВП Кыргызской Республики, которая началась в 2015 году, продолжилась в темпе, превышающем, в среднем, рост остальных экономик ЕАЭС. В 2015 году рост ВВП составил 3,9 %, в 2016 году – 4,3 %, в 2017 году – 4,7 %, в 2018 году – 3,5 %. По сравнению с внешней торговлей с третьими странами, торговля Кыргызстана с партнерами по Союзу растет более быстрыми темпами. В 2016 году прирост взаимной торговли составил 9 %, в 2017 году – 21,1 %, в 2018 году – 5 %. При этом экспорт Республики в третьи страны увеличился на 5 % в 2016 году и на 8,6 % – в 2017 году.

Таким образом, мы видим, что интеграционные процессы положительно воздействуют на состояние экономики Кыргызской Республики, и это позволяет утверждать, что такая тенденция продолжится и в дальнейшем.

Так, по мнению экспертов Евразийской Экономической комиссии, рост экономик Армении и Кыргызстана будет наращивать темпы, что

обусловлено расширением торговых взаимодействий и увеличением экспорта продукции.

Рост валового внутреннего продукта Кыргызстана, начиная с 2015 года, растет темпами, превышающими увеличение ВВП, в целом, по ЕАЭС. И нужно отметить, что в течение 2016–2017 годов данная тенденция сохранилась. В 2017–2018 гг. темп роста ВВП сохранился в пределах 4,5 % – 4,8 %.

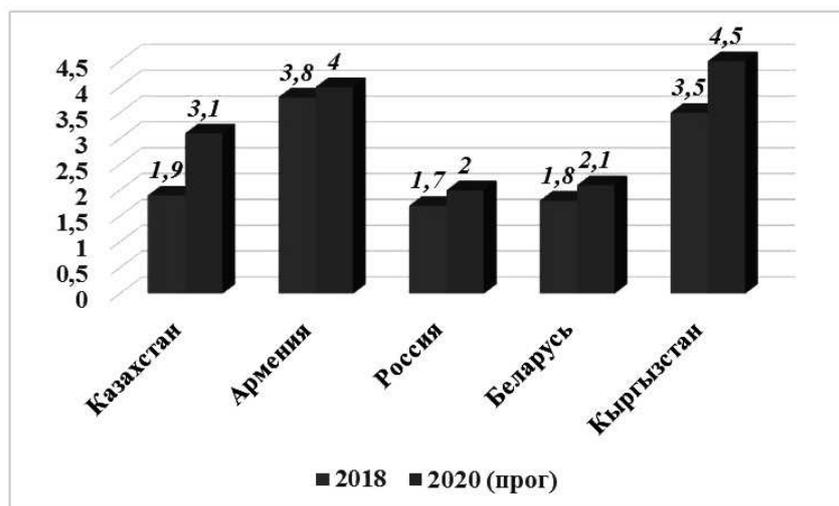

Рисунок 1 – Темпы роста стран ЕАЭС (%) прогноз

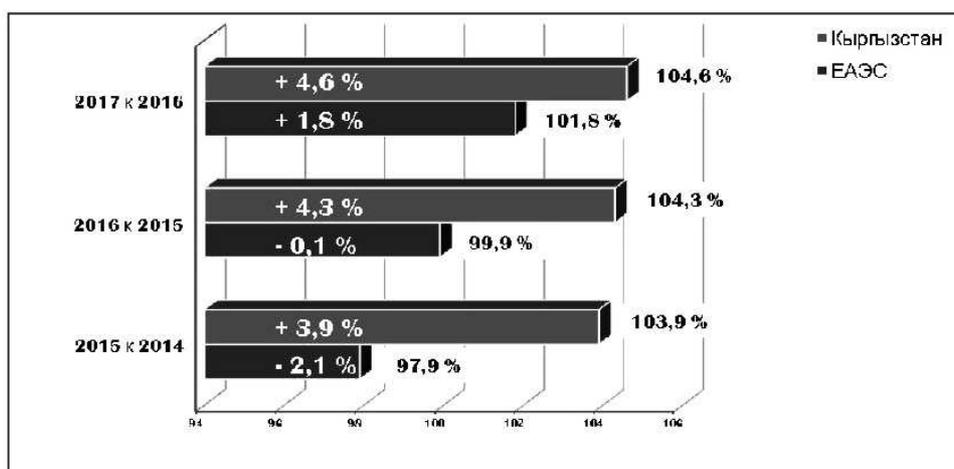

Рисунок 2 – ВВП КР и ЕАЭС в 2014–2017 гг. в % к предыдущему году [1]

Если рассмотреть отраслевую структуру ВВП, то видно, что в 2016 году [2] уже отмечалось увеличение доли сферы услуг практически до 47,5 %, промышленности увеличилась до 18,2 % и строительства до 8,4 %. Вместе с тем, отраслевая деформация все же негативно отражается на структуре занятости населения и состоянии реального сектора.

В свою очередь, сельское хозяйство, доля которого в ВВП республики составила 12,8 %, не демонстрирует высокие темпы роста, и это объясняется состоянием материально-технического оснащения, которое, по нашему мнению, будет значительно улучшено в результате реализации

проектов РКФР. На сегодняшний день одобрено более 11544 проектов в области сельского хозяйства на сумму 14325432,76 тыс. сом (рис. 3)

Важной особенностью позитивных изменений в сельском хозяйстве Кыргызстана является увеличение экономической эффективности сельскохозяйственных предприятий, что выразилось в возобновлении роста производительности труда. Так, в 2017 году производительность труда выросла на 2,9 %, в 2016 году она, хотя и незначительно снизилась (на 0,2 %), однако, находилась на уровне, превышающем показатель 2015 года (273,0 тыс. сомов/чел. в 2017 году и 265,9 тыс. сомов/чел. в 2016 году) [3].

Если продолжить анализ динамики реального сектора, то положительные темпы демонстрирует

промышленность горнодобывающая. Рост + 1,7 % в 2017 г. к 2016 г.

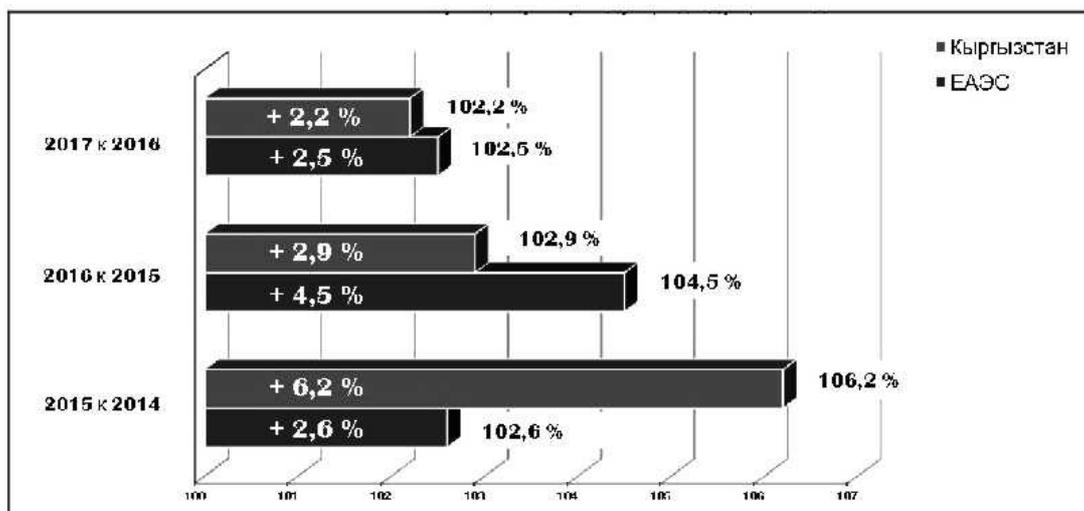

Рисунок 3 – Производство сельхозпродукции в Кыргызстане и ЕАЭС в 2014–2017 гг. в % к предыдущему году

В 2017 году во всех государствах – членах ЕАЭС отмечен рост объемов промышленного производства. Промышленное производство, в целом по Союзу, выросло на 2,7 %, причем, в большинстве стран Союза рост оказался значительно существеннее: в Армении – на 12,5 %, Беларуси – на 6,1 %, Казахстане – на 7,3 %, Кыргызстане – на 11,5 %. В России рост промышленного производства зафиксирован на отметке 2,1 % прироста.

обрабатывающей промышленности. В целом по Союзу, данный показатель увеличился на 2,9 %, причем, прирост в обрабатывающей промышленности Армении составил 15,5 %, Беларуси – 6,9 %, Казахстана – 5,6 %, Кыргызстана – 7,6 %, России – 2,5 %.

Рост промышленного производства обусловлен наращиванием объемов выпуска продукции

Наибольшими темпами прироста характеризуются Армения и Кыргызстан, однако, в силу небольших объемов производства их вклад в общую промышленную динамику Союза незначителен (рис. 4).

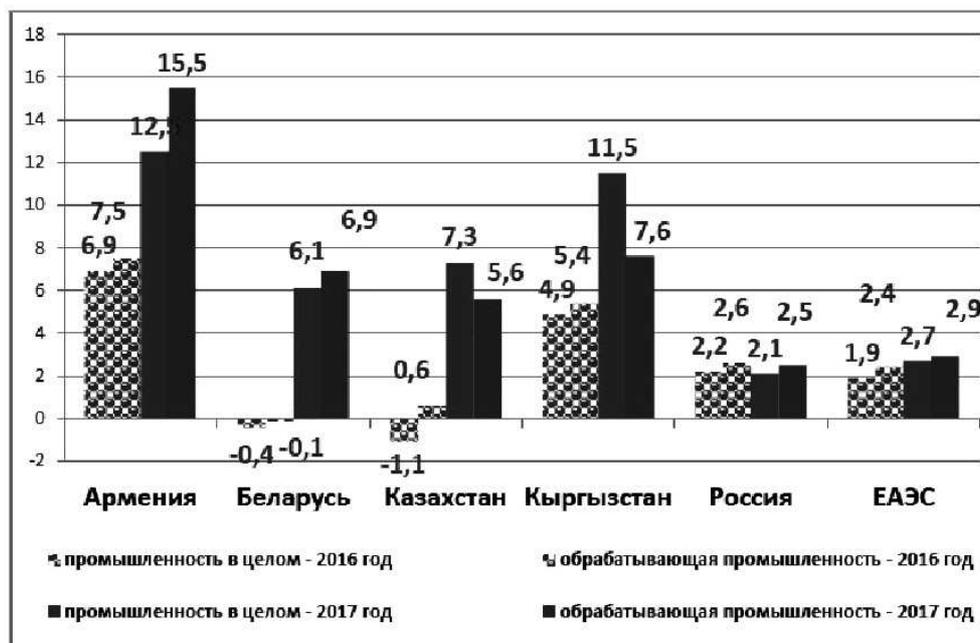

Рисунок 4 – Динамика промышленного производства ЕАЭС в разрезе государств – членов ЕАЭС, по отношению к предыдущему году в процентах прироста [4]

В Кыргызстане опережающими темпами возросли объемы производства фармацевтической

продукции (на 25,6 %, в среднем по ЕАЭС – на 13,3 %), кокса и нефтепродуктов (на 25,9 %, в

среднем по ЕАЭС – на 1,1 %), а также продукции обработки древесины и производства изделий из дерева (кроме мебели) (на 22,9 %, в среднем по ЕАЭС – на 5,7 %).

Столь заметный рост является результатом доступа в 2016 году производителей этих стран на Общий рынок. Это обстоятельство стимулировало обрабатывающую промышленность этих стран. Динамика индекса промышленного производства в ЕАЭС формируется преимущественно под влиянием России, занимающей 88,7 % в объеме промышленного производства Союза. Следует также отметить, что в 2017 году Беларусь и Казахстан, по сравнению с 2016 годом, перешли к положительным темпам прироста промышленного производства и на протяжении всего года показывают тенденцию роста объемов промышленного производства по сравнению с прошлым годом. Суммарный объем производства продукции обрабатывающей промышленности в ЕАЭС в 2017 году составил 740,6 млрд долл. США, что на

30,4 % больше объема производства в 2016 году. Следовательно, индекс долларовых цен производителей продукции обрабатывающей промышленности составил 125,9 % к уровню 2016 года.

С вступлением Республики Кыргызстан в ЕАЭС для легкой промышленности значительно увеличились производственные возможности, связанные с расширением рынка сбыта, так как основными потребителями данной продукции продолжают оставаться жители Казахстана и России.

Объемы производства продукции текстильного и швейного производства в Армении, Казахстане, Кыргызстане и России существенно уступают объемам импорта данных товаров во внешней торговле – в 6,6 раза, 2,1 раза, 7,8 раза и 1,7 раза, соответственно (рис. 5). При этом объемы экспорта данной продукции из Кыргызстана во внешней торговле незначительны, а экспорт из Армении превышает объемы собственного производства.

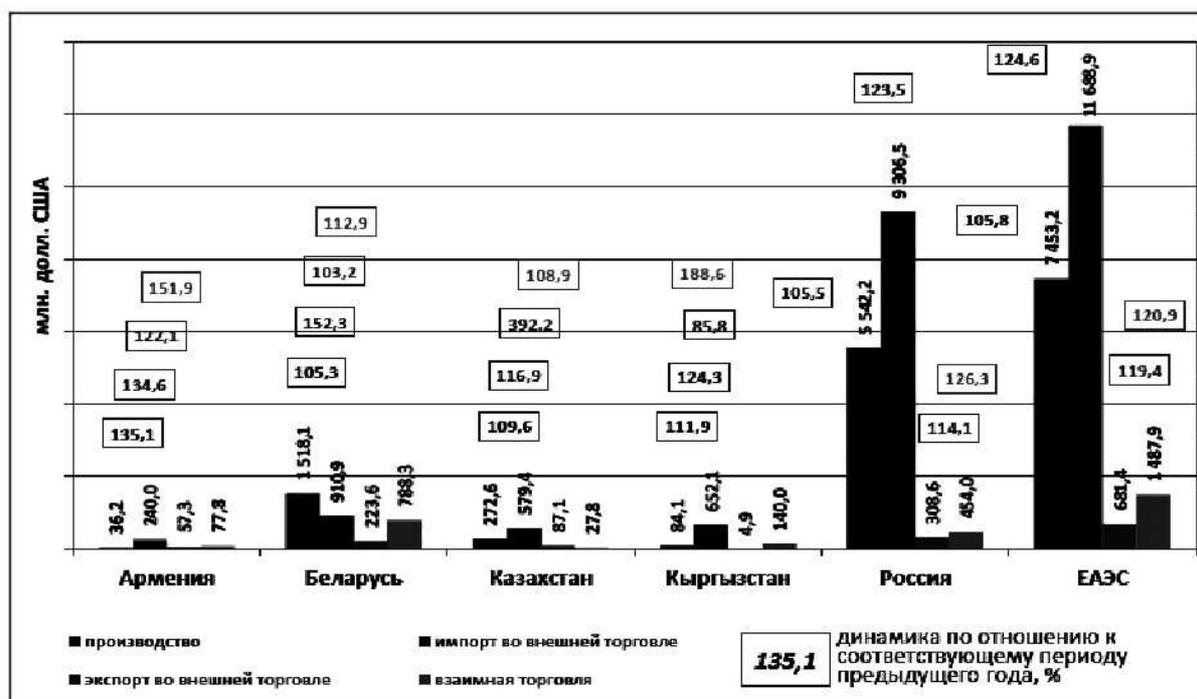

Рисунок 5 – Основные показатели рынка продукции текстильного и швейного производства ЕАЭС в 2017 году

Также, для Армении и Кыргызстана характерны существенные объемы экспорта текстильной и швейной продукции во взаимной торговле, превышающие объемы собственного производства.

При анализе структуры торгового баланса однозначно обращает внимание на то, что на протяжении всего периода сохраняется отрицательное сальдо торгового баланса, но вместе с тем наблюдается устойчивое снижение доли импорта к ВВП. Наименьший разрыв между экспортом и импортом наблюдался в 2017 г., где их доли достигали 35,4 % и 66,8 % ВВП, соответственно.

В связи с ростом экономической активности субъектов рынка в Кыргызстане позитивно меняются показатели перевозок различными видами

транспорта [5]. Рост грузооборота автомобильного транспорта обусловлен либерализацией рынка транспортных услуг в Союзе. Вслед за автомобильными перевозками улучшаются показатели перевозок грузов железнодорожным транспортом и пассажирские воздушные перевозки. Динамика роста пассажирооборота опережает показатели ЕАЭС, в целом.

Стоит отметить роль трансграничных денежных переводов физических лиц для экономики Кыргызстана. Объем таких переводов приближается к 30 % ВВП страны и в номинальном выражении превышает доходы бюджета, что говорит об увеличении миграционного потока и улучшении условий гуманитарной интеграции.

Также, хочется отметить, что имеющиеся преференции способствовали тому, что граждане Кыргызской Республики в настоящее время трудоустраиваются на более высокооплачиваемые и престижные рабочие места по сравнению с периодом до ее вступления в ЕАЭС.

До вступления в ЕАЭС, когда препятствий для работы на территории России было значительно больше, многие граждане Кыргызстана стремились отказываться от кыргызского гражданства и приобретать российское. Теперь же, когда условия для работы стали комфортными, такая необходимость исчезла.

По вопросам гуманитарного сотрудничества проводится работа по решению следующих вопросов социального характера:

1. Распространение системы обязательного медицинского страхования на членов семей трудящихся государств – членов ЕАЭС в Российской Федерации.
2. Отмена запрета на въезд гражданам государств – членов ЕАЭС на территорию иных

Литература:

1. URL : www.euroasiancommission.org
2. Публикация «Информация об итогах социально-экономического развития Кыргызской Республики за 2016 год». таблица 1. URL : http://mineconom.gov.kg/Docs/Macroeconomic%20policy%20department/Itogi_SER_2016.pdf
3. URL : <http://stat.kg/media/publicationarchive/ca2196d5-09ea-46ae-bf23-1a80255b391a.pdf>
4. URL : <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> Доклад о результатах мониторинга рынка промышленной продукции в рамках Евразийского экономического союза за 2017 год. М., 2018.
5. Статистический ежегодник ЕАЭС 2017 года. С. 262, 266. URL : https://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2017.pdf
6. Промышленность Кыргызской Республики 2014–2017. НСК. Бишкек, 2018
7. Доклад Евразийской комиссии за 2018 г., 2017 г., 2016 г. URL : www.docs.eaeunion.org.ru
8. Аналитический доклад Кыргызская Республика: три года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. М., 2018.
9. Статистический ежегодник ЕАЭС. 2017.

государств – членов ЕАЭС при наличии трех и более административных правонарушений.

3. Доработка Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС, после подписания которого граждане стран ЕАЭС в полной мере будут иметь право формировать, сохранять и реализовывать пенсионные права, приобретенные ими при осуществлении трудовой деятельности на территориях государств – членов Союза.

Таким образом, вступление Кыргызстана в ЕАЭС позитивно сказалось на трудовых мигрантах из этой страны в другие государства Союза, в особенности в Россию. Цифры свидетельствуют о легализации большого числа трудящихся, в целом их число растет, денежные переводы в Кыргызстан также увеличиваются. Кроме того, условия для работы стали значительно лучше. Разница в сравнении с гражданами других стран постсоветского пространства значительная, что уже привело к тому, что соотношение кыргызских граждан среди трудовых мигрантов значительно увеличилось.

Literature:

1. URL : www.euroasiancommission.org
2. The publication of «Information on the results of socio-economic development of the Kyrgyz Republic for 2016», table 1. URL : http://mineconom.gov.kg/Docs/Macroeconomic%20policy%20department/Itogi_SER_2016.pdf
3. URL : <http://stat.kg/media/publicationarchive/ca2196d5-09ea-46ae-bf23-1a80255b391a.pdf>
4. URL : <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> report on the results of monitoring of the market of industrial products within the Eurasian economic Union for the 2017 M., 2018.
5. Statistical Yearbook of the EAEU 2017. P. 262, 266. URL : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2017.pdf
6. Industry of the Kyrgyz Republic 2014–2017 NSK. Bishkek., 2018
7. Report of the Eurasian Commission for 2018, 2017, 2016. URL : www.docs.eaeunion.org.ru
8. Analytical report The Kyrgyz Republic: Three years in the Eurasian Economic Union. First results. M., 2018.
9. Statistical Yearbook of the EAEU. 2017.

Оболенская Марика Фархадовна
магистрант
факультета мировой экономики,
Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
obolenskaya.mara@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА МИРОВОМ РЫНКЕ НЕФТИ

Аннотация. В данной статье проанализированы основные положения конкурентоспособности на мировом рынке нефти. Актуальность темы обусловлена тем, что энергетические ресурсы играют существенную роль в современной мировой экономике, и с каждым годом происходит увеличение объемов потребления энергии развивающимися странами. Основная цель данного исследования состоит в формировании общего представления о развитии конкуренции на рынке нефти и нефтепродуктов. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть состояние и перспективы нефтяной отрасли в контексте исторических процессов.

Ключевые слова: нефть, конкурентоспособность, Ближний Восток, рынок нефти, Америка, спрос на нефть, потребление энергии.

Для современного индустриального общества необходимо наличие такого важного природного ресурса, как нефть. Нефть стала востребованным энергоресурсом, и инвестиции в ее добычу, переработку и транспортировку составляют миллионы долларов. Анализируя конкурентоспособность различных государств на мировом рынке нефти, следует отметить, что основополагающей причиной соперничества за этот ресурс является его дефицит во многих странах, вследствие чего появляется повышенный спрос на импорт нефти [5].

Крупные неосвоенные месторождения нефти, в основном, расположены на территории Объединенных Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии, Ирака, Ирана. В долгосрочной перспективе Ближний Восток будет занимать лидирующую позицию в политике и экономике, поскольку современная экономика зависит от поставок нефти и газа. К глобальным политическим и экономическим дисбалансам могут привести следующие факторы: жесткая конкуренция между ключевыми импортерами нефти за ее доступ, политическая нестабильность в нефтяных государствах, а также, повышенный спрос на нефть со стороны динамично развивающихся стран [2].

Marika F. Obolenskaya
Undergraduate
Faculty of World Economics,
Diplomatic Academy
Ministries of Foreign Affairs
of the Russian Federation
obolenskaya.mara@yandex.ru

THE MAIN PROVISIONS OF COMPETITIVENESS IN THE WORLD OIL MARKET

Annotation. The article analyzes the main provisions of competitiveness in the world oil market. The relevance of the topic is due to the fact that energy resources play a significant role in the contemporary global economy, and every year there is an increase in energy consumption by developing countries.

The main goal of this research is to form a general insight into the development of competition in the oil and petroleum products market. In order to achieve this goal, it is necessary to estimate the state and prospects of the oil industry in the context of historical processes.

Keywords: oil, competitiveness, Near East, oil market, United States, oil demand, energy consumption.

Рациональным способом обеспечения доступа в страны мира, богатые нефтью, являются прочные кооперационные связи с поставщиками нефти, предоставление им дипломатической поддержки и военной помощи [4].

В современном мире развитие альтернативных источников поставок нефти имеет большое значение, так как больше половины потребления нефти приходится на транспорт. Пока мировая транспортная система напрямую зависит от нефти, спрос на персидскую нефть будет расти. К примеру, переход на биодизельное топливо может способствовать уменьшению использования нефти в качестве топлива [1].

На протяжении многих веков государства осуществляли контроль над природными ресурсами, такими как нефть и газ. По мере стремительного роста мировой экономики зависимость от нефти значительно выросла. В современном мире те, кто владеет большей частью этого ресурса, являются двигателями мировой экономики, и их влияние неуклонно растет [3].

Ближний Восток стал самым важным источником энергии в мире и ключом к стабильности мировой экономики. На Персидский залив приходится

примерно 67 % мировых доказанных запасов нефти. Ближний Восток также контролирует значительную часть углеводородов, которые еще предстоит обнаружить.

Необходимо отметить, что нефть приобрела большое значение с появлением автомобилей в девятнадцатом веке. За год до Первой мировой войны в 1913 году Уинстон Черчилль перевел британский военный флот с угля на персидскую нефть, что в дальнейшем дало им и их союзникам преимущество перед врагами. Собственными запасами нефти Британская империя не располагала [11]. В 1914 году британское правительство приобрело 51 % акций Англо-Персидской нефтяной компании (АПНК).

После Первой мировой войны центры добычи нефти переместились из некоторых нефтеносных районов США и Карибского моря на Ближний Восток [10]. Это привело к конкуренции между Америкой, Великобританией и Францией, которые были союзниками во время войны.

Истинное положение дел поменялось во время Второй мировой войны. Америка стала контролировать половину мирового промышленного производства и тем самым укрепила свое положение на Западе [6]. Младшими компаньонами стали Великобритания и Франция. Америка завладела британскими и французскими нефтяными холдингами, остановила растущую британскую монополию в Иране.

После Второй мировой войны была создана программа американской помощи по восстановлению послевоенной Европы, также известная как План Маршалла. Основная цель применения данной программы заключалась в установлении контроля над европейским рынком в энергетической сфере и в обеспечении доступа к сырью во многие колониальные владения европейских государств [7]. Американские нефтяные компании могли контролировать деятельность большинства европейских нефтеперерабатывающих заводов. Таким образом, нефть стала основным источником энергии в Европе.

В послевоенную эпоху резко увеличилась доля нефти в мировом потреблении энергии. В 1940 году на нефть и газ приходилось около 48 % всей энергии, потребляемой в Америке [5]. В 1970-х годах 41 % всех американских инвестиций в развивающиеся страны был связан с нефтяной отраслью. Главное ближневосточное богатство по-прежнему принадлежало таким нефтегазовым корпорациям, как Chevron, Texaco, Exxon Mobil, British Petroleum, Royal Dutch Shell, Gulf Oil, заняв

Литература:

1. *Мантусов В.Б.* Международные экономические отношения : учеб. пособие / В.Б. Мантусов. 10-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 704 с.
2. *Толмачев П.И.* Экономический рост: внешнее измерение в условиях современных трендов

лидирующие позиции в мировой экономической системе к 1973 году.

Следует добавить, что после распада СССР в 1991 году запасы нефти Каспийского региона могли стать потенциальной альтернативой нефти Персидского залива. Только основная часть нефтяных запасов Азербайджана, Туркменистана и Казахстана составили суммарно около 71 млрд баррелей. Нефть Каспийского региона привлекла внимание Америки по следующим критериям:

- достаточно высокое качество нефти;
- выгодное вложение инвестиций в разработку нефтяных объектов;
- реализация большей части нефти и нефтепродуктов на экспорт.

Многие нефтегазовые корпорации подавали заявки на разработку каспийских нефтяных месторождений [8]. В свою очередь, японские и китайские компании были заинтересованы в покупке акций каспийских нефтяных компаний. Кроме того, Иран и Россия конкурировали за то, чтобы стать основным транзитным центром для каспийских энергоресурсов.

Наиболее важным представляется Индийский океан, на него приходится, примерно, 45 % мировой добычи нефти. Индийский океан обеспечивает основные морские пути, соединяющие Ближний Восток, Африку и Восточную Азию с Европой и Америкой. Через океан осуществляется транспортировка нефти и нефтепродуктов из Индонезии и стран Персидского залива. Большие запасы углеводородов разрабатываются на шельфовых месторождениях Ирана, Западной Австралии, Саудовской Аравии, Индии [9].

На основании вышесказанного логично предположить, что в настоящее время наблюдается стабильная конкуренция за ресурсы, и она в состоянии менять баланс политических сил во всем мире. Ближний Восток отличается высоким уровнем экономического неравенства, быстрыми темпами роста населения, политической нестабильностью, потребностью в импорте несырьевых энергетических товаров, но, в то же время, сохраняет нефтяное богатство.

Нефть является одним из важнейших энергетических ресурсов, который всегда будет востребованным на рынке. Поскольку, предложение и спрос на мировую нефть растут с каждым годом, для ее поиска и добычи продолжается процесс внедрения новых или усовершенствованных технологий.

Literature:

1. *Mantusov V.B.* International economic relations : manual / V.B. Mantusov 10th ed. M. : UNITY-DANA, 2017. – 704 p.
2. *Tolmachev P.I.* Economic growth. External dimension in the current trends of the world economy /

мировой экономики / П.И. Толмачев // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2020. № 2. С. 8–17.

3. *Харакоз Ю.К.* Теоретические и практические аспекты таможенно-тарифного регулирования. В сборнике: Экономическая наука: вопросы теории и практики / Ю.К. Харакоз // Сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 50–52.

4. *Рыбалкин В.Е.* Международные экономические отношения : учеб. пособие / В.Е. Рыбалкин. 7-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 591 с.

5. *Ергин Д.* Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Д. Ергин. М. : Альпина Паблшер, 2019. 943 с.

6. *Иванов Н.А.* Роль энергетической политики США в освоении нетрадиционных нефтегазовых ресурсов / Н.А. Иванов // Современные производительные силы. 2014. № 1. С. 162–171.

7. *Бобылев Ю.Н.* Факторы развития рынка нефти / Ю.Н. Бобылев, Д.Н. Четвериков. М. : ИЭПП, 2018. 179 с.

8. *Зотин А.* Нефтяной инстинкт / А. Зотин // Коммерсантъ. Деньги: экономический еженедельник. 2019. № 47. С. 13–17.

9. *Newell R.G.* The Unconventional Oil Supply Boom: Aggregate Price Response from Microdata / R.G. Newell, B.C. Prest // Energy Journal. 2019. № 40. P. 1–30.

10. Energy Information Administration (EIA). Режим доступа: <https://www.eia.gov> (date of application 15.11.20).

11. Деловой журнал Neftegaz.RU. URL : <https://neftegaz.ru> (дата обращения 26.12.20).

P.I. Tolmachev // Bulletin of the RSUH. Series Economics. Management. Right. 2020. № 2. P. 8–17.

3. *Kharakoz Yu.K.* Theoretical and practical aspects of customs and tariff regulation. In the collection: Economic sciences: issues in theory and practice / Yu.K. Kharakoz // Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Penza, 2020. P. 50–52.

4. *Rybalkin V.E.* International economic relations : manual / V.E. Rybalkin. 7th ed. M. : UNITI-DANA, 2012. 591 p.

5. *Yergin D.* The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power / D.Yergin. M. : Alpina Publisher, 2019. 943 p.

6. *Ivanov N.A.* The role of US energy policy in the development of unconventional oil and gas resources / N.A. Ivanov // Modern productive forces. 2014. № 1. P. 162–171.

7. *Bobylev Yu.N.* Oil market development factors / Yu.N. Bobylev, D.N. Chetverikov. M. : IET, 2018. 179 p.

8. *Zotin A.* Oil instinct / A. Zotin // Kommersant. Money: an economic weekly. 2019. № 47. P. 13–17.

9. *Newell R.G.* The Unconventional Oil Supply Boom: Aggregate Price Response from Microdata / R.G. Newell, B.C. Prest // Energy Journal. 2019. № 40. P. 1–30.

10. Energy Information Administration (EIA). Режим доступа: <https://www.eia.gov> (date of application 15.11.20).

11. Business journal Neftegaz.RU. URL : <https://neftegaz.ru> (date of application 12/26/20).

Сердечный Денис Владимирович

кандидат технических наук,
доцент кафедры управления инновациями,
Государственный университет управления
dv_serdechnyj@guu.ru

Корчагин Сергей Алексеевич

кандидат физико-математических наук,
доцент департамента анализа данных
и машинного обучения,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
sakorchagin@fa.ru

Корчажников Дмитрий Вячеславович

эксперт,
руководитель направления
АО «Открытие Брокер»
korchazhnikov@open.ru

Устойчивость финансовых систем как необходимый критерий развития экономических институтов

Аннотация. В статье рассмотрен комплексный подход к решению вопросов по анализу устойчивости финансовых систем, проанализированы отдельные звенья финансовой системы, а также, потоки информационного и материального обмена между ними. Авторами рассмотрено поведение системы путем анализа критериев функционирования при негативном внешнем воздействии на примере поведения банковского сектора РФ в условиях пандемии Covid-19, а также, обосновывается необходимость мер поддержки государственных институтов с целью стабилизации и последующего роста показателей звена банковского сектора и, как следствие, всей финансовой системы.

Ключевые слова: финансовая система, экономический кризис, банковский сектор, системный анализ, теория управления, устойчивость систем.

Устойчивость финансовых институтов способна оказывать чрезвычайно негативное воздействие на экономику как региональную, так и общемировую, что может повлечь за собой глобальный экономический кризис. Ситуация становится еще более серьезной в периоды воздействия внешних негативных факторов – пандемия Covid-19 явное тому подтверждение [1]. Для Российской Федерации, экономика которой

Denis V. Serdechii

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor
of Innovation Management,
State University of Management
dv_serdechnyj@guu.ru

Sergey A. Korchagin

Candidate of Physical
and Mathematical Sciences,
Associate Professor at the Department
of Data Analysis and Machine Learning,
Financial University at the Government
of the Russian Federation
sakorchagin@fa.ru

Dmitry A. Korchazhnikov

Expert,
Head of Otkritie Broker JSC
korchazhnikov@open.ru

SUSTAINABILITY OF FINANCIAL SYSTEMS AS A NECESSARY CRITERION FOR THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC INSTITUTIONS

Annotation. The article discusses an integrated approach to solving issues of analyzing the stability of financial systems. The individual elements of the financial system, as well as the flows of information and material exchange between them are considered. The behavior of the system is considered by analyzing the criteria for functioning under negative external influences on the example of the behavior of the banking sector of the Russian Federation in the context of the Covid-19 pandemic. The necessity of measures to support state institutions in order to stabilize and subsequently increase the indicators of the banking sector link and, as a consequence, the entire financial system is substantiated.

Keywords: financial system, economic crisis, banking sector, systems analysis, control theory, stability of systems.

неразрывно и тесно связана с общемировой, построение надежных финансовых систем и их аналитика являются весьма актуальными задачами. Как правило, планирование экономической деятельности осуществляется в условиях неопределённости. Для анализа рисков и их влияния на систему следует применить комплексный подход. На оценочном этапе необходимо провести анализ структуры системы, ее элементарных

звеньев, функций их взаимодействия. На втором – анализ возможных рисков, их моделирование и оценка их влияния на устойчивость, как отдельных звеньев, так и на всю систему целиком.

Финансовую систему представим в простейшем виде, основными составляющими при этом выделим две подсистемы: централизованную и децентрализованную (рис. 1).

Рисунок 1 – Финансовая система

Следует отметить, что элементы финансовой системы не являются абсолютно изолированными друг от друга. В реальных условиях взаимодействие и взаимовлияние между элементами – достаточно тесное, а стимулирование деятельности в одних институтах или отраслях способно оказать серьезное влияние на процессы в других [2; 3].

прекращения внешнего воздействия. Под устойчивостью системы понимается способность ее возвращаться к состоянию установившегося равновесия после снятия возмущения, нарушившего это равновесие. Неустойчивая система непрерывно удаляется от равновесного состояния или совершает вокруг него колебания с возрастающей амплитудой [4].

Понятие «устойчивость» является важнейшей качественной оценкой динамических свойств системы. Устойчивость системы связана с характером её поведения под воздействием, либо после

Следует рассмотреть финансовую систему с точки зрения системного анализа и теории управления [4; 5] и представить ее в виде функционального звена с передаточной функцией FS .

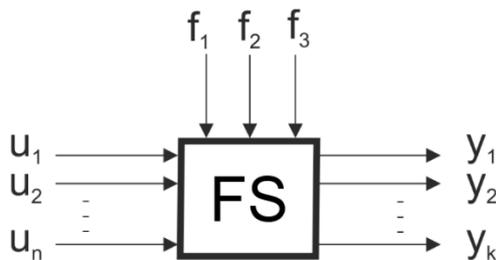

Рисунок 2 – Функциональная схема финансовой системы

В данном случае, имеет место ряд воздействий на звено FS : входные u_n , выходные y_k , а также, внешние возмущающие $f_1... f_3$.

венных фондов. Структура и значимость отмеченных подсистем для устойчивости всей финансовой системы различна. Так, например, в условиях банкированной модели российской экономики особое значение имеет устойчивость именно банковской системы [2; 3].

Подсистемы звена FS , будучи взаимосвязанными и, находясь во взаимодействии, оказывают влияние, как друг на друга, так и, в целом, на всю систему. Так, например, неустойчивость банковской системы может привести к кризису неплатежей, и, соответственно, к нарушению устойчивости бюджетной системы, а несовершенство налогообложения банковской деятельности – соответственно, к потере финансовой устойчивости банковского сектора и т.д. К тому же приводит дестабилизация валютной системы либо государст-

Рассмотрим функциональную схему (рис. 3), в которой банковский сектор E будет выступать в роли подсистемы, находящейся под влиянием финансовой системы: A – домашние хозяйства, F – рыночный фактор, S – государственный регулятор. Тем временем, блок AFS также находится под влиянием надсистемы – совокупности как позитивных, так и негативных факторов $f_1... f_3$.

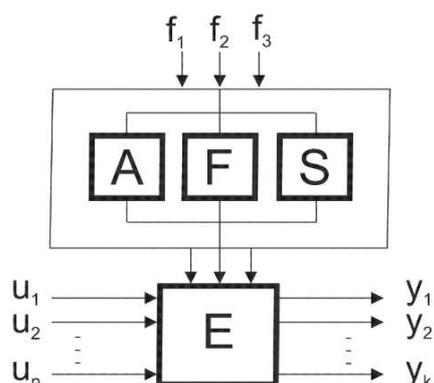

Рисунок 3 – Функциональная схема банковской системы

Анализ устойчивости банковского звена E позволяет оценить потенциальное воздействие внешнего фактора на эффективность функционирования как упомянутого звена, так и остальных финансовых институтов системы.

В качестве объектов исследования были выбраны случайным образом три единицы банковского сектора, затем был составлен рейтинг банков по активам нетто. Актив нетто (чистые активы) – это балансовый показатель отчетности, определяемый как разница между стоимостью имущества компании и суммой её обязательств. Таким

образом, чистые активы это оценочная сумма имущества, которая могла бы остаться в распоряжении компании после погашения всех её обязательств [6].

Были рассмотрены три кластера выборки (табл. 1):

1. Банк А – ТОП 15: с 1 по 15 место рейтинга;
2. Банк В – ТОП 50: с 15 по 50 место рейтинга;
3. Банк С – Топ 100: с 50 по 100 место рейтинга.

Таблица 1

Данные по активам нетто на Сентябрь 2020

Банк	Месяц, 2020 г.	Чистая прибыль в тыс. руб.	Изм. объема чистой прибыли к пред. мес. в % абс.	Вклады физ. лиц в тыс. руб.	Изм. объема вкладов физ. лиц к пред. мес. в % абс.	Кредитный портфель в тыс. руб.	Просроченная задолженность в кредитном портфеле в тыс. руб.
А	01	8907711	+0,20	121198893	+7,76	431875631	10598249
	02	600053	-93,26	120847805	-0,29	444304855	10999722
	03	945755	+57,61	122895036	+1,69	444646237	14844145
	04	7513206	+694,41	124684722	+1,46	480496545	15237795
	05	7024891	-6,50	122550578	-1,71	494690302	16912412
	06	8009384	+14,01	122949604	+0,33	500191361	17023693
	07	8942733	0,1165	123553116	0,49	509586938	17467148
	08	9348448	16,72	131610530	6,52	519085191	18000520
	09	9333858	-0,16	128342518	-2,48	526273853	18467510
В	01	2109842	-9,62	80480423	-0,87	100373045	9382953
	02	180568	-91,44	81040549	+0,70	100870898	9547214
	03	1651	-99,09	81905641	+1,07	100657444	9966647
	04	-437598	-26405,02	81902052	-0,004	101148894	10421633
	05	-344793	+21,21	79475418	-2,96	96020748	9608062
	06	-552486	-60,24	78546018	-1,17	94045199	9445751
	07	-676603	-22,47	78130969	-0,53	94306274	9459185
	08	-761906	-12,61	77885852	-0,31	96971713	10095531
	09	-865031	-13,54	75634192	-2,89	96955652	10047956
С	01	-522785	+8,42	14980108	+2,53	8583890	3840143
	02	43092	+108,24	15234206	+1,70	8565433	3832007
	03	13162	-69,46	16776933	+10,13	8582601	3831992
	04	8156	-38,03	16635083	-0,85	8637960	3832232
	05	36283	+344,86	16156329	-2,88	8194917	3835608
	06	-46001	-226,7	16034786	-0,75	8572577	3832637
	07	44922	-	16023309	-2,36	8572402	3836602
	08	-2936	79,95	15825273	-1,24	8722700	3839279
	09	44922		15451372	-2,36	8603236	4133047

Наиболее значимыми и показательными для оценки, на наш взгляд, критериями являются: чистая прибыль банка – u_1 ; объем вкладов физических лиц – u_2 ; кредитный портфель – u_3 ; просрочка платежей по кредитному портфелю – u_4 . По показателю изменения динамики объемов чистой прибыли можно судить о способности банка выполнять свои обязательства.

Критерии u_2 – u_3 прямо или косвенно дают представление о степени доверия к банку в переходные периоды в условиях нестабильности внешнего фона. По u_4 нам мы можем судить о степени платежеспособности населения, что так или иначе формирует общую картину финансовой системы.

К внешним факторам f , способным оказать как позитивное, так и негативное влияние на финансовую структуру, стоит отнести общее состояние мировой экономика, турбулентность на сырьевых рынках, стимулирующие меры правительства, изменение денежно-кредитной политики со стороны центрального банка.

В дальнейших исследованиях при построении математических моделей функциональных звеньев предлагается классифицировать факторы на созидательные S и разрушающие D , которые, в свою очередь, можно разделить на прямые и косвенные. Факторы прямого действия непосредственно влияют на критерии эффективности банка.

Например, отрицательная динамика ВВП, падение цен на ресурсы, увеличение уровня безработицы ведут к снижению одного из ключевых

Литература:

1. The impact of the coronavirus (COVID-19) crisis on development finance. URL : <http://www.oecd.org/> (дата обращения 01.02.2021).
2. *Миляков Н.В.* Финансы : учебник / Н.В. Миляков; Академия бюджета и казначейства Министерства финансов РФ. М. : ИНФРА-М, 2004. 543 с.
3. Счетная палата предложила объединить ПФР, ФСС и ФОМС в единый госфонд. URL : <https://tass.ru/> (дата обращения 01.02.2021).
4. *Кнорринг В.И.* Теория, практика и искусство управления : учебник для вузов / В.И. Кнорринг. 2-е изд., изм. и доп. М. : Издательство НОРМА, 2001. 528 с.
5. *Kendall K.* Systems Analysis and Design, Global Edition / K. Kendall, J. Kendall. Pearson Education, 2019. 576 p.
6. Рейтинги банков. URL : <https://www.banki.ru/banks/ratings/> (дата обращения 01.02.2021).

показателей – прибыли банка u_1 . Косвенные факторы влияют в основном на другие элементарные звенья системы (рис. 3), что, впоследствии, и затрагивает банковский сектор: снижение платежеспособности оказывает негативное влияние на кредитное учреждение и, как следствие, стимулирует рост просроченной задолженности.

В рассматриваемой ситуации наиболее негативное воздействие, как прямого, так и косвенного характера, оказала пандемия Covid-19. Таким образом, аналитику устойчивости системы следует проводить, сравнивая два этапа: первый – до, введения ограничительных мер; второй – после начала массового применения вакцины и полного снятия ограничений.

Таким образом, в работе:

- рассмотрена проблема устойчивости финансовых систем с применением методов системного анализа и инструментов теории управления;
- выделены критерии эффективности функционирования, как отдельных звеньев, так и всей системы при негативном внешнем воздействии на примере поведения банковского сектора РФ в условиях пандемии Covid-19;
- обосновывается необходимость и своевременность минимизации внешнего негативного воздействия на финансовую систему;
- сформулированы рекомендации построения математических моделей и алгоритмов для дальнейших исследований, посвященных вопросам устойчивости социально-экономических систем и процессов.

Literature:

1. The impact of the coronavirus (COVID-19) crisis on development finance. URL : <http://www.oecd.org/> (date of application 01.02.2021).
2. *Milyakov N.V.* Finance : textbook / N.V. Milyakov; Academy of Budget and Treasury of the RF Ministry of Finance. M. : INFRA-M, 2004. 543p.
3. Accounts Chamber of the Russian Federation proposed to combine the FIU, FSS and MHIF into a single state fund. URL : <https://tass.ru/> (date of application 01.02.2021).
4. *Knorring V.I.* Theory, practice and art of management : textbook for universities. / V.I. Knorring. 2nd ed., rev. and add. M. : Publishing house NORMA, 2001. 528 p.
5. *Kendall K.* Systems Analysis and Design, Global Edition / K. Kendall, J. Kendall. Pearson Education, 2019. 576 p.
6. Bank ratings. URL : <https://www.banki.ru/banks/ratings/> (date of application 01.02.2021).

Тойменцева Ирина Анатольевна
доктор экономических наук,
профессор,
кафедра маркетинга, логистики и рекламы,
Самарский государственный
экономический университет
tia67@rambler.ru

Федоренко Роман Владимирович
кандидат экономических наук,
кафедра мировой экономики,
Самарский государственный
экономический университет
fedorenko083@yandex.ru

Цегледи Тамаш
PhD,
экономический факультет
им. Александра Ламфалусси,
Университет Шопрона, Венгрия
czegledy.tamas@uni-sopron.hu

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы стратегического развития транспортно-логистической системы Самарской области, развитие которой необходимо для успешного включения региона в систему мирохозяйственных связей и повышение конкурентоспособности региональных компаний на мировых рынках. Выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на функционирование транспортно-логистической инфраструктуры, представлена сравнительная характеристика работы различных видов транспорта, разработана карта стратегических направлений развития транспортно-логистической инфраструктуры Самарской области.

Ключевые слова: транспортно-логистическая инфраструктура, регион, грузооборот, пассажиропоток, интермодальные перевозки, цепь поставок.

Развитие транспортно-логистической системы является важным фактором повышения конкурентоспособности региона в долгосрочной перспективе [8]. Наличие базовых структурных элементов (выгодное географическое положение, развитая инфраструктура, транспортные

Irina A. Taimentseva
Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Department of Marketing,
Logistics and Advertising,
Samara State University of Economics
tia67@rambler.ru

Roman V. Fedorenko
Candidate of Economic Sciences,
Department of World Economy,
Samara State University of Economics
fedorenko083@yandex.ru

Tsegladi Tamash
PhD,
Faculty of Economics named
after Lamfaloussi Alexandra,
University of Sopron, Hungary
czegledy.tamas@uni-sopron.hu

SAMARA REGION TRANSPORT AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE: PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND THE WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. The article deals with the issues of strategic development of the transport and logistics system of the Samara region, the development of which is necessary for the successful inclusion of the region in the system of world economic relations and increasing the competitiveness of regional companies in world markets. The factors that have the greatest impact on the functioning of the transport and logistics infrastructure are identified, a comparative characteristic of the operation of various types of transport is presented, a map of strategic directions for the development of the transport and logistics infrastructure of the Samara region is developed.

Keywords: transport and logistics infrastructure, region, freight turnover, passenger traffic, intermodal transportation, supply chain.

организации, крупные складские помещения и др.) создает условия для формирования транспортно-логистического кластера¹.

Стратегия развития транспортного комплекса Самарской области связана с решением задачи

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-510-23001.

включения региона в систему евроазиатских транспортных связей. Самарский транспортный узел является транспортными воротами России, через которые грузы и пассажиры следуют в Европу, Среднюю и Юго-Восточную Азию, а также на Урал, Сибирь и Дальний Восток. В рамках развития системы международных транспортных коридоров по территории России, Самарский транспортный узел способен стать одним из основных центров грузопереработки и консолидации транзитных и экспортно-импортных грузопотоков.

В связи с этим целью настоящего исследования является оценка транспортно-логистической инфраструктуры Самарской области, выявление существующих проблем и нахождение способов их решения. Актуальность темы научного исследования не вызывает сомнения, т.к. транспорт имеет стратегическое значение для России, обеспечивая ее потребности в грузовых и

пассажирских перевозках, стабильность в вопросах национальной безопасности и международного сотрудничества.

Факторы, оказывающие наибольшее влияние на функционирование транспортно-логистической инфраструктуры Самарской области представлены на рисунке 1. Согласно представленным факторам можно сделать вывод о том, что в Самарской области необходимо разрабатывать комплексные схемы развития транспортно-логистической инфраструктуры региона, которые будут способствовать созданию новых или модернизации имеющихся инфраструктурных объектов различных видов транспорта. Совершенствование и развитие транспортно-логистической инфраструктуры позволит создавать новые транспортные коридоры, мультимодальные логистические центры и терминальные комплексы.

Рисунок 1 – Факторы, оказывающие наибольшее влияние на функционирование транспортно-логистической инфраструктуры Самарской области

Транспортно-логистический сектор включает в себя строительство, эксплуатацию и ремонт соответствующей инфраструктуры, а также грузо- и пассажироперевозки, складские услуги и услуги по организации интермодальных перевозок. Предприятия, обеспечивающие перевозку грузов и пассажиров различными видами транспорта, также предоставляют услуги по ремонту, обслуживанию подвижного состава. Организации, оказывающие складские услуги, концентрируют свое внимание на хранении, консолидации и распределении грузов конечным потребителям.

В настоящее время каждому участнику транспортно-логистического сектора необходимо согласовывать свои действия с партнерами по цепи поставок, сохраняя то, что сформировано и успешно развивается, а также, создавая то новое, чего пока еще нет [1; 3]. Партнерские отношения между всеми участниками транспортно-логистического сектора играют важную роль в повышении устойчивости и эффективности всей цепи поставок [2; 6]. Для того, чтобы цепь поставок была управляема, необходимо разработать стратегические и оперативные цели для каждого участника, находящегося на определенном иерархическом уровне [4; 5].

Проведенные исследования позволили выявить ряд проблем, существующих в транспортно-логистической инфраструктуре Самарской области:

– Состояние и уровень развития дорожно-транспортной инфраструктуры Самарской области не соответствует потребностям развития экономики региона. Текущее состояние федеральной трассы М-5, на участке между городами Самара, Тольятти, Сызрань и на подъездах к ним, не обеспечивает надлежащее прохождение грузо- и пассажиропотока.

– Самарская область – единственная в Поволжском Федеральном Округе, которая не имеет мостового перехода через реку Волга. Проезд автотранспорта осуществляется по гидротехническим сооружениям Жигулевской ГЭС, которая не в состоянии обеспечить нормативную пропускную способность.

– Существует проблема нехватки мостовых переходов для выезда из городского округа Самара на другие трассы.

– Имеющиеся терминально-логистические и складские комплексы не покрывают потребности региона. Отсутствует единая координация и взаимодействие различных видов транспорта по обслуживанию грузо- и пассажиропотоков.

Прогнозированию и планированию развития транспортно-логистической инфраструктуры должен предшествовать анализ ее состояния в регионе. К методам анализа функционирования и

развития транспортно-логистической инфраструктуры, которые использовались при проведении исследования относятся: сравнительные, графические, аналитические и матричные.

Динамика протяженности путей сообщения различных видов транспорта Самарской области (рис. 2) позволяет сделать следующие выводы по развитию транспортно-логистической инфраструктуры Самарской области:

Рисунок 2 – Динамика протяженности путей сообщения различных видов транспорта Самарской области

1. Железные дороги Самарской области имеют протяженность 1374 километра и позволяют соединить различные регионы страны (западные, восточные, южные и юго-западные). Филиал ОАО «РЖД» – Куйбышевская железная дорога – управляет крупными пассажирскими, грузовыми и ремонтными комплексами.

2. Протяженность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием на территории Самарской области составляет 17471 км, в том числе 707 км федеральных трасс, 7000 км региональных и муниципальных дорог, также 9818 км дорог местного значения.

3. Главная река в Самарской области – Волга, которая дает возможность выхода к Черному, Каспийскому и Балтийским морям. Общая протяженность внутренних водных судоходных путей – 687 км.

4. Общая протяженность нефте- и нефтепродуктопроводов в Самарском регионе превышает 5000 км.

5. Международный аэропорт «Курумоч» является одним из крупнейших в Поволжье (12 место в России). Международный аэропорт «Курумоч» имеет собственный грузовой терминал, общая площадь которого составляет 5300 квадратных метров. Аэропорт предоставляет полный комплекс складских услуг и имеет грузооборот 150 тонн в сутки.

Динамика рынков пассажирских и грузовых перевозок за период 2015–2019 г. представлена на рисунке 3.

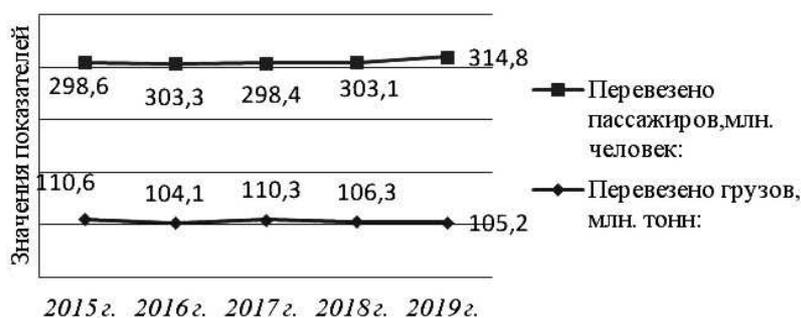

Рисунок 3 – Динамика пассажирских и грузовых перевозок Самарской области

Рынок пассажирских перевозок в Самарской области остается на низком уровне после кризиса, пассажирооборот в 2017 году составил 298,4 млн человек, что соответствует показателю 2015 г., в период 2018–2019 г. отмечается, хотя и незначительный, но рост пассажирооборота до 314, 8 млн человек и в 2020 г. также отмечается тенденция роста (в среднем на 2 %).

На рынке грузоперевозок (рис. 3), наметилась тенденция снижения грузооборота, так в 2016 г. – грузооборот составил 104,1 млн тонн, т.е на 6 % ниже, чем в 2015 г., в 2017 г. он почти достиг значения 2015 г. – 110,3 млн тонн, а в период с 2018–2020 г. отмечается снижение грузооборота. Целевой индикатор развития транспортно-логистического сектора представлен в таблице 1.

Тенденции развития транспортно-логистического сектора

Наименование показателя	2018	2020 г.	2025 г.	2030 г.	Среднегодовой темп роста за 2020–2030 гг.
Индекс производства транспортно-логистического сектора к уровню 2018 года, %	100,0	99,5	118,7	145,6	121,3

Как видно из данных, представленных в таблице 1, среднегодовой темп роста производства транспортно-логистического сектора за 2020–2030 гг. должен составить 121,3 % по отношению к аналогичному показателю 2018 г. [7].

На рисунке 4 представлена разработанная авторами карта стратегических направлений развития транспортно-логистической инфраструктуры Самарской области.

Рисунок 4 – Карта стратегических направлений развития транспортно-логистической инфраструктуры Самарской области

Таким образом, можно сделать вывод о том, что транспортно-логистическая инфраструктура Самарской области развивается, разработана стратегия развития транспорта, реализация которой возможна при организации взаимодействия всех участников цепи поставок, единого управления

потокowymi процессами, происходящими в транспортном комплексе региона. В связи с чем намечены стратегические и оперативные цели, определены задачи для каждого участника транспортного комплекса, находящегося на определенном иерархическом уровне.

Литература:

1. *Banchuen P.* Supply chain collaboration aligns order-winning strategy with business outcomes. *IIMB Management Review* / P. Banchuen, I. Sadler & H. Shee. 2017. № 29(2). P. 109–121.
2. *Kumar. D.* Sustainability adoption through buyer supplier relationship across supply chain. *International Strategic Management Review* / D. Kumar & Z. Rahman. 2015. № 3(1–2). P. 110–127.

Literature:

1. *Banchuen P.* Supply chain collaboration aligns order-winning strategy with business outcomes. *IIMB Management Review* / P. Banchuen, I. Sadler & H. Shee. 2017. № 29(2). P. 109–121.
2. *Kumar. D.* Sustainability adoption through buyer supplier relationship across supply chain. *International Strategic Management Review* / D. Kumar & Z. Rahman. 2015. № 3(1–2). P. 110–127.

3. *Kumar G.* Joint planning and problem solving roles in supply chain collaboration. *IIMB Management Review* / G. Kumar [et. al.]. 2017. № 29(1). P. 45–57.

4. *Lee T.* An empirical study on the impact of individual and organizational supply chain orientation on supply chain management. *The Asian Journal of Shipping and Logistics* / T. Lee, & H. Nam. 2016. № 32(4). P. 249–255.

5. *Saak A.E.* Traceability and reputation in supply chains. *International Journal of Production Economics* / A.E. Saak. 2016. P. 177, 149–162.

6. *Waters D.* *Global logistics: New directions in supply chain management*. 7th edition / D. Waters, S. Rinsler. London : Kogan Page, 2014.

7. Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года (утверждена постановлением Правительства Самарской области 12.07.2017 № 411).

8. *Федоренко Р.В.* Современное состояние логистики внешнеторговых перевозок в России и странах Европейского Союза / Р.В. Федоренко, И.А. Тойменцева, Цегледы Тамаш // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 1. С. 152–155.

3. *Kumar G.* Joint planning and problem solving roles in supply chain collaboration. *IIMB Management Review* / G. Kumar [et. al.]. 2017. № 29(1). P. 45–57.

4. *Lee T.* An empirical study on the impact of individual and organizational supply chain orientation on supply chain management. *The Asian Journal of Shipping and Logistics* / T. Lee, & H. Nam. 2016. № 32(4). P. 249–255.

5. *Saak A.E.* Traceability and reputation in supply chains. *International Journal of Production Economics* / A.E. Saak. 2016. P. 177, 149–162.

6. *Waters D.* *Global logistics: New directions in supply chain management*. 7th edition / D. Waters, S. Rinsler. London : Kogan Page, 2014.

7. The strategy of socio-economic development of the Samara region for the period until 2030 (approved by the Government of the Samara region on 12.07.2017 № 411).

8. *Fedorenko R.V.* Current state of logistics of foreign trade transport in Russia and European Union countries / R.V. Fedorenko, I.A. Toimentseva, Czegledy Tamas // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020. № 1. P. 152–155.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.02.2021
Подписано в печать 26.02.2021
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 12,3
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 58

e-mail: id.yug2016@gmail.com